

Святитель Феофан Затворник

Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни

Содержание

1. О вере слепой и видящей. Видящая вера ясно видит, во что и почему верует. Как решать недоумения о предметах веры.....	4
2. О вечности мучений нераскаянных грешников. Поправка неправых мнений о том, как согласовать вечные муки с Божиим милосердием. Есть ли покаяние за гробом. Различные степени блаженств и мучений. Грех извращает и оскверняет весь состав человека. Покаяние возможно только при жизни. В чем будут состоять мучения	6
3. Любащий Бога страшится Божия гнева за грехи. Мы грешим по слабости ко греху, но всегда произвольно. Средство к избежанию греха гнева и вспыльчивости. Способ удерживать себя от всего дурного.....	12
4. Мысль притчи о неправом управителе. Об отвращении главной беды - осуждения за грехи. Как обеспечить свое будущее благотворением и милостыней	13
5. О втором пришествии Господа и всеобщем воскресении	14
6. О сознании себя грешным и начале исправления. О паломничестве в Иерусалим. О чтении Псалтири	16
7. Поправка неправых мнений о втором пришествии и суде. О воскресении мертвых. О частном суде после смерти. Как следует жить, чтобы быть спасену. Путь спасения - верное исполнение заповедей Божиих.....	16
8. Первое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.	19
9. О хороших и неисправных священниках. О всеусердной молитве Господу об исправлении ближнего	34
10. О молитве. О стяжании нерассеянной молитвы. Настоящая молитва есть возношение ума и сердца к Богу.....	35
11. О тщеславии. Крайняя пагуба от тщеславия. Как бороться с ним	36
12. О борьбе с рассеянием. Как стяжать и уберечь внутреннюю теплоту и собранность. Как всем делам придавать угодный Богу характер	37
13. О борьбе с утомлением, разлениением души и слабением воли. Как отогреть охладевшую душу	38
14. По поводу выбора безбрачия. О ревности об исполнении заповедей. О стяжании чистоты сердечной. О внутренней браны	38
15. О достойном причащении. Как часто следует причащаться	39
16. О борьбе с осуждением и злословием. Осуждение навлекает строгий суд. Вместо осуждения надо молиться о близких. Переучиваться надо себя, а не других	40
17. О борьбе с властолюбием	40
18. О заучивании Евангелия на память. О приложении Евангелия к своей жизни	41
19. Об ответах на укоры об оставлении общественной жизни. Ищущий спасения не живет для себя. О мироотречном и безбрачном образе жизни.....	41
20. О борьбе с разлениением и позывами на льготы. Опасно и минутное послабление. Желание льгот - первый враг трудов во спасение. Терпение - основа жития во спасение.....	44
21. Мысли на Благовещение. О соединении с Господом в Таинствах	45
22. О нечувствии сердца	46
23. О согласовании евангельских сказаний о воскресении Господа. Последовательность событий	47
24. Второе письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней	54

25. Третье письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней	65
26. Четвертое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	80
27. Пятое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней	94
28. Шестое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.....	101
29. Седьмое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней	108
30. Внешнее устроение Церкви - выражение внутреннего настроения душ и ведет к возбуждению и укреплению внутреннего; существо же дела есть внутренняя жизнь, чтоб духом в Боге жить. Враг многих сбил с пути, внушая, что Богу надо служить духовно, а внешнее бросить	114
31. О саможалении и самоугодии.....	116
32. По поводу несчастных обстоятельств жизни. Господь нас никогда не оставляет, а только дает разные положения и состояния. Все, бывающее от Бога, бывает к существенному благу нашему	118
33. О решении оставить мир и посвятить себя на служение Господу. О духовном руководстве	121
34. О молитве со смирением. О молитве церковной и домашней. Надо воспитать в себе молитву	122
35. О жизни в монастыре - внешней и внутренней. Никто, кроме Господа, не может научить истинному познанию себя	122
36. О гордости и тщеславии. Какие бывают проявления гордости	123
37. О внимании себе. Бог судит о человеке как он есть внутри, в сердце	124
38. О ревности по правде не от Бога бывающей. О хранении мира душевного	125
39. О жизни монашеской. О молитвенном правиле и поклонах	126
40. Принимая без разбора мысли о других легко попасть в сети врага. О внутренней борьбе. О вмешательстве врага в наши внутренние и внешние дела. О роящихся внутри нас помыслах. О монашеской жизни. Главная цель монашества -жить всегда в Боге. О духовном назидании	127
41. О перенесенном искушении. Враг есть в существе своем мрак и смятение, поэтому тревоги и смятения сопровождают его, кого бы он ни коснулся. Искушения не бывают без Божия попущения.....	131
42. О памяти Божией и должном держании себя в отношении к Господу. О домашней молитве. О сердечном обращении к Господу	132
43. О терпеливом перенесении болезни. О стяжании навыка ходить перед Богом. О навыке молитвенном. Как низойти умом в сердце и там стоять вниманием. О совершении молитвенного правила.....	133
44. Как пресекать самоугодие. Что значит быть умом в сердце. Об образе совершения молитвословия	135
45. Предостережения от прелести вражией. Мерой успеха в духовной жизни надо считать чувство недостоинства перед Богом	137
46. Предостережения от прелести. Самооценение и возношение завершаются гордыней богопротивной. Об умении различать помыслы. Как пресекать блуждание мыслей	138
47. Трудно ли спастись? О различении помыслов.....	139
48. Остережение от козней врага. О смирении. О чувстве отрещения от всего земного	140
49. О состоянии охлаждения. О себя-жалении и самоугодии. Вражия логика.....	141
50. О вражий кознях. Проделки врага ничтожны пред вниманием и молитвой. О сердечной молитве. О сне. О решении вопросов по святоотеческим книгам. О страхований от врага.....	142
51. Об отшествии благодати Божией. Благодать удерживается в душе смирением. О хитростях вражий.....	143
52. Опираться можно лишь на Господа и лишь Ему отдавать сердце. Об отрезании от всего. Желание совершенства	144
53. О терпении неприятностей. Как приобретается смирение. Смиренная уступчивость - лучшее охранение от нападок других. О лености, желании поблажек и покоя плоти. О молитвенном правиле. Что есть постриг.....	145
54. Воодушевление против уныния. О тесном пути. Какие бывают сны	146
55. Главное в молитвенном труде. Как принимать приходящих. Не допускайте саможаления ..	147
56. Об утешениях от святого причащения. О радостном плаче, или радостопечалии. Похвала - дело небезопасное. О выписках из читаемых книг.....	147
57. Против разлениния. О молитвенном правиле. О чтении святоотеческих книг.....	148

58. Как собраться умом в сердце. О молитве Иисусовой. Самопротивление и самопринуждение - первые формы спасительной христианской жизни	149
59. Лучшее положение для молящегося - стоять, как на страшном суде. О блуждании мыслей на молитве; как уврачевать эту немощь.....	150
60. Закон постничества. Веровать надо, что Господь внутрь нас есть - в силу крещения и причащения, по обетованиям Его. О записывании мыслей догматических или нравственных, приходящих во время молитвы. О молитвенном настроении	151
61. Об утешениях от святого причащения. Об уставе постническом. О возобновлении душеполезных мыслей и чувств.....	152
62. Вред от осуждения. О страхе Божием	153
63. Болезнь вместо пощечин. Как зачинается потаенный сердца человек.....	154
64. О молитвенном правиле.....	154
65. Три побуждения к деятельной христианской жизни, к добро деланию. Об очищении сердца. О наемничестве и сыновстве Богу.....	154
66. Умная молитва - долг и мирян. У кого нет умной внутренней молитвы - у того никакой нет. Что есть молитва. Средство к стяжанию умной молитвы.....	156
67. В чем хитрость врага, его прелесть и сеть. Грехность на языке и самоправедность в сердце.....	158
68. Таинство ли постриг? Признаки благодатного состояния. О чувстве своего достоинства. Что нужно для жизни в духе	159
69. О частом причащении. О самомнении и самоценении. Как говорить с другими о духовной жизни.....	160
70. Приемы вражеских искушений. О вражеских хитростях	161
71. О плаче. У сектантов нет Христа.....	162
72. О вражеских кознях	163
74. Стойте вниманием в сердце. О превозношении и тщеславии. О домашнем молитвенном правиле и поклонах.....	165
75. Происхождение пашковской ереси. Сектанты не осеняют себя крестным знамением, так как это противно живущим в них духам.....	166
76. О навыковании непрестанной молитве. Как покрепче усвоить таинства нашей святой веры. Как воспринять догматы веры сердцем. О поддержании молитвенной ревности. О помыслах, от врага всеваемых	166
77. О тщеславии. Не поддавайтесь смутительным помыслам - они всегда вражий, хоть и кажутся очень правыми. О пользе самообвинения. Как должно обходиться со всеми лжеучителями и ложью	167
78. Враг сманивает душу на мечты, особенно в церкви и дома на молитве, чтобы отвлечь внимание от Бога. Об умной молитве и благоговеинстве. Козни врага уразумеваются вниманием себе	169
79. Внимание - корень внутренней духовной жизни. Враг, вооружаясь на внимание, влагает помысл о льготах и развлечениях. О молитвенном правиле	169
80. Чувство собственного достоинства - вещь очень опасная. Предостережение от прелести при неправильном образе совершения молитвы Иисусовой. Внутренний достодолжный строй при молитве Иисусовой. О домостроительстве Божием	170
81. О состоянии охлаждения. Теплота уходит от допущения льгот и послаблений	171
82. Надежду надо иметь на милость Божию, а не на свои труды. Что есть эпитимия	172
83. О наказательном и научительном отступлении благодати. Нам ко кресту Господню надо привиться	172
84. О домашней молитве. О приходе во время молитвы решений вопросов жизни духовной. О самоукорении и самооправдании. Об огне искушений. О тягощении жизнью	173
85. Пред Богом следует держать себя в крайнем благоговеинстве. Об опасности мечтательных гаданий в духовной жизни.....	174
86. Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, числом 162	175

1. О вере слепой и видящей. Видящая вера ясно видит, во что и почему верует. Как решать недоумения о предметах веры

Вас занял вопрос о вечности мучений. – Доброе дело! Но стали вы об этом рассуждать и набрались недоумений, не умея решить которые, начали колебаться и в самой вере в этот догмат. Вам думается, что коль скоро есть недоумения против какого-либо догмата веры, то ему и верить нечего; потому что иначе вера будет будто не разумной, а слепой, – будет не вера, а суеверие. – По этой причине у вас в голове собрался большой шум. Не желая в чем-либо погрешить против веры, вы ищете вразумления. С удовольствием готов исполнить ваше желание, и как у вас вся путаница произошла оттого, что, боясь обличения в слепой вере, вы взялись за рассуждение умовое, которое и завело вас в накрывший вас туман, то сначала и скажу вам слово другое о вере слепой и неслепой и о том, в какой степени надо доверять своему уму в предметах веры.

Слепой вере противоположна вера видящая. Какая же это? Вера видящая есть та, которая ясно видит, во что верует, и почему верует. Ясное видение, во что верует, обнимает все содержание веры, – что Бог есть един по существу и троичен в лицах, что Он весь мир сотворил словом Своим и о нем промышляет, и в целом и в частностях, что мы сотворены для лучшей жизни, но пали в прародителях и все томимся в изгнании, что беду сию мы сами на себя навели, но высвободиться из нее сами не имели возможности, почему воплотился Сын Божий и избавил нас от всего, чему подверглись мы вследствие падения. Своими страданиями, смертью, воскресением, вознесением на небеса и седением одесную Бога и Отца, – что для того, чтоб каждый из нас делался причастным благ спасения, совершенного Господом, Дух Святый сошел на апостолов и чрез них Церковь святую основал на земле, в коей Церкви и пребывает, всех верующих чрез святые таинства возрождая к новой жизни, укрепляя на всякое добро, очищая от всякого зла и освящая, и чрез все сие к вечной жизни приготовляя и Царства Небесного наследниками соделывая, – и что все верными сынами и дщерьми Церкви Божией до конца себя сохраняющие несомненно Царство Божие наследят, а неверными ей оказывающиеся в ад попадут на вечные мучения. Все сие ясно зрит и ведает определенно видящая вера.

Видит она ясно и определенно и основание, почему так верует. Но оснований этих у нее не много, а одно потому верует, что Сам Бог повелел так, а не иначе веровать, – основание самое разумное, разумнее и тверже которого ничего нет. Ибо что Бог сказал, то уже всеконечно есть совершеннейшая истина, против которой неуместны и возражения. В полном смысле настоящая вера есть та, когда кто верует потому только, что так Бог повелел, и когда для того, чтоб уверовать, ничего больше не ищет, как узнать, как Бог повелел, и как только узнает, что Бог повелел так и так веровать, так и успокаивается на том полным успокоением, не допускающим никаких колебаний.

Сия детская вера, беспрекословно верящая Богу – Отцу своему! Ее-то и требовал Господь, когда сказал: *Если не будете как дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3). Из сего можете вы сами заключить, что кто иным каким-либо образом верует, о том нельзя не усомниться, войдет ли он в Царство Небесное.

Такая детская вера не есть слепая, а видящая, и видящая все глазами чистыми, ничем не запорошенными. Она только в умовые исследования не пускается, а как узнает, что Бог так сказал, так и успокаивается. Это у нее самая верная, самая прочная и самая разумная основа на все верования. Слепая вера есть та, которая не знает, во что должно веровать, или если знает, то не полно, кое-как; равно не знает и того, почему должно веровать, и не заботится узнать ни того, ни другого. Такова большей частью вера простого нашего народа, но не исключительно: ибо и между лицами высшего и образованного круга очень много таких, если не наибольшая часть. И в простом народе не редкость сильная детская вера видящая, за которой куда гнать нашей ученой вере?!

У нас вошло в обычай слепой вере противополагать разумную, а под разумной верой разуметь веру ученую, которая не довольствуется одним тем основанием, что «Бог так

повелел, и верую», – но ко всему примешивает и соображения своего ума, и когда начнет говорить о предметах веры, то говорит о них так, как бы это было постижение его ума, стыдясь даже помянуть, что так Бог повелел, видя в этом унижение уму своему. У иных это доходит до того, что они и совсем верить не хотят ничему такому, что не сумеют подвести под начала своего разума и согласовать с суммой добытых им понятий и с установившимися в голове воззрениями на сущее. На сие скажу: никакого нет греха доискиваться некоторых умовых соображений в уяснение и полнейшее уразумение предметов веры. Это делали нередко и святые Отцы. Но надо заметить, что к существу веры это ничего не прибавляет, и есть совсем побочное или придаточное дело. Будь это или не будь, вера верующая Богу, как сказано, нисколько от того не теряет. Кто набрал себе таких соображений, не имеет у Бога преимущества пред тем, кто не имеет их, а искренно и ясно верует во все веруемое потому одному, что так Бог повелел. Это замечание надо крепко держать в уме, чтобы не породилось лукавое в сердце предпочтение своих соображений тому единственному прочному основанию: Бог так повелел, и верю. Ибо в таком случае человек выходит из детскости и сам себя подвергает опасности, в коей находятся не имеющие детской веры: *аще не будете яко дети, не внидете в Царство Небесное*. Как ни мудр будет ум, все ему окончательно надо стоять на том, что – Бог так повелел, и верю. Но само собой уже разумеется, что по мере того, какдается предпочтение своим соображениям, вера слабеет и теряет свое значение; а где своим только соображениям верят, там и совсем веры нет, а есть умствования о предметах веры.

Когда строятся в уме умовые соображения о предметах веры, тогда наиболее приходят и недоумения, колеблющие веру. Правда, что они прокрадываются и в душу, детскую верующую. Но тут им обычно никакого хода не дают, сразу прогоняя их, в той уверенности, что это наверное какой-либо кривотолк. Но также надобно поступать и тем, которые не довольствуются и не умеют довольствоваться простой верой. Недоумения против веры тоже суть в области веры, что дурные помыслы и позывы, противные добронравию и заповедям в сфере жизни. Последние как мы встречаем? Отталкиваем, – и конец. То же следует делать и с первыми. Пришли недоумения, отгони их мечем веры, и конец. И это будет самое разумное действование. Когда ясно ведомо, как Бог повелел веровать, разумно ли против того допускать возражения, а не только строить? Когда Бог говорит, тварь должна слушать и слушаться.

Это первый акт – отбить недоумение, оставаясь на стороне веры, без колебаний. Когда это сделано и покой веры возвращен сердцу, тогда можно против недоумений искать разъяснений, кто хочет. И это немудрено. Их всегда можно найти в восстановлении точного учения о предмете веры, подвергшемся нападкам недоумения. Все недоумения исходят от того, что какой-нибудь предмет веры затемняется и ясное представление его не созерцается. Коль скоро этот недостаток будет восполнен, тотчас недоумение рассеется само собою.

Грешат против сего много те, которые, лишь только родилось какое недоумение, тотчас переходят на сторону его и вражески готовы выступить против веры, мечтая в то же время, что они начинают действовать неким возвышенным образом, – не то, что иные невегласы слепцы, и проч. Хорошо ли делает тот, кто лишь только пришло дурное желание, тотчас переходит на сторону его и исполняет его? Конечно, дурно. Дурно делает и тот, кто как только родилось недоумение, тотчас вместе с ним начинает вооружаться против веры. Когда недоумение касается такого предмета, о котором известно Божие определение, то такого рода действование есть богооборство. Законный образ действования должен быть такой: пришли недоумения – не допускай их до сердца и не возмущай ими покоя веры; оттолкни их, стоя сердцем на стороне веры, а потом ищи разъяснения. Придет разъяснение – доброе; не придет – беда не велика. Покой веры цел – не слепой, а той, которая видит и знает, как повелел Бог. Повелевает неложный Бог, а недоумения кует нам умишко – задорный, но слепой.

Этими пояснениями теперь ограничусь. Рассеяние ваших недоумений отлагаю до следующего раза.

2. О вечности мучений нераскаянных грешников. Поправка неправых мнений о том, как согласовать вечные муки с Божиим милосердием. Есть ли покаяние за гробом. Различные степени блаженств и мучений. Грех извращает и оскверняет весь состав человека. Покаяние возможно только при жизни. В чем будут состоять мучения

Начну с Божией помощью восставлять поколебленную веру вашу в вечность мучений и успокаивать душу вашу.

Недоумение ваше таково: «Как можно, чтоб будущие мучения были вечны?! Никак нельзя. Это благости Божией противно». – Прежде всего спросите у своей детской веры, знает ли она, что Бог именно так определил? И если не знает, просветите ее, указав ей прямые божеские о сем определения. Господь ясными словами, не допускающими никакого перетолкования, говорит: *Идут сии в муку вечную*. – Это говорит Господь, нас ради человек и нашего ради спасения воплотившийся, пострадавший, умерший, воскресший, вознесшийся на небеса и седший одесную Отца, чтоб и там выну ходатайствовать тоже о спасении всех и каждого. Если говорит так Тот, Кому столько стоило спасение наше и Кто ничего так не желает, как чтобы все спаслись, верно иначе сему быть нельзя. Кажется, такой вывод столь верен и непреложен, что и колебаний никаких допустить не может. А мы с вами что сделали? Так увлеклись недоумением, что заподозрили и подлинность Писания, и верность толкования, говоря: «Или не так написано в подлиннике, или не так истолковано». Так понравилось нам наше недоумение, что мы готовы ради его все вверх дном повернуть. Но ведь мы имеем подлинные новозаветные Писания. Там стоит: *Идут сии в муку вечную*. Затем, сколько ни есть переводов Нового Завета – во всех стоит: *идут сии в муку вечную*. И никаким переводчикам никакого повода не представилось и в голову не пришло как-нибудь иначе перевести эти страшные слова: *в муку вечную*. Потому не может подлежать сомнению, что Господь именно так сказал. Истолковывать же тут нечего – слова ясны без толкования. Пытались дать слову *вечный* кривое толкование, – не верующие, а неверы, – будто *вечный* означает здесь относительную вечность: долго-долго, но не без конца, долго так, что эта длительность покажется вечностью, но все же и конец будет. Что такое толкование криво, обличает тут же стоящее другое слово: *в живот вечный*. Живот вечный и кривотолки разумеют, как имеющие быть без конца. Так надо понимать и муку вечную. Оба изречения стоят в одинаковых условиях. Что разумеется об одном, нельзя того отрицать другого. Если живот без конца, то и мука без конца.

Извольте теперь спросить свою детскую веру, видит ли она, что Сам Бог сказал, что муки вечны? Ну как не видать?! А если видит, пусть так и верует от всей души и всякое противное тому недоумение гонит прочь, не отдаваясь ему в плен без разбора.

Но дадим на время ход вашему недоумению и спросим его: «Ты какие права предъявить можешь на свое существование?» – «Недоумеваю, – говорит, – как согласить можно вечные муки с благостью Божией, с беспредельным Божиим милосердием. Ведь страсть какие муки указываются! Огнь неугасающий, червь неусыпающий, тьма кромешная, скрежет зубов! Господи мой батюшка! Как благоутробный Господь будет смотреть на такие истязания?! Господь нам заповедал прощать. Сам ли не простит? Он молился на Кресте за согрешивших против Него страшнейшим согрешением, – таким, больше которого нет уже и быть не может. Неужели нельзя Ему простить в будущей жизни?»

Что же скажем мы такому недоумению?! Ты стоишь за благость и милосердие Божие. Но речь твоя имела бы смысл, если бы вечность мук определили люди – безжалостные и неумолимые ригористы. Тогда резонно было бы возразить им: «Ваше положение не может быть принято, потому что оно противно благости Божией». Но когда такое определение

постановил сам Господь, – всеблагий и всемилостивый, то уместно ли как бы в лице говорить Ему: «Быть не может, это противно Твоей благости?» Как будто бы Он говорил не знать что? Разве Он переставал быть благим, когда изрек сие? Конечно, нет. А если не переставал быть благим, то нет сомнения, что такое определение совершенно согласно с Его благостью. Ибо Бог никогда ничего не делает и не говорит, что было бы противно Его свойствам. Для детской веры этого объяснения совершенно достаточно. И я на нем покоюсь более, нежели на каких-либо других разъяснениях, что и вам советую.

Говорите: «Господь на кресте молился за распинателей, – можно ли, чтоб Он казнил кого-либо из грешников вечными муками?»

Господь молился, и молитва Его тотчас принесла плод. Разбойник покаялся, и, уверовав в Господа, открыл себе вход в рай. Сотник исповедал Господа Сыном Божиим, и, освятившись верой, имеется в числе святых. Верно и все те, которые пошли с Голгофы, быв себя в перси, не лишились благой части. – Так и все, которые, нагрешив пред Богом, обращаются к Нему в слезах покаяния, всегда получат прощение и пред ними дверь рая не заперта. Если б все люди, грехам повинные, так поступали, все бы вошли в рай, и ад остался бы занятм одними духами злобы ожесточенными и нераскаянными. Вы опираетесь на милосердом прощении. Но прощение не безусловно: покайся, и прощение получишь. А нераскаянного как простить?

Господь милосердый всех готов простить, только покайся и прибегни к Его милосердию. Если б и бесы покаялись, и те были бы помилованы. Но как они закостенели в упорном противлении Богу, то и нет им помилования. То же и в отношении к людям. Невозможно помилование тех, которые упорно противятся Богу. Что такие есть, это, думаю, вы знаете. Что многие из таких и на тот свет отходят богоуборцами и богоненавистниками, и этого, полагаю, отрицать не станете. Что же их там ожидает? Уж видно что! Как они Бога знать не хотели, то и Бог скажет им: «Не вем вас, отойдите». – А когда такое решение от Богаизойдет, кто отменит его? Вот и вечное отвержение, – печать ада!

Остается строить надежду, нет ли покаяния за гробом? О, когда бы возможно было это?! Какое бы облегчение нам грешным! Господь столько милосерд, что только покайся, хоть бы то и за гробом, непременно простит. – Но то наше горе, что надежды-то такой не на чем основать. Закон жизни таков, что коль скоро кто положит здесь семя покаяния, хоть бы то при последнем изыхании, то уж не погибнет. Семя сие возрастет и плод принесет – спасение вечное. А коль скоро кто здесь не положит семени покаяния и перейдет туда с духом нераскаянного упорства в грехах, то и там навеки останется с тем же духом, и плод от него вовеки будет пожинать по роду его, Божие вечное отвержение.

В притче о богатом и Лазаре Авраам отвечает богачу: *Между нами и вами пропасть велика утвердися, яко хотящии прейти отсюду к вам не возмогут, ни иже оттуду к нам преходят* (Лк. 16, 26). Какое решительное разделение одних от других! Я беру здесь из притчи только одну эту черту, что коль скоро кто, перешедши в другую жизнь, попадет налево, то ему уже нет перехода направо. Но в притче сей проглядывает и та мысль, что на том свете, если б и возможно было кому бросить свое грешное упорство, то это не принесет уже ему пользы. Так по закону правды: приял благая в жизни, а там терпи (Лк. 16, 25). Увы нам грешным! Попспешим поскорее покаяться здесь и получить разрешение, разрешающее навеки не для земли только, но и для неба.

Так видите, в чем дело! Посему или пусть ваше сердоболие сделает всех грешников покаявшимися, или пусть согласится, что возможна часть людей, которые не получат прощения и будут осуждены по причине нераскаянного упорства.

Уж не питатели ли вы такого чаяния, – чтоб Бог державной властью Своей простили грешников и ввел их в рай. Прошу вас рассудить, угодно ли это и угодны ли такие лица для рая? Грех ведь не есть что-либо внешнее, а внутреннее и внутрь проходящее. Когда грешит кто, грех весь состав его извращает, оскверняет и омрачает. Если простить грешника внешним приговором, а внутри его все оставить как было, не вычистив, то он и после прощения такого останется весь скверен и мрачен. Таков будет и тот, кого бы Бог простили

державной Своей властью, без внутреннего его очищения. Вообразите, что входит такой – нечистый и мрачный – в рай. Что это будет? Эфиоп среди убеленных. Пристало ли? И у нас когда строятся общества какие, то в состав их входят обыкновенно однородные, – лица другого сорта и сами не захотят вступить в него и, если б почему-либо захотели, не будут приняты. То же и рай, примет в себя только однородное, – чистое и пречистое; а все неподходящее под сию норму, не может войти туда.

Положим даже, что какими-либо судьбами грешник втянут в рай; что он там будет делать?! Для него и рай в ад превратится. Вкусить сладостей райских у него нет органа, а через то, что там все противоположно его настроению, он будет тесним и гнетом так, что и места не будет находить. Введите вы в круг людей высшего тона человека простеца – для него пребывание среди них будет настоящая пытка. То же должен испытывать и грешник, если неочищенным втянуть его в рай.

Скажете: «Ну, – так очистить его». – Уж это опять не державной ли властью милосердого Бога?! Если б возможно было так, то и здесь на земле давно уже не было бы ни одного грешника. Сказал бы Бог: «Да будут все святы», – и все стали бы святы. Но в том-то и дело, что очищение не может совершиться без участия произволения, которого если на земле недоставало, то тем паче недостанет на том свете. Да хоть бы и появилось оно, не к чему ему рук приложить. Начало очищения – покаяние, а на том свете ему места нет; и если бы было, нет возможности завершену и запечатлену ему быть таинственным разрешением, ибо это возможно только здесь. После покаяния очищение продолжается и до конца доводится подвигами самоумерщвления и благотворения, постами, милостынями, молитвами. Все это на том свете неприложимо. Нечего, стало быть, ожидать там и очищения.

Итак, хотите или не хотите, а должны согласиться, что неизбежно некоей части людей остаться за дверьми рая.

Полагаю, что слыша это: за дверьми рая, – ваше сердоболие несколько успокаивается: пусть за дверьми рая, но эти пытки и истязания, огнь неугасающий, червь неусыпающий, скрежет зубов, тьма кромешная, – ужас как поражают. Но что же тут?! За дверьми рая – ад. А ад уж, как ни умягчайте слова сего, – есть место мучений. Юродивые девы остались прямо за дверьми женихова чертога и будто никаким мукам не подверглись. Но надо судить не по сему внешнему, а по тому, что у них на душе, как они стали себя чувствовать после того, как выслушали навеки отвергающий их глас женихов. Степени как в раю блаженства, так в аде мучений, конечно, будут; но на всякой степени как в рае святые блаженство будут пить полными устами, так в аде – грешники муки претерпевать до последней меры терпения, такой, что если еще немного прибавить, то все естество разлетится в прах; а оно все же не будет разлетаться, а все мучиться и мучиться, и это без конца.

Выражения *червь неусыпающий, огнь неугасающий* и прочее и означают только эту крайнюю меру мучений для всякого, а состоять они будут, может быть, и не в этом. Как о блаженстве праведных апостол сказал, что уготовано для них то, что око не видало, ухо не слыхало и на сердце человеку не всходило, так о муках грешников надо сказать, что хотя несомненно, что он будут в крайней мере для каждого, и будут как душевые, так и телесные; но в чем именно они будут состоять, определительно сказать нельзя. В слове Божием для обозначения сего берется то, что бывает самым мучительным на земле, равно как и для обозначения блаженства берется то, что на земле считается самым великим и обрадующим; но чтобы именно, как в том, так и в другом, было это самое, сего сказать нельзя. Там будет все ново: ново небо и нова земля, – новы и радости и муки.

Конечно, все сие страхом поражает. Но затем это и открыто, что, поражая страхом, вразумлять и оstepенять грешников. Если б Бог радовался мукам грешников, Он и не открыл бы об аде, но как не хочет смерти грешника вечной, то и открыл, что ожидает грешника, чтоб, зная то, грешник не давал себе воли, а если уж случится нагрешить, поскорее обращался опять к Господу и каялся. Я знал одного человека, который имел

обычай говорить: «Какую премудрую вещь придумал Господь – смерть и ад! Не будь их, пустился бы во вся тяжкая». Говорят ему: «Да ты закрой глаза и не смотри на эти страсти, или изгони из сердца веру тому». Отвечает: «И рад бы закрыть глаза, да не закроешь: все им видится смерть и ад. А что касается до прогнания веры, уж я все перепробовал, чтобы прогнать ее, и всякие под нее подкопы делал; нет, – все вяло и гнило, что ни придумаешь. Как истина смерти неотразима, так и истина вечного ада стоит несокрушимо. Нет уж, лучше крылышки-то подвязать и как-нибудь потише себя держать».

Вы сердобольствуете. А Господь разве не сердобольствует?! Окончательное Свое отвержение: *отойдите*, – думаете, Он так произнесет, ни с того, ни с сего?! Нет, это Он скажет уже по испытании всевозможных средств к побеждению упорства нераскаянных грешников. Сколькими заботами окружает Он всякого грешника, чтоб образумить его! И уже когда все испробует и ничем не одолеет его, говорит: «Ну оставайся!» Это здесь; а на Суде скажет ему вместе с другими подобными ему: «Отойди!» Видим на Израиле. Бился-бился с ним Бог, наконец решил: *Се оставляется вам дом ваши пуст*. Так бывает и со всяким грешником отверженным. Отвержение его окончательное решается после того, как с ним уже ничего не поделаешь, – как уж он закоснеет в упорстве своем. Вы одно то решите: возможно ли осатаниться человеку? – Конечно возможно. А если возможно, то куда его будет девать, как не поместить с бесами, коим уподобился? Вы все упираетесь на благость Божию, а о правде Божией забываете, тогда как Господь *благ и праведен*. Правда Божия вступает в силу, когда благость истощает уже все средства.

Сpirиты придумали заменить ад множеством рождений грешащего. Очень неудачно. Потому что кто остался неисправным в одно рождение, тот может продолжать его и во второе, и не только продолжать, но и углубить, или тем неизбежно и углубит, что продолжит. Но что было во второе, то может быть и в третье рождение, и так далее, – до осатанения. А для таких уж, конечно, неизбежен ад.

Иным думается, что без наказания и мук грешников, конечно, нельзя оставить, но эти муки не будут вечны: помучатся-помучатся отверженники, а потом и в рай. – Страсть как хочется нам казаться милосердее самого Господа! Но и эта выдумка несостоятельна, ибо ад не есть место очищения, а место казни, мучащей не очищая. Сколько ни будет жечь кого ад, жегомый все будет такой же нечистый, достойный того же жжения, а не рая. Жжению потому и не будет конца.

Но пусть бы и так, – уступим нелепое. Нам-то с вами, о сем рассуждающим, если мы грешны, какая от этого выгода? – Никакой! Мука все же будет, а кто знает, какая она? Может быть так будет больно, что одна минута покажется во сто лет. Припоминаю при сем одно сказание. Некто благоговейный, кажется, мирянин, делал много добра, но проскользали и грешки. Для очищения его от сих грехов Господь послал ему болезнь, которая не поддавалась лекарскому искусству. Терпел он терпел и возмалодушествовал, и стал плакаться пред Господом. Господь послал к нему Ангела, который, явясь, сказал ему: «Что жалуешься? Для твоего же блага Господь послал тебе эту болезнь, чтоб очистить тебя от грехов твоих. Очистишься – и болезни конец. Ибо если здесь не очистишься, то на том свете гореть будешь». Тот с горести крайней и скажи: «Да уж лучше бы на том свете отмучиться!» (Это будто на руку тем, которые думают, что мучения временны, но цель сказания не та). «Хорошо, – сказал Ангел. – Хочешь? Тебе следовало еще болеть три недели или три месяца. Там тебе за это помучиться придется три секунды». – «Три секунды, – думает себе больной, – что тут?» И согласился. Как согласился, так обмер. Взял Ангел его душу и отнес в место мучения. – «Три секунды, – проговорил он больному, – терпи. Я тотчас приду, как они пройдут», – и скрылся. Как начало жечь этого бедного, как начало жечь, ужас, как больно; но терпел, думая: «Три секунды... сей момент кончится». Но боль все больше и больше, и кажется, пора бы, уж и Ангелу прийти, а его все нет и нет. Уж ему показалось, что неделя прошла, год прошел, десять лет прошло, а Ангела все нет и нет. Мочи наконец не стало. Как закричит! Ангел тотчас явился и спрашивает: «Что тебе?» – «Да ты сказал, что три секунды помучиться, а тут уж лет десять прошло». – «Каких десять

лет? Всего десять терций». «Ой! ой! ой! Батюшка ты мой! Если так, возьми меня поскорее отсюда назад. Тридцать лет готов лежать в той болезни, только отсюда возьми». – «Хорошо», – сказал Ангел, внес его опять в тело, и тот ожила. И уж не заикался более о тяготе своей болезни. – Это сказание сохранено для внушения нам грешным того главного, чтоб благодушно терпели прискорбности, посылаемые для нашего очищения от грехов. А я беру из него, по поводу речи нашей, только измерение длительности адских мучений. Видите, какая страсть? Одна терция годом показалась. А чем год покажется? Чем десятки, сотни лет? Это ужас!! – Нет! уж давайте лучше бросим всякий грех и, Господу веря без мудрования во всяком Его слове, покаемся и начнем жить свято, сколько сил есть, – не обманывая себя той пустой надеждой, что ведь немного придется помучиться, ничего!

Мудрование наше ничего доброго нам не дает, а только высокоумие плодит и руки и ноги расслабляет на делание добра и бегание зла. Бросим его! Наживешь с ним добра. Нашему мудрованию все представляется так гладко и широко. Живи себе, как хочешь: природа! Умрешь – Бог милостив! Если и достанется немного, – так это ничего, пройдет. Его бы устами мед пить. А там, как умрешь, схватят сударики, бросят в теплое местечко и запрут крепкими запорами; кричи не кричи, – никому дела до нас не будет: эти уж определены к месту. Так там и останешься на вечные веки. Вот и намудрил. Прогоним это мудрование и покоримся вседушно простой вере. Если б не было откровения, делать бы нечего, – мудри. А при откровении какая стать мудрить? Уж нам не придумать лучше того, что Господом постановлено. Мудруем стало быть попусту, и не только попусту, но и без толка: ибо знаем, что не смудрить только надо, но и привести то в дело, а власти-то и силы, видимо, нет в наших руках.

Это все враг надувает в уши такие умничанья, и особенно ныне плодит их. Ничто так не сильно оstepеняеть, как страх адских мучений. И скольких избавляет от греха или ведет к покаянно память о сем?! Вот враг и покушается всячески отстранить эту острастку. Ведь какой хитрый! За Бога стоит, благость Божию защищает; а между тем против Бога вооружает и богоборцами делает. «Ты у меня, – говорит, – умник или умница.., живи, как хочешь. А что там ад и муки, – этого ничего нет. Попы да монахи выдумали, криво толкуя слово Божие». – Каков! Развесили уши наши красавцы и красавицы – и пустились во вся тяжкая. А враг стоит да зубы скалит и в ладоши бьет. Сколько добычи нахватал он сим способом в ад свой??!

У вас еще прописано: «Как праведные будут наслаждаться невозмутимым счастьем при сознании, что где-то страдают живые существа и будут непрестанно страдать? Если они помогут быть счастливыми, то они перестанут быть праведными, и такая безучастность к близким на небе ввергла бы их в ту же геенну, от которой они избавились, практикуя сострадание и любовь к страждущим на земле». – Это чисто адвокатский прием – пускать пыль в глаза софизмами. Если праведников за несострадание к отверженным осужденникам – в ад, то Бога-осудителя куда?! – Вы все забываете, что ад не человеческая выдумка, а Богом учрежден, и по Божиему же присуждению будет наполнен. Так открыл Он нам в слове Своем. Если так, то стало быть такое действие не противно Богу и не нарушает, скажем так, внутренней гармонии божеских свойств, а напротив – требуется ею. Если в Боге так, то как это может расстраивать блаженное благонастроение праведных, когда они един дух суть с Господом? Что Господь считает правым и должно, то и они. Сочтет Господь должно послать в ад нераскаянных, так будут сознавать ею и они. И состраданию тут места нет. Ибо отверженные Богом отвергнуты будут и ими; чувство сродности с ними пресечется. И на земле духовное родство бывает совсем иное, чем естественное, и коль скоро последнее несогласно с первым, то оно охлаждается и совсем исчезает: родные кровно делаются чуждыми друг друга. Это внушил Господь, когда сказал: «Кто мать Мне и брат», – и ответил: «Творящие волю Отца Моего». Если на земле так; то на небе это обнаружится в крайней силе, и особенно после последнего Суда. Отверженные будут иметься наравне с теми, в чье место они пойдут, кому уготован огнь вечный.

Вы продолжаете: «Неужели я погибну за то, что призадумаюсь над этой дилеммой и скажу себе: тут что-то не так; или не так переведено, или не так истолковали слова Спасителя?» Погибнете ли вы из-за этого недоумения, не мне решать, а Испытующему сердца, Который видит все, видит, как и почему зарождаются мысли, и соответственно тому винит или обезвиняет. Но должен сказать вам, что небезопасно поперечить явному определенно Божию в угоду своим мудрованиям, софистический строй которых так очевиден. Что приходят недоумения, в этом не всегда есть грех; но когда при появлении их тотчас становится кто на сторону их, то тут есть лукавство слабоверного и небоголюбивого сердца. Я уже поминал вначале, что недоумений не должно допускать до сердца, но как только появляются, отбивать их, а затем, дав покой вере сердца, спокойно искать разъяснения, не беспокоясь слишком, если и не придется тотчас найти его: ибо вера наша стоит на твердом камне: Бог повел я верить.

Но это уже писано; я привел вашу речь, чтобы оговорить следующую фразу: «или перевели не так, или не так истолковали». Это значит, что вы полагаете возможным думать, будто у нас нет подлинного слова Божия и нет правильного истолкования его. – Где вы захватили такую премудрую мысль?! Вот греческий подлинник Нового Завета; вот славянский перевод наш, совершенно с ним согласный, равно как и русский. Читайте там, читайте здесь, всюду вы будете читать истинное слово Господа Спасителя нашего. – А что слово сие истинно понимается и правильно tolkуется, в этом поручительница вам св. Церковь, которую сам Господь поставил быть столпом и утверждением истины. Вот наша охрана! И избави нас Господи допустить противные сему мысли! – Если допустим такие мысли (т.е. или подлинника нет или толкование не право), то на чем остановимся, и на чем оснuemся своими мыслями? Надо будет или совсем оставить слово Божие, как заподозренное в неподлинности, или, держа его в руках, доискаваться по догадкам, что можно почесть подлинным; а это то же, что сочинять самим себе слово Божие. Се путь Штраусов, и Ренанов! Оба эти приема стоят один другого. Ибо действователь – там и тут все тот же разум. А посмотрите-ка по истории, сколько напутал этот разум?! – И придется плутать. Боже избави! Вот у соседей наших (на западе) ум орудует по делам веры. И чего-чего там не наплели?! Избави нас Господи от такой беды! Отобъемся от берега – начнут бросать нас туда и сюда волны мудрований разума. – И пропадем.

Вы заключаете: «Если ответите, что не мое дело рассуждать, – надо верить слепо, то придется просто замолчать, оставаясь однако же, к несчастью, при своем недоумении». Нет, я не скажу, что не дело кому-либо рассуждать о делах веры. Куда же нам девать разум-то свой? Но скажу, что рассуждение рассуждению рознь, а иное хоть брось. Рассуждать рассуждайте, но покорности вере не ослабляйте и не разшатывайте, потому что это есть покорность Богу, против Коего спорить нельзя. По вашему выходит: не рассудишь, – вера слепа. А на деле, как я уже писал, так есть, что вера не слепая, а видящая не та есть, которая рассуждает о предметах веры, но которая искренно и непоколебимо верит, основываясь на том убеждении, что так Бог повелел верить, как дитя без рассуждений верит слову отца и матери. Рассуждение приходит к вере, и пусть его рассуждает согласно с верой, не присвояя, однако же, большего веса себе самому. Мы обычно, когда рассудим о чем, полагаем, что уж и не знать какое великое дело сделали, услугу вере оказали, подкрепили и поддержали ее. А в существе дела рассуждение ничего не придает силе и значению веры. Напротив, кто в деле веры начнет давать более веса своему соображение и рассуждению, тот тем самым умаляет значение своей веры перед Богом, как умаляют силу вина, подливая в него воды. Кто своему рассуждению дает много веса, тот разуму своему верит, а не Богу. И собственно тут уже нет веры. – Так-то: рассуждать отчего не рассуждать, только в области веры всегда надо рассуждать по началам веры и с покорностью вере вящей, чем внимание к своему рассуждению.

Кажется, теперь я уже все сказал вам, что нужным считал сказать по вашему письму. И кончу. Благослови вас Господи!

3. Любащий Бога страшится Божия гнева за грехи. Мы грешим по слабости ко греху, но всегда произвольно. Средство к избежанию греха гнева и вспыльчивости. Способ удерживать себя от всего дурного

Порадовался я, что говорили, – и особенно потому, что испытав благое действие св. Причастия, вы приняли и решение раз в год говорить и причащаться Св. Таин. Помоги вам Господи исполнить это добре начинание. Если жизнь души нашей Господь есть, а причащающийся бывает едино с Господом, так что Господь в нем и он в Господе, то какое благо может быть для нас выше и обильнее благотворными последствиями как св. Причащение? Если вы возможете не всякий пост говорить и причащаться, а в большие, и по два раза, то это будет очень хорошее дело.

Что дальше вы сказали, то не совсем складно: «Мне кажется, что чем кто более любит Бога, тем меньше боится наказания за грехи свои; потому что Бог справедлив и снисходителен». Вам, верно, представляется, что Бог есть поблажник, как поблажливы родители к любимым дочкам. – Нет. Божия любовь строга и никакой поблажки не допускает. Это знают любящие Бога, и не только знают, но и чувствуют своим любящим сердцем. По сей причине они страшатся, как смерти, Божия гнева за грехи. Для них лучше умереть, нежели допустить что-либо такое, чем можно прогневить Бога и подвергнуться осуждению от лица Его. Да ведь и между нами обычно так бывает, что даже взгляд строгий и неблагосклонный от лица любимого мучительнее всяких браней, угроз и неприятностей от лица стороннего. Так извольте поправить свою фразу: «Любащий Бога не меньше, а больше боится наказания за грехи; потому бегает греха, как огня, и если случится впасть в какой грех, слезам, раскаянию и молитвам конца не бывает, пока не получится удостоверение, что любимый Господь простил сделанный грех».

А что за этим написано, то еще нескладнее: «Мы ведь созданы такими, что должны грешить; но все эти грехи, я уверена, простятся, когда в душе сознаешь, что делаешь их по слабости своей, – и с сознанием, что это нехорошо, да не могу иначе». – Тут что ни слово, то ошибка в суждении. Не так мы созданы, что должны грешить. Бог создал человека правого, для того чтоб он и делал правые дела. Но пришло падение и испортило нас, сделав нас слабыми в отношении к греху. Теперь мы рождаемся уже не такими, какими следовало бы нам быть по творению, но такими, каким стал прародитель наш через падение. Но при всем том нельзя говорить, что мы рождаемся такими, что должны грешить. Ни на ком не лежит такой должности. Немощны мы и расслаблены, и грешим по слабости ко греху или по падкости на сласти греховные, но всегда произвольно, а не по какой-либо неизбежной необходимости. Греха никто не хочет, и в спокойном состоянии не одобряет его и готов вооружиться против него; но когда встретится случай ко греху, приманка греха увлекает, мы соглашаемся на грех и грешим, совсем не имея в мысли всегда грешить, а соглашаясь согрешить только в этот раз. Так всегда делу греха предшествует согласие на грех, а согласие есть дело свободного произволения, а не необходимости. Так извольте поправить и эту ошибку, – и ни говорить уже, ни думать, что хотим – не хотим должны грешить. Иначе за что бы и наказывать грешников.

Говорите: «Делаешь худое и с сознанием, что оно нехорошо, да не могу иначе». – Вместо *не могу* поставьте *не хочу иначе*. Ибо если захотите иначе, иначе и поступите. Это вы все про свою вспыльчивость говорите: «Всякий раз вспылю и вспылю». Всякий раз, уже вы много сказали. Бывает же, что иногда и без пылу проходит дело, хотя обстоятельства одинаковы. Стало быть, можете и не пылить. А если вы прибавите внимание к себе и наперед обсудите, коль великое дело есть гневная вспыльчивость и сколько вреда она делает и душе, и телу, и внешним отношениям, так чтобы образовалось нелюбие к вспыльчивости: то в том и другом всегда будет иметь подручное средство к избежанию вспыльчивости. Внимание к себе заметит подход вспыльчивости, а нелюбие к ней отодвинет ее от сердца. Поспешите за сим возвратить к Господу, Который близ есть, о помоши. Господь придет с помощью, – и тотчас улянутся волны гневливости.

Это же что вы сказали? – «Грехи простятся, когда в душе сознаешь, что делаешь их по слабости своей». – Где это вы открыли такие новые законоположения?! Бог прощает всякие грехи кающемуся, когда он, оплакав грехи, исповедует его и просит прощения с искренним сознанием своей виновности. А не так: согрешил, Господи; но что же такое? Слабость! – Куда как покаянно и сокрушенno?! – Это верно вы говорите про грехи наши поминутные: то слово прорвалось немирное, то мысль набежала на недобре, то дело какое вспыхах не ладно сделано, и подобное. Все это грехи, в кои, как говорится, праведник семь раз на день падает, а мы с вами и каждый час больше, чем семь раз. Но и в этих всех надо каяться, как следует, с сознанием своей вины и с сокрушением сердца, а не так, как вы говорите: «С сознанием, что делаешь их по слабости, т.е. не с осуждением себя и прощением прощения, а с оправданием». Грехи эти точно суть грехи немощи; но если б мы внимали себе, то их бы, может быть, и не было, или было бы не так много. А о прочих грехах, которые побольше этих, и говорить нечего, что такого рода приступание с ними к Богу совершенно неуместно.

Пишете: «Часто думаю о Суде Божием, и иногда страшно станет, что там все откроется, и ясно будет для всех. Зачем не имею я той чистоты, чтобы не стыдно было быть открытой пред Богом и людьми»? – Это Ангел ваш хранитель влагает такие мысли в сердце ваше. И помоги нам, Господи, всегда держать их во внимании и соответственные возгревать в себе чувства. Самое приличное нам, грешным, место стоять мысленно на суде и молить Господа о помиловании. И это есть наилучший способ, как удерживать себя от всего дурного. Кто чувствует страх, что все будет явлено, осуждено и подвергнуто взысканию, тот никогда не согрешит. Не переставайте вращать эту мысль в уме своем.

4. Мысль притчи о неправом управителе. Об отвращении главной беды - осуждения за грехи. Как обеспечить свое будущее благотворением и милостыней

Пишете, что какой-то говорун, бывший у вас, наговорив многое, добрался до Евангелия и начал разбивать действия Спасителя, восхищаясь многим и коря тоже многое. – Это что за сумасшедший?! Да вы-то как его слушали, когда он стал корить действия Христа Спасителя?! Как только он начал такую дурацкую речь, вам следовало или оговорить его и заставить замолчать, или удалиться от него. А вы продолжали болтать, – и о всем этом так равнодушно рассказываете. На что это похоже?! Любите вы и чтите хоть сколько-нибудь Спасителя своего? Если да, то как могли вы сносить такие речи и не зажали рта этому сумасброду?! Нет, верно, вы только вид держите верующей и любящей Господа, а на деле и в сердце состоите в заговоре – вы против Него с врагами Его, как неверка и индифферентка. Если б кто стал худо говорить при вас о тех, кого вы искренно любите: об отце, матери, брате –стерпели бы вы это не оговоривши? Конечно, нет. Итак, если вы так спокойно отнеслись к хулиителю Господа, не хвалитесь и не лгите на истину: нет у вас и на волос любви к Господу. И чего ради вы не прописали этих хульных речей? Я бы разъяснил вам всю ложь хулиителя и снял наседшую на ум ваш пыль богохульную. А теперь эта хула будет отравлять всякую молитву вашу и всякое помышление о Господе. Я совсем не узнаю вас в этом действии вашем нелепом.

«Добрались, – говорите, – до притчи о неправом управителе, и оказалось, что никто из нас не понимает ее». Из всех притчей Спасителя эта, кажется, самая трудная. Наши однако же св. толковники сумели упростить дело. Вообще во всех притчах не должно доискиваться таинственного истолкования всякой черты приточного сказания, а только на то обращать внимание, к чему направлена притча. То же тем паче следует соблюдать при истолковании настоящей притчи. Куда должно обратить все внимание, сам Спаситель руководит, сказав: *Похвали господь (т.е. хозяин) дому строителя неправедного, яко мудре сотвори.* За что похвален неправедный эконом? Не за правду, а за то, что умудрился выпутаться из стеснительных обстоятельств, в какие попал. Это умудрение и есть то, что хотел внушить

Спаситель. Он как бы говорит: «Видите, как поступил этот управитель? Не стал охать и ахать или ждать, пока беда всей тяжестью обрушится на его голову, а тотчас, как узнал, что грозит беда, взялся за дело и ухитрился отвратить ее. Так ухитряйтесь и вы отвратить главную беду, грозящую вам». Какую беду? Ту, что ведь вы грешны, а за грехи что ожидает вас? Осуждение и такое состояние, в коем вы будете бедственнее всякого бедствующего. Вы находитесь теперь совершенно в таком же положении, в каком тот управитель. Вот-вот будете отставлены, т.е. придет смерть и поставит вас в то горькое положение. Не предавайтесь же беспечности, не тратьте попусту время, но позаботьтесь отвратить беду и обеспечить свое будущее. – Мудрость правителя в чем состояла? В том, что он умудрился обеспечить свое будущее. Умудритесь и вы то же сделать. Как? Чрез благотворение и милостыню. Облегчайте участь нуждающихся, и это спасет вас. Управитель тот облегчил купцов, предполагается, небедных. Но сила речи в том, что облегчил, хоть вне были из числа неимущих, но долг все лежал у них на плечах и тяготил их. Вот это – облегчать положение тех, кои подавляются им, и хотел внушить Спаситель, как способ выпутаться из грозящей всем беды по смерти. Помогай нуждающимся от имени своего или от всего, что во власти твоей, и этим уготовишь себя обители, в кои и будешь принят по смерти. Смущает многих, что будто рекомендуется благотворение от неправедного состояния. Нет, это не рекомендуется. Обратите внимание на слова Господа: *сынове века сего мудрейшии паче сынов света в роде своем суть*. Управитель назван сыном века сего, действующим по духу века. Ему противополагаются сыны света – ученики Господни. Господь говорит как бы: тот умудрился в своем роде; умудряйтесь и вы в своем роде, т.е. действуя по законам правды. Мудрость правителя рекомендует, а способ его не рекомендует. Тот способ пригоден для сынов века; а вы употребите такой способ, какой вам пригоден в роде вашем.

Посему когда говорит вслед за сим Господь: *Аз вам глаголю: сотворите себе други от мамоны неправды, да егда оскудеете, примут вы в вечные кровы*, – то не внушает помогать нуждающимся от неправо приобретенного или неправо себе присвоенного имени, а делать это без нарушения правды, как свойственно сынам света. Мамоной неправды назвал Господь имение вообще, и вот почему, – что оно невинно, обманчиво; мы полагаемся на него, как на крепкую гору, а оно ныне есть, а завтра ищи его. Итак Господь внушает: облегчайте участь всякого нуждающегося и тяготящегося бедой от имени своего, – и тем приобретете себе друзей, кои примут вас в вечные кровы, когда оскудеете, т.е. когда истощится жизнь ваша, и вы перейдете в другую жизнь, оставив все имеемое здесь на земле. На тот свет поступите ни с чем: только если успели вы посредством благотворения предпослать туданюю часть от имени вашего, это самое там встретите, и то будет составлять вечный кошт ваш. Чем больше туда перешлете посредством рук бедных, тем там обильнее будете насыщаться и довольно жить.

Кто эти другие, можно не пытать. Главное в том, что будете приняты в вечные кровы. Или, если уж желательно определять, то это будет сам Господь, совмещающий в Себе всех бедных облагодетельствованных. Ибо Он сказал: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 35–40). За всех друзей – Он один, и довольно. Он и примет в обители небесные, которые и пошел на небеса уготовать верным Своим.

Все другие частности в приточном сказании оставляю без иносказательного толкования. И не следует этого делать. Станешь толковать, только затемнишь главную мысль и цель притчи.

Заключаю искренним желанием, чтоб вы, когда услышите пустые речи, затыкали уши, дабы не сквернить ими чистой мысли своей.

Если же услышите что против воли, не оставляйте того не изгнанным из памяти. Восставляйте веру и молитесь, пока душа не умиротворится.

5. О втором пришествии Господа и всеобщем воскресении

«Вчера были гости, и спор был, что воскресения и второго пришествия не будет. Это смущает – и тем паче, что говорили то люди хорошие».

Поелику они так говорили, то само собою следует, что они нехорошие люди. Как можно называть хорошим того, кто стал бы говорить против Государя и отечественных коренных законов?! Так и эти не хороши; потому что говорят наперекор тому, что сказал сам Господь. Не сам ли Господь сказал: *Иду.., и паки прииду?* (Ин. 14, 3). И еще: *Грядет час, в онъже вси сущи во гробех услышат глас Сына Божия: и изыдут сотории благая в воскрешение живота, а сотории злая в воскрешение суда?* (Ин. 6, 28–29). – Времени, когда это будет, Господь не определил; а удостоверил только Своим божественным словом, что это непременно будет и совершится внезапно. *Якоже, – говорит, – молния исходит от восток и является до запад: тако будет пришествие Сына человеческого. Явится знамение Сына человеческого на небеси, и узрят Сына человеческого, грядуща на облацах небесных с силою и славою многою. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына человеческого. Якоже бо беху во дни прежде потопа, ядуще, и пиюще, женящаися и посягающе, до негоже дне вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческого.* – *Будите готови, яко в онъже час не мните, Сын человеческий приидет.* Так определительно говорит Господь о Своем пришествии, и чтобы кто почему-либо не стал колебаться сомнениями о сем, прибавил: *Аминь глаголю вам: небо и земля мимо идут, слова же Моя не мимо идут* (Мф. 24, 27–44). Потом, когда, возносясь на небеса, Господь скрылся от очей апостольских, тотчас послал им ангелов, не другое что сказал, как то, что Он опять приидет. *Сей Иисус, – сказали ангелы, – вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. 1, 11). Так важен пункт сей в устроении нашего спасения! Почему и в символ веры внесен, где читаем: *И паки грядущего со славою судити живым и мертвым.*

И о воскресении в том же символе читаем: *Чаю воскресения мертвых.* Может быть, хорошим гостям вашим казалось недоуменным не столько второе пришествие Господне, сколько воскресение мертвых. Для ума, конечно, все сие непостижимо; но ведь мы веруем так не потому, что умом дошли до этого, а потому, что так Господь сказал. Уму тут нечего и делать, как только принять слово Господне. А не хочет – как хочет. Пусть остается невером, и части неверов ждет. Господь не раз говорил о воскресении мертвых; не раз обличал тех, которые не верили сему. Иудеи все веровали, что будет воскресение; но между ними была secta саддукеев, которые не верили воскресению. Их-то и обличал Господь, изображая вместе, и каково будет состояние воскресших: *в воскресение ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии на небеси суще* (Мф. 22, 30). И во времена апостолов ученье люди в Коринфе поднимали спор о воскресении. Св. Павел, написав к ним послание о многом другом, и в этом вразумил их: несомненно веровать, что будет воскресение мертвых. Читайте первого послания к коринфянам пятнадцатую главу. Он поставляет общее воскресение всех в незразрывной связи с воскресением Христа Спасителя. Почему сначала подтверждает истину воскресения Христова многими свидетельствами лиц, видевших воскресшего Господа, беседовавших с Ним и оказавших Его, из которых, говорит, многие еще живы. Затем заключает: *Аще Христос проповедуется, яко из мертвых воста, како глаголют нецы в вас, яко воскресения мертвых несть?* – Ибо все, что Господь сделал, ради нас сделал. Если б Сын Божий не пришел, не воплотился и, умерши естеством нашим, не воскрес им, то и в самом деле не было бы воскресения. А когда Господь пришел, умер и воскрес, то воскресению сему уже нельзя не быть. Христос Господь воскрес, как начаток воскресения из мертвых, а потом в свое время, и именно во второе пришествие Его воскреснут и все люди. И начнется новый век, – новая жизнь, с новым небом и землею. Апостол говорит еще больше. Он говорит, что если кто не верит воскресению мертвых, то, значит, не верит и воскресению Христову. А если не верит воскресению Христову, то и вся вера – попусту. Видите, как пагубно неверие воскресению мертвых. Оно и веру Христову разоряет, и спасение губит.

Так извольте вы затыкать уши от таких пусторечивых. Какая стать черпать вам ушами своими эти нечестия и набивать ими голову?!

Спасайтесь! Благослови вас Господи!

6. О сознании себя грешным и начале исправления. О паломничестве в Иерусалим. О чтении Псалтири

Се тебе краткие ответы на твои вопросы!

«Грешен, блудный сын непотребный». Если действительные есть грехи, надо покаяться, и, исповедавшись, положить начало исправлению. А если только общее чувство грешности имеется на сердце, то этого не должно отгонять, а паче усиливать. Чем грешнее кто себя чувствует, тем он ближе к Господу Спасителю грешных. Те же, которые чувствуют себя праведными, далеки от Спасителя, пришедшего не праведников, а грешников спасать.

«Странствовать или в монастырь идти» – сам смотри, что лучше. Решить это есть дело твоего благоразумия с советом и тех, которые хорошо тебя знают. Можно и так где-либо уединиться и жить, как живут иные чернички и чернецы.

«В Иерусалим бы хотелось, да средств нет». Когда нет средств, и нужды нет. Поминай чаще, а то и всякий день, мысленно все места, где бывал Господь, и мысленно покланяйся Ему на каждом месте. И довольно с тебя, если еще не лучше того.

«Псалтирь читать по уставу на всякий день» – хорошее дело. Но надо размышлять при сем и свою молитву вставлять между стихами. Лучше не все прочитать, чем все без мысли и чувства. Выучи на память несколько псалмов и, когда идешь дорогой, читай и размышляй.

«Поминать живых и умерших за Псалтирю» – хорошо. Дело любви есть. А браться читать псалтирь по умершим и деньги за то брать – никуда не годится.

Хорошо, что учишь других благотворению. Но прежде всегда говори, что надо веровать в Пресвятую Троицу и в воплощение Сына Божия для спасения нашего, и в то, что ищущим спасения надо приять благодать Св. Духа через св. Таинства, и что Церковь святую надо слушать. И затем уже прибавлять: конец же всего – заповеди Божии храны – все, от малой до великой.

Спасайся, и о мне многогрешном Бога моли!

7. Поправка неправых мнений о втором пришествии и суде. О воскресении мертвых. О частном суде после смерти. Как следует жить, чтобы быть спасену. Путь спасения - верное исполнение заповедей Божиих

«Какое искушение! Думается мне всегда, что второго пришествия не будет, а что второе пришествие и Суд бывает человеку, когда он умирает. Слышала я также, что когда умирает человек, тогда ему открывается тайна Пасхи. Один очень умный священник сказывал мне, что как бы кто ни жил, все друг другом спасены будем».

Хорошо, что вы занимаетесь такими важными и решительными предметами, каковы смерть, второе пришествие и Суд, – и все по ревности о спасении своей души. Но нехорошо, что приплетаете к сему мысли несообразные с истиной. Зачем второе пришествие притягивать к смерти?! Смерть своим чередом, а второе пришествие – своим. Прочтите, как пишется в Евангелиях и у апостолов о втором пришествии, и увидите, что ему такому, как оно описывается, нельзя быть во время смерти.

Читайте у евангелиста Матфея о пришествии Христовом, гл. 25 с 31-го стиха. *Егда приидет Сын человеческий во славе Своей, и все святии ангели с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей. И соберутся пред Ним все языцы: и разлучит их друг от друга, яко же пастырь разлучает овцы от козлиц. И поставит овцы одесную Себе, а козлица оицую. Тогда речет сущим одесную Его: приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира... Речет и сущим оицую Его: отидите от Мене проклятии во огнь вечный, уговариванный диаволу и аггрелом его... И идут сии в муку вечную, праведницы же в живот вечный.*

Видите, как будет второе пришествие и Суд? Как сие можно думать, что оно бывает в час смерти каждого? Когда умирала Божия Матерь, Господь приходил с ангелами взять к Себе душу Ее. Такой же чести сподоблялись и многие из святых мужей и жен, как пишется в житиях их. Но это совсем не то, что второе пришествие и Суд, как сами вы видите. Ко

второму пришествию весь род человеческий будет собран в одно место, и Господь низойдет во славе ко всем и, всех разделив на две части, над каждой частью произнесет один на всех приговор: там – *приидите*, здесь – *идите от Мене*. И как произнесет, так и останется навеки. А по смерти каждого, если и бывает некое решение участи его, то единичное, его только касающееся. Почему никак не следует к нему относить то, что говорится о втором пришествии. Второе пришествие будет по обновлении неба и земли и по всеобщем воскресении, да примет кийждо яже с телом содела или блага или зла, когда вслед за тем произойдет суд и решится участь каждого.

Св. апостол Петр пишет, что пришествию Господню будет предшествовать обновление неба и земли: *Нова небесе, – говорит, – и новы земли по обетованию Его (Господа) чаем* (2 Пет. 3, 13). Обновление это совершился огнем: *Нынешняя небеса и земля огню блудома (суть) на день суда* (2 Пет. 3, 7). И совершился с шумом: тогда *небеса с шумом мимоидут, стихии же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3, 10). Все сие ради пришествия Господня или Божия дня: *его ради небеса жегома разорятся, и стихии опаляеми растаютя* (2 Пет. 3, 12). Разорится же и растает теперешний мир; а на место его воссозиждется новый; ибо вслед за сим апостол говорит: *Нова же небесе и проч. Вслед за сим произойдет воскресение мертвых. О сем Сам Господь говорит: Тогда (т.е. после разорения старого и воссоздания нового мира) явится знамение Сына человеческого на небеси..., и узрят Сына человеческого, грядуща на облацах небесных с силою и славою многою. И послет (Он) ангелы своя с трубным гласом велиим, и соберут избранные его от четырех света, от конца небес до конец их.* (Мф. 24, 30–31). Сей трубный глас возбудит умерших. Ибо в другом месте говорит Господь: *Грядет час, в онъже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия и изыдут сотворши благая в воскрешение живота: а сотворши злая в воскрешение суда* (Ин. 5, 28–29). И св. апостолы, когда говорили о воскресении мертвых, всегда соединяли его с таким трубным гласом. *Се тайну вам глаголю, – пишет св. Павел, – вси бо не успнем, вси же изменимся: вскоре, во мгновении ока, в последней трубе: восструбит бо и мертвии восстанут нетленни, и мы изменимся* (1 Кор. 15, 51–52). То же пишет он и в другом месте: *Сие вам глаголем словом Господним... яко сам Господь в повелении, во власти архангелов, и в трубе Божии снидет с небесе и мертвии о Христе воскреснут первии* (1 Сол. 4,16).

Воскресшие таким образом люди все собраны будут в одно место, и над ними Господь совершил Суд, как изображено выше из Евангелия от Матфея.

Вот как изображено второе пришествие Господне и имеющий последовать за ним всеобщий суд. Изображение сие дано самим Господом и св. апостолами, Духом Божиим наученными. Следовательно, все, что говорится здесь, есть совершеннейшая истина: все неотменно будет так, как сказано. И Господь, изобразив Свое второе пришествие, присовокупил: *Небо и земля мимоидут, слова же Мои не мимоидут.* (Мф. 24, 35). А вы, Бога не боясь, свое изволите строить второе пришествие, будто оно и с судом совершаются в смерти каждого. Можно все сказанное применить к смерти?! И слепой увидит, что нельзя. И не давайте себе смелости вперед так думать и говорить. Я собрал все это из Писания для вас, потому что вижу, как вы ленивы заглядывать в него, и не зная, как говорится о сем предмете в слове Божием, спешите сами от себя решать свои о нем вопросы.

И после смерти каждого бывает решение участи его; но это решение есть только предназначительное. Окончательное же решение будет произнесено на Страшном Суде, по воскресении, чтоб как праведные, так и грешные получили полное и по телу и по душе воздаяние за дела, содеянные с грехом.

Так извольте думать и, чтоб вам меньше путаться в понятиях о предметах веры, прочитайте со вниманием православный катехизис и усвойте содержание его. Затем читайте Евангелие и Послания апостольские и книги духовного содержания. Знаю, что у вас много трудов; но достаточно, если определите на это воскресные и праздничные дни, в которые, конечно, не работаете.

Слышанное вами, будто в час смерти открывается тайна Пасхи, очень неопределенно, чтобы можно было сказать на это что-либо определенное. Что это за тайна Пасхи? В Пасху празднуем воскресение Христово, которое есть образ, начаток и залог и нашего воскресения. Если это тайна Пасхи, то что ей открываться, когда она известна? Разве может быть не печатлеется ли в душе, разлучающейся с телом, особое некое удостоверение, что это разлучение, поставляющее ее в неестественное для нее положение, только на время и что по прошествии этого времени она опять соединится с своим телом. Ибо, по апостолу, мы *не хощем совлешися, но пооблешися*, так однако же, чтобы *мертвенное сие* (тело) *пожерто было животом* (2 Кор. 5, 4). Душа и доселе веровала, что будет воскресение; но как смерть и в ней производит большое сотрясение, то такая вера может выпадать и повергать душу в крайнее смущение. Почему в утешение ей в момент разлучения ее с телом, может быть и дается ей сокровенное некое удостоверение в будущем воскресении.

Больше этого не умею, что вам сказать. Но вы лучше сделаете, если станете пропускать мимо ушей все новости о предметах веры, лишние против образа веры, начертанного в символе веры и истолкованного в катехизисе.

Неопределенно также и то, что вы слышали от ученого священника, будто мы друг другом спасены будем, как бы ни жили. Напрасно вы тогда же поподробней не расспросили его об этом. Теперь же вы в другом месте и разъяснить вам этого некому. И я ничего об этом не стал бы вам писать, а сказал бы только: перестаньте об этом думать. Но как видится, мысль эта засела вам в голову, особенно, может быть, той стороной, что как бы ни жили, а спасены будем. На это только и скажу вам, что при этом как ни живи, надежда спасения не может быть прочной и нерушимою. Ибо в слове Божием определенно указано, как следует жить, чтобы быть спасену; и кто жизнью отступит от этого определенного указания, тому нельзя надеяться спасену быть помимо сего. Св. Павел в послании к галатам, перечислив дурные дела плотские, присовокупил: *Предлаголю вам, яко же и предрекох, яко таковая творяции Царствия Божия не наследят*, – спасения не улучат. А вслед за сим он перечисляет добродетели, с которыми благонадежну можно быть, что получится Царствие Божие или спасение, именно: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 19–23). То же пишется и во многих других местах. Можно ли быть спасену тому, кто не любит Господа Иисуса? Никак нельзя; ибо апостол пишет: *Аще кто не любит Господа Иисуса, да будет проклят* (1Кор. 16, 22). А кого следует почитать любящим Господа? Того, кто соблюдает заповеди Его; ибо сам Он сказал: *Имей заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй мя* (Ин. 14, 21). Так вот определенный путь спасения, – верное исполнение заповедей Божиих. Стало быть, нечего вам увиваться мыслию около льстящего вам, льготного какого-то образа спасения, по коему как ни живи.

Ежели слова «друг другом спасены будем» разуметь так: спасены будем, если деятельную будем являть друг к другу любовь, то это истинно. Ибо Господь, потребовавший для засвидетельствования любви к Нему исполнения заповедей, сказал: *Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12). Но в таком случае нельзя уже говорить: как ни живи. Ибо любовь друг к другу требует определенной жизни, соединенной с самопожертвованиями. Только, чтоб полное видеть правило в руководство ко спасению, надо, со слов же Господа, любовь друг к другу иметь под любовью к Богу. Любовь к Богу есть, по слову Господа, первая и большая заповедь; а за ней уже следует подобная ей любовь к ближним (Мф. 22, 37–39). Но и это еще не все: с любовью надлежит иметь соединенной веру. *Вера любовью поспешествуема* (Гал. 5, 6), – вот прямой, незаблудный и благонадежный путь спасения.

И еще повторю: потрудитесь уяснить себе дело веры тем способом, о коем я поминал, именно: достаньте православный катехизис, прочитайте его со всем вниманием и усвойте содержание его. После чтением можете расширить свои познания о предметах веры. Тогда какой бы ученый ни стал вам предлагать иной некий образ спасения, вы тотчас сами увидите, что в словах его не правда, а кривда

8. Первое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней.

С удовольствием берусь ответить тебе или лучше обсудить вместе с тобой все, о чем писал ты в своем, достойном всякого внимания, письме. Я и прежде слышал кое-что о том, о чем ты говоришь; но думалось, что это какие-либо пустяки. Теперь же из слов твоих вижу, что у вас там начинается нечто вроде пожара церковного, – спешу написать тебе, что Бог пошлет, по твоему письму.

1) Пишишь: «У нас появился какой-то проповедник веры, надо полагать из дворян и, кажется, в немалом чине, который ездит по домам, не богатым только, но и бедным, читает Евангелие, толкует и учит веровать во Христа и каяться. От меня недалеко живет бедный переплетчик. К нему приезжает тот проповедник. Собирается народ, и я был там раза два-три. Слышно, что и в других местах бывают такие собрания, и народу не мало бывает».

Остановимся с тобой на этих словах. Явился проповедник веры, проповедник не от лица Церкви, как очевидно. Уж это одно должно было породить среди вас недоумения: как так учит не поставленный быть учителем? Это у нас небывалая новость. От недоумения же такого следовало вам тотчас перейти к таким суждениям: что-нибудь тут не так; он не от дома Божия, а отинуды; потому вам следует держать себя настороже. А так ли вы поступили?! Никому и в голову не пришло поостеречься, а все слушали и слушаете, не давая себе труда обсудить, право ли то, что слышите, и к добру ли приведет, если последовать тому? Вот первая ваша ошибка!

Говоришь, что он учит веровать во Христа и все из Евангелия берет. Но это-то и должно было побудить вас держать ухо остро. Разве вы татары или басурманы какие?! Вы же ведь веруете во Христа Господа и спасение свое содеваете во святой православной Церкви, и содеваете по образу спасения всех предшествовавших нам святых наших, Богом прославленных! Из этого вам следовало прямо заключить, что если он начал толковать о вере, и толковать нам, верующим, то эта его вера, должно быть, иная есть от той, которой мы веруем. Когда он начал вам толковать: «Веруйте во Христа», – вам следовало спросить его: «Да что ты толкуешь об этом? Разве мы некрещенные какие?» А у вас ни у кого и язык не повернулся. Говоря вам: «Веруйте во Христа», – он обличил вас в неверии; а вы слушаете, будто в самом деле неверы. Если же он иную веру проповедует, а вы все же слушаете, то вместе с ним охуждаете свою прежнюю веру, осуждаете и Церковь святую, и всех спасенных и спасающихся в ней. Вот ваша вторая вина, большая первой!

И как же это все у вас там деется?! Деется среди истинно верующих в Господа и идущих спасительным путем, выше указанным?! Сыны Церкви спокойно и мерно содевают свое спасение. Но приходит некто, им прежде неведомый, и начинает вопить: «Знаете ли что? Христос за нас умер. Веруйте так, кайтесь, и вы спасены». – И они, как бы необычное нечто услышав, к нему пристают, готовы будучи оставить и Церковь свою, и пастырей своих, и все, чем пред сим дорожили, чем питалась и освящалась душа их! Дивно это! А прежде-то разве не в Господе Спасителе содевали вы свое спасение? Разве не в Его имя крещены вы? Разве не Его силой получали вы столько раз разрешение грехов в таинстве покаяния? Разве не Его самого принимали в себя, причащаясь пречистого Тела и пречистой Крови Его? Разве не к Нему обращались вы в молитвах своих и не на Него единого все упование спасения возлагали? Так что же особенного, что нового, чего бы вы не содержали в уме и сердце своем, возвещает вам этот неведомый вам доселе пришлец, говоря: «Христос за вас умер; веруйте так, – и вы спасены»? Не это ли исповедуете вы каждодневно читая в символе веры: «Верую... в Господа Иисуса Христа... нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечившися. Распятаго же за ны...» и проч. Не это ли сами себе возвещаете вы, пой в Церкви: «Единородный Сыне... распныйся Христе Боже... спаси нас, спаси нас»? Или: «Приидите поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий?» Или: «Свете тихий святые славы: Сыне Божий, живот даяй»? Или: «Ныне отпускаеши..., яко видесте очи мои спасение Твое»?

А Литургия вся что есть, как не воспоминание, или, больше, как не воспроизведение таинственное в бескровной жертве жертвы кровной на кресте во спасение наше? Так что же нового слышите вы из уст сего пришельца, что готовы оставить все прежнее и устремиться вслед его, не зная еще наверное, куда он поведет вас, зная однако ж несомненно, что путь, которым вы шли доселе, есть настоящий путь?

Поистине это непонятно. Вы походите вот на кого: поют, положим, что либо хором, и вы сами участвуете в этом пении. Пение идет стройно, все голоса сливаются в нем в один. Но вот вдруг среди всех появляется некто, встrevает в ваше пение и своим голосом выдается из всех. И вы, оставив хор, и свое пение прекращая, все внимание обращаете на этот выдающийся голос, изумляясь тому, как он выводит ноты. Хорошо ли он делает и хорошо ли вы поступаете, вам и в голову не приходит подумать, слушаете потому только, что он выдается, прежнее же пение припелось и прислушалось. А знатоки искусства в пении говорят, что выдаваться из других голосом в пении противно правилам сего искусства и что дивящиеся сему выдающемуся певцу обличают в себе отсутствие истинного вкуса. Вот этим подобны вы в деле содевания своего спасения. Содевали вы свое спасение мирно и тихо в хоре других братий и сестер спасающихся. Но се появился крикун и начал выкрикивать один стишок из всей совокупности спасительных истин. И вы на него устремили очи свои, все прочее оставляя и от всех готовые отделиться. А о том и подумать не подумали, правильно ли он поступает, выделяясь со своим стишком, и правильно ли вы поступаете, становясь на его сторону. Ведающие надлежащим образом дело спасения справедливо укорят вас в безвкусии духовном, – вас, а тем паче того крикуна.

Таким образом вам следовало с первых же слов оттолкнуть его от себя или отворотиться от него, а вы связались с ним, и все более и более вяжетесь.

2) Пишешь: «Он все говорит о Господе Иисусе Христе и спасении в Нем, – говорит с воодушевлением. Слушать его приятно, так и тянет к нему».

А разобрал ли ты и другие с тобой слушавшие, наш ли он или чужой? Вам подумалось, что как он говорит по-русски и русский есть, говорит о Христе Спасителе и притом с таким воодушевлением, то, конечно, он наш, в истине стоит. Истину возвещает. Вы и потянулись к нему; но всем этим вы попали в обман. Он русский, но уже нерусской веры, был православным, но отпал в инославие. Он проповедует о спасении в Господе, но не так, как возвестил о себе сам Господь и св. апостолы Его. Он говорит с воодушевлением, но это не свидетельствует об истине его слов, а только доказывает, что он вседушно увлечен своим учением и ратует за него, как за истинное, хотя оно полно лжи и обмана.

Ужели все это вам неведомо? И разве вы не знаете, чей ученик есть этот крикун? По учителю судите и об ученике. Ведь зарождение этой лжи или этой заразы духовной там у вас на глазах всех совершилось. Приехал какой-то англичанин, начал ездить по домам и к себе зазывать, и своей проповедью сбил с толку некоторых наших барынь и бар, нетвердо стоявших в истине. Из числа этих сбитых с толку есть и ваш крикун, который теперь вместо того англичанина прогнанного разъезжает всюду и кричит, чтобы и других сбивать с толку, как сам сбылся. Так что есть в деле веры тот англичанин, то есть и этот ваш крикун. А англичанин тот что есть по вере? Он есть отпадший от истины Божией и стоит на четвертой степени ниспадения в ложь и тьму. Вот это как!

Не стану тебе разъяснять самую суть дела, а коротко очерчу только внешний ход такого ниспадения. Была одна Церковь на земле с единой истинной верою. Но пришло искушение, папа со своими увлекся суемудрием и отпал от единой Церкви и веры. Это первая степень ниспадения в ложь и тьму. Между папистами зародились потом протестанты и, увлекшись, подобно папе, своим суемудрием, отпали от папской веры и церкви. Это вторая степень ниспадения в ложь и тьму. От протестантов народилось английское суемудрие. Это третья степень ниспадения в ложь и тьму. Из английского суемудрия выродилось наконец и то, которым увлекся приезжавший соблазнять наших англичанин, и соблазнил вашего крикуна вместе с другими. Это четвертая степень ниспадения в ложь и тьму. И вот на этой-то степени стоит и ваш крикун, который мечется там у вас по домам и стогнам града с своей

проповедью. Он есть истый ученик того англичанина, если только не прибавил еще чего и от себя к принятой им от англичанина лжи, чтоб остановиться таким образом уже на пятой степени ниспадения в ложь и тьму. – Так вот кто есть ваш крикун!

Ни у папистов, ни у протестантов, ни у англичан, ни у этих, к которым принадлежит ваш заразитель с зараженным крикуном, нет истины Божией настоящей, чистой, полной. Она пребывает только в единой истинной Церкви православной. То правда, что сами они в обольщении думают, что обладают истиной, но истина далека от них. Паписты первые отпали от истины, но думают, что они-то и удерживают ее. Протестанты обличили несостоятельность папистов во многом, но сами не попали на истину, а еще дальше отбежали от нее, построив свою новую веру по своему суемудрию, а не по истине Божией; думать же и они, подобно папистам, думают, что напали на истину, которой чуждыми сочли папистов. Англичанам не понравилась немецкая вера, и они построили свою, тоже по своему суемудрию, а не по истине Божией, говоря: «У немцев то и то не хорошо; мы свою сочиним веру, которая нам пригожей», – и сочинили, уклонившись от истины Божией еще дальше, думая однако ж, что стоят в ней тверже других. У англичан потом, равно как и у немцев, расплодилось множество вер, которые все тоже хваствают, что напали наконец на истину, тогда как на деле еще дальше отступили от ней. Как они искали ее не там, где ее Бог положил, а в своем суемудрии, то не на истину напали, а приняли за истину разные призраки истины, и на них построили свои верования. Из числа их есть и то суемудрие, которое завез к вам англичанин и которым прельстился ваш крикун. Но когда на западе множилось такое разнообразие вер, более или менее ложных, на востоке неизменной пребывала в своем веровании православная Церковь, единая истинная, Божию истину содержащая, ту самую истину, которая возвещена Господом Спасителем и насаждена в Церкви св. Его апостолами. Мы, сыны Церкви православной, содержим сию истину и стоим в ней. Чрез целый ряд веков шла непреложная истина в Церкви православной и до нас дошла. Стоит в истине св. Церковь; стоим в ней и мы. Благодарение Господу, благоволившему родиться нам в недрах единой истинной православной Церкви!

Итак, вы стоите в вековечной истине, а этот крикун вчера только научился обольстительной лжи у обольщенного ложью англичанина тоже вчера. Но вот начал он среди вас мыкаться и выкрикивать свою ложь, и вы без всякого разбора бросились к нему и стали на его сторону, готовые и совсем отстать от св. Церкви и от содержимой ею истины Божией. Сообразно это с чем-нибудь?! То, что мы исповедуем и как содеваем свое спасение, было в силе у наших отцов, дедов, прадедов, прапращиков, – и всех россиян с самого просвещения их истинной верой при святом Владимире. Этому уже скоро тысяча лет. И сколько святых воспитала святая Церковь наша, ходатаев и молитвенников о нас пред Господом, как указывают нетленные моши их, по всей земли русской рассеянные! И вдруг этот крикун, вчера прельстившийся ложью, покушается отторгнуть вас от сего св. сонма!!! Но идите далее, – тоже исповедание и тоже содевание спасения увидите вы у греков, от коих приняли мы св. веру. Идите и у них по векам; дойдете до соборов, защищавших и утверждавших истину вселенскую. Пройдите соборы до Константина великого, и всюду будете зреть одну и ту же истину, всем сонном верующих содержимую и по всей вселенной царствующую. Двигайтесь еще далее, пройдете века гонений, дойдете до века апостольского, – и усмотрите и там то же исповедание и то же содевание спасения, какое теперь и у нас содержится и действует. А то, чему учили и что учредили апостолы, принято ими от Господа, Господь же и говорил и делал, как принял от Отца своего, в тайне Пресвятой Троицы. – Вот откуда вера наша! Вот где ей источник! Вот как она, из глубин Божиих истекши, текла по течению веков и до нас дотекла! И сию-то божественную и вековечную веру вы готовы бросить и изменить на ложь, которую выкрикивает ваш вчера сам обольстившийся ею крикун! Есть в этом какой-либо смысл?!

3) Слыши, что ты со своими товарищами, гоняющими за этим крикуном, готов возразить: «Какую же ложь он проповедует? Он истину возвещает, спасение в Господе Иисусе Христе указывает, Евангелие благовествует».

Постой, постой! Не спеши с своим возражением, а изволь решить: можно ли о Христе Иисусе проповедовать нечисто и превратно и о спасении в Нем учить так, что если последуешь сему учению, то не спасение найдешь, а пагубу? Впрочем, и решать-то тут нечего, или затрудняться чем; потому что это на деле и было, и есть. Сколько было учений, искажавших истину о Христе Иисусе, и прежде Ария, и еще более после него? Все они обличены Церковью и прокляты. Сколько расплодилось их на западе? Счету нет. Но все они отвергаются православной Церковью несмотря на то, что только и речи у них, что о Господе Спасителе. Стало быть, нельзя так заключать: поелику такой-то о Христе Иисусе проповедует, то по тому самому истину возвещает, а следует проверять, право ли возвещает он истину о Христе Иисусе. У вас же там никто, кажется, не потрудился этого сделать, а все, как только услышали из уст его сладчайшее имя Господа Спасителя, стали без разбора на его сторону, не подозревая, что сие поклоняемое имя есть в устах его, прельщенного, затрава к уловлению простых в вере душ ваших. Не читали разве вы в Евангелии предостерегательных слов самого Господа: *Внемлите (блудитесь) от лживых пророк, иже приходят к вам во одеждах овчих, внутрь же суть волци хищницы* (Мф. 7, 15)? Не подумайте, что Господь разумеет здесь таких, которые и имени Его не знают. Нет, – не таких Он разумеет, а именно таких, которые именем Его прикрываются, увлекая в ложь, ибо тут же говорит: *Мнози рекут Мне в день онь* (т.е. в день Суда): *Господи, Господи, не в Твоє ли имя пророчествовахом.* – Видите? Во имя Господа проповедуют; а Господь заповедует осторегаться их. А на Суде, говорит, скажу им: *Яко николиже знах вас* (Мф. 7, 22). Как никогда не знал Тот, Кому все ведомо?! Господь сим сказывает, что Он никогда не знал их такими, какими они сами себя выставляют, т.е. истинными о Нем проповедниками. Они проповедовали о Нем, но так, что Господь в их словах не видел Себя самого, что у них выходил иной некий Христос, а не тот истинный, который соделал спасение наше посреди земли. Видите, что может под именем Христовым проповедан быть совсем не Христос Господь. А вы без разбора бросились к этому крикуну ради того, что он именем Христовым прикрыл свою ложь. Думаете, что к нему не может относиться сказанное: *мнози приидут во имя мое... и многи прельствят* (Мф. 24, 5)?! Справедливо обратить к вам укорную речь св. Павла, какую он держал к коринфянам. «Я вас обручили, – говорит, – Христу Господу, как деву чистую. Но боюсь за вас, как бы кто не повредил умов ваших, как некогда змий прельстил Еву лукавством своим. Вы так падки на новые учения, что приди кто к вам и стань проповедовать иного Иисуса, вы тотчас станете на его сторону, приняв его благосклонно» (2Кор. 11, 2–4). И вот, чего опасался апостол в коринфянах, то деется ныне у вас. Пришел крикун, начал проповедовать иного Иисуса, и вы потянулись к нему.

Скажете: «Да нет же, – какой тут иной Иисус? Ведь он все, что ни говорит, берет из Евангелия и учит словами Евангелия: *Покайтесь и веруйте во Евангелие* (Мк. 1, 15). Он все твердит: «Христос умер за нас; веруйте так, и вы спасены». – Как же тут быть лжи и прелести? Это поистине есть сладостное благовестие. И кто может без сердечной теплоты внимать ему?» – Но что и к благовестию сему может прививаться ложь и извращать его, об этом послушаем св. Павла, который писал к галатам: *Чуждуся, яко тако скоро прелагаетесь от звавшаго вы благодатью Христовою во ино благовествование* (Гал. 1, 6). Галаты искренне уверовали в Господа Спасителя и вседушно приняли радостное благовестие о спасении в Нем; святому же Павлу были так благодарны за просвещение их истиной, что готовы были очи свои извергнуть и отдать ему. Но по удалении от них св. Павла пришли какие-то суемудренники тоже с Евангелием или благовестием, но не чистым, а с примесью лжи и начали переучивать их. Галаты, не разобрав строго, а только увлекаясь именем благовестия, приняли сих благовестников и попали в сети лжи. Слово ихказалось привлекательным благовестием, но в существе дела было пагубным зловестием. Так прельстительна ложь, прикрывающаяся священными и сладостными именами! Узнал об этом св. Павел и, образумив их, написал, как неотложный закон на все времена, такое постановление: *Аще мы, или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет.* И чтобы лучше это мы затвердили, снова повторил:

Паки глаголю, аще кто благовестит вам паче, еже приясте, анафема да будет (Гал. 1, 8–9). Так видите, что бывает благовестие или Евангелие ино, которого благовестники анафеме подлежат. Мы же с вами забыли про это, и как только явился какой-то крикун с Евангелием в руках, бросились к нему, и не вспомнив про то, что истинно веруем и содеваем свое спасение. Вы точь-в-точь галаты. И праведно к вам обратиться с апостольским укором: *О несмысленни галаты, кто вы прельстил есть не покоритися истине (Гал. 3, 1)?*

4) Ты говоришь, что он читает из Евангелия и учит. – Св. Евангелие и писания апостольские, весь Новый завет есть самый верный источник истинного ведения христианского, ведения истинного пути ко спасению. Все спасающиеся там почерпают ведение о том, как должно содевать свое спасение. Но не всякий читающий Евангелие истинно уразумевает путь спасения. Иной читает Евангелие, но криво толкуя читаемое, извращает Евангелие. Такому Евангелие не служит в пользу, и то, что он держит в руках Евангелие, не избавляет его от укора и осуждения в неведении истины. Тут бывает то же, что, например, с куском материи. Вот пред тобою кусок хорошей материи. Но приходит портной, знающий свое дело, выкраивает из нее и шивает добрую одежду, а приди портной неумелый, он такую выкроит и сошьет одежду, что она ни стыда не будет прикрывать, ни от погоды защищать – только материю испортит. Так и из Евангелия иной выкраивает такое учение, которое никуда негоже, и не может вести к добру и учащего, и последующих ему. Отчего так? Оттого, что он не умеет взяться за дело. В чем существо дела спасения, это состоит из нескольких пунктов: надо веровать, надо заповеди исполнять, надо благодать стяжать и проч. Но в Евангелии пункты эти не написаны в одном каком месте, а в разных, – в одном одно сказано, в другом другое. Чтобы познать истинно весь образ спасения, надобно все эти пункты из разных мест собрать воедино, и собрать все, ни одного не пропуская. Вот на этом деле все претыкающиеся и претыкаются. Начнет иной собирать, не понимая, как это следует сделать, уткнет глаза на один или два пункта, выдернет их из общего Писания, и кричит: «Нашел, вот путь спасения!» Иной кричит: «Веруй, – и ты спасен»; иной: «Стяжи благодать, – и больше тебе ничего не нужно»; иной: «Люби, – и придешь к блаженному концу»; иной иное что. Все такие положения истины и в Писании строго предписываются, но ни одно из них поодиночке не обнимает всего дела спасения. Надо их все совокупить, – и тогда получится полное представление настоящего образа спасения.

Вот и ваш крикун читает, говоришь ты, из Евангелия и толкует, как спастись. Но все ли он пункты оттуда выбирает, или только часть их какую? Прислушайся, и найдешь, что не все. У него только и есть на языке: «Покайтесь и веруйте». А все ли тут? Гораздо не все. Да и в этих самых пунктах не все им сказывается. «Покайтесь», – говорит. Спроси его: «А исповедаться должно? А разрешение получить надо?» И он тебе на это ничего не скажет, а будет отвертываться пустыми словами. Потому что скажи он, как думает, – ты от него тотчас отворотишься (по его мудрованию ничего этого не нужно, хотя заповедуется в слове Божием).

Он говорит, пишешь ты: «Докажи мне из Евангелия, что я лгу!» Никто не станет ему доказывать, что он лжет, когда говорит: «Покайтесь и веруйте». Ибо это необходимо для спасения и так заповедано Господом. Но как он твердит, что только и нужно для спасения, то лжет, потому что для спасения нужно и другое многое. Представь, что доктор дал рецепт на лекарство из многих трав и эссенций, а аптекарь вместо всех возьмет две-три вещицы и отдаст, говоря: «На, вот тебе лекарство». Он будет лгун и обманщик. Так и наш врач душ Христос Спаситель прописал нам в Евангелии полное врачевство во спасение душ наших, в нескольких пунктах выражаемое; а ваш крикун вырвал из Евангелия два-три пункта и кричит: «Вот вам спасительное врачевство! Принимайте и спасетесь». Он лгун посему и обманщик. Вы же, как только он выкрикнул свое возвзвание, стали в тупик, и тем больше придали ему дерзости и смелости громче и громче вскрикивать свое положение: «Веруйте в Господа Спасителя, и вы спасены».

5) Воистину так есть! – *Несть иного имене под небесем, о немже подобает нам спастися* (Деян. 4, 12). *Велия благочестия тайна Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16), – *преклони небеса и сниде*, да нас на небеса возведет. Радуйтесь, благодарите и теките вслед Его, Спасителя нашего и Бога, восшедшего на небеса и естество наше посадившего одесную Бога и Отца. Но все же не забывайте, что это один только пункт в деле спасения. К нему самим же Господом Спасителем приложены другие пункты, которые тоже необходимо содержать, чтобы спасену быть. О них скажу тебе после. Теперь же поясню тебе, что и этот самый пункт: *веруй в Господа Спасителя*, – надобно так созерцать и так содержать в уме и сердце, чтобы он стоял в согласном сочетании с таинством Пресвятой Троицы. А то может случиться, что и слушая, и говоря все о спасении только в Господе Иисусе, так набьешь во внимание сию истину, что из него совсем выпадет помышление о Пресвятой Троице, и Пресвятая Троица совсем заслонится лицом Христа Спасителя. А это будет значить покривлять спасительный строй помышлений, или, скажу так, неверно в себе водружать христианское сознание и помрачатьего.

Вот что хочу я этим тебе напомнить, – что как образ спасения нашего устроен Сыном Божиим, воплотившимся не без Отца и Духа Святого, так и спасение каждого из нас совершается в Господе Иисусе Христе не без участия Отца и Духа Святого. И спасение нам устроил и спасает каждого из нас Бог, в Троице покланяемый, Отец, Сын и Дух Святый. Сие надлежит водрузить в сознании, и все спасающиеся имеют сие водруженным в своем уме и сердце.

Смотри, как совершается крещение Христа Спасителя! Крещается Сын Божий вочеловечившийся; но на Нем и в Нем почивают Бог Отец своим благоволением и Дух Святый своим общением. Это означает очевидно, что совершение спасения нашего, начавшееся с сего момента, в дело произведено Господом Иисусом Христом со всегда присущим Ему благоволением Отца и действом Святого Духа. Сын ничего не творил без Отца и Духа; ибо, и воплотившись, Он не оставил недра Отча.

Видишь, как спасение наше совершено Богом, в Троице покланяемым? Теперь смотри, как спасение и каждого из нас совершается тоже Богом в Троице покланяемым.

Жизнь наша и спасение наше в живом общении с Богом. Чрез падение мы потеряли сие общение. Явился Бог во плоти, Сын Божий единородный, и в лице Своем воссоединил падшее человечество с Богом, а чрез соединение верующих с Собой и их всех воссоединяет с Богом. Сам Спаситель показал сие, говоря к св. апостолам: *Аз во Отце Моем, и вы во Мне, и Аз в вас* (Ин. 14, 20). Но что апостолам сказано здесь, то ко всем верующим относится. Се златая цепь воссоединения нашего с Богом! Сие подтвердил Господь и в другом месте: *Аз есмь путь и истина и живот: никто же приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14, 6). – Итак ко Отцу приходят чрез Сына, а к Сыну как? А к Сыну приводятся Отцем, как Сам же Господь говорит: *Никто же может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его* (Ин. 6, 44). Если без привлечения к Сыну дело спасения каждого и начаться не может, а привлечение сие совершается Отцем; то очевидно, что начальный содетель спасения каждого есть Бог Отец. Помни же сие и исповедуй всяк, ищущий и чающий спасенным быть в Господе Иисусе, и за Ним всегда созерцай влекущую тебя к Нему десницу Отца Твоего небесного.

Но и Отец как влечет к Сыну? – Влечет Духом Святым, Который затем и все требуемое для спасения совершает в умах и сердцах спасаемых. Христос Спаситель, пострадавши, умерши на кресте и воскресши, вознесся на небеса и воссел одесную Бога Отца; вместо же Себя послал от Отца Духа Святого, Который, пребывая в истинной Церкви, и устроет теперь спасение каждого. Как в начале нисшедши на апостолов, Он водил их по лицу вселенной, давал им слово и слову сему возбудительную к вере силу, затем уверовавших облекал во Христа, освящал и укреплял во всяком добре, и из сонма их устроил св. Церковь, так и доселе действует Он в сей Церкви и устроет спасение всех. И без Духа Божия никто не спасается и спастися не может. Почему и сказал Господь: *Уне (лучше) есть, да Аз иду, аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам* (Ин. 16, 7). Этим Он

сказал: «Напрасно Мое воплощение, напрасна смерть, напрасно воскресение, если не приидет Утешитель Дух Святый. Вы останетесь неспасенными, ибо без Духа нельзя быть вам претворенными в таких, какими должны быть спасаемые». – Таким образом несомненно веря и уповая спасенными быть в Господе Спасителе, по благоволению Отца веруй и содержи, что совершаешь тебя спасенным Дух Святый, во св. Церкви чрез божественные таинства подающий, и в сердце твоем потом непрестанно действующий в руководствии и укреплении тебя в деле спасения.

Так видишь, как спасаемся? Спасаемся в Господе Иисусе Христе по благоволению Отца благодатию Св. Духа. Сие и содержи всегда в уме, и сердце, и в исповедании твоем. И знай, что кто твердит тебе только: «Веруй в Господа, веруй в Господа», – а никогда не пополняет сего изъяснением участия в сем деле Бога Отца и Духа Святого, тот видимо не содержит полной истины, возмущает христианское сознание и помрачает свет Христов.

Разумели сие святые апостолы, и смотри, как выражали свое благожелание спасения верующим! Св. апостол Петр пишет: *По прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крови Иисуса Христовы, – благодать вам* (1 Пет. 1, 2). Св. апостол Павел молится: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца и общение Святаго Духа со всеми вами* (2 Кор. 13, 13). Последние слова без изменения повторяются в церкви пред началом совершения таинства Тела и Крови Господа Спасителя на Литургии. И все наши св. Отцы, рассуждая о спасении, возводили его к Богу в Троице покланяющему, Отцу и Сыну и Св. Духу, как к единому источнику. Так разумей и ты, так навыкни созерцать совершаляемым делом спасения в тебе самом, и за тем сей мерой меряй как теперешнего, так и всякого другого нового учителя.

6) Укажу тебе теперь зараз все, что необходимо для спасения каждого. Кратко это можно выразить так: веруй и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез св. таинства, живи по заповедям Божиим, под руководством богоучрежденных пастырей, состоя в живом союзе со св. Церковью. Чтоб тебе яснее было, как все это необходимо, сравни шествие путем спасения с обыкновенным путешествием. Чтоб путнику удобно и безопасно было идти, надобно, чтоб был свет, чтоб была проложенная дорога, чтоб сам он был здоров и крепок, чтоб в случае нужды, например при поворотах и перекрестьях дорог, был кто-нибудь, кто бы указал ему, по какой дороге идти. Подобное сему необходимо и в шествии путем спасения: необходим свет, – это вера; необходима проложенная дорога – это заповеди; необходимы здравие и крепость, – это благодатные силы, чрез таинства подаваемые; необходимы путевказатели и руководители, – это пастыри Церкви. Все сие видишь ты действующим во св. Божией Церкви, с которой потому состоит в живом союзе всякий, надлежащим образом содевающий свое спасение. Все спасшиеся сим путем шли, и все спасающиеся им идут.., другого пути спасения нет.

Я не думаю, чтоб для тебя нужно было особенно пояснять и доказывать необходимость для спасения каждого из сих пунктов. Приведу однако ж нечто.

Что вера необходима в содевании спасения, об этом и говорить нечего. Неверующий и думать не думает о спасении. Посему апостол Павел пишет: *Без веры невозможно угодить Богу: веровати же подобает приходящему к Богу, яко есть и взыскающим Его мздовоздатель бывает* (Евр. 11, 6). Веровать же надобно полно, – во все, что благоволил Бог открыть нам, без прибавления и убавления, и веровать так, как содержит св. православная Церковь. Именно: что Бог един есть существом и троичен в лицах; что Он словом Своим сотворил мир и о нем промышляет; что нас создал Он для райской жизни, почтив в создании образом Своим, но мы потеряли ее, преслушав в прародителях заповедь Его; что из сего падения сами мы не могли восстать, но что Сын Божий сжалился над нами и, приняв на Себя дело нашего искупления и восстановления, пришел на землю, воплотился, пострадал, умер на кресте, воскрес, вознесся на небеса и сидит одесную Отца во свидетельство принятия Им жертвы Его и в ходатайственную силу о спасении верующих в Него; что по вознесении ниспоспал Он от Отца Духа Святаго, Который, нисшедши на апостолов, преисполнил их всякой премудростью и силой, и они, воодушевлены быв Им,

насадили на земле веру христианскую, и из всех верующих сложили одно тело св. Церкви, под главой Христом Господом, вверив ей все тайны веры и все таинства, благодать подающие; что раздаятелями сих благодатных сокровищ и вообще продолжателями апостольского дела созидания Церкви апостолы по повелению Самого Господа оставили преемников своих, епископов и священников, особую на сие благодать приемлющих чрез рукоположение, непрерывно идущее от апостолов и до нас дошедшее; что спасаемые спасаются в теле Церкви, т.е. не одиночно, а обще со всеми, общей всем истинно верующим живя жизнью, таинствами Церкви освящаясь и под руководством состоя пастырей; что спасение каждого здесь на земле сокровенно, паче в духе, совершается, хотя заведомо спасаемому, во светлости же своей явится в другой жизни, – чаянием чего и воодушевляемся в перенесении произвольных и непроизвольных лишений спасения ради; что отходящие от нас вратами смерти в другую жизнь не перестают пребывать в том же едином теле Церкви и взаимного с нами общения не лишены суть, только имеют его невидимое вместо видимого.

Всему сему надобно веровать. И мы исповедуем сию веру, читая не раз каждый день символ веры. Коротко всю веру можно совместить в следующем положении: Бог в Троице покланяемый, мир создавший и о нем промышляющий, спасает нас падших по благоволению Отца в Господе Иисусе Христе благодатью Святаго Духа во святой Своей Церкви, спасает спасением, здесь сокровенно в духе совершающимся, в будущей же жизни имеющим явиться во всей неизреченной светлости его. Видишь, что и все пункты, которые я перечислил, как условия спасения, входят в предметы веры. И веруй вседушно, что так есть, и иначе быть не может.

7) Но одной веры недостаточно для спасения. Надобно и жить свято по всем заповедям Господним. *Не всяк, глаголяй Mi: Господи, Господи, внидет в Царствие Божие, но творяй волю Отца Моего*, – говорит Господь (Мф. 7, 21). Воля же Отца Небесного выражена в заповедях Его. Читай Евангелие, и ты найдешь там, конечно, требования и веры, но не слишком много. Преимущественно же оно предлагает уроки святой и богоугодной жизни. Из него скорее выходит такое заключение: исполняй искренно и неутомимо заповеди, и спасешься, руководясь конечно верой и направляя сие к угодлению Господу. Внимай, что говорит Господь: *Имей заповеди Моя и соблюдай их, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюблен будет Отцем Моим. И Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам*. И еще: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Также и в посланиях апостольских много пишется о вере, но о святой жизни еще больше. Святой Павел все дело спасения совместил в двух словах: *вера, любовью споспешствуем* (Гал. 5, 6). Под любовью разумеет исполнение всех заповедей и от всяких грехов и греховых страстей отчуждение (Рим. 13). Почему во всех посланиях своих он всю заботу христиан обращает на святую и богоугодную жизнь, говоря: *Елика суть истина, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала, сия помышляйте: и Бог мира будет с вами* (Фил. 4, 8). И самое, говорит, домостроительство спасения нашего затем имело место, чтоб сделать нас способными жить свято. *Явися бо благодать Божия спасительная всем человеком, наказующи нас, да отвергнемся нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно поживем в нынешнем веце, ждуще блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (Тит. 2, 11–18). То же настоятельно твердят и все другие апостолы. Приведу слова апостола Иакова. *Кая польза, братие моя, – говорит он, – аще веру глаголет кто имети, дел же не имать? Еда вера может спасти его? Вера, аще дел не имать, мертвa есть о себе. Но речет кто: ты веру имаши, аз же дела имам: покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою. Ты веруеши, яко Бог един есть: добрe творши: и беси веруют и трепещут. Хощеши ли разумети, о человече суетне, яко вера без дел мертвa есть? Авраам отец наш не от дел ли оправдався, вознес Исаака сына своего на жертвенник? Видииши ли,*

яко вера поспешествование делом его, и от дел совершился вера. Зрите убо, от дел оправдается человек, а не от веры единыя (Иак. 2, 14–24).

Видишь, сколько необходимо для спасения каждого исполнение заповедей! Я нарочно побольше об этом написал, потому что те, которые сбили с толку вашего нового учителя, неправо о сем умствуют, все дело спасения приписывая вере, дела же почти совсем устранныя. Вероятно, и этот учитель ваш так же неправо умствует. Вот и смотри. По слову Божию, вера и исполнение заповедей на одной линии стоят, – и ни той, ни сему предпочтения не дается. И вера без дел, и дела без веры ничего не значат. Только в неразрывной связи содевают они спасение наше, и сами при сем приемлют настоящую свою цену, силу и значение.

8) Для того, чтоб и вера была, как следует, и дела совершались достодолжно, необходима нам благодать Св. Духа. Без нее не только поверовать, но и подумать о добром не можем (2 Кор. 8, 5); но если б и подумали, исполнить то не имеем сил. Ибо, как говорит апостол, загадывать добро мы еще загадываем; но как только подойдет дело, мы и прочь: *Еже хотети, – говорит, – прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю* (Рим. 7, 18). Таким образом, если б Господь показал нам только, чему веровать и как должно жить, и с этим одним оставил; то мы походили бы на того, кто освещен светом солнца, видит дорогу, по которой надо идти, и сознает, что он должен по ней идти, иначе пропадет; а сил к тому, чтоб идти, не имеет, потому что расслаблен и болен. Но в таком случае лучше бы ничего не знать и не видеть, чем узнавши и увидевши не иметь возможности воспользоваться узнанным и увиденным.

Милосердый Господь и не оставил нас с этим одним, а благоволил устроить нам ниспослание Пресвятого Духа, чтоб Он, действуя в нас, содевал с нами спасение наше. Дух Святый сошел на апостолов, а потом чрез них подаваем был всем верующим. Он чрез слово апостольское возбуждал веру в хотяющих веровать, и тем, которые по вере восходили до решимости и жить свято в духе веры, подавал силу приводить сие решение в исполнение. Что делаемо было апостолами, то делалось потом и делается доселе их преемниками богоучрежденным порядком. И благодать Св. Духа пребывает в сонме верующих или во св. Церкви, всех просвещая, укрепляя, освящая. И если кто спасен есть или спасается, то не иначе как благодатью. *Благодатью есте спасени чрез веру*, – говорит св. Павел (Еф. 2, 8). О пребывании же благодати Св. Духа в верующих говорит он с такой уверенностью, что и сомнения в том не допускает: *Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). И сам о себе он исповедал: *Благодатью Божиую есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10). А св. Петр и за себя и за всех свидетельствует, что *вся нам божественные силы Его, яже к животу и благочестию, подана* (2 Пет. 1, 3). Почему все апостолы, обращаясь с посланиями к верующим, и в начале и в конце их, как единственного блага желали им пребывания в них и преумножения благодати: *Благодать вам да умножится; благодать Божия буди с вами*.

Впрочем, о том, что благодать Св. Духа, как сила во спасение, необходима для нас и что только она одна сильна содевать в нас спасение наше, почти нет спорящих. Но о том, как получается и приемлятся благодать, есть спорники. Я нарочно и навожу тебя на этот предмет из опасения, не принадлежит ли и ваш новый учитель веры к числу неправо понимающих сие дело, ибо есть такие мудрецы, которые утверждают, что только уверуй, и благодать Божия тотчас войдет и вселится в тебя. Так вот знай и твердо держи то убеждение и ту веру, что благодать Св. Духа не иначе подается и принята быть может, как чрез таинства, самим Господом учрежденные в Церкви руками св. апостолов. Чтоб тебе в том более увериться, приведу тебе несколько примеров получения благодати по указанию слова Божия.

Сам Господь и Спаситель, беседуя с Никодимом, сказал: *Подобает вам родитися свыше*, – разумея благодатное рождение к новой жизни. Какой же указал Он к этому способ? Сказал ли: «Веруй, отверзи уста, и благодать Духа, вошедши, возродит тебя?» – Нет, не сказал. Что же сказал? *Аще кто не родится водою и Духом, не может винти в*

Царствие Божие (Ин. 3, 5–7). Рождение водой и Духом есть св. крещение – первое христианское таинство.

Но возрождение делает только естество наше способным принять, вместить и хранить дар Св. Духа; самое подаяние сего дара совершалось особым таинством, именно: возложением рук апостольских. До очевидности сие представляет один случай, бывший в Ефесе во время апостольского там действования св. Павла. Пришедши в Ефес, апостол встретил там двенадцать человек верующих и спросил их: «Приняли ль вы Духа Святаго, уверовавши?» – Те отвечали: «Мы и не слыхали, что есть Дух Святый». – «Как же вы крестились?» – спросил св. Павел. «Иоанновым крещением», – отвечали те. Тогда св. Павел объяснил им, что Иоанново крещение было только приготовлением к вере в Господа Иисуса Христа; затем, огласив их полнее евангельским учением, окрестил христианским крещением, по крещении возложил на них руки, – и они приняли Духа Святаго. Видишь – крещение особо, и возложение рук особо, и дар Духа Святаго только по возложении рук! Возложение рук апостолы заменили потом миропомазанием, которое и предали преемникам своим, как таинство, дар Св. Духа подающее верующим. Оно и действует теперь во св. Церкви.

Этих двух примеров достаточно для тебя, чтобы видеть, что благодать Св. Духа подается не мысленным путем через одну лишь веру, но путем видимым чрез св. таинства. Так сам Господь учредил. Перечислю только другие таинства. Отпущение грехов, в какие кто впадает по крещении, бывает не ради одного сокрушения и мысленного их исповедания Богу, но при сокрушении и решении не грешить более, по исповеди их духовному отцу чрез разрешение от него. Живейшее общение с Господом совершается чрез причащение Тела и Крови Его, в таинстве Евхаристии. Благодатная сила на продолжение апостольского дела созидания Церкви подается чрез рукоположение архиереев и священников. Два брачующихся лица сочетаются воедино таинством брака. Болезни врачаются таинством елеосвящения.

Вот все семь потоков божественной благодати, действующих во св. православной Церкви. И иного пути к получению благодати нет. Кто станет тебе иной указывать путь к сему, отворачивайся от него, как от суемудренника.

9) Три изложенные пункта: вера, жизнь по заповедям в духе веры и благодать чрез таинства, – требуют четвертого – богоучрежденного пастырства. Надо веровать; но как уверуют без проповедающего? И *како проповедят, аице не послани будут?* (Рим. 10, 15). Потребно благодать принять чрез таинства; но как же это было бы без строителей и совершивших тайн Божиих? (1 Кор. 4, 1). Необходимо жить по заповедям в духе веры; но как сему быть в исправности без руководителя, которой бы указывал, остерегал, ошибки поправлял, падающих поднимал и направлял опять на путь уклоняющихся с настоящей дороги? Таким образом, для устроения спасения необходимы лица, от лица Божия действующие, которые бы вере учили, освящали благодатью чрез таинства и руководили в жизни, – необходимы пастыри богодарованные и богооставляемые. Их и благоволил учредить Господь. Вот тебе на это апостольское удостоверение! *И Той* (Господь) *дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же пастыри и учители, в совершение святых, в дело служения, в созидание тела Христова* (Еф. 4, 11). Да и само дело показало сие. Господь послал апостолов, чтобы *шедшие вере научали, наученных крестили, крещенных и наученных наставляли блюсти* все заповеданное (Мф. 28, 19–20). Апостолы так и делали. Но как они не вечны, дело же их апостольское должно пребывать во вся веки, то, зная сие, они всюду по Божию повелению оставляли вместо себя преемниками пастырей и учителей, чтоб они продолжали их дело – совершение святых, служение (таинств совершение) и созидание тела Христова. Читай в Деяниях. Вот св. Павел с Варнавой просветили верой Листру, Дервию, Иконию, Антиохию Писидийскую. Пришло время воротиться им туда же, откуда вышли, – в Антиохию Сирийскую. Что же, они так и бросили уверовавших на произвол с одной верой? Нет, они опять прошли по всем городам, все учредили, как им быть и жить по церковному, и для наблюдения и должностного всего исполнения поставили над ними пресвитеров, *рукоположивши их* (Деян. 14, 22–23). То же самое сделал он и для Ефеса

с прочими асийскими городами, везде там наставил чрез рукоположение пастырей и учителей. Затем, когда, проезжая мимо Ефеса морем, не имел он времени побывать там лично, – позвал всех этих пастырей в Милет, где и простился с ними, дав им окончательные наставления по пасению паств их: *Внимайте себе и стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию своей* (Деян. 20, 28). И еще вот что было: возвращаясь из Рима по освобождении от первых уз, апостол заехал на остров Крит и распространил там веру Христову. Но как сам не имел времени всюду поставить пастырей, то нарочно для сего оставил там св. Тита, да устроит по всем градом пресвитеры (Тит. 1, 5). Св. Павел, конечно, и во всех других местах так действовал; а как он действовал, так действовали и все прочие апостолы; ибо действовали не по своему усмотрению, а по повелению Господа. И ни одно общество христианское не было оставляемо без пастырей рукоположенных. Так сие продолжается в Церкви Божией доселе – се закон для верующих: *Повинуйтесь наставником вашим (пастырям) и покарайтесь: тии бо бдят о душах ваших* (Евр. 13, 17). И что сказал Господь апостолам, то и к пастырям должно быть нами относимо: *Слушай вас, Мене слушает: и отметай вас, Мене отмечается. Отметайся же Мене, отмечается Пославшаго Мя* (Лк. 10, 16).

10) Вот четыре пункта, которые мы должны содержать и по которым должны вести дело своего спасения, если желаем воистину спасенными быть. Но есть и еще один, именно: быть в теле Церкви живо сочетанными со всем сонмом верующих. Господь назвал Церковь Свою виноградным деревом, в коем Он лоза, или ствол дерева, а все верующие – ветви на лозе. Церковь, или вся совокупность верующих, есть потому единое нераздельное целое, живо сочетанное с Господом и в себе во всех частях. Как ветвь, отломившись от дерева, засыхает и перестает жить, так перестает жить и всякий, кто каким-либо образом отделяется от Церкви Божией, а через то и от Господа (Ин. 15). Св. Павел яснее это представил, назвав Церковь телом Господа. Мы все верующие тело Христово; Христос же Господь есть глава сего тела. Как в теле всякий член живет не своей, а общей всему телу жизнью, и если отделится от тела, умирает и истлевает, так и ни один верующий не живет особняком, но живет общей всем сонма верующих, или всей Церкви, жизнью, и если отделится от них или отособится, замирает духовно и погибает (1 Кор. 12; Еф. 4; Кол.). Так это велось и доселе ведется в среде истинно верующих, что законом жизни своей, – жизни ведущей ко спасению, считают быть в Церкви. Церковь, исповедуем мы, есть мать наша. И верно слово, что кому Церковь не мать, тому Бог не Отец. А если не Бог ему Отец, то кто же?!? Господь, устроив чрез св. апостолов св. Церковь, все спасительное в нее вложил для хранения и распространения на земле. В ней все тайны веры и все разумение истины; в ней вся благодать и все таинства, подающие ее; в ней истинное пастырство, истинно ко спасению руководящее; на ней почивает благоволение Божие, блодущее ее и послушающее молитвенного гласа ее; ангелы и люди, и вся разумная тварь, объединившись, единому служат всеблагому Богу. Это – быть в теле Церкви и в ней содевать свое спасение, – вот к чему обязывает всякого верующего:

1) веровать, как верует вся Церковь, от начала ее доселе, ее голосом поверять всякое свое или чужое соображение и разрешать всякое рождающееся недоумение, и ни под каким видом не позволять себе допускать что-либо, хоть на волос несогласное с учением Церкви. Ибо она есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15). Внимай, – кто сего не соблюдает, тот язычник и мытарь, по слову Господа (Мф. 18, 17);

2) ни в чем не особиться от всех в порядках церковной жизни; поститься, когда всем предлежит пост, говеть и причащаться св. Христовых Таин, как установлено в Церкви, и все другие соблюдать молитвенные и освятительные священномействия Церкви, повинуясь слову апостола, который запрещает оставлять собрания (Евр. 10, 25);

3) держать то убеждение, что и небесные и земные состоят в непресекаемом между собой общении, живом и непосредственном. Почему наши к ним и о них молитвы и их молитвы о нас и слышатся, и действенны бывают. Мы – свои, родственны и ангелам и всем,

от века Богу угодившим; ибо воцерковляясь, приступаем к граду Бога живаго, Иерусалиму небесному, и тмам ангелов и Церкви первородных, на небесех написанных (Евр. 12, 22–23).

Сведем теперь опять воедино все сказанное о пути спасительном и повторим: «Хощешь спастися?» – Веруй всему богооткровенному учению и, приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, чрез св. таинства живи неуклонно по заповедям Божиим под руководством богоучрежденных пастырей и в послушании им, но все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям, и с ней состоя в живом союзе, – и спасешься.

К сему изображению спасенного пути с дерзновением можно приложить следующее увещание св. Иоанна Богослова: *Всяк преступаяй, и не пребываяй в (сем) учении Христове, Бога не имать: пребываяй же в (сем) учении Христове, сей и Отца и Сына имать. Аще кто приходит к вам, и сего учения не приносит, не приемлите его в дом, и радоватися ему не глаголите: глаголай бо ему радоватися, сообщается делом его злым* (1 Ин. 9–11).

11) После всего сказанного мной пред сим ты уже и сам можешь решить, сколько правды есть в приводимых тобой словах вашего нового учителя. «Однажды, – пишешь ты, – он много толковал вам о том, что непременно надобно устами исповедовать Иисуса Христа, и что как только кто исповедует Его устами, тотчас делается приявшим Его, и Он исполняет его и хранит своей благодатью. К одному он очень приставал: «Исповедуй, исповедуй»; но тот не согласился. Говорил: «Совестно как-то».

И хорошо очень сделал, что не согласился. Прав дух у него, потому что такое исповедание, ни с того ни с сего, противно воле Божией. Чуткая совесть этого доброго христианина и не позволила ему этого сделать. Это было бы фанфаронство и фиглярство. Исповедание Иисуса Христа есть великий подвиг, и Господь обещал за него исповедать исповедавшего Его перед Отцем Небесным (Мф. 10, 32). Но в каких данное обстоятельствах исповедание так ценно в очах Господа? В таких, когда предлежит или исповедать свою веру в Господа Иисуса Христа и за то тут же подвергнуться страшным мукам и быть замучену до смерти, или отвергнуться Христа и принести жертву идолам. Исповедающий Христа в таких обстоятельствах в духе уже подъемлет мученичество. Оттого исповедание его так и ценно. В Церкви Божией исповедники стоят наряду с мучениками. Мученики те, которые, исповедав Христа, были мучены и замучены до смерти; а исповедники те, которые исповедав Христа, были мучены, но по какому-либо случаю не были замучены до смерти. Вот о каком исповедании говорит Господь! Почему оно стоит у Него вместе с противоположным ему отвержением Его. А иже, – говорит, – отвергжется Мене пред человеки, отвергнется его и Аз пред Отцем Моим, Иже есть на небесех. А у вас там есть ли такие обстоятельства, что или исповедуй Христа и страдай, или отвергнись Его, и живи счастливо?! Нет. Стало быть, нет возможности явить и такое исповедание, которое столь ценно в очах Божиих. Пофанфаронить же, пофиглярничать всегда есть возможность. Выбери на улицу и кричи: «Верую во Христа и исповедую». Но такое исповедание будет на ветер, как и то, которого требовал учитель ваш.

Ваш новый учитель с исповеданием соединяет такое обетование: как только исповедуешь устами Христа, так сделаешься приявшим в себя Христа. Откуда это он взял?! Смотри, как Господь и св. апостолы учили о том, как кто приемлет в себя Христа. Св. Павел говорит: *Елицы во Христа крестися, во Христа облекостяся* (Гал. 3, 27). Облекшийся во Христа, конечно принял Его в себя. Следовательно, кто крестится, тот делается приявшим в себя Христа. Пред крещением крещаемый исповедует Христа Господа, читая Символ веры; но чрез это не вселяется в него Христос, а он делается только способным принять Его в себя чрез св. крещение; самое же вселение совершается чрез крещение. Вот как учит апостол; а ваш учитель иначе толкует. Это у него от своего ума, а не от Божия извещения и обетования.

Смотри еще. Господь говорит: *Ядый Мою плоть и пий Мою кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Если Господь пребывает в причаствшемся, то это потому конечно, что в св. причастии он принял Его. Следовательно, причащающийся св. Таин Тела и Крови Христовых сodelывается чрез сие самое приявшим Его. Пред причащением мы исповедуем

Господа, говоря: *Верую Господи и исповедую...* Но не это исповедание вселяет Христа, а самое причащение Тела и Крови. Исповедание же только отверзает вход Господу для принятия Его в таинстве Тела и Крови Его.

Таким образом видишь, что мы в силу крещения и св. причащения соделываемся приявшими Христа, а не в силу одного исповедания Еgo, хотя сие исповедание мы и даем прежде тех таинств. А ваш учитель изобрел иной путь к приятию Господа. Это он делает по своему смыщлению суемудрому.

В другом месте у того же св. Иоанна Богослова Господь указывает иной еще путь к приятию Его, именно исполнение заповедей Его. *Имеяй заповеди Моя, – говорит Он, – и соблюдаяй их, той есть любяй мя: а любяй мя возлюблен будет Отцем Моим. И Аз возлюблю его, и явлюсь ему Сам.* И еще: *Аще кто любит мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 21–23). Не подумай, что это исполнение заповедей пролагает путь к вселению в нас Господа особо или отдельно от крещения и св. причащения. Благодать крещения и св. причастия дает силы к верному исполнению заповедей. Исполнивший все заповеди благоукрашает душу свою всякими добродетелями и делает сердце свое храмом, достойным быть обителю Господа. Он и вселяется в него тогда. Он в нем бывает с минуты св. крещения и еще преискреннее общится с ним во св. причастии. Но помогая ему в жизни святой, все еще не всецело успокаивается в нем, потому что пока не водворятся в душе все добродетели чрез исполнение заповедей, в ней все еще остаются следы страстей, неприятный Господу запах греха. Она и не успокаивается в нем, как бы не доверяя ему, и еще только изготавляя себе покойную Себе в нем обитель. Когда же душа освятится добродетелями, тогда уже Он благонадежно входит в нее, как в дом, и обитает спокойно, нетревожимый неприятными Ему движениями греха и страстей. Таким образом вера привлекает Господа, таинства сподобляют присутствия Его и содействия; когда же верующий, вспомоществуемый Господом, очистит себя от всех страстей исполнением заповедей и внедрением в сердце добродетелей, тогда наконец Господь окончательно вселяется в него и почивает в нем. Вот весь путь к приятию Господа. Оно имеет свои степени, имеет свое начало, продолжение и конец, или завершение. В приведенном месте Господь говорит о сем завершении. Но корень всего дела сего есть принятие Господа в таинствах. Без таинств ни вера, ни добродетели не привлекут Господа. Они могут сделать только то, что Господь имеющего их приведет ради их к принятию таинств, и чрез таинства вселится, как было сие с Корнилием сотником. И исповедание Господа имеет здесь место, но как часть некая приготовительная, а не как то, что всю силу к приятию Господа в себе совмещает.

Исповедовать Господа не то одно имеет значение, чтобы устами сказать, что верую в Господа. Оно значит и вообще быть христианином. Когда нас спрашивают: «Ты какого исповедания?» – и мы ответим: «Христианского», – то этот ответ наш тоже будет значить, что я христианин, или мы христиане. Возьмем теперь это слово в строгом смысле. Что значит быть христианином? Значит и веровать право, и жить свято, и освящаться таинствами, и слушаться руководства пастырей, и к Церкви Божией православной принадлежать, и все ею повелеваемое строго исполнять, – т.е. совершать все то, что, как прежде мы показали, составляет путь ко спасению. Следовательно, исповедует Господа настоящим образом тот, кто, веря в Господа и освящаясь таинствами и благодатные чрез них получая силы, живет свято по заповедям Божиим под руководством пастырей, – и все в духе и по законоположениям св. православной Церкви. Вот настоящий исповедник! А не тот, кто устами только исповедует Господа. Св. Иоанн Богослов в первом своем послании, говоря об исповедании, разумеет именно такое деятельное исповедание.

Ваш учитель плодом устного исповедания Господа считает еще исполнение исповедающего Господа благодатью. Если б исповедание вселяло Господа, то исполняло бы и благодатью, ибо благодать есть присенчение нас Господом и Его общение с нами. Но как пред сим объяснено, что Господь вселяется не чрез исповедание, а чрез таинства, то очевидно, что благодатью исполняет не исповедание, а по исповедании или при

исповедании таинства. И выше еще я тебе объяснял, что благодать не иначе подается, как чрез таинства. И не было в Церкви Божией случая, чтоб она исполняла кого иным каким образом. Следовательно, нельзя так думать, будто одним устным исповеданием можно получать благодать. Это очень похоже на то: разинь рот, и втечет благодать. По этому применению очень верно можно назвать учителя вашего и тех, которые соглашаются с его учением и одним устным исповеданием чают получить благодать, *ротозеями*.

12) Пишешь, что ваш новый учитель «молится своими молитвами, но что при молитве ни крестного знамения не кладет на себя, ни поклонов не делает».

Вот видишь, какой он модник? Весь мир христианский кладет крестное знамение, даже и те, которые неправо исповедуют веру Христову; а он стыдится. Кто кладет крестное знамение, тот без слова исповедует Господа Иисуса Христа, за нас претерпевшего крестное распятие и смерть, и тем нас искупившего. Учитель ваш кричит: «Исповедуй Христа устами»; а вы бы приступили к нему и его понуждали: «Исповедуй Христа крестным знамением». Все одно: и там исповедание и здесь; только там – словом, а здесь – делом. Дело сильнее слова. Он говорил тому, кто отказался исповедовать устами Господа: «А! стыдишься пред человеками!» Говорите и вы ему: «И ты стыдишься положить крестное знамение; но как оно есть тоже исповедание, то выходит, что сам ты стыдишься исповедовать Господа пред человеками».

Св. Василий Великий свидетельствует, что полагать крестное знамение установлено апостолами и что крестное знамение, с верой полагаемое, отражает невидимых врагов, разоряет все их козни и ограждает от их нападений. Господь крестом разрушил всю силу вражью. Знают сие враги, и бежат от крестного знамения. А кто не творит крестного знамения и не ограждает себя им, к тому враги имеют свободный доступ. Христианин без крестного знамения – что воин без оружия. Враг помышляет им, как захочет.

Крестным знамением освящаются все божественные таинства; им же совершаются освящение и всякой вещи потребной для жизни. Так прияла св. Церковь от апостолов, и так действуют все христиане. Отсюда естественно рождается вопрос, христианин ли тот, кто чуждается крестного знамения?

Наклонением головы мы обычно свидетельствуем и почтение и покорность. Сколько неотложно приступающему с молитвой к Богу иметь на сердце полное пред Ним благоговеинство и совершенную покорность, столько же неизбежно свидетельствовать пред Ним, невидимым, сии чувства поклонением. Христиане все и покланяются Господу телесно во свидетельство внутреннего пред Ним страха и полной преданности в волю Его. Кто не кланяется, тот подвергает сомнению, есть ли и в нем такие чувства. Но если их нет, что же его молитва? У нас есть поговорка: «У него шея не гнется», в показание, что человек такой духа непокоривого, знать никого не хочет. Не такого ли духа и тот, кто не кладет поклоны в молитве. Всяко это худой обычай. Шапки не ломает, – скажу просторечиво, и это перед Богом.

13) Пишешь: «Мне сказывали верные люди, что и учитель наш новый, и все, которые его держатся, в церковь не ходят, святых не призывают в молитвах, – ни Божией Матери, ни ангелов, ни апостолов и пророков, ни великих святителей, мучеников и преподобных, не соблюдают постов, не говеют, не исповедуются и не причащаются св. Христовых Таин и праздников не знают».

Вот видишь, какие они молодцы? Настоящие молоканы хоть научились таким премудростям у англичанина. Наши молоканы и духоборцы считают себя духовными христианами, людьми Божиими, святыми, для которых не нужны никакие внешние порядки церковные, никакие подвиги и никакие освятительные таинства и священномействия. И ваши ротозеи – одного с ними покроя. И я не умею понять, чего же вы там гоняетесь за этим новым учителем, или позволяете ему жужжать вам в уши своим пусторечием?! Ведь после того, что ты сказал, уж осознательно ясно, что он отпал от святой православной Церкви, и если мычется с своим учением, то затем, чтоб и вас отбить от Церкви и составить

особую какую-нибудь секту, чуждую Церкви и богоотверженную. А вы все же льнете к нему, как неразумные мухи к отравленной влаге.

Писать тебе, что учитель ваш и весь его скоп находятся в большом заблуждении, не принимая вместе с Церковью прописанных тобой пунктов, не буду. Но советую тебе достать книгу *Камень веры* Стефана Яворского. Там все те пункты защищены, не принимающие их обличены. Прочитай со вниманием и усвой написанное. Тогда этим камнем будешь легко заграждать уста глаголющих ложь и сокрушать зубы погрешивших против истины, дерзко однако же выступающих с словом своим, полным лжи и лукавства. Книга та писана против протестантов. Но протестанты то же, что молоканы, только немецкие, как и эти ваши новшаки-молоканы английского покроя.

14) Пишешь: «Между нами ходит недоумение, чего ради наши пастыри молчат. Тот учитель всюду разъезжает, хлопочет, учит, говорит с воодушевлением. А наши молчат. И в церкви редко кто из них говорит поучения, только службы исправляют. Нужно бы живое слово, а его нет».

Спрошу и я тебя: «А вы обращались к своим пастырям с вопросом, что вот-де ходит какой-то учитель, собирает нас и учит, – посмотрели бы, хорошо ли он учит?» Ни один. Вот сколько раз ты писал ко мне, за тридевять земель, – и ни разу не помянул, чтоб обращался к своему пастырю, который у тебя под боком и которого ты видишь каждое воскресенье и праздник. Как же после этого пастыри узнают, что у вас там деетсятайком? Пастырь ваш приходит в церковь, видит собранными своих прихожан и усердно молящимися, – и покоен, будучи посему уверен, что пасомые им состоят в своем должном чине. Догматы ведь вы знаете, заповеди тожепомните, Церкви Божией во всем покорны. Что еще вам говорить? Разве только иногда пояснить для вас то догмат какой, то заповедь какую или какое-либо таинство. Но это и делается, как сам ты пишешь, иногда. Да и без того все наше богослужение так составлено, что внимательному приводит на память и догматы, и правила жизни, а прилепляясь к Богу научает самим своим действием. И одно побывание в церкви поновляет весь религиозный дух, как это все испытывают. Я согласен с тобой, что пастырям следует чаще вести с своими пасомыми беседы в церкви или вне церкви заводить собеседования. Но на то не могу согласиться, будто поелику этого нет и не бывает, то пасомые совсем лишены всякой духовной пищи. Да и в том, что так не бывает, я готов, если уж надо обвинять, обвинять не менее и вас пасомых, чем пастырей ваших. Изъявите желание, попросите, – и какой пастырь откажется удовлетворить такое доброделание ваше? Сами вы чуждаетесь пастырей, и когда случается с кем из них встретиться, не заводите речей о потребностях веры. Смотря на вас, и он не заводит таких речей. А затем и в церкви не говорит поучений, боясь надокучить вам и от церкви отбить. Я не оправдываю молчащих пастырей: их долг есть разохотить себя говорить, а пасомых своих – слушать. Но напоминаю только, что тут и ваша есть вина.

Ты говоришь: «Наши молчат, а тот хлопочет». Тот хлопочет оттого, что надо набрать себе учеников и последователей; а когда наберет, и он замолчит, потому что ученики, какие прильнут к нему, будут знать все, чему он учит обычно. Да и то надо ведать, что хлопоты, беготня, кричание, – не означает здравого положения дел. Посмотри на тело. Когда оно здорово, то в нем все отправления совершаются покойно: пульс не част, дыхание ровно, голова свежа, напряжение нервов и мускулов верно. Но как только что-либо из сего выйдет из своей меры, – покой отправлений нарушается, и тело является нездоровым. То же самое в деле веры и спасения. Вы, – целым приходом своим, – составляете малое тело церковное. Все спасительные отправления идут у вас покойно; вы содержите веру, стараетесь жить по-христиански, освящаетесь таинствами, соблюдаете все порядки церковные и слушаетесь своих пастырей. Дело спасения всех и каждого у вас идет мирно, хотя в среде вас ничего не видно выдающегося. Как здоровое тело растет и живет незаметно, так и вы живете и растете духовно, хоть это и незаметно. Таким образом то, что тот мычется и хлопочет, а у вас все идет покойно, не означает, что вы в худшем, сравнительно с ним, положении; а напротив, это-то покойное течение у вас дел по части спасения означает, что вы находитесь

в здравом состоянии. Вы *течете добре*; тот же крикун находится не в нормальном положении; и то, что мычется он, подает мысль, что он из числа угорелых. Если кто при покойном течении у вас религиозных дел предается нерадению и беспечности о спасении, то это худо. Но если всякой по мере сил своих делает усердно все, что делать обязывает его христианская совесть, хотя при сем никто нечем не выдается из других, то дело спасения вашего в порядке, и нечего вам беспокоиться из-за сего и спешить вслед кого-либо потому только, что он представляет нечто выдающееся. Припомни, что в начале говорил я о хоре поющих, – что выдающийся худо делает. Это же служит в пояснение и того, что я теперь говорю.

Теперь я сказал тебе все, к чему подавало повод письмо твое. Остается прибавить, как сам ты видишь, только: брось ты этого нового учителя, молоканина заблуждшегося, и держись, как всегда держался, св. православной Церкви и ее паstryрей. То же посоветуй и всем своим. Помыкались за этим крикуном, поглазели на него, почесали слух свой его речами подслащенными, и довольно. К добру он не поведет. Для того же, чтоб тебе покрепче быть духом против прелестей его сладкоречия, достань, как я поминал тебе, *Камень Веры* и читай. А лучше соберитесь все, которые осквернили слух свой чуждыми Церкви еретическими речами, и читайте, – и отчитывайте себя от сего наваждения вражьего.

9. О хороших и неисправных священниках. О всеусердной молитве Господу об исправлении ближнего

«Был у нас хороший священник, но переведен в другой приход. На его место поступил другой, от которого скорбь на душе. В службе небрежен и скор, разговоры, когда случатся, ведет все о пустяках; о деле же Божием, если и заговорит, то все с какими-то ограничениями и урезаниями строгой истины. Как избавиться от такого соблазна?»

Сами виноваты. Плохо пользовались хорошим священником; Господь и взял его. Скажите, стали вы лучше от прежнего хорошего священника? Вот и заикнетесь сказать: «Да». А я издали скажу, что не стали лучше, потому судя, что осуждаете нового священника, не умея держать своих в отношении к нему чувств, как должно. Ведь и прежде теперь отшедшего от вас хорошего священника у вас был хороший священник; и который прежде того был, был хороший. Видите, сколько вам хороших священников посыпал Господь; а вы все те же неисправные. Вот Он и положил: «Что на этих тратить хороших священников? Пошли им не так исправного». И послал. Видя это, вам следовало поскорее на себя обратиться, покаяться и стать более исправными, а вы только судите, да пересуждаете. Станьте исправными; тогда и священник тотчас переменится. Подумает: «С этими нельзя кое-как исправлять дело священное; надо благоговейно служить и назидательные вести беседы». И исправится. Священники если бывают небрежны и скоры в служении, а в беседах пусторечивы, то большей частью применяясь к прихожанам.

Говоря так, я не оправдываю священника. Ему нет извинения, если он не только противоставным действованием, но даже действованием по уставу неразумным соблазняет вверенные ему души. Но говорю только, что вам пригоже в данном случае делать. И первое я уже сказал: не судите, но на себя обратитесь и себя явите более исправными и в молитве, и в беседах, и во всем поведении. Затем молитесь всеусердно, чтоб Господь исправил священника. И Он исправит. Только молитесь как следует. Господь сказал, что если двое совещаются о некоей вещи, и станут молиться, то будет им по прошению их (Мф. 18, 19). Так вот соберитесь все благомыслящие прихожане и положите молиться о священнике; к молитве присоедините пост и усугубите милостыню; и делайте это не день, не два, а недели, месяцы, год. Трудите и томите себя всесокрушенno, пока не изменится священник. И изменится; будьте уверены, что изменится. Я недавно слышал о подобном подвиге и плоде его. Одна старица, простая селянка, великая благоговейница, увидела, что некто, ею уважаемый, начал несколько отступать от обычной ему строгости жизни, и возболезновала о том; пришла домой, заперлась в свою каютку и стала на

молитву, сказав Господу: «С места не сойду, крохи хлеба не вкушу, капли воды не выпью, и очам моим сна на минуту не дам, пока не услышишь меня, Господи, и опять на прежнее не воротишь этого человека». – Как решила, так и делала, трудила себя в молитве и томила сокрушенными слезами, докучая Господу услышать ее. Истомилась уже, уже силы начали ее оставлять; а она все свое: «Хоть умру, а не отступлю, пока не услышит меня Господь». – И услышал. Пришло ей удостоверение, что тот, о ком она молилась, опять стал держать себя по-старому. Сбегала посмотреть, увидела, что так есть, и воспраздновала. Благодарным слезам ее конца не было. Так вот какую устройте молитву, – хоть не такую по форме, потому что может быть для вас и неудобно так сделать, как сделала она, но такую по усердию, самопожертвованию и неотступности. И несомненно получите желаемое. Если же вы так, мимоходом только, будете иногда дома, или в церкви, или при разговоре говорить: «Дай-то ему, Господи, стать хорошим» – то какого плода ожидать от такой молитвы? Да это и не молитва, а простые слова.

Это я вам главное сказал. Прибавил бы и еще одно; но оно таково, что исполнить его так, чтобы оно довело до цели, весьма затруднительно. Разумею вот что! Можно вам, благомыслящим и почетным, прийти к священнику и просить его, чтобы изменил в образе своего действования то, что вас смущает и соблазняет. Сделать это – ничего нет проще: но сделать так, чтобы это принесло плод, крайне затруднительно. Надобно, чтобы у вас и взор, и мина, и тон речи, а не только содержание – все дышало самой искренней и горячей любовью. Тогда можно надеяться, что это доведет до цели. А без этого лучше не браться за такой шаг: хуже выйдет, произойдет разлад самый скорбный. Написать к нему все, может быть, удобнее, но опять все дело в духе любви всепобеждающей. И этим также можно испортить дело, как и лично явясь к священнику. Вот почему я и не решаюсь безусловно рекомендовать этого приема. Я знаю, что он может увенчаться успехом, но главное в должном выполнении. Прийти к священнику или заочно написать ему и все высказать самым учтивым образом, на это найдется много способных; но для успеха требуется иное нечто, чем вежливость. Вежливость без любви – жало уязвляющее. Думается, что в иных местах так поступают и потом твердят: мы свое дело сделали! А я скажу, что лучше б было, если б не делали.

Больше этого я вам ничего не скажу; разве еще терпите. Есть еще законные способы; но те не по моей части, и я умолчу о них.

10. О молитве. О стяжании нерассеянной молитвы. Настоящая молитва есть возношение ума и сердца к Богу

«Никак не управляюсь с молитвой; все мысли разбегаются. Некто посоветовал мне выучить молитвы на память, уверяя, что когда стану читать их на память, то мысли меньше будут разбегаться. Я выучила и читаю на память, но рассеяние не уменьшается; и двух слов не скажешь, как мыслью далеко уйдешь от молитвы; то и дело надо заставлять себя возвращаться назад. Уж как бы мне хотелось научиться быть нерассеянной в молитве».

Нерассеянная молитва есть дар Божий, который дается усиленным искателям. Так *ищите и обрящете*. Вы, кажется, знаете правило св. Макария Великого, что если хочешь стяжать какую-либо добродетель, то нудь себя на нее, или упражняйся претрудно в делании ее; и Господь, видя труд твой и то, с каким усердием ты ищешь такой добродетели, даст тебе ее, привьет ее к сердцу твоему, так что она будет у тебя будто естественное чувство и расположение. Тот же закон и для стяжания нерассеянной молитвы. Употребляйте неленостно всякий возможный для вас труд молитвенный, – и Господь даст вам наконец молитву нерассеянную. Ходите в церковь, что лучше всего развивает дух молитвенный, дома молитесь по молитвеннику или на память, читайте готовые молитвы или свои собственные слагайте по состоянию вашего духа, и стоя, и сидя, и ходя, и работая – все твердите какую либо молитву или стишок из псалмов; но все сие и всегда с усердием, с желанием молитвы, со страхом Божиим и сокрушением сердечным, без всякой поблажки

рассеянию мыслей, – и притом непрерывно, зарядите так, да уж и тяните не послабляя и не отступая, пока не придет настоящая, из сердца исходящая молитва – дар Божий.

Заучивание молитв есть один из приемов молитвенного труда. А вам подумалось, что коль скоро заучите молитвы и станете читать их на память, молитва так и польется из сердца. Теперь видите, что такое ожидание не оправдывается делом. Но не заучивание молитв и чтение их на память виноваты, а приемы, какие в том и другом деле употребляются, приемы, зависящие от заучивающего и читающего на память.

Заучивать молитвы надобно не столько памятью, сколько умом и сердцем. Надобно войти в дух молитвы, исчерпать подаваемые ею мысли, усвоить их и прочувствовать так, чтобы, когда станете читать заученную молитву на память, мысль и чувство шли вперед, а за ними слова молитвы. Как видите, и здесь требуется напряженное внимание и некое давление на сердце для вызова потребных чувств. И тогда такое молитвословие будет сильным средством к воспитанию духа молитвенного. Заученная молитва есть уже неким образом внутренняя. От нее скорее или ближе переход к молитве в сердце и из сердца. Попробуйте, читая молитвы на память, направлять мысленное их чтение внутрь сердца, как бы в пустой некий сосуд. Если это удастся вам устроить, то навык нерассеиваться в молитве пойдет у вас успешнее.

Но все же и это прием к стяжанию настоящей молитвы, а не самая молитва, которая есть ума и сердца возношение к Богу. Приступая к молитвословию, всегда надо предварительно ум и сердце настраивать к молитве, подвигши их на благоговейный страх Божий и сердечное сокрушение. Св. Василий Великий советует всякую молитву начинать воспоминанием великих благодатей Божиих и благодарением за них; к сему присоединять воспоминание о грехах, оскорблявших Благодетеля и сердечное о них сокрушение, и затем уже возносить к Богу свои прошения о чувствуемых нуждах, по внутренней или внешней жизни, имея в мысли все обращать во славу Божию. Мне думается, что если так приготовляться к каждому молитвословию, то оно будет проходить с меньшим отбеганием мыслей.

Но опять и это труд молитвенный, а не самая молитва, – настоящая, что из сердца идет. Этой ищите, к этой стремитесь, эту стяжать взревнуйте. Но помните, что без труда долгого, непрерывного, нудного и болезненного ничего не получите. В Добротолюбии пишется про одного старца, что он два года бился, ища сей молитвы; насилиу загорелась. Но как загорелась, так уж и стала гореть, не переставая. Тогда и разбеганию мыслей конец настал. Идите и сами сим путем и дойдете.

11. О тщеславии. Крайняя пагуба от тщеславия. Как бороться с ним

«Что мне делать с тщеславием? Мне кажется, что я ничего не делаю на показ; но после дела не могу удержаться, чтоб не протрубить пред собою. Я, конечно, не говорю никому, что вот как хорошо я сделала то или другое. Но внутри трубится, что я лучше других, и делаю лучше, чем другие. И знаю, что это дурно; но оно всегда делается во мне».

Хорошо, по крайней мере, что замечаете эту худобу и желаете исправиться. Приложите труд к исправлению и молитву о том, и Господь поможет; успеете изгнать этого врага. Это враг самый зловредный и вместе самый льстивый. Он делает человека похожим на работника, который что ни заработает, все то зараз поедает, ничего не оставляя назавтра. Кто отщеславился, тот уже восприял мзду свою; и в будущем не за что ему воздавать. Он всегда гол, как проматывающий все свое. Голым явится и на том свете. Только грехи его перейдут с ним, а добрые дела, которые могли бы послужить противовесом им, никакой цены иметь не будут. Вот какая от тщеславия крайняя пагуба! А между тем, пред собой ли трубить, или слушать трубление совне, куда как сладко, будто конфеты глотаешь. Так вы хорошо делаете, что имеете желание избавиться от этого льстивого врага.

Но как успеть в этом? – Боритесь и одолеете. Только не переставайте и никакой поблажки себе не давайте в этом. Первое, что надобно, это есть сознать и прочувствовать, что такого рода помысл есть враг. Затем как только появится он, спешите восставлять такое

сознание и чувство. Оно непременно отзовется неприязнью к сему помыслу, которая и оттолкнет его. Возыметь неприязнь к помыслу есть то же, что в грудь кого подать. Кого в грудь подали, валится наземь; а помысл, неприязнью пораженный, бежит вон из души. Сделайте так несколько раз поусерднее, и помысл тот перестанет показываться, или вы навыкнете так легко и скоро управляться с ним, что не успеет он явиться, как и прогнан будет.

Между тем не забывайте подогревать чувство неприязни к нему. Для сего почаще прочитывайте наставления Спасителя о милостыне, посте и молитве (Мф. 6), и ту притчу, из которой Господь вывел такой урок: *Глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны бехом сотворити сотворихом* (Лк. 17, 10). Также и апостольский урок припомнайте: *что хвалишися?* (1 Кор. 4, 7).

Возьмите также во внимание и то, с кем вы себя сравниваете, трубя, что и вы и дела ваши лучше их. Если они меньше вас по возрасту и способностям, то тут нечем хвалиться. Это само собой бывает, что кто постарше, тот все делает получше младших. Подрастут, и те станут не хуже вас работать, а может быть и лучше. Так вы не с этими сравнивайте себя, а с теми, которые повыше вас. Тогда может быть и не придется трубить: «Лучше я и мои дела; а скорее смириТЬся, что далеко еще вам до того, чтобы можно было чем-либо похвалиться».

Я бы еще спросил вас: то, что вы делаете, отвечает ли мере ваших способностей? Посмотрите-ка получше, и, может быть, окажется, что хоть и хорошо делаемое вами, но далеко не отвечает мере ваших сил, следовало бы еще раз в пять или десять делать лучше. Если действительно это вы увидите, – а большей частью, если не всегда, это именно приходится узревать, когда смотрят на дела свои с этой точки, то вместо трубления скорее придется сокрушиться, что не отвечает намерениям о вас Того, Кто даровал вам силы тела и души.

Потрудитесь так поупражняться над собой, и наверное можно положить, что скоро получите успех. Но молитва к Господу само собой должна идти об руку с своим трудом над собой, а также усердная ревность достигнуть желаемой цели, без всякой себе поблажки.

12. О борьбе с рассеянием. Как стяжать и уберечь внутреннюю теплоту и собранность. Как всем делам придавать угодный Богу характер

«Утром помолишься, почитаешь, – и посогреешься немного; но потом пойдут дела одно за другим, и все разобьют, – станешь, как камень. Как бы это сберечь утреннюю собранность и теплоту?»

Собранность и теплота сами собой станут неотлучно пребывать в душе, при всех делах и разволоках, когда сделаются существенным качеством внутренней жизни вашей. А на эту степень они взойдут вместе с тем, как в душе загорится молитвенный огонек, о коем я писал вам прежде (письмо 10). Но и до того времени можно употреблять некоторые приемы, чтобы при делах и встречах меньше рассеиваться. Первое, никогда не спешите и не суетитесь, действуя будто вспыхах. Делайте все не спеша, как кто несет стакан воды, боясь расплескать его, но без ненужной мешкотности, стараясь все сделать наилучшим образом. Чтобы при этом душа ваша всегда оставалась на месте, сядьте и переберите все, обычно бывающие у вас дела и встречи, и наперед определите, как в каком деле и случае держать себя, чтобы не развлечься крепко. Если опыт подтвердит, что придуманное вами ведет к цели, всегда и поступайте по придуманному; а если окажется, что оно не годится, придумайте на место его другое что. Так поступая, вы скоро найдете для себя образ себяодержания, наиболее пригодный к сохранению нерассеяния мыслей и сердечной теплоты.

Второе, – ничего не делайте спустя рукава, а все с опасливостью, как бы кто властный на вас смотрел и готов был тотчас с вас взыскать за всякую оплошность. И в самом деле так есть. Есть всевидящее око Божие, на вас обращенное, есть Ангел-хранитель, всегда вам сопутствующий; и святые Божии видят нас.

Третье, – дела, какие приходится вам делать, хоть больше суть житейские, но все могут быть делаемы так, что чрез этот образ действования получат нравственный Богу угодный характер. Ничего не делайте в угоду себе, а все в помощь и к удовольствию окружающих вас; и будете упражняться самоотвержение и любовь. Если при этом ко всякому делу успеете вы приложить соответствующую ему заповедь Божию, чтоб потом уже делать его из покорности воле Божией, любви к Богу и из желания благоугождать Ему, то чрез это сделаете, что среди житейских дел будете будто на послугах у Бога. Такая мысль больше всего другого сильна держать душу в нерассеянном внимании.

Я думаю, что этого довольно к тому, чтоб более не случалось с вами то, на что вы жалуетесь. Но, конечно, все от усердия, с каким беретесь за дело духовное. Вялое действие похоже на переваливание с ноги на ногу, никуда негоже и ни к какому добруму концу не приведет

13. О борьбе с утомлением, разлениением души и слабением воли. Как отогреть охладевшую душу

«Вот что бывает со мною! Несколько дней настроение лучше, чаще приходишь в себя, про себя и помолишься даже за работой; затем опять нападет какое-то утомление и разлечение, воля слабеет, желания даже нет заняться духовным; потом это опять перейдет, и явится хоть маленько желание помолиться».

Так что же? Видите, что это приходит и отходит. Потому когда придет, нечего ужасаться, как некоей неисправимой беды. Может быть, это от случайной немощи телесной, может быть, от потребности отдыха душевного, может быть это суть неизбежные случайности по условиям роста духовного. Но от чего бы это ни происходило, ужасаться этого не следует. Ужасаться не следует, но и равнодушной к сему оставаться не должно. Надо себя растревожить, напрягать, нудить. Дерево холодно; а потри дерево об дерево, они согреются и даже загорятся. Так и охладевшую душу надо тереть. Как? Если можете, уединитесь и кладите поклоны, взывая к Господу Спасителю согреть душу. Еще лучше, если можете сбегать в церковь. А может быть, и еще лучше занять внимание размышлением о таинствах веры нашей, которые все возбудительны; особенно же такого свойства есть страдание и смерть Господа Спасителя. Твердите нечувственной душе: «Столько для твоего спасения сделал Господь, а ты, как камень, и шевельнуться не хочешь». Помяните смерть и суд и последнее решение: отойди или приди, – и не дивно, что там страх поразит, а здесь надежда обвеселит. Наводите на душу такие созерцания, то одно за другим, то все вместе, – и она расшевелится. Как зажигательное стекло, сводя рассеянные лучи в одну точку, зажигает, так и эти созерцания, сосредоточиваясь во внимании над сердцем, разогреют его, возбудят энергию, и охватившая вас холодность и вялость испарятся.

Думается, что неплохо будет в эту пору сделать какое-либо доброе дело, требующее напряжения, например, посетить болящего, послужить ему и помочь или к бедному кому зайти и утешить словом или посильной помощью.

Как бы то ни было, но не оставляйте себя без трения и нуждения. И Господь, видя, как вы бьетесь, сжалится над вами и поспешит вам помочь.

14. По поводу выбора безбрачия. О ревности об исполнении заповедей. О стяжании чистоты сердечной. О внутренней браны

«Связывать себя я не желаю ни брачными узами, ни какими-либо обетами; но искренно желаю так настроиться внутри, как этого желает Господь и Спаситель наш, чтоб быть своей Ему, а не чужою».

Благослови Господи! Избираете благую часть Марии; сидите же при ногу Иисусову и слушайте слово Его. Всю печаль вашу возверзите на Него и Он устроит в вас и с вами благоугодное пред Ним. Он говорит: Я путь, истина и живот (Ин. 14, 6). Предайте же себя

Ему, – и Он и путь вам укажет, и истиной вас просветит, и жизнью вас преисполнит. Возлюбите Его и сочетавшись с Ним этой любовью, чаще помышляйте о Нем, нежели сколько дышите. Тогда и Господь вас возлюбит, или лучше возблаговолит явить к вам любовь Свою; а любить Он любит всех нас, не дожидаясь нашего возлюбления Его.

Предаваясь однако ж так Господу, вам самим не следует сидеть поджавши руки. Ревностью ревнуйте, чтобы понравиться возлюбленному вами Господу. Как? Об этом Он сам ясно сказал, что кто хочет Ему понравиться, пусть строго исполняет заповеди Его. И возревнуйте об исполнении сих заповедей. Только не забудьте, что заповеди Христовы не столько на дела напирают, сколько на чувства и расположения, как это вы видите в Его Нагорной беседе. Господь требует в них чистого и благонастроенного сердца. Этого же вы и сами хотите. И прекрасно! Направьте же сюда весь свой труд.

Нечистым сердце делают страшные мысли, чувства и желания. Войдите же в свое сердце вниманием, и как только заметите, что там возникает какое-либо страшное движение, тотчас поsekайте его, и своим напряжением сопротивительным, и паче молитвой к возлюбленному вами Господу. Такой труд называется внутренней бранью. Без нее не явиться вам чистою и не угодить Господу.

Успеха в сей внутренней брани нельзя ожидать без внешних подвигов уединения, поста, бдения, труда, молитвы и чтения, и подобного. Беритесь и за это, не жалея себя.

Сила, подъемлющая тот и другой труд, есть ревность о спасении, чрез богоугождение во славу Божию. Ревность сия требует живого, энергичного делания всего, что сознается должным, без саможаления, в надежде на всегда готовую помочь Господа Спасителя благодатию Его. Труд большой, но и сила немалая: от вас ревность – от Господа благодатная помощь.

Вот и все настроение, которого вы желали. Какой итог всего будет? Самоотверженная любовь к Господу, и ради Его ко всем.

15. О достойном причащении. Как часто следует причащаться

«Наша семья исстари, еще от дедов и прадедов, держит обычай исповедаться и причащаться все четыре поста. В нашем приходе и другие некоторые семейства делают то же. И никто уже не дивится сему. Но мне приходит желание увеличить это число говений и св. причащений: два бы раза в Великий и два бы раза в Рождественский посты; а то и еще когда-нибудь. Но стань это делать в нашем приходе, все заметят, – и говор, а мне этого не хочется. Можно ли мне исполнить это в другом приходе? Я знаю одного священника, который очень любит, когда кто часто причащается, и всем советует это. К нему бы я и пошла».

Можно. Желание ваше хорошо и спасительно. Помоги вам Господи исполнить его. Но смотрите, – подымется опять труба пред собой. Поопаситесь и так себя наладьте, чтобы для сей трубы воздуха недоставало.

Самое же дело очень помощно тем, кои взыскивают живейшего общения с Господом. Ибо Господь сказал: *Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Так Он обетовал, и как сам же Он есть и исполнитель сего, то всеконечно так и бывает с достойно причащающимися. Об этом только и заботьтесь, чтобы достойно причащаться. Как? Это думаю вам уже известно: совесть очистите, веру и любовь к Господу паче оживите, обет всесторонней исправности обновите, – и приступайте с благоговейным страхом, но и с дерзновением уповательным, предавая себя в руки желающего вам спасения Господа. Созерцайте при сем умно самого Господа причащающего. Ибо Он сам причащает, руки священника только орудием служат.

Не пришло бы вам на мысль смутиться, что другого духовника придется иметь. Веруйте крепко, что приемлет исповедь и разрешает исповеданные грехи Господь, чрез уши и уста духовного отца. А Господь один есть. Следовательно, что два духовника, это никакого ущерба таинству исповеди не причинит. Только все, что на душе есть, как бремя тяготящее

много или мало, открывайте, не утаивая и не удерживаясь от сего стыдом, ибо открывать будете Тому, Кто уже давно все знает.

Хорошо тот священник делает, что располагает к частому причащению. Частое говение с исповедью и святым причастием есть наисильнейшее воспитательное средство в духовной жизни. Так благослови вас, Господи, и помоги вам!

16. О борьбе с осуждением и злословием. Осуждение навлекает строгий суд. Вместо осуждения надо молиться о ближних. Переучивать надо себя, а не других

«Увлекаюсь разговорами, и впадаю в грех осуждения. Я стараюсь не осуждать и не злословить. Но пока молчу – ничего; а как заговорила, так точно потемнение найдет: опомнившись, – уж наговорила и назлословила».

За это, конечно, не следует похвалить; но это непохваление многое смягчается тем, что вы сами замечаете свою худобу и имеете желание избавиться от ней. И продолжайте так. Всякий раз, заметив эту проруху, делайте сами себе посильнее заслуженную нотацию, когда остаетесь одни, соображая вместе с тем, как бы умудриться вести обычные и даже веселые разговоры, и не попускать языку своему сбиваться на эту не совсем чистую тропу. Трудясь так, и перепробовав несколько приемов, наконец дойдете до навыка не осуждать. К труду же сему воодушевляйте себя тем верным помышлением, что вы ничем столько не оскорбляете любимого вами Господа, как этим грехом, ибо Его власть восхищаете. И себя ничем так не подвергаете вы опасности быть осужденной, как этим, ибо строго судя других, и на себя навлекаете строгий суд. *Имже бо судом судите, судят вам* (Мф. 7, 2). Почаще прочитывайте эти и другие, там же написанные, слова Господа.

Конечно, того, что худо, нельзя называть хорошим. Но видя то, не осуждать следует брата или сестру, а жалеть о них, и жалея, молиться от сердца, чтоб Господь вразумил их и отрезвил, и дал силу стать твердой ногой в должный чин требуемой их положением жизни. Если при взгляде на погрешности других, мысли ваши примут такое направление, то это будет делом любви. В разговоре, впрочем, не всегда удобно это высказывать; но всегда можно приискать нечто смягчающее и оправдывающее. Защита тоже будет делом любви. Или лучше заминать такие разговоры, отводя их на другие предметы. Не умеете, перемолчать можно, пока истощится весь поток пересудов, внутренне молясь об осуждаемых. Других нам с вами не переучить, а себя и можно и должно переучивать.

17. О борьбе с властолюбием

«Часто прорывается у меня в речи настойчивый тон; не терплю противоречия; и резкостью нередко оскорбляю близких своих».

Сказали бы прямее: хочу быть царицей в своем кругу, чтоб двигалось по моему мановению. Это есть властолюбие, одна из первородных дщерей гордыни, содружница раздражения и ярости. Вот в какой разряд ставят вас те, по временам прорывающиеся у вас, движения и действия. Сами видите, что надо озаботиться пресечь их порождение, чтоб они из маленьких, какими являются теперь, не возмужали и не сделали из вас несноснейшую персону, людьми нетерпимую и Богу противную. И возьмитесь за это больше, нежели за что другое, ибо эти движения показывают, что там, в самой глубине сердца, лежит что-то очень дурное и пагубное.

Что же именно делать для успеха? – Так как вы замечаете уже эти движения и сознаете худобу их; то *первое*, что при сем нужно, уже имеется. Второе будет – делать не по их внушению, а наперекор им. Это будет то же, что клин клином выбивать. Вместо властолюбивого тона приказаний возьмите навык всегда просить и предлагать: «Не угодно ли?» – наперед готовясь, если прошение и предложение не будут приняты, или усилить их, или смиренно уступить. Самое же лучшее – самим больше делать, чем возлагать бремя дел на других. Спаситель, заповедав избирать паче быть всем слугой, чем набольшим, указал на

самое действительное средство к подавлению властолюбия. Кто положил быть всем слугой, не позволит себе употребить резкого слова и оскорбиться, встретив противоречие. Действование наперекор возникающим движениям такого рода ослабит их, сделает редкими и совсем уничтожит. Но при сем следует, в-третьих, действовать в духе покаянного смирения, с молитвенным ко Господу обращением. Это придает действованию дышащую любовью мягкость и нраву непрятательному привлекательность. Следствием сего будет со стороны всех готовность слушаться и самоохотно во всем покорствовать, предупреждая желания и без приказаний исполняя их.

Вот этим путем потрудитесь достигнуть в своем кругу чина царицы. Тогда будете без властолюбия всеми властвовать, не будете терпеть противоречий, потому что не встретите их; не оскорбите никого и резкостью речи, потому что не будет к тому поводов. Все будет двигаться по вашему мановению; а вы и замечать того не будете. Конечно, это труд целой жизни; но как видите, есть из-за чего потрудиться! Благослови Господи!

18. О заучивании Евангелия на память. О приложении Евангелия к своей жизни

«Не раз я уже перечитывала Евангелие, но в памяти редко что осталось. Почему издавна мне приходило желание учить наизусть Евангелие, но по нерадению так это и оставалось пустым желанием без исполнения. Теперь же я наконец решилась исполнить это, и вот уже несколько глав выучила. Хорошо ли это?»

И очень хорошо! Какие для нас слова дороже словес Спасителя нашего? И чем лучше освятить нам ум свой и память, как не ими? Вы попали на правило устава св. Пахомия. Он требовал, чтоб иноки его знали наизусть Псалтирь и Евангелие, или и весь Новый Завет. И у них было законом, как только свобода, читать что-либо из заученного на память, с размышлением, как и вы делаете. Благослови Господи продолжить ваш начатый труд и довести сие дело до конца!

Желательно мне при этом сказать вам слово-другое. Когда заучиваете, старайтесь яснее и полнее обнять мысль Спасителя и глубже проникнуть в значение ее и связь со всей суммой наших верований. Еще, – ничего из заученного не оставляйте голым знанием, а так устройтесь, чтоб оно влияло на ваш нрав, на ваши чувства и расположения, и служило руководством в вашем поведении. Этого легко достигнете, если заучиваемое будете при размышлении прилагать к себе, по простому способу: Господь то и то говорит: что из этого могу я извлечь для своей жизни? Или: Господь так заповедует, – как я могу это выполнить в моих обстоятельствах? И подобное. Желательно, чтоб вы так делали; потому что если не станете так делать, то при разговорах не удержитесь, чтоб не щегольнуть своим знанием Писания, и еще труднее будет вам удерживаться от осуждения. То и другое, сами знаете, как дурно. Но если будете прилагать к себе заучиваемое, то сознание, что жизнь ваша не совсем отвечает тому, чему быть в ней вы положили при заучивании, не даст повернуться языку вашему, чтоб осудить кого, или пофанфаронить знанием Писания.

Не забудьте, и приступая к заучиванию, и размышляя о заученном, и к себе прилагая, молитвенно обращаться к Господу, да просветит и внятно да напечатлеет истины Свои в сердце. Ибо один для нас Учитель – Он сам. Примите это верой и действуйте по сему. При труде вашем, если будете продолжать его с верой и благоговеинством, самым делом испытаете это, когда не знать как и откуда начнут роиться светлые созерцания в уме вашем.

19. Об ответах на укоры об оставлении общественной жизни. Ищущий спасения не живет для себя. О мироотречном и безбрачном образе жизни

«Бранят меня мои знаемые, что я оставила прежний образ жизни и уединилась, усевшись близ монастыря и живя, как монахиня. То жила, говорят, для других, была учительницей и начальницей заведения, а теперь живу для себя только, – стала эгоистка. Это говорят они не столько в осуждение, сколько из сожаления, полагая, что я сделала ошибку и от лучшего

направилась к худшему. Такой у них образ мыслей. Я отвечала им, что могла; что мне не хуже, а лучше, что в угоду себе ничего не делаю, а напротив, жизнь моя тесна, что и тут приходится делать иное и для других и что опытно теперь вижу, как этот путь – тесный и прискорбный – прямо ведет к цели, для коей человек является на земле. – Хорошо ли я отвечала, и нет ли еще чего сказать им?»

Ответы ваши хороши и полны. Прибавить нечего, разве только пояснить сказанное. Такие недоумения, – назовем так укоры вам ваших знаемых, – не у них одних держатся в голове, а обычны почти всем, живущим в обществе. Держатся они на неправом понятии о том, что значит жить для себя. Спросите их: заботиться о своем спасении – есть ли жить для себя? Подумавши, они должны будут ответить, что это не есть жить для себя. Иначе они пойдут против Спасителя, Который выше всего поставил: *Аще кто хощет душу свою спасти, погубит ю;* так что погуби кто душу, то хоть бы он мир весь приобрел, все это ничто в сравнении с пагубою души. Стало быть, жить для спасения души не укорно, а в высшей степени похвально, и это пред очами самого Господа Спасителя нашего. Если теперь жить для себя – быть эгоистом – укорно не пред очами только Божиими, но и человеческими, ищущие же спасения своей души удостаиваются высшей похвалы от самого Господа; то очевидно, что приговор «живут для себя» не подходит к тем, кои взыскивают спасения, – потому что ищущий спасения, потому самому, не живет для себя. По виду будто так выходит, что взыскавший спасения для себя начинает жить, ибо своей души спасения ищет; на деле же выходит наоборот, что взыскавший спасения сим самым действием перестает жить для себя, ибо первый шаг на сем пути есть самоотвержение: *Да отвергается себе.*

Так и толкуйте своим знаемым, что избрала такой отрешенный от общества образ жизни для спасения души; и этим вы все скажете.

Могли бы они после сего докучать вам своими речами разве только по неуверенности, что сим путем можно достигнуть спасения. Но думать так, кажется, им будет очень совестно перед лицом такого неисчислимого множества спасшихся сим путем и прославленных Господом. Этот во все времена христианства засвидетельствованный и доселе свидетельствуемый опыт спасения в мироотречном образе жизни, заграждает уста всем неблаговоляющим к нему, удостоверяя в совершенной благонадежности сего пути к спасению. Могла бы быть колеблема уверенность в высоком достоинстве сего пути мыслью, что его сами христиане придумали. Но думающий так пусть подумает и о том, как же Бог во все времена являл особое благоволение к лицам, шедшим сим путем? Если б он был человеческим изобретением, то хотя Бог милостивый мог бы снисходительно на него смотреть по той причине, что он направлен к добре цели, но особого благоволения не стал бы к нему являть. Если являл и являет, то значит одобряет, находит его согласным с своими неизменными о спасении нашем намерениями. Таким образом одного этого благоволения Божия к сему пути достаточно было бы для удостоверения, что он вошел в порядки жизни христианской не против воли Божией, а по воле сей. Но мы имеем и прямое указание в слове Божием, что путь сей не от человека, но от Бога. Спаситель его указал, а св. Апостолы учредили.

Спаситель указал сей путь, когда говорил о безбрачии Царствия ради Небесного (Мф. 19, 12), – о следовании за Ним без всего, с одним крестом самоотвержения (Мф. 10, 38; 16, 24), – о совершенном отрешении от всех и от всего, от отца, матери, братьев, сестер, всех знаемых и всего имения (Мф. 10, 37; 19, 29). Все такие и подобные заповеди, как: если ударят в ланиту, подставь другую; хотящему взять верхнюю одежду отдай и срачицу; у взявшего твое не требуй обратно, и проч., – в совершенстве могут быть выполнены и были выполняемы, только в отрешенном от общества образе жизни. О достоинстве же такого образа жизни Спаситель засвидетельствовал, когда сказал о безбрачии: *Не вси вмещают, но имже дано есть* (Мф. 19, 11), – и о раздании всего: *У человек сие невозможно есть, у Бога же вся возможна суть* (Мф. 19, 26).

Так предуказал Господь мироотречный образ жизни. А как апостолы установили, о том послушаем св. Павла. В Коринфе дочери христиан, вкушив сладости жизни о Господе в свободе от попечений житейских, не хотели выходить замуж. Отцы их, по необычности дела, обратились к св. Павлу с вопросом, как им тут поступить. Св. Павел одобрил желание дев пребыть девами, решив, что такой образ жизни лучше замужнего. Ибо, говорит: *Не посягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом и духом: а посягшая печется о мирских, како угодити мужу.* То же самое сказал он при этом и о мужчинах (1 Кор. 7, 33–38). Так установилась безбрачная жизнь. И видим в житиях святых апостольского времени, что между христианами повсюду были особые дома, в коих жили в посте, молитвах и трудах девственницы. И мужчин безбрачных бывало не мало. Они носили имя аскетов, подвижников; потому что, также как и девы, проводили жизнь уединенно в молитвах, постах и трудах. Брак есть узел общественной жизни; кто отрешился от брака, тот тем самым отрешил себя и от уз общественной жизни, чтобы иметь полную свободу всего себя посвятить Богу.

Так вот как вошел в порядки жизни христианской мироотречный образ жизни. Его завели св. апостолы по воле Господа Спасителя. Но к сему можно прибавить, что он и без этого сам собой мог бы породиться из духа жизни о Христе Иисусе, из тех изменений в стремлениях сердца человеческого, которые производятся там благодатью по вере в Господа Спасителя. Те девы коринфские, от кого научась, задумали не связывать себя узами житейскими, когда апостол еще не говорил о преимуществах такой жизни? Это само собой породилось у них из сердца по вкушении ими того, что дала вкусить благодать о Господе Спасителе. Благодать Божия, коснувшись сердца, отрешает его от всего земного, плотского, чувственного, временного и тварного и устремляет к небесному, духовному, вечному, божественному; а это все таково, что его не дает семейная и общественная жизнь. Не давала сего и многообразованная общественная жизнь коринфянкам, возжелавшим того. Вот они и положили отрешиться от общества. И во все времена и во всех местах не давала сего общественная жизнь, и на какую бы высокую степень ни поднялась она, не даст полного удовлетворения сердцу возжелавшему высшего, неземного. Потому всегда есть и всегда будут отрешающие себя от общества. Образ сего отрещения может изменяться, но существо дела сего навсегда пребудет на земле среди истинно верующих христиан. Что показанные изменения действительно происходят в сердцах верующих по приятии благодати, об этом послушаем св. Павла, который, обращаясь к колоссянам, говорит: *Аще воскреснусте со Христом, выших ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо и живот ваши сокровен есть со Христом в Боге* (Кол. 3, 1–3). Умерли вы, говорит, но так, что вместе с тем и ожили и стали жить новой жизнью, – такой, которая сокровенна есть со Христом в Боге; в Боге же сокровенна потому, что отрешает от всего тварного, и сознание все, и все сердце поглощает единым Богом; и вследствие сего горняя мудрствовать научает и выших искать располагает. А это почему? Потому что не духа мира сего приемлют таковые, но Духа, *Иже от Бога* (1 Кор. 2, 12). Дух от Бога и увлекает к Богу.

Если вы пройдете эту цепь богооткровенных положений, то не можете освободиться от вопроса: как же так? Из этого выходит, что жизнь в обществе, семейная и общественная, несовместны с духом жизни о Христе Иисусе? Если сей дух таков, что и сознание и сердце переселяет от земли на небо и от тварей к Богу, то какое уже тут удержится помышление о семействе и обществе? Но в таком случае, что же значит, что христиане живут семейно и в обществе? Что это – снисхождение к немощи или уклонение от духа жизни о Христе Иисусе? – Вопрос такой очень естествен; и вы видите, что нападающие на вас должны принять позу защищающихся. Ибо явно, что не вы, отрешившись от общества, представляетесь не по духу Христову действующими, а они, оставаясь в обществе, – и оправдывать образ жизни следует не вам свой, отрешенный от общества, а им, связанным житейством.

Так это и есть. Пусть они оправдываются: как связаны, когда должны быть отрешены? Как пекутся о завтрашнем, когда имеют заповедь: *Не пецытесь на утрей* (Мф. 6, 84)? Как заводят иски и суды, когда имеют заповедь предавать себя всякого рода напраслиnam (Мф. 5, 39–41)? Как всем осуечаются, когда имеют заповедь о том всю заботу иметь, что есть единое на потребу (Мф. 6, 83; Лк. 10, 42)? Строго судя, и конца не будет такого рода вопросам; и это не относительно того, что грешно и неправо, но что считается позволительным и необходимым по житейству. И вопросы сии не духом спорливости порождаются, но прямо выходят из совести христианской, – и должны затрагивать, как и затрагивают всех, возбужденных к жизни о Христе Иисусе.

Как же быть? – Уж это пусть они сами решают, нам же с вами какое до того дело? Я только имел в мысли навести вас на то, что не они стоят над вами с грозным мечом суда, ожидая оправдания, а вы над ними, стоя выше их больше, чем целой головой. Они хотят поколебать вашу решимость пребыть отрешенной от житейства, смутив вашу совесть. Теперь пусть они для себя изыскивают, чем свою успокоить совесть христианскую, которая со многим, что у них деется, не может быть мирна. Вам же скажу: держите то убеждение, что миротречная жизнь выше общежитейской, даже тогда, когда сия последняя ведется вполне по духу Христову. В пособие для укрепления такого убеждения потрудитесь теперь же снова перечитать не спеша, что писано в *письмах о том, что есть духовная жизнь*, – именно в первых, десятка полтора или два, письмах. Там подробно разъяснено, что житейская жизнь есть жизнь душевная, следовательно, не такая, которой жить должен человек; ибо он должен жить жизнью духовной, чтобы быть таким, каким быть предназначила ему творческая десница Божия. Почему житейская жизнь сама по себе, при всем совершенстве своем, цены не имеет. Цену она может получить лишь тогда, когда одухотворится влиянием на нее духа, или когда она примет в руководительные и заправляющие начала для себя начала духа, т.е. страх Божий, совесть и жажду Бога с недовольствием благами земли, или покой в Боге. Между тем как духовная жизнь сама по себе имеет цену, делая человека таким, каким он должен быть по намерению Творца своего. И такова есть жизнь, вами избранная. Вот почему она выше житейской.

При этом сделаю еще одно наведение. В духе и житейские должны быть отрешены от всего, как видите из всего сказанного. А вот и апостольское о том внущение, которое говорит: *Да имущи жены, яко же неимущи будут, и плачущи, яко же не плачущи: и радующи, яко же не радующи, и купующи, яко не содержаще: и требующи мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 30–31). То есть житейские по положению не должны быть житейскими по духу, или не должны иметь ничего житейского в духе. Между тем, состоя под таким обязательством, они всесторонне связаны узами, вяжущими их с житейским. Это делает их положение крайне тяжелым и болезненным, если они принимают к сердцу требование духа Христова. Избранный же вами род жизни делает вас совершенно свободными от всяких подобных связностей. В этом преимущество вашего положения.

Больше этого не нахожу что сказать вдобавок к собственным вашим о сем предмете мыслям.

20. О борьбе с разлением и позывами на льготы. Опасно и минутное послабление. Желание льгот - первый враг трудов во спасение. Терпение - основа жития во спасение

«Часто страдаю разлением и подпадаю позывам на льготы». – Трудись; трудящемуся же натурально желать отдыха. Однако ж и поблажать себе не должно. Извольте восставлять всегда радетельный о спасении, бодренный и внимательный помысл.

Этот помысл и внутри и вне все у человека поставляет в должный строй и научает его неленостно держаться в сем строем. Рождается он вместе со страхом Божиим, вместе с ним растет и им поддерживается. Чем выше жизнь, тем и он сильнее. Но за то тем опаснее

потерять. И минутное послабление его опасно, тем более продолжительное. Потому-то и Господь сказал: *Всем глаголю: бдите* (Мк. 13, 37).

Помысл этот радетельный размножает труды и подвиги, с которыми соединено всегда большее или меньшее утомление. К чувству утомления всегда и прицепляется враг, чтобы подсечь ревность, внушая: «Видишь, сколько потрудился; дай себе льготу». О нас печется, а между тем роет яму.

Желание льгот – первый враг трудов во спасение: оно охватывает и душу и тело. Только склонись на него, как тысячи голосов подымутся из души и тела с предъявлениями прав на льготы и послабления, что поставляет человека-труженика в состояние искушения, из которого не выйдет он без борьбы. – И надо бороться и поборать, иначе расстроятся все заведенные порядки в содевании спасения, внесется смятение в мысли и чувства, придет охлаждение, – и течение духовной жизни остановится. Затем пойдут позывы страстные, от которых и до дел не далеко.

Основа труженическому во спасение житию есть терпение. Терпение, в истинном своем виде, *не колеблется ни о едином же от сопротивных* (Фил. 1, 28). Подобие ему – железо закаленное, адамант, утес среди волн. Но чтоб оно стало таким, ему должна предшествовать смерть внутренняя, или умертвие себе и всему, кроме Бога и божественного. В ком это произошло, того что может поколебать? Как мертвый ничего не чувствует, так и он ничем не трогается из того, что поражает его совне. Однако ж это не вдруг дается.

Начало сему умертию полагается в самом обращении грешника от греха к добродетели и от себя к Богу. Как новорожденное дитя, оно слабо вначале и растет вместе с возрастанием исправного нрава. Вместе с его ростом растут труды, растет и терпение, и, уже выросши, становится оно адамантовым. Этот период возрастиания бывает более или менее продолжителен, смотря по большей или меньшей неуступчивости или уступчивости позывам на льготы.

Позыв на льготы подсекает терпение, и сам посекается воодушевлением терпения. Чтоб легче совершилось последнее, не надо браться вдруг за тяжелые подвиги, а начинать с малых мер и восходить к большим по примеру того, как сделал св. Дорофей с учеником своим Досифеем. Но есть предел, выше которого заходить нельзя. Это говорится об удовлетворении потребностей тела. Закон подвига здесь таков: дойдя до возможной меньшей меры, установись в ней так, чтоб с этой стороны не быть уже беспокоиваемым, и затем все внимание и труд обрати на внутреннее.

Вот я сказал вам кое-что и в воодушевление вас не поблажать позывам на льготы, и в указание, как сделать, чтоб они меньше беспокоили.

21. Мысли на Благовещение. О соединении с Господом в Таинствах

«Нынешний день (Благовещение) мне все пелось: *Днесь спасения нашего главизна*. И праздник на душе от этого был не только радостнее, но и торжественнее».

Это ангел Божий, хранитель ваш пел сие в уши души вашей и сердца вашего, а оттуда исходя тоже повторялось и на мысленном языке вашем. В тот день точно главизна положена всего, что потом раскрылось, что теперь раскрывается и что имеет раскрыться по сих и паче в будущем веке. Все стоит и все действуется на основании сего таинства. Благовещение есть праздник воплощения Сына Божия от Приснодевы. Таинство сие было сокровенно в тайне пресвятые Троицы, ныне же оно начало открываться не словом, а тем, что стало входить в дело жизни всего мира.

Надлежало принести жертву правде Божией. Чтобы иметь что принести, Сын Божий приемлет человеческое естество, чтоб принесши его в жертву от своего лица, сообщить сей жертве бесконечную цену, сильную простерлись на все веки, от начала мира до конца, и на всех людей, во все времена на всем пространстве земли живших, живущих и имеющих жить.

Кровная жертва таинственно потом совершаться должна была бескровно в силу того же таинства устроения спасения всех жертвою. И вот что ныне совершается на всех святых христианских жертвеннниках, – возможность быть тому положена в акте воплощения в Благовещение. Ибо и здесь приносятся те же самые тело и кровь, кои тогда восприняты Господом. И самое восприятие их было началом жертвоприношения.

Господь воплотился не Себе ради, а ради нас, чтоб и нам всем перерождаться подобно Ему. В крещении облекаемся мы во Христа Господа, Бога воплощенна, чтобы быть по образу Его. Воплощение в благовещение есть потому семя всех, имевших восприять верой в таинствах богочеловечный образ Спасителя. Все они, как прививки к древу, прививаются к Господу через плоть и кровь Его.

Тело и Кровь Господа, став жертвой, очищает грехи, и чрез себя сочетавая с Господом приступающих к Нему с верой в таинствах, питает их потом таинственно богочеловечной жизнью, как ветви, привитые к древу, питаются соками дерева. В благовещение положено начало таинству Евхаристии. Плоть и кровь Господа Спасителя истканы, как боголепная одежда, из кровей Приснодевы. Как во св. Причастии мы питаемся теми же плотью и кровью, и Господь удостаивает назвать нас братией Своей, то посему Владычица Богородица есть и нам мать не мысленно, а существенно.

Все с Господом сочетавающиеся, в Него облекающиеся, Его плотью и кровью питающиеся суть едино с Ним, тело Его составляя. Тело же Его составляют потому, что суть от плоти Его и от костей Его. Следовательно, совершившееся в благовещение есть семя имевшего образоваться потом тела Церкви, – теперь уже образовавшегося, небо и землю наполняющего, и имеющего раскрыться во славе в конце веков. Полнота тела Церкви, завершившись, укажет момент, когда кончится настоящее течение вещей и откроется новый мир. Сей новый мир будет организован по образцу тела Богочеловечного. Оно даст норму и руководительный шнур для его преобразования. Начало же и основа сему положены чрез воплощение Сына Божия в Благовещение.

Се воистину Благовещение есть *спасения нашего главизна и еже от века таинства явление. А Приснодева – смотрения Зиждителева исполнение.*

22. О нечувствии сердца

«При смерти была, и сознав неминуемую опасность, исповедалась и причастилась св. Христовых Таин. И в эти-то великие минуты была каменная, – каменная не от недостатка сознания, но от недостатка чувства. Больно мне это, больно, больно. Была во мне одна животная жизнь. Где-то скользила мысль: ныне-завтра позовут; и предстану Ему! Но и тут ни умиления, ни даже страха. Горе это страшное для меня. И теперь обдает ужасом при одном воспоминании о прошедшем бесчувствии. Приходя теперь в нормальное состояние, одну в уме и сердце стараюсь иметь молитву: Господи! Сподоби умереть сознательной христианкой! Хоть бы только суметь полной верой и преданной грудью вздохнуть при словах: *Помяни мя, Господи, во царствии Твоем!*»

Вы напрасно смущаетесь тем, что не было чувств на сердце, когда причащались, в час тяжелой болезни. Это было прямым следствием телесного изнеможения, и ничего укорного и опасного не имеет. Нечувствие то опасно и укорно, которое бывает постоянным состоянием сердца; а то, которое по временам находит, не опасно. Хоть не следует его пропускать без внимания, но и трепетать за себя и смущаться тем не следует. И это даже в здоровом состоянии, а не только в болезни, и притом такой тяжелой, как была у вас. Чувства сердца не в нашей воле; святые же чувства сверх того от милости Божией. Можно их раздражать и собственным размышлением, но это только подготовка и преддверие. Настоящие святые чувства только благодать Божия порождает. А благодать Божия если что дает кому, дает поколику хочет, сколько хочет и когда хочет. Следовательно, относительно их надлежит себя держать в положении чающего, ожидающего и надеющегося принять, а не в положении властного распорядителя. Наше дело напрягаться на чувства и расшевеливать их размышлением, отвращая все охлаждающее их, – самое же восприятие их

ожидать от Господа, предавая Ему сие дело. Дасть, – слава Богу! и не дасть, – слава Богу! Небрежно однако ж к сему не следует относиться. Ибо чувства великое дело в жизни, и свидетельствуют о немалом. Ревновать и искать их надо, но предаваясь Господу. Пусть будут находящими, а не самодельно выбиваляемыми из сердца, как огонь выбивается из кремня огнivом. При всем том скорбь ваша о нечувствии совершенно уместна, – и молитва ваша вследствие того принятия – дело есть. Благослови Господи так вам и мыслить, и чувствовать, как бы вы имели тотчас предстать Господу. За вашу скорбь о нечувствии Господь утешение вам послал, навеяв умиленные чувства, при слушании в церкви песни: *На реках вавилонских...* «Десятки лет, – пишете, – слушала я эту песнь, но никогда так не слышала ее, как в нынешний год». – Се – милость Божия! Свидетельство, что сердце ваше не каменное, а временно явилось окамененным.

23. О согласовании евангельских сказаний о воскресении Господа. Последовательность событий

«В светлые дни праздника Воскресения Христова, пришло мне желание перечитать повнимательнее евангельские сказания о Воскресении Господа, а самое чтение привело к желанию привести в порядок и соглашение сии сказания. Но взяввшись за это дело, я запутался, и не нахожу исхода. Помогите. Не все меня путает, а только сказания о первых часах дня Воскресения Господня, именно о хождениях св. жен на гроб, их видениях и свидетельствах о виденном и слышанном. Мне думается, что нельзя обойтись без предположения, что св. жены мироносицы приходили ко гробу Господню не все зараз, и не в одно время. Скажите, можно ли это допустить. Кстати не найдете ли возможным, вместо красного яичка подарить меня изложением ваших соображений относительно соглашения евангельских сказаний и самого сего соглашения?»

С удовольствием готов исполнить ваше желание. Путание, которое вы испытываете, не есть ваша исключительно участь. Его испытывали и испытывают почти все. Которые посмелее, брались и берутся приводить в порядок и соглашение евангельские сказания. Это породило множество к тому приемов, сколько-нибудь удовлетворяющих пытливые умы; но вполне успокаивающих совопросничество приемов, сколько помнится, еще не найдено. Брался и я не раз за такое соглашение и держался то одного, то другого приема в нем, чувствуя в то же время, что и то, и другое, и третье соглашение, и все, сколько их приходило в голову и приходилось встречать, не могут быть признаны вполне удовлетворительными.

Возьмемся вместе снова за это дело; и не поможет ли нам воскресший Господь славы ради имени своего придумать что-либо более удовлетворительное. – Вы дали мне руководительную нить, сказавши: «Мне думается, что нельзя обойтись без предположения, что св. жены приходили ко гробу Господню не все разом, а группами, и не в одно время». Взяввшись за эту мысль, я стал всматриваться в сказания евангельские и, к утешению вашему и своему, нашел, что так думать не есть предположение, а долг. К этому обязывают сами сказания, ясно обозначая разности и во времени прихода св. жен ко гробу, и в том, что они при сем видели и слышали и что с ними было потом.

Чтоб мне удобнее было показать эту истину, а вам и другим увидеть ее, нахожу нужным пересказать наперед, что написано о сем у каждого евангелиста, с некоторыми замечаниями, необходимыми для уразумения текста.

В Евангелии от Матфея читаем – гл. 28, 1 – 10.

В вечер субботный, свитающи во едину от суббот, прииде Мария Магдалина и другая Мария, видети гроб (ст. 1).

Остановимся немножко на этих словах. *В вечер субботный*, – оje sabbatwn? – ничего другого не означает, как то, что дают разуметь слова, – в вечер субботы, когда кончился требуемый законом покой и открылась позволительная возможность всяких движений и дел. Соблазняло давать иное значение слову оje, *в вечер*, следующее за сим слово – th epijwskoush, – *свитающи*, указывающее будто на рассвет. Но epijwskw, когда говорится о

дне и夜里, означает: начинаться; и *свитающи* будет: начинающуюся, или когда начинался первый день недельный. Что так следует понимать, на это дает нам смелость св. Лука, который, говоря о положении Господа во гроб, написал: *день бе пяток, и суббота светаше* (Лк. 23, 54), epijwske, – начиналась, наступала, как и по-русски переведено. Итак, *в вечер субботний свитающи* будет: вечером в субботу, когда наступал или начинался первый день недели. У евреев день один кончался, а другой начинался в шесть часов вечера. Суббота, как видим у св. Луки, началась в пятницу вечером, а первый день недельный начался в субботу вечером, как в настоящем месте дает видеть св. Матфей.

После сего как же понять: *прииде видети гроб?* – Тоже в прямом значении слов: ходили посмотреть гроб. Неудержимое желание осведомиться, не произошло ли там, на Голгофе, около гроба Господня, где были их мысли и сердца, что-либо особенное, влекло их туда. И они сходили туда. Увидев, что там все было в том же положении, как было оставлено в пятницу, они спокойно воротились в город и стали готовиться к помазанию тела Господня утром, по обычаям, ароматами, которые они в этот же вечер по возвращении с Голгофы и купили, как пишет св. Марк.

Спросите, но как же можно было им быть на Голгофе? Там стража. – Стража была приставлена не с утра, а тоже по прошествии субботы. Когда жены были при гробе, власти иудейские ходили к Пилату для испрошения позволения приставить стражу, которую и привели и поставили на место уже по удалении жен с Голгофы. Третий день начинался, когда, по предсказанию Господа, должно было совершиться Его воскресение. До вечера они не видели нужды нарушать свою субботу; а теперь когда суббота прошла и настал страшный для них третий день, они поспешили принять меры предосторожности, опасаясь, как бы ученики не украли тела своего учителя в эту ночь и не сказали, что учитель их воскрес.

Так св. жены готовятся намастить тело Господа ароматами, не подозревая, что гроб окружен стражей и что тело Господа в руках врагов Его. Но Господь не попустил им быть устрашенными этой грозной стражей и неведомо для них устранил эту препону, могущую лишить их свободного доступа ко гробу Господню и к пречистому телу Его. Сошел с небес Ангел Господень и, отвалив камень от двери гроба, сел на нем. Сотрясение от падения камня, усиленное намеренным действием Божиим, и светло-блестящий зрак Ангела в трепет привели стражу, и она разбежалась. Гроб стал отверст и доступ к нему свободен (ст. 24).

Когда это случилось? Надо полагать, незадолго до появления жен на Голгофе, однако ж еще сущей тьме, которая не была еще рассеяна светом утра, когда приходила туда Мария Магдалина. Это действие Божие не было потребностью или следствием воскресения Господня, которое совершилось независимо от всяких внешних ограничений, незримо и неведомо ни для кого. Оно было нужно для очищения доступа к гробу любящим Господа и для удостоверения их, что Он уже *несть зде, но воста*.

(Наступило утро. Жены, как приготовились с вечера, пошли на Голгофу к Господу. – Какие именно это были жены, св. Матфей не обозначает при сем). Приближаясь к месту гроба, они увидели Ангела (седящего на камне вне гроба, как надо полагать по сказанному пред сим) – и ужаснулись. Ангел ободрил их, говоря: «Не бойтесь! Вы ищете Иисуса распятого; нет Его здесь; Он воскрес, как сказал. Подите посмотрите место, где лежал Господь». (Они вошли во гроб и посмотрели.) – Ангел сказал им: «Теперь бегите скорее сказать ученикам Его, что Он воскрес из мертвых, и се предваряет вас в Галилеи. Там Его увидите». – И жены, вышедши из гроба, поспешно побежали со страхом и радостью великою возвестить о виденном и слышанном св. апостолам. Когда же они таким образом спешно текли к апостолам, сам Господь сретил их со словом: «Радуйтесь!» И они, падши к ногам Его, обняли их и поклонились Ему. Были, однако ж, притрепетны. И Господь ободрил их, говоря: «Не бойтесь! Идите, скажите братии Моей, чтоб шли скорее в Галилею. Там они Меня увидят» (ст. 5–10).

Таково сказание св. Матфея! Оно очень сжато и усечено. Первый стих стоит особо, сказывая, что было вечером в субботу. Особо стоят и стихи 2–4, повествуя о бывшем пред утром. Главное же сказание о приходе жен на гроб начинается с узрения уже Ангела; а о том, как они поднялись с места и как дошли до Ангела, не говорится. Это требуется дополнить. Требуется также дополнить и то, что жены входили во гроб, по слову Ангела: «Подите, посмотрите место, где лежал Господь», – хотя об этом не говорится в тексте, ибо вслед за сим пишется, что они вышли из гроба и побежали к апостолам. Но как бы они вышли из гроба, если бы не вошли в него? Я то и другое дополнил своей речью. Но сейчас увидим, что их дополняет св. Марк.

У св. Марка читаем – гл. 16, 1–11.

Минувшей субботе, Мария Магдалина и Мария Иаковля и Саломия, купиша ароматы, да пришедше помажут Иисуса (ст. 1).

Минувшей субботе – то же что у св. Матфея – в *вечер субботний*, – когда суббота, или день покоя кончился и начался первый день недели, означенные жены купили ароматы, чтобы утром пойти на гроб и помазать тело Господа Иисуса. Этот первый стих совершенно одинаков по содержанию с первым стихом сказания св. Матфея, и его дополняет, сказывая, что жены, Мария Магдалина и Мария Иаковля, сходивши посмотреть гроб, тем же вечером сошлись с Саломией и все втроем купили ароматов для намащения тела Господня.

Это было субботним вечером; а когда прошла ночь, они зело *заутра во едину от суббот*, т.е. в первый день недельный, *приидоша на гроб возсиявшу солнцу* (ст. 2). *Приидоша*, – ercontai, – идут. Идя же, говорят между собою: «Кто отвалит нам камень от двери гроба?» Камень был велик очень, и им не под силу было бы отвалить его. Но подошедши к месту гроба, они взглянули и увидели, что камень уже отвален (ст. 3, 4).

Отвалился и у них камень затруднения, давивший их сердце; почему они, не обратив особого внимания на необычайность дела сего, поспешили внутрь гроба. Но увидев юношу в *одежду белу одеяна, седяща в десных*, ужаснулись, – exeqaumbhqhsan, – поражены были удивлением и изумлением. То был Ангел Господень, который, видя их смущение, ободрил их, говоря: «Не ужасайтесь, Иисуса ищете Назарянина распятого? Он воскрес: Его нет здесь. Вот место, где положили Его. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилеи; там Его увидите, как Он сказал вам» (ст. 5–7).

И они, вышедши, побежали от гроба. Их обнимал трепет и ужас, и они никому ничего не сказали (конечно, на пути), будучи одержимы страхом (ст. 8).

Сопоставляя это сказание с сказанием св. Матфея, не можем не видеть, что они взаимно дополняют друг друга. Св. Марк дополняет св. Матфея, сказывая, что св. жены, вечером, побывши на Голгофе, успели еще купить ароматов, взяв в содружество с собой и Саломию, а утром рано пошли ко гробу и пришли туда *возсиявшу солнцу*, пред восходом солнца, когда свет солнца уже сиял, но солнца еще не было видно на горизонте. А св. Матфей пополняет св. Марка, сказывая о вечернем хождении некиих жен на гроб и о том, как камень отвален от гроба.

Св. Марк пополняет еще св. Матфея, сказывая, как жены вошли во гроб, о чем не пишется у св. Матфея, хотя говорится, что они побежали к апостолам, вышедши из гроба; а св. Матфей дополняет св. Марка, сказывая, что прежде входа во гроб они видели Ангела и во гроб вошли по его указанию.

Св. Матфей дополняет св. Марка, сказывая, что на пути, когда жены бежали к апостолам, явился им сам Господь; св. Марк дополняет св. Матфея, сказывая далее (ст. 9), что это не было первое Его явление. Первого явления удостоилась Мария Магдалина, которая, сподобившись сего благодеяния, шедши возвести о том и апостолам (ст. 10).

Какое общее сказание составится из обоих евангелистов, очевидно само собою. Заметим только, что у обоих их речь идет об одном и том же приходе на Голгофу, одних и тех же жен, в одно и то же время. Следовательно, это сказание представляет достаточно черт, по коим его следует счесть особым. Оно законченно и не требует более заимствования из других Евангелий для пополнения своего.

Один вопрос предлежит, какие именно тут действовали жены. Св. Марк, как и св. Матфей, не переименовывает их утром после наименования вечером. Хотя это наводит на мысль, что и утром действовали те же жены; но с того времени прошло семь-восемь часов, в которые могли повстречаться случайности, заставившие разлучиться тех жен. Посему мы можем иметь законное позволение, какую-либо из сонма сих жен отчислить, если какие-либо евангельские указания того потребуют. И за этим недалеко приходится нам ходить. Тут же у св. Марка и встречаем такое указание, – именно в его сказании о явлении Господа прежде всех Марии Магдалине. Прежде всех, следовательно, прежде явления Его женам, о коем говорится у св. Матфея. Если так, то значит, что в это же утро, прежде воссияния солнца, зело рано, – Марии Магдалины не было с Марией Иаковлевой и Саломией. Она отделилась от них и действовала сама по себе, и в этом хождении на Голгофу означенных жен не участвовала, не была свидетельницей и явления им Господа. Сего блага она сподобилась особо и прежде их. Таким образом св. Марк, поименовавший жен в вечерних обстоятельствах, ходом сказания своего об утренних событиях заставляет из сонма тех жен отчислить Марию Магдалину, и действующими в его сказании признать только Марию Иаковлю и Саломию. Как отлучилась от них Мария Магдалина и как действовала особо от них, об этом пишет св. Иоанн.

У св. Луки читаем – гл. 24, 1–12.

Последовавшие за Господом из Галилеи жены (непоименованные), вечером в пятницу смотрели, как полагалось тело Господа во гроб. Возвратившись с Голгофы, они в тот же вечер купили ароматы и миро для намазания тела Господня, и в субботу оставались в покое по заповеди (Лк. 23, 55–56).

В первый же день недели, утру глубоку, они пошли на гроб, неся уготованные ароматы. Они нашли камень отваленным и прямо вошли во гроб. Тела Господня не оказалось, что привело их в крайнее недоумение. Когда они таким образом недомышлялись, что бы это значило, предстали им два мужа в одеждах блестящих. Св. жены в страхе и смущении потупили очи в землю; но мужи успокоили их, сказав им: «Что ищете живого с мертвыми? Его нет здесь; Он воскрес. Помяните, как Он говорил вам еще и Галилее, что Сыну человеческому надлежит быть предану в руки человек грешник и пропяту быти и в третий день воскреснуть». Они вспомнили такие слова и, возвратившись от гроба, возвестили о виденном и слышанном одиннадцати апостолам и всем прочим. Но глаголы их явились, яко ложа, и им не поверили. Петр впрочем, восстав, тече ко гробу и взглянув внутрь, увидел пелены лежащие, и отыде, в себе дивясь бывшему.

Сразу видно, что тут рассказывается об особом приходе на гроб, отличном от того, о коем рассказывают св. Матфей и св. Марк. Ароматы готовятся в пятницу вечером; идут на гроб жены утру глубоку, – ογρηοι βαρεοV; во гробе встречают двух Ангелов в виде мужей; слышат от них слова не те, что слышали жены у св. Матфея и св. Марка, хотя сила их одна и та же – удостоверение в воскресении Господа; в конце не получают повеления поскорее сказать апостолам, но делают это будто сами от себя; почему возвращаются неспешно, и можно предположить, что сначала они зашли к себе, чтобы освободиться им от ноши аромат, а потом отправились к апостолам.

Признавая же особым это хождение на гроб Господень, надо будет признать, что и жены тут были особые. – Какие же? Св. Лука не перечисляет имен жен ни там, где говорит об их наблюдении, как полагали Господа во гроб, ни там, где говорится о заготовлении ими ароматов, в пятницу вечером, ни здесь утром в первый день недельный, когда сказывается об их хождении ко гробу. Хотя он в конце сказания пишет: *Бяше же Мария Магдалина, и Иоанна, и Мария Иаковля, и прочия с ними, яже глаголаху к апостолам сия* (ст. 10); но это относится, как увидим к тому времени, когда к апостолам собрались все жены, как бы с отчетом о виденном и слышанном ими порознь и тут нельзя видеть решительное указание на тех жен, о коих говорит выше св. Лука. Всяко однако ж слова сии дают возможность определить, о каких женах пишется у св. Луки. Отчислим из означенного перечня имен Марию Магдалину для сказания св. Иоанна, а Марию Иаковлю с Саломией, которая,

вероятно, значится под общим: *и прочия с ними*, – для сказания св. Матфея и св. Марка, и для сказания св. Луки останется Иоанна, жена Хузаня, с прочими (кроме Саломии).

У св. Иоанна читаем – гл. 20, 1–18.

У св. Иоанна и еще особое сказание об особом хождении ко гробу Господа, где из жен действующей является одна Магдалина, но с участием и двух высших учеников. Он повествует, что св. Магдалина в первый день недели, еще сущей тьме, пришла на гроб и увидела камень отваленным от гроба. Взглянула ли она во гроб или нет, но у ней тотчас образовалось решение: взяли Господа. Взяли Господа, и не знать, где положили Его. С этой мыслию она поспешно бежит ко св. Петру и св. Иоанну и говорит: «Взяли Господа, и не вем, где положили Его». Св. Петр со св. Иоанном вышли из дома и пошли на гроб. Они оба шли поспешно, но Иоанн тек скорее Петра и пришел ко гробу первый, однако ж не вошел внутрь, а только взглянул туда и увидел пелены лежащие. Пришел св. Петр и вошел внутрь. И он увидел тоже пелены лежащие и еще сударь, бывший на голове Господа, не с пеленами лежащь, но особь свит на одном месте. Тогда вошел и св. Иоанн, прежде пришедший, и *виде и верова*, кажется, только тому, что говорила Магдалина. Осмотревши все, они возвратились домой. Но св. Магдалина, с ними возвратившаяся опять ко гробу, осталась и, стоя у гроба, плакала. Поплакавши, она взглянула внутрь и увидела двух Ангелов в белых ризах, – один сидел в головах, а другой в ногах, где лежало тело Иисусово. Они спросили ее: «Жено, что плачешь?» Она ответила: «Взяли Господа моего, и не вем, где положили Его». Сказав это, она обратилась и увидела Господа Иисуса, но не узнала Его. Господь говорит ей: «Жено, что плачешь? Кого ищешь?» Она, думая, что то был вертоградарь, сказала: «Государь мой! Если ты взял Его, скажи мне, где положил Его, и я возьму Его». Тогда Господь сказал голосом ей знакомым: «Мария!» Она, услышав этот голос, возвала: «Раввуни!» – и бросилась было к ногам Его, чтобы обнять их. Но Господь остановил ее, говоря: «Не прикасайся Мне, ибо Я еще не взошел ко Отцу Моему (еще успеешь); но иди к братии Моей и скажи им: *Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему*». Она пошла и сказала ученикам, что видела Господа, и что Он сказал ей такие слова.

Это сказание не требует никаких пояснений. Сразу видно, что оно говорит об особом хождении на Голгофу, где и лица особые, и обстоятельства особые, ни одной чертой не повторяющиеся в сказаниях других евангелистов.

Я позволяю себе сделать по поводу его только одно-другое наведение. Первое, – если у св. Иоанна особое сказание об особом хождении ко гробу, – и это бесспорно; то ничто не мешает допустить особенность сказания и у других евангелистов, коль скоро черты сказания вынуждают такое допущение. Как уже видели мы, такой особенности нельзя не допустить в сказании св. Луки, и в сказаниях св. Матфея и св. Марка вместе.

Второе, – Мария Магдалина приходит на гроб еще сущей тьме. Как она вслед за тем ходила к апостолам, с ними возвращалась на Голгофу, после них побыла здесь одна, потом опять пошла к апостолам; то ей невозможно было быть в числе жен, приходивших с Иоанной, *утру глубоку*, как значится у св. Луки, – некогда было ей присоединиться и к Марии Иаковлевой с Саломией, приходившим к гробу *возсиявшу солнцу*, и нужды в том уже никакой не настояло. Однажды отлучившись от св. жен, она уже не встречалась с ними, пока все они не собрались у апостолов, как увидим при общем своде сказаний.

Таким образом из пересмотра всех сказаний о движениях, видениях и свидетельствах жен сами собою выходят такие заключения:

1) Жены не все разом приходили на гроб, но группами и в разное время. Таких приходжений обозначается три: первое – Марии Магдалины, по Евангелию св. Иоанна; второе – Иоанны с прочими, по Евангелию св. Луки; третье – Марии Иаковлевой и Саломии, по Евангелиям Матфея и Марка вместе. Обозначается это чертами всякого сказания, ясно выдающимися. Приложим к сему показание еммаусских учеников, которые говорят, что некоторые жены из бывших на гробе возвестили апостолам, что видели Ангелов, сказавших им, что Господь воскрес (Лк. 24, 22–23). Но это может относиться

только к Иоанне с прочими, как значится тоже у св. Луки. Ибо они только видели одних Ангелов, а другие жены видели не Ангелов только, но и Господа. Следовательно, этим показанием они резко обособляют хождение на Голгофу Иоанны с прочими от хождения туда других св. жен, между коими то же хождение Марии Магдалины обособляется само собой и оставляет потому обособленным хождение Марии Иаковлевой с Саломией. Это показание тем особенно важно и подает в настоящем деле решающий голос, что была часть учеников, которые знали только о том, что было с Иоанной, ничего не слыхав о других женах.

2) Время прихода св. жен ко гробу означается так: Марии Магдалины – *еще сущей тме*; Иоанны с другими – *утру глубоку*; Марии Иаковлевой с Саломией – *возсиявшу солнцу*. Видна постепенность. И вся эта история обнимает время в несколько часов; от чуть брежжется до восхода солнца.

3) Постепенность видна и в том, что св. жены узнавали и возвещали апостолам: св. Магдалина в первый раз сказывает: «Взяли Господа»; Иоанна с другими возвещает, что видела Ангелов, которые сказали ей, что Господь воскрес; Мария Магдалина во второй раз и Мария Иаковля с Саломией удостоверяли, что видели не только Ангелов, сказывавших им о воскресении Господа, но и самого Господа воскресшего, и передавали от лица Господа повеления им.

После всего сказанного составление последовательного сказания о движении св. жен утром в светлое Христово воскресение, равно как о виденном ими и слышанном, не встретит большего затруднения.

Когда Иосиф и Никодим полагали во гроб тело Господа, жены все были на Голгофе и смотрели, где и как полагалось оно, в то же время конечно соображая, как им прийти сюда снова, чтоб и с своей стороны воздать долг Умершему намашением тела Его. Некоторые из них тотчас по возвращении с Голгофы, в пятницу же, заготовили и ароматы. Субботу все они провели в покое. Но когда прошел законный термин покоя, две из них сбегали в этот субботний вечер ко гробу посмотреть, не случилось ли там чего особенного, и по возвращении оттуда купили и еще ароматов, в восполнение недостающего. Они действовали все заодно, согласно; но помещались не в одном доме, а где пришлось, каждая у своих родных и знакомых. Может быть, только Мария Иаковля и Саломия в одном останавливались дома. Почему положили утром собраться вместе не в городе, чтоб никого не тревожить, но на самой Голгофе, дожидаясь там друг друга, чтоб вместе приступить к намашению тела Господня; из города же как выйти, оставили каждой на свободу, как какая управится, только бы порану.

Так приготовившись и условившись, они спокойно ждали утра. Раньше всех поднялась Мария Магдалина и устремилась ко гробу Господню еще сущей тьме. Но пришедши на Голгофу, она увидела, что камень отвален от гроба. Первая, породившаяся у ней при этом мысль: взяли Господа, – глубоко потрясла ее, и она немедля побежала к св. Апостолам Петру и Иоанну. Кому кроме них могла она благонадежно поведать это общее для всех любящих Господа горе, если б оказалось справедливым то, что ей подумалось? И им она ничего не говорит кроме: «Взяли Господа, и не вем, где положили Его». Конечно, после этого первого тревожного воззвания, она объяснила, почему так думает, сказав, что видела камень отвален от гроба, а может быть, что и в него заглянула и видела, что тела Господня нет на том месте, на котором положили его завчера. – Выслушав все, апостолы решили сами сходить на гроб и посмотреть, что там такое.

Пока это происходило, и апостолы собирались ко гробу, на Голгофу пришла Иоанна с некоторыми женами, которые, увидя гроб отверстым, вошли в него. Ангелы объяснили им тайну отсутствия Тела Господня, приведши им на память Его собственные предсказания еще в Галилеи о смерти и воскресении. Выслушав это и удостоверившись в воскресении Господа, Иоанна и яже с ней жены, может быть, по указанию Ангелов, а может быть, и сами от себя, положили пойти сказать о том апостолам, и отправились обратно с Голгофы. В движении их не видно никакой поспешности; и очень можно предположить, что с

Голгофы они заходили к себе в дом, где останавливались, чтобы освободиться от ноши ароматов. (Не было ли Иоанне с сущими с ней передано окончательное приготовление ароматов?)

Между тем, как они делали этот переход, или обход, если заходили домой, св. Петр с св. Иоанном и Магдалиной текли к гробу, и пришли к нему, не встретясь с ними, – что, по расположению улиц на востоке, легко могло случиться, хотя они и прямо к ним шли. Побывши на Голгофе и осмотревши гроб, апостолы возвратились к себе, кажется не пришедши к решительному заключению о воскресении Господа. По крайней мере, это явно относительно св. Петра, хотя и Иоанново *виде и верова* не дает прямого указания, чому верова. Может быть, не воскресению, ибо вслед за сим он сам же приписал: *Не у бо ведяху Писания, яко подобает Ему из мертвых воскреснути.*

По отбытии св. апостолов с Голгофы Мария Магдалина осталась у гроба и осчастливлена была милостивым явлением ей Господа. Обрадованная, она опять направилась к апостолам, хотя не так спешно, как прежде, чтоб подолее попитаться нераздельной сладостью боговидения.

По удалении Марии Магдалины приходят ко гробу Мария Иаковля и Саломия, видят камень отвален и Ангела на нем седяща и приходят в страх, Ангел Господень успокаивает их благовестием о воскресении Господа, пригласив посмотреть и место, где лежало тело Господне. Вошедши внутрь, жены увидели другого Ангела, который, сказав им то же, что и первый Ангел, и показав место, где лежало тело Господне, присовокупил, подобно же первому Ангелу: «Теперь бегите сказать о всем апостолам». И они, исшедшис из гроба, побежали к ним в страхе и трепете от необычайности виденного и слышанного. Первый Ангел при выходе их из гроба удержал себя невидимым, чтоб не помешать их спешности.

Когда бежали они, сретил их сам Господь и обрадовал и словом, и позволением обнять ноги и поклониться Ему. Получив затем и от Господа повеление поспешить к апостолам с вестью о Его воскресении и о прочем, они побежали к ним.

Между тем у апостолов происходило следующее. Как только воротились св. Петр и св. Иоанн, пришла к ним Иоанна с некоторыми женами (или она ждала их, если не заходила домой) и сказала им, что видела Ангелов, которые уверили ее, что Господь воскрес. Апостолы выслушали это, но не поверили. Еще они вели беседу о сем, как пришла св. Магдалина и сказала, что видела Господа, передавши и слова, какие повелел Господь передать апостолам. Но и ее выслушавши, апостолы не яша веры (Мк. 16, 11). Едва кончила свою речь св. Магдалина, как приходят Мария Иаковля и Саломия, сказывают, как видели Ангелов при гробе и во гробе, а потом на пути самого Господа, и передают уже слышанное от Марии Магдалины повеление Господа апостолам идти в Галилею, где имеют Его увидеть.

Так теперь собрались воедино все жены-благовестницы. – Мария Магдалина, Мария Иаковля, Саломия, Иоанна и прочие, имена коих не записаны (Лк. 24, 10; Мк. 16, 1). Какой облак свидетелей! И однако ж пред апостолами *явились яко лжа глаголы их, и они не поверили им* (Лк. 24, 11). Не заслуженный ли потому выслушали они укор от Господа, когда Он, явившись, *поноси* неверствию их и жестокосердию, яко видевшим Его восставша не яша веры? (Мк. 16, 14). Однако ж это послужило во благо веры, удостоверяя, что несмотря на толикую радость, какой исполнила бы их сердце вера, что Господь воскрес, они не спешили верить этому, как чрезвычайной важности самого воскресения. Надо полагать, что сам Господь благоволил, чтоб было так.

Св. Петр, впрочем, положил еще сбегать на гроб и посмотреть, не встретит ли там какого-либо решительного удостоверения. Но пришедши туда и взглянув во гроб, увидел только пелены лежащие. Это то же, что прежде видено; ничего нового. Не только Господь, но даже и Ангел не явился ему, чтоб влить в него отраду веры. Так и пошел он обратно, *в себе дивяся бывшему* (Лк. 24, 12). Состояние духа его, надо полагать, было очень тяжелое. – И не в эту ли пору милостивый Господь явился ему в утешение и умиротворение сердца его? Всяко это явление имело место между этим временем и возвращением в Иерусалим

еммаусских учеников. Потому что когда они пришли к прочим, то были встречены радостным известием, яко воистину воста Господь и явися Симону (Лк. 24,34).

Таким образом все сказания приходят в совершенное между собой согласие, и все черты и особенности находят должное себе место. Остается решить одно, как можно допустить, что жены ходили на гроб не вместе и не в одно время, когда в сказаниях об их движениях встречаются почти всюду имена одних и тех же жен?

Но где же это встречается?

Встречается, правда, не в Евангельских сказаниях, а в сводах сих сказаний. Своды же сии составлены по произвольному предположению, что св. жены ходили на гроб все вместе. Это предположение, не оправдываемое, однако ж, текстом Евангелий, как мы видели, и заставляло все комкать в кучу: и движения жен, и явление Ангелов, и слова сих последних женам, и слова жен апостолам, – с большими натяжками и насилиованием текста.

Приведите на память сказанное выше. Имена жен, прежде их движения на Голгофу, перечисляются только у ев. Матфея и ев. Марка; св. Лука не перечисляет их здесь. Но и те двое перечисляют их только при обстоятельствах, бывших в пятницу и в субботу вечером; а какие именно жены участвовали в утреннем первого дня недели шествии ко гробу, не поименовывают. Что это были все те же самые жены, о коих говорится в предыдущих обстоятельствах, это есть гадание, навеваемое, правда, течением речи, но не могущее быть оправдано им, когда в других местах встречаются намеки и прямые указания, что в означенном шествии точно те же были жены, но не все; именно, не было Марии Магдалины, как дает ниже навести св. Марк и как прямо дает разуметь св. Иоанн. Были они вместе вечером, но утром ко гробу пошли не вместе, как согласились. Так сделалось, что Мария Магдалина ушла из города одна раньше всех, и потом течением событий совсем была отбита от них. Таким образом, сличение сказаний заставляет признать, что, несмотря на то, что вечером жены показываются инде сущими вместе, утром же шествовали ко гробу не вместе.

Можно только спросить: чего ради св. евангелисты не написали определенно, какие именно жены идут утром ко гробу по их сказанию? Того ради, что они не считали того нужным. Не в лицах жен – сила, а в удостоверениях их в воскресении Господа Ангелами и Самим Господом. Жены все одинаково достойны веры. Сила свидетельства их – в показании им истины свыше, а не в том, что сие показание передала такая и такая жена. Св. евангелисты и не заботились повторять их имена. Св. Лука и совсем не перечисляет их имен ни в обстоятельствах пятницы, ни в обстоятельствах субботы, ни в утреннем первого дня движении их на Голгофу. Перечисляет их в конце сказания. Но там мы должны видеть указание на то, как наконец все жены благовестницы собрались к апостолам после виденного ими и слышанного у гроба Господня и на пути от Него каждой группой особо. Так предложенное недоумение оказывается совсем неуместным. Вот все, что придумалось мне в удовлетворение вашего желания и устранение встреченного вами затруднения в соглашении Евангельских сказаний о воскресении Господа. На большее прошу не погневаться. Пока будем довольствоваться этим, а после – что Бог даст.

24. Второе письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней *

Пристал ты слышанные тобой и другими пункты учения вашего нового учителя. Благодарствую. Это желанная присылка! Хотя, к сожалению, я должен сказать, что они не все точно определены и не совсем полны; но все же их достаточно, чтобы хоть сколько-нибудь понять, что там у вас за учитель и что за учение у него.

Главное я уже тебе сказал в первом письме, и ты сам уже мог бы распознать по тем указаниям, в чем из слышанного тобой правда и в чем кривда. Прибавлю однако ж кое-что и еще, что сказать понуждают присланые тобой пункты.

* Это второе письмо в С.П.Б. по поводу появления там нового учителя. Первое см. выше под № 8.

Замечу на первом месте, что если есть пункты не совсем определенные, то вина этого, думаю, падает не на слышавших, а надо полагать, на учителя. Он сам не явно видит дело, оттого путается в словах. Я, кроме тебя, и от других слышал, что это так есть. Но будем смотреть на эти пункты, как они есть, и указывать, с какой стороны они неправы и к каким неправостям могут вести.

Пересмотревши все пункты, я пришел к такому общему заключению о вашем учителе, что он, по внушению известного англичанина, построил себе ложное и обольстительное представление о христианстве и теперь всеми силами и средствами старается набить его в головы других, полагая, что ратует за дело Божие и спасение братий. Но при всей важности, с какой он выступает на делание сие, он похож на дитя, гоняющееся за мыльным пузырем. Как я уже писал тебе, подобно англичанину тому, и этот учитель ваш опутан прелестью и увлечен призраком истины, думая, что обладает ею настоящей. Он преследует призрачный, мыльно-пузырный идеал христианства. Как мыльный пузырь привлекает детей, так и учителя вашего, а вслед за ним и других, неискусных в ведении христианском, увлекает нарисованный им призрачный образ христианства. И нечему дивиться, если иные льнут к нему, особенно из женщин, всегда склонных на всякого рода прелести.

Писал ты мне прежде, что учитель ваш говорит: «Пусть меня из Евангелия обличат, что я лгу». Я ответил тебе, что за то, что он говорит: «Покайтесь и веруйте во Евангелие», – никто не станет его обличать, потому что так написано и в Евангелии. Но его можно обличить и при этом, если он не все преподает, о чем учит Евангелие. Я тогда не знал определенно, что бы такое было у него недостающее. А вот теперь из твоих пунктов вывожу, что в его учении немало недостающего, что, однако ж, очень важно и существенно в деле веры и спасения.

Первое таковое есть то, что он ничего не говорит о благодати Святого Духа. Пунктов у тебя десятка три, а о благодати Св. Духа хоть бы слово. Вот что у тебя писано:

«Спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены».

«Человек спасается через веру во Христа».

«Уверовавший во Христа и, следовательно, усвоивший себе искупление в собственность вечной погибели не подлежит».

«Каждый уверовавший во Христа тотчас же получает отпущение грехов и избавляется от вечного наказания».

«Для спасения следует принять в себя Христа».

«Мы принимаем верой в себя Христа, Который уже, не взирая ни на что, никогда не покидает нас и пребывает в нас».

«Принявшему в себя Христа и потом согрешившему нужно лишь покаяться, и он тотчас получает непосредственно прощение».

«Крещение не пользует того, кто сознательно не принял в себя Христа».

«Каждый принявший в себя Христа может уразуметь все Св. Писание».

«Церковь сама по себе, а прежде всего нужно искать Христа».

И все идет так. Во всяком почти пункте есть слово о Христе Господе, а о Духе Святом ни в одном. Я не думаю, чтоб это было твое и других слышавших отпущение. Должно быть, предмет сей не имеет места в системе учения вашего учителя, а то он все бы как-нибудь да помянул о нем. Что спасение нам устроено Господом Иисусом Христом, и что мы спасаемся именно в Нем, – это истинно так есть; но при всем том ведать надлежит, что это не было и не бывает без благодати Св. Духа.

Поелику это очень важный пункт, то я счел нужным собрать о нем побольше мест Писания, чтоб ты и те, которые около тебя, убедились, что благодать Св. Духа в соделании нашего спасения есть часть существеннейшая. – Вот слушай!

Явился св. Иоанн Предтеча, чтоб приготовить народ к принятию обетованного Избавителя, покаянием и крещением, – и что говорит? «Вот идет, – говорит, – Обетованный, и Он будет крестить вас Духом Святым» (Мф. 3, 11), – чем дает разуметь, что крещение Духом Святым есть главное дело обетованного Христа Господа в устроении

Им спасения нашего: так что кто не крестится сим Духом, тот не войдет в Царствие Божие (Ин. 8, 5).

Господь уже кончил Свое видимое пребывание на земле, уже прощается с учениками Своими на последней вечери; и смотри, как утешает их? «Я иду, – говорит, – но не смущайтесь, что иду. Это лучше для вас. Ибо если не иду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16, 7). «Я умолю Отца, и Он сего Утешителя даст вам, да будет с вами в век. Вы знаете Его, потому что Он в вас пребывает и в вас будет» (Ин. 14, 16–17). Так Христос Господь наместником Своим обещает послать с небес Духа Святаго. – Не означает ли сие, что все дело спасения рода нашего по вознесении Господа будет устроиться Духом Святым?

Да! Так это и было. Пришел момент вознесения Господня. Господь заповедует ученикам сидеть в Иерусалиме и ждать обетования Отча. *Вы, – говорил, – имате креститися Духом Святым не по мнозех сих днех* (Деян. 1, 5). Сказав сие, Он вознесся. Чрез десять дней Дух Святый сошел на св. Апостолов в виде огненных языков, с шумом будто от дыхания бурна, – и они все начали говорить разными языками. – Явление силы небесной привлекло внимание бывших на празднике в Иерусалиме из всех стран, и они, слыша, что галилеяне говорят на языке каждого из них (до 15), пришли в несказанное изумление. Тогда св. Петр объяснил им, что дивное сие явление давно предсказано и есть исполнение обетования об излиянии Духа Святого на всякую плоть (Деян. 2, 17). – Главное обетование отцам было о пришествии Христа Спасителя; но венцом благ от Него было предуказано излияние Духа Святого, которое и исполнилось в день Пятидесятницы. – Заметь, се настоящее основание Христовой Церкви, сокровищницы и несокрушимого хранилища источников благодати Св. Духа!

Но в день сей пятидесятый Духа Святого прияли только апостолы; по обетованию же Ему надлежало излиться на всякую плоть. Он и начал с сего же дня изливаться на всех чрез св. апостолов. Когда св. Петр своей к собравшимся иудеям речью привел их в сокрушение, и они возвзвали: *Что убо сотворим?* – тогда св. Петр сказал им: *Покайтесь и да креститесь кийждо вас во имя Иисуса Христа, во оставление грехов, и приимете дар Св. Духа* (Деян. 2, 38). Три тысячи душ покаялись, крестились и прияли Духа Святого в тот день.

С сего времени и все в Церкви и у апостолов стало совершаться по действию Духа Святого. Говорить ли надлежало апостолам, они говорили, исполняемы бывая Духом Святым (Деян. 4, 8; 4, 31); идти ли куда – шли по влечению Духа (Филипп, св. Павел); учреждать ли что – учреждали по внушению Духа; избирать ли надлежало кого на особое дело – избирали смотря по тому, как очевидны были в ком проявления Духа (диаконов). Действия Духа Святого были так явны для всех и необычайны, что апостолы не колебались пред властями церковными подтверждать истину Евангелия тем, что Бог дает Духа Святого тем, которые смиленно повинуются слову Его, ими возвещаемому (Деян. 5, 32).

Самаряне веруют по проповеди св. Филиппа; но сущие в Иерусалиме не считают того уверования достаточным и посыпают к ним свв. Петра и Иоанна дополнить недостающее. Что же именно оказалось у них недостающим? Благодать Святого Духа. Апостолы, пришедши туда, увидели, что Дух Святый еще ни на кого из них не сходил, а они только крестились во имя Господа Иисуса. Почему, помолившись, возложили на них руки, – и они прияли Св. Духа. Таким образом самаряне стали настоящими христианами и возымели все потребное для спасения только тогда, когда прияли Св. Духа (Деян. 8, 15–17).

Ангел повелел Филиппу идти на путь, ведущий из Иерусалима в Газу. Но когда, быв на сем пути, увидел он колесницу с некиим спящим на ней, – Дух Святый сказал ему: «Приступи к колеснице». Он приступил и, взяв повод от читанного сидевшим в колеснице, просветил его верой и крестил в прилучившейся воде. Когда вышли они из воды, Дух Святый сошел на новокрещенного, в завершение тайнодейственного сodelания его христианином, – спасаемым (Деян. 8, 29–39). Видишь, как во всем действует Дух Святый?!

Св. Павла к вере обратил сам Господь Иисус Христос, но для завершения дела веры в нем послал его к Анании. Анания же что говорит? *Господь послал мя к тебе, да прозриши и*

исполнившися Духа Свята (Деян. 9, 17). Приятие Духа и совершило св. Павла как верующим, так и апостолом.

Дверь к приятию в лоно церкви верующих язычников ком отверст? – Духом Святым. Он осязательным явлением нисшествия своего на Корнилия и весь дом его удостоверил св. Петра и бывших с ним (а потом и всех христиан из иудеев), что после сего никто не может возбранить крещения верующих из язычников (Деян. 10, 44–48).

Антиохийская церковь довольно уже созрела и утвердилась трудами свв. Варнавы и Савла, действовавших Духом Святым, их исполнявшим (Деян. 11, 24). Можно уже было послать сих деятелей и в другие места. И посылаются. Но кто сие устроил? – Дух Святый, сказавший собранию верных: *Отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их* (Деян. 13, 2).

Переплывают они на Кипр и проходят его из конца в конец. Слово проповеди благоснеется; но в Пафе ему стал противиться Елима волхв. Кто заградил этому противоборцу уста? Дух Святый устами св. Павла, исполненного им (Деян. 13, 9).

Переплыли они в Малую Азию. В первом здесь городе, Антиохии Писидийской, слово принялось и между иудеями, и еще паче между язычниками. Но неверовавшие иудеи подняли на апостолов гонение, и они вынуждены были пойти далее. – Что же с уверовавшими? Уверовавшие же ученицы исполняхуся радости и Духа Святаго (Деян. 13, 52). Они оставлены под руководством благодати Духа Святаго, им дарованной. Как было здесь, так конечно, было и во всех местах, коих коснулась проповедь в сие апостольское путешествие. Ученицы всюду исполнялись таинственно Духа Святаго, – и Им были блюдомы и руководимы до времени, пока на возвратном пути не дано было им обыкновенное пастырское руководство (Деян. 14, 23).

Когда потом, по возвращении в Антиохию, свв. Варнава и Павел с другими некими посланы были к старейшим апостолам в Иерусалим для вопроса об образе принятия язычников в лоно Церкви, то здесь вопрос сей решили преимущественно тем, что Бог явил уже Свое к ним благоволение, *дав им Духа Святаго, якоже иудеям*, без всякого обязательства к чему-либо иудейскому, – и состоявшееся решение подтвердили затем сим образом: *Тако изволися Духу Святому* (Деян. 15, 8–28).

Возвращаясь в Антиохию и пробыв здесь несколько времени, св. Павел предпринимает новое апостольское путешествие, посещает прежде основанные Церкви, проходит Фригию и Галатийскую страну. Все это идет свободно. Но хочет он пойти во Асию, – и Дух Святый возбраняет ему; хочет направиться в Вифинию, – и опять не допускает его Дух. Путь указан наконец ночным видением, которое было, конечно, по действию Св. Духа (Деян. 16, 6–9).

Прошед с проповедью Македонию и Ахайю и всюду насадив Церкви, св. Павел возвратился чрез Иерусалим в Антиохию и, отдохнув немного, начал третье апостольское путешествие, направляясь в Ефес. Когда пришел он сюда, то первым его здесь делом было завершение веры 12 человек, полнейшим их оглашением, крещением и низведением на них Духа Святаго; чем показал, что никто из верующих не бывает полным христианином, пока не примет Духа Святаго (Деян. 19, 1–6). Я об этом обстоятельстве писал тебе в первом письме.

Пробыв в Ефесе около трех лет и насадив христианство во всей прибрежной стране той и к северу и к югу, св. Павел снова посетил Македонию и Ахайю. На обратном пути оттуда он миновал Ефес, но, остановившись в Милите, позвал к сею епископов Ефеса и сопредельных мест и в прощальной беседе к ним изрек следующее замечательное слово: *Внемлите себе, и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Господа Бога, юже стяжа кровию Свою* (Деян. 20, 28). Церковь есть Церковь Господа, но собирает ее, сочетавает воедино и пастырей в ней и для ней поставляет Дух Святый, поставляет и конечно руководит.

О себе при сем св. Павел сказал, – что он, связанный Духом, идет в Иерусалим. «Что будет со мной, – говорит, – не знаю, но Дух Святый по всем городам свидетельствует, что меня ждут узы» (Деян. 20, 22–23). Далее на пути в Иерусалим, в Кесарии, пророк Агав, взяв

пояс св. Павла и связав им себе руки и ноги, сказал: *Тако глаголет Дух Святый: мужа, еоже есть пояс сей, тако связут его в Иерусалиме и предадят в руце языков* (Деян. 21, 11).

Таким образом видишь, что как в душах апостолов, проповедавших св. веру и насаждавших Церкви, так и в содевании спасения верующими, все зависело от Духа Святого. Его действом и апостолы успевали в насаждении веры, и верующие совершались в жизни по духу веры.

Так говорит нам книга Деяний. Обратимся теперь к Посланиям св. апостолов.

Обратив солунян к вере и основав из них св. Церковь, св. Павел вынужден был скоро оставить их и перейти в Аханию. Беспокоясь же о них, пишет к ним из Коринфа послание, в коем воспоминая, как шло его у них благовестие Евангелия, говорит, что оно было *не в слове только, но и в силе и в Духе Святе* (1 Сол. 1–5), то есть в проявлении знамений и в сообщении особой силы убедительности его слову, пленившему в послушание вере. – Затем прибавляет, что Бог и им *даровал Духа своего Святаго* (1 Сол. 4, 8), – и дает заповедь – *не угашать сего Духа* (1 Сол. 5, 18).

Галатяне приняли св. веру со всем жаром. Но ворвались к ним неправоучавшие, – иудействующие, – и сбили их с прямого пути веры. Узнав об этом в бытность свою в Ефесе, св. Павел вразумляет их посланием, убеждая возвратиться к первоначальной чистоте принятой ими веры. Первое, чем он поражает их, есть указание на то, как они прияли Духа Святого. *Сие едино, – говорит, – хощу уведети от вас, от дел ли закона Духа приясте, или от слуха веры?* (Гал. 3, 2). Приятие Духа – благо высшее по общему сознанию и чувству всех принимавших его; сподоблялись же его только верующие чрез таинства. Апостол говорит: если чрез веру во Христа сподобились вы приять Духа Святого – сие высшее благо, помимо закона, то какой смысл взять вам себя этим законом, который ничего подобного никогда не доставлял и доставить не может?

Затем приводит им на память силу крестной смерти Господа, усвоемую верою. Сила же сия в чем? – В том, что чрез нее верующие приемлют Духа Святого. *Христос ны, – говорит, – искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва. Для чего? Да обетование Духа приимем верою* (Гал. 3, 13–14). Столь великое средство – крестная смерть Бога воплощенна, не указывает ли, что и доставляемое им благо, – приятие Духа Святого верующими, – есть наивысочайшее благо? Как выше того средства ничего и придумать нельзя, так и выше сего блага никакое другое немыслимо. Приятие Духа в вере христианской есть венец благочеловечеству от воплощенного домостроительства.

Далее говорит апостол: сущие под законом суть рабы; верующие же в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, всыновление приемлют и суть сыны Богу. Вследствие сего Бог *посыпает в сердце их, яко сынов, Духа Сына, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 1–7)! Опять высшее в вере Христовой есть приятие Духа Святого.

Выяснив таким образом, что высшее в христианстве есть приятие Духа Святого, апостол отсюда уже берет и нравственные уроки: *Духом ходите и похотей плотских не совершиайте* (Гал. 5, 16). Исчислив за тем дела плотские и плоды духовные (Гал. 5, 19–23), заключает: *Аще живем Духом, Духом и да ходим* (Гал. 5, 25).

К концу пребывания своего в Ефесе св. Павел, узнав о неких нестроениях в церкви Коринфской, писал туда послание. Так как у них это произошло от своеличных мудрований, то св. Павел с самого начала обличает суетность мудрости человеческой, говоря, что она пригодна только на житейское, но не призвана в руководительницы в делах Божиих. Здесь все открывает благодать Св. Духа. – И я, говорит, приходил к вам не с словесами мудрости человеческой, а с явлением Духа и силы. Благодать Духа Святого, проявлявшаяся в моей среди вас деятельности, удостоверила вас в истине слова моего. Вы и уверовали не в силу своеличного постижения истины, а в силу действенности Духа Святого (1 Кор. 1, 18; 2, 5).

К сему прибавил апостол: «Таинство веры мною проповедуемой есть премудрость Божия, в тайне Божества сокровенная. Ее никто не может верно знать, кроме Духа,

испытующего самые глубины Божии. Сего Духа мы прияли, и Он открыл нам все домостроительство спасения. Мы от Него верно знаем все, дарованное нам от Бога, и вам возвещаем то не мудрствуя, а в простоте. Ведайте также, что и вы сами уразуметь истину спасения не иначе можете, как по просвещению от того же Духа, который нам открыл и открывает тайны его. Кто не имеет Духа, тот душевен есть; душевный же человек не приемлет (не понимает) яже Духа Божия, юродство бо ему есть, и не может разумети. Итак, поревнуйте стяжать и хранить благодать Св. Духа» (1 Кор. 2, 6–16).

Одним из верующих коринфян учинено было блуждение, такое, которое и среди язычников даже не именуется. Обличив и отлучив от Церкви сего грешника, апостол перечисляет и другие многие грехи, заключающие вход в Царствие Божие (1 Кор. 6, 9), прибавляя к сему: *Таковыми и вы некогда были, но омыстеся, но освятистеся, но оправдистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего»* (1 Кор. 6, 11). Не именем только Господа нашего Иисуса Христа, но и Духом Бога нашего, и сей Дух, совершив дело освящения вашего, не отошел, но в вас пребывает; так что вы посему *храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16). Взирая с сей точки зрения на блуждение вообще, апостол говорит: *или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть, егоже имате от Бога* (1 Кор. 6, 19). *Аще же кто храм Божий растлит, растлит сего Бог* (1 Кор. 3, 17).

Церковь коринфская богата была дарованиями духовными, что отчасти повело и к проявившемуся среди них разделению. Возводя их к единению, апостол берет побуждения к тому из того же самого раздаяния даров разных единым и тем же Духом Святым, говоря: *Разделения дарований суть, а тойжде Дух. Комуждо дается явление Духа на пользу. Овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о томже Дусе: другому же вера, темже Духом: иному же дарование исцелений, о томже Дусе: другому же действия сил, иному же пророчество, другому же разсуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков. Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властью коемуждо, якоже хощет.... Единым Духом мы вси во едино тело* (чтоб составлять единое тело) *крестикомся и вси единым Духом напоикомся* (1 Кор. 12, 4–13). Таким образом, если кто верует, Духом верует; если кто уразумевает тайны премудрости Божией. Духом уразумевает; если кто пророчествует, Духом пророчествует; если кто молится, Духом молится. И ни одно вообще действие не бывает истинно богоугодно, коль скоро оно не совершается в нас и чрез нас Духом Святым, действия без Духа и не от Духа не суть настоящие христианские дела, кои все должны быть духовны. Посему всякий должен исповедать, что если есть в делах его что доброе, то оно таково от благодати Св. Духа, – исповедать со апостолом: *Благодатью Божиую есмь, еже есмь* (1 Кор. 15, 10).

Выбыв из Ефеса и направляясь в Элладу чрез Македонию, св. Павел пишет с дороги второе к коринфянам послание.

В нем, имея нужду подтвердить неложность обетования наследия вечного Царствия Божия, он говорит: «*Извествуй же нас с вами во Христе*, т.е. удостоверяющий нас в неложности обетований о Христе, есть Бог». Чем же именно удостоверяет в сем Бог? Тем, что запечатлев нас и дал в сердца наши обручение Духа (2 Кор. 1, 21–22). Духа Святаго дал нам Бог, как залог наследия, давая разуметь, что это только задаток, – прочее получите в будущем веке...

Далее пишет: «Моисей, сходя с горы, покрывалом покрыл лицо свое, в знамение того, что на ветхом завете лежит покрывало, сквозь которое читающие его сами собой проникнуть не в силах». Покрывало сие престает о Христе; когда кто обращается к Нему, взимается покрывало. Как? Духом Святым. *Ибо идеже Дух Господень, ту свобода: свобода от препон к ведению истины*, потому что Дух Божий вводит дух наш в сокровищницы Божии и дает разуметь тайны Его; свобода от стеснения сердца страстью, мешающими беспрепятственно совершать шествие путем добродетели, потому что Дух Святый дает силу препобеждать их и отгонять. Сим Духом просвещаемые, руководимые и укрепляемые, мы преобразуемся от славы в славу (2 Кор. 3, 12–18).

Прибывши в Коринф, св. Павел пишет послание к Римлянам. Здесь вот что находим!

Иудеи хвалились обрезанием. Апостол пишет: «Обрезание должно быть знанием обрезания сердца от всего нечистого и страстного». Такое обрезание бывает только в нас, верующих во Христа. Как? Благодатью Св. Духа. И такое только обрезание сердца Духом делает настоящим обрезанным (Рим. 2, 29). Это говорил он в побуждение иудею оставить иудейство и обратиться к вере во Христа Господа, чтобы стать истинно обрезанным.

Внешнее христиан не было светло. «Но, – говорит апостол, – мы не только не унываем, но даже хвалимся. Хвалимся же упнованием славы Божией, и притом так, как кто хвалится ценной вещью обладаемой». Отчего же в нас эта твердость упнования, или эта уверенность, что оно не посрамит? Оттого, что *любы Божия излияся в сердца наши Духом Святым данным нам* (Рим. 5, 5). Дух Святый, данный нам, дает сердцу ощутить любовь Божию, – и сие ощущение не допускает ни малейшего колебания в упновании, или сомнения, чтобы Любящий, и притом Бог, не исполнил обещанного любимому.

Объясняет св. Павел тайну живущего в нас греха и говорит, что пока человек по вере в Господа Иисуса Христа не получит обновления благодатью Св. Духа, до тех пор над ним тиранически властвует грех; но когда, приступив к Господу, получит он благодать обновления Св. Духом, с тех пор грех уже не тиранствует над ним. Он может приступать к нему, соблазнять, влечь, но не определять к делу. *Грех, – говорит, – вами не обладает.* Почему? Потому что *вы под благодатию* (Рим. 6, 14). Пока мы бываем во плоти, т.е. в грехе, дотоле страсти греховые действуют во удах наших. Но когда благодатью Св. Духа освобождаемся от этого держащего нас в своей власти греха, тогда начинаем работать *Богу во обновлении Духа* (Рим. 7, 5–6). Закон Духа жизни о Христе Иисусе освобождает нас от закона греховного. Благодать Св. Духа, пришедши, отъемлет немощь, коей мы немоществуем пред законом, и восстановляет нашу нравственную силу. Таким образом, пока кто во плоти, т.е. в грехе, и без Духа, дотоле он Богу угодить не имеет силы. *Вы, же, – воодушевляет апостол римлян, – несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же кто Духа Христова* (по вере во Христа и Христом Господом подаемого) *не имать, сей несть Его* (тот и не Его). Только те, кои *Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 2–14). Присущ нам бывая, Дух сей подкрепляет нас в немощах наших (Рим. 8, 26).

Из сего явно, что жизнь о Христе Иисусе в совершенстве проявляется только благодатью Св. Духа. Почему апостол и определяет, что *Царствие Божие есть правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14, 17), – и молится: *Бог же упновия да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во упновии, силою Духа Святаго* (Рим. 15, 13).

Вскоре по написании послания к римлянам апостола встретили узы, – из которых он писал несколько посланий. Первое было к ефесеям.

Послание к ефесеям есть воодушевленнейшая хвалебная песнь домостроительству спасения в господе Иисусе Христе. Но высшим плодом и последней целью сего домостроительства выставляется дарование нам благодати Св. Духа.

Возносится апостол мыслию в предвечные высоты и видит там, как мы преднаречены Богом во усыновление чрез Иисуса Христа. Чего ради? *В похвалу славы благодати Его, еюже облагодати нас о возлюбленнем* (Еф. 1, 5–6). Припомним, что и в Евангелии от Иоанна уверовавшим в Господа Иисуса Христа дается область чадами Божиими быти, поколику они от Бога рождаются (Ин. 1, 12). Сие рождение от Бога, как там же несколько ниже объясняется, есть новое рождение водой и Духом (Еф. 8, 5).

Нисходит оттуда долу, в течение происходивших пред очами его событий, и видит исполнение того преднаречения к усыновлению в даровании Духа Святаго; ибо говорит: *Слышавше слово благовестования и веровавше, знаменастсѧ Духом обетования Святым* (Еф. 1, 13–14), – который и делает из верующих сынов Богу, претворяя их из ветхих в новых. *Того бо есмы творение, создани во Христе Иисусе на дела благая, яже прежде уготова Бог, да в них ходим* (Еф. 2, 10).

Поминает о призвании в царство Божие вместе с иудеями и язычниками, – и объясняет мирное единение сих, непримиримыми бывших, сказывая, что сами по себе ни те ни другие не гожи для Царства Христова, – делаются же они гожими к нему, бывая обновляемы благодатью Св. Духа. Таким образом в силу приятия сего единого Духа, мы оба равное имеем приведение ко Отцу (Еф. 2, 18).

Из сего объединения всех верующих единым Духом составляется и растет Церковь Божия о Господе; при чем как вся Церковь, так и каждая частная Церковь, и каждый верующий созидаются в *жилище Божие Духом* (Еф. 2, 22). Призвание язычников на ряду с иудеями было сокровенной тайной, которая только *ныне*, – говорит, – *открылась апостолам Духом Святым* (Еф. 3, 4–5).

Заключает св. Павел свое созерцание величия воплощенного домостроительства коленопреклонной молитвой *ко Отцу Господа нашего Иисуса Христа, да даст Он ефесеянам (а за ними и всем верующим) наисильнейше утвердитися Духом Его во внутреннем человеке, вселитися Христу верою в сердца их* (Еф. 3, 14–17). Вера в Господа приводит к получению благодати Св. Духа; благодать сия созидает верующего в жилище Божие, очистив его от всего страстного и греховного и украсив всякой добротой; в жилище сие наконец вселяется Господь со Отцем, предшествующу Им Духу Святому.

Соответственно сказанному объединению всех единым Духом, апостолом даются и нравственные уроки. «Тщитесь, – говорит, – блюсти единение духа: ибо вы едино тело и един дух. Каждому из вас дана благодать по вере дарования Христова, – чтоб ею восходили вы в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Еф. 4, 13); чего и достигнете, если благодатью Божией вспомоществуемые будете обновляться духом ума вашего, облекаясь постепенно в нового человека, созданного по Богу в правде и преподобии истины (Еф. 4, 23–24). Из сего можете видеть, что все греховное и страстное, даже гнилое слово, исходящее из уст ваших, есть оскорбление Духа Святаго, живущего в вас. *Не оскорбляйте же Духа Святаго Божия, Имже знаменастеся в день избавления* (Еф. 4, 30), в тот день, когда окрестившись, приняли и возложение рук апостольских (или миропомазание); но ревнуйте паче *исполнятися Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5, 18–19).

Довольно бы и сих указаний о благодати Св. Духа, яко необходимейшей содетельной спасения нашего силе. Утомилось уже наше с тобой внимание. Не могу однако же удержаться, чтоб не привести еще одного места из послания к св. Титу, где апостол и всю цель пришествия Христова поставляет в обновлении нас Духом Святым, чтобы чрез то сделались мы достойными наследия жизни вечной. *Егда же, – пишет он, – явися благодать и человеколюбие Спасителя нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей Его милости, спасе нас бaneю пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излия на нас обильно, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованю жизни вечные* (Тит. 3, 4–7).

Приведу и еще, что говорит св. Павел в послании к евреям о тяжести греха согрешающих по крещении и обновлении благодатью Св. Духа. *Невозможно, – говорит, – просвещенных (крещенных) единою, и вкусивших дара небесного и причастников бывших Духа Святаго, и доброго вкусивших Божия глагола, и отпадших паки обновляти в покаяние, второе распинающих Сына Божия в себе* (Евр. 6, 4–6). И еще: *Волею согрешающим нам по приятии разума истины, ктому о гресех не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда и огня ревность поясти хотящаго сопротивныя. Отвергся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих, или третиех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися, и Духа благодати укоривый* (Евр. 10, 26–29).

Свидетельств из других апостольских посланий о надобности благодати Св. Духа в деле нашего спасения можно бы и не приводить. Но чтоб не подумал кто, что так учит только св. Павел, приведем слова и других апостолов, не все, а главнейшие.

Св. Петр, как я уже писал прошлый раз, в первом своем послании всех верующих называет избранными *по прозрению Бога Отца, во святыни Духа, в послушание и кропление крове Иисус Христовы* (1 Пет. 1, 2), давая разуметь, что если верующий окропляется кровью Иисус Христовой, то по освятительному действу Св. Духа и предуказанию Бога Отца.

Он же во втором послании говорит: *Вся нам божественные силы, яже к животу и благочестию, подана разумом* (когда мы познали) *призвавшаго нас* (Господа); *имже честная нам и великая обетования даровавшиася* (для привлечения к вере и воодушевления на труды жизни по вере), *да сих ради будете причастницы божественного естества, отбегше, яже в мире, похотныя тли* (2 Пет. 1, 3–4). Господь призывает, давая великие обетования. Которые последуют призванию, тем Он подает все силы, яже к животу и благочестию, – в благодати Св. Духа. Приявшие эту благодать отбегают мирской похотной тли, очищаются от всего страстного и нечистого, и чрез то делаются способными к принятию Бога, который вселяясь в них, наконец и живо соединяясь с ними, делает их причастниками божеского естества своего. Главная действующая здесь сила есть благодать Св. Духа, коей призвание и вера открывают вход, а причастие божеского естества составляет венец ее действия в нас и последнюю цель.

Св. Иоанн Богослов в первом послании пишет: *Еже видехом и слыхахом, поведаем вам, да и вы общение имате с нами: общение же наше со Отцем и с Сыном Его Иисусом Христом* (1 Ин. 1, 3). Последняя цель наша – живое общение с Богом. Для сего и Сын Божий воплотился, чтоб возвратить нам сие богообщение, потерянное грехопадением. Чрез Господа Иисуса, Сына Божия, вступаем в общение со Отцем и бываем таким образом у цели своей последней. Преподание сего высшего блага апостол поставляет целью проповеди своей и всех апостолов. Но на сем он не остановился, а указал потом и осозательнейший признак такого богообщения, говоря: *Соблюдая заповеди Его* (Бога), *в Нем пребывает и Той в нем. И о сем разумеем, яко пребывает в нас, от Духа Егоже дал есть нам* (1 Ин. 3, 24). Подание Духа служит признаком, что Бог в нас пребывает; но тот же признак есть и того, что мы пребываем в Боге, как говорит он ниже: *О сем разумеем, яко в Нем пребываем, и Той в нас, яко от Духа своего дал есть нам* (1 Ин. 4, 13). Вообще же из слов св. Иоанна видно, что Дух Святый не только есть признак богообщения, но и производитель его. Духа благодати приявший приемлет новое рождение от Бога (Ин. 3, 5). Рожденный же от Бога побеждает грех, мир и диавола. *Вемы, яко всяк рожденный от Бога не согрешает: но рожденный от Бога блудет себе, и лукавый не прикасается ему* (1 Ин. 5, 18). *Всяк рожденный от Бога побеждает мир* (1 Ин. 5, 4). Таким образом, приявший Духа благодати, обладая свободой от сих родителей греха, свободно исполняет всякую заповедь; исполнение заповедей очищает сердце; чистое сердце есть готовое жилище Бога, который и вселяется в него. Таков путь к живому богообщению, – последней цели человека. Проходит его человек действом благодати Св. Духа.

Слышишь, каким трубным голосом, по всему пространству новозаветных Писаний возвещается о благодати Св. Духа? Я нарочно все для тебя собрал, чтоб ты не думал, что о благодати Св. Духа, хоть и говорится где-нибудь в Писании, но не много, и так, мимоходом. Теперь перечитавши, и еще лучше пересмотревши сам все, ты не можешь уже так думать, а удостоверишься, что о благодати Св. Духа, содевающей наше спасение, столько же, если не больше, говорится как и о спасении в Господе Иисусе Христе, и что, следовательно, первое столь же существенно в деле спасения, сколько последнее.

Но смотри, не приди и к такой мысли: «Как же это так? Тот (учитель – будем-ка называть еще лучше: *новшак*) только и говорит, что о Христе Спасителе, а тут набрано столько свидетельств, и все только о благодати Св. Духа. Дело перетянуто на другую сторону. Как у того новшака выходит, что в деле спасения все от Господа Иисуса Христа, так тут – что все от Духа Святого; как у того за Спасителем не видно Св. Духа, так здесь за Св. Духом не видно Спасителя». Я собрал тебе столько свидетельств о благодати Св. Духа не с тем, чтобы умалить или заслонить, что содеяно и содевается Господом Иисусом в

нашем спасении; но с тем, чтоб выставить на вид, что опускается, — и кажется не с добрым намерением, — вашим новшаком, и близ Господа восставить, как и быть подобает, в твоем сознании и Духа Святаго, в равной силе и степени с Господом устроящего наше спасение. Спасение наше в Господе Иисусе Христе, но содевается оно в нас благодатью Св. Духа. Вот почему в слове Божием равносильно говорится, что спасение наше сколько от Господа Иисуса Христа, столь же и от благодати Св. Духа. По сему же самому и держащий слово о спасении не должен опускать возвещения ни об одном из сих облагодетельствователей наших, но велегласно возвещая о Господе Иисусе, столь же велегласно возвещать и о Св. Духе, не забывая, однако ж, и благоволения Отца. Ибо ни Сын Божий, ни Дух Святый ничего не творят без воли Отца. Выставляю сие, чтоб ты видел, сколь неправ ваш новшак, только и речей имея, что о Христе Господе.

Желающему полно разуметь все, относящееся к нашему спасению, надлежит различать два момента: домостроительство спасения, или устроение всего потребного для спасения, и содевание спасения каждого лица. Первое совершил Господь Иисус Христос по благоволению Отца, но не без Духа Святаго, а второе совершает, по благоволению же Отца, Дух Святый, но не без Христа Господа, Сына Божия. Для спасения нашего потребны две вещи: снять с нас клятву за грехопадение и обновить естество наше, чтоб оно было безгрешно. То и другое Господь Иисус Христос совершил в Себе: снял клятву, быв по нас клятва в крестной смерти Своей, и в Своем лице явил естество наше безгрешным, чистым и совершенным. Таким образом все существенно потребное для нашего спасения совмещается в лице Господа Иисуса Христа, — в каком смысле говорится, что в лице Господа спасено человечество. Но для того, чтобы совершилось спасение каждого человека в частности, необходимо, чтобы совмещенные в лице Господа потребности спасения перешли в каждого и им были усвоены. Сие последнее совершает Дух Святый. Словом благовестия возбуждает веру в силу крестной смерти Господа, и в купели крещения омыает верующего и от первородного греха и от всех произвольных, обновляя в то же время его духовную жизнь и делая ее сильной противостоять греху и преуспевать в добре. Обе потребности спасения удовлетворяются зараз. Исходящий из купели крещения бывает и оправдан, и праведен, — всякая вина греха с него снимается, и он желает лишь одного Богу угодного добра и силен на делание его. Это и есть облечение во Христа, в коем потребное для спасения от Христа Господа переходит на верующего и крещаемого и ему усвоется не номинально, а существенно. Пока он верует только во Христа, сии потребности его суть, но только номинально, как определенные ему и готовые для него; в купели же крещения они существенно становятся его собственностью: здесь он уподобляется прививку, привитому к дереву, и живительные соки его в себя приемлющему. Древо — Господь. Соки сего дерева суть клятвоснимательная и оправдательная сила крестной смерти и обновленная, в совершенстве явленная, жизнь человеческая. То и другое приемлет в себя, в себя всасывает прививок — новый верующий — в крещении. Совершает же сие не одна вода, но Дух Святый через воду, подготовив предварительно крещаемого к приятию того и другого покаянием и верою. Сего-то ради Господь Иисус Христос, претерпев крестную смерть и воскресши, вознесся на небо и послал от Отца к нам на землю Духа Святаго, чтоб Он всех наделял теми благами и потребностями спасения, которые совмещены для нас в лице Господа. По сей-то причине Он и говорил: «Лучше для вас, что Я пойду ко Отцу; ибо если не пойду, утешитель не приидет к вам». Тогда не видно еще было, что же такое, что не приидет Утешитель Дух Святый, а теперь для нас очевидно, что если б Он не пришел, то никто не мог бы быть спасен, никто не мог бы получить и усвоить себе то, что для спасения нашего устроено или сэкономлено в лице Христа Спасителя. Вот и слава Богу, что Господь вознесся, ибо вознесшись послал Духа Святаго, который, нисшедши на апостолов, чрез них потом разлился на всех верующих и пребывает в Церкви, всех просвещая, очищая и освящая.

Итак, видишь, как дело спасения совершается. Ваш же новшак этого не знает, а взялся учить и вести вас ко спасению. Горе сему учителю, горе и тем, коих успеет он обольстить.

Он все твердит о приятии в себя Христа, о вселении Христа, – и блага от сего бывающие расписывает яркими красками; но как способ к сему показывает он неверный, то и выходит, что он только манит, а ничего не дает. «Христос, – говорит, – вселяется верою». Из сказанного пред сим видишь, что не верой вселяется Христос, а благодатью Св. Духа. И самую веру возбуждает и совершает Дух Святый; но если б Он оставлял нас с этой одной верой, то и при ней ничего бы из нас не вышло. Возбудив и утвердив веру, Дух Святый приводит к купели крещения и здесь вселяет в нас Христа.

Не дивись сему, думая: «Христос Господь и сам есть Бог; чего же ради тут еще и благодать Св. Духа?» Но ведь мы с тобой не сочиняем учения христианского, как делает ваш новшак, а приемлем и содержим его, как оно есть в Писании и как предано нам изначала. Как Господу угодно было устроить, так оно и написано; и как написано, так оно и бывает. Как устроил Господь и как написано, так мы все и приемлем, не умствуя. Посмотри, как воплотился Сын Божий от Пресвятой Девы? Нашел Дух Святый и воплотил Его. Не Бог ли Сын Божий? Не Им ли вся быша? Не носит ли Он все глаголом силы своея? А между тем когда надлежало Ему воплотиться, плоть из пречистых кровей Пресвятой Богородицы соткал для Него Дух Святый. Разве не мог Он сделать этого сам? Мог; но так благоволил Бог триипостасный, следовательно, и сам Сын воплотившийся, чтобы тело для Него было совершено Духом Святым. Тайну сию Архангел принес с неба, говоря Пресвятой Деве, недоумевавшей, како будет сие: *Дух Святый найдет на тя и сила Вышинего осенит тя*. Так вот, как первоначально Господь вселился в Пресвятую Деву, и Она восприняла Его силой Духа Святаго, так и во всякого верующего вселяется Господь и всяким приемлеется той же силой Духа Святаго. Так содержи, – и не умствуй.

В приведенной выше молитве апостола из послания к ефесеям хотя говорится: «Да даст Бог – вселитися Христу верою в сердца ваши, но пред этим сказано: Утвердитися Духом Его во внутреннем человеке. Это утверждение Духом Святым во внутреннем человеке стоит как средство, или как отверстие двери для приятия Христа. И, следовательно, вселение Христа и здесь условливается действом Духа Святаго. Да и нечего об этом много думать, когда знаем из уст того же апостола, что во Христа Иисуса облекаются, – то же что приемлют его в себя, – только те, кои крестятся. Крещение же совершается Духом Святым, водой рождающим верующих к новой жизни по образу создавшего их Господа.

После всего сказанного, я думаю, ты готов спросить: «Как же это так? Стало быть, в устройении нашего спасения Дух Святый действеннее, и будто больше, чем сам Спаситель?!» Да на что это тебе определять, кто больше и кто меньше твоё спасение содевает? Не равночестны ли, не сопрестольны ли, не единосущны ли Сын Божий и Дух Святый? Так и веруй, что твоё спасение содевается в равной силе Господом Иисусом Христом и Св. Духом, или в Господе Иисусе Христе благодатью Св. Духа, – не забывая при сем содержать в мысли: по благоволению Отца, – чтоб выходило, что оно содевается нераздельным действием единосущной Троицы – Бога единого. Всяко однако ж не погрешишь, если будешь помышлять, что в устройении всего потребного ко спасению преимущественно действовал Господь Иисус Христос, нераздельно однако ж от Духа Святого, а в содевании спасения каждого преимущественно действует Дух Святый, тоже нераздельно, однако ж, от Господа Спасителя. Если так, то возжелавшим спасения и взыскавшим его сколько потребно прилепляться к Господу Спасителю верой, любовью и упованием, столько же, и с такой же верой, любовью и упованием, подобает возыметь заботу и ревность о стяжании и хранении благодати Св. Духа с полной готовностью покорствовать ее внушению и руководству.

Следовало бы теперь указать, как стяжевается, возгревается и хранится благодать Св. Духа, если она столь необходима в содевании нашего спасения. Но об этом отчасти я уже говорил в первом письме, будет случай и еще обратиться к сему предмету. Теперь же пора уже нам и кончить свою беседу. Перескажу, впрочем, все о сем хоть скороговором, чтоб сей вопрос не томил твоей головы.

Получается благодать Св. Духа по вере в Господа Спасителя, но не иначе, как через св. таинства, и притом в единой истинной Церкви Божией. Помимо таинств благодать не получается и вне Церкви не подается.

По получении хранится и возгревается благодать сия преимущественно пребыванием в молитвах церковных и домашних, как учит апостол: *Исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех и пении и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5, 19). При сем надлежит тщательно блюсти совесть свою чистой и не запорошенной даже малейшей порошинкой, – пребывать в трудах доброделания и подвигах самоумерщвления без саможаления, углубляться в созерцание тайн откровенного боговедения и путей промышления Божия, явленных в судьбах Церкви Божией и житиях избранников Божиих, и пребывать в братском и сыновнем общении с искренними ревнителями спасения, нечуждыми проявлений живущей в них благодати Божией. Внимательно и бодренно проводящий жизнь в таких порядках постоянно будет поддерживать в себе горение духа – свидетельство присутствия и действия благодати Божией. Постоянство в таком делании сделает, что сие горение все будет восходить горе, пока превратится в серафимский пламень. Больше об этом тебе теперь ничего не скажу.

Кончить бы, но пришло мне на мысль сообщить тебе мою догадку, почему ваш новшак, когда слово Божие так много говорит о благодати Св. Духа, и когда она по существу дела так необходима в содевании спасения, ничего не говорит о сей благодати. Ведь не один какой-либо текстик, который легко просмотреть, говорит о сем, – а видел сколько?! И однако ж он, хвалящийся, что только Евангелию следует, и вызывающий всякого на бой по Евангелию, не заметил будто их, – и помалчивает. От чего бы это так? И что бы это значило?

Вот что можно о нем положить: он или не ведает благодати, или намеренно умалчивает о ней, или отвергает ее. – Если не ведает, то зачем взялся учить, пребывая столь невежественным в ведении Писания, что не знает того, о чем почти на каждой странице говорится? Если, ведая, намеренно умалчивает, то обличает лукавство, по коему скрывает ведомую истину, неблагоприятную для его системы учения, или того призрачного идеала христианства, которым он сам прельщен и прельщает других, справедливо опасаясь, что при свете сей истины призрак тот развеется, как дым от ветра. Если отвергает существенную надобность для спасения благодати Святаго Духа, то он еретик, богопротивник, помутитель веры верующих и их соблазнитель.

Какое ни возьми из этих предположений, всякое крайне укорно и обличительно для вашего новшака. Но нам с тобой что его щадить? Апостол велел таковых обличать нещадно (Тит. 1, 13). Я, впрочем, останавливаюсь более на том, что он лукавит. Не знать о сем при таком множестве указаний Писания, как не знать, когда он имеет глаза и читать умеет? Должно быть, знает, но лукавит и помалчивает, делая вид, что об этом, будто к делу не относящемся, нечего и говорить. Боится он за свой призрак прелестный.

Ибо стань он говорить о благодати, надо будет говорить о таинствах, без коих, по слову Божию, благодать не сообщается; стань говорить о таинствах, не минуешь говорить о Церкви, хранительнице таинств; стань говорить о Церкви, как умолчать и о всем содержимом Церковью и о всех порядках ее. И все сие еще нужно будет признать нужным в содевании спасения. А это признание в прах разобьет его призрак. Почему все это для него нож острый; ничего из этого терпеть он не может. Так научил его англичанин-еретик.

Но довольно; кончаю. Я остановился только на первом впечатлении по прочтении присланных тобой пунктов. Что еще следует по ним сказать, отлагаю до следующего письма. – Ты же потрудись побольше подумать о существенной надобности благодати Св. Духа и, убедившись в сем сам, других доводи до такого же убеждения. Тогда вы одним словом сильны будете заграждать уста нашему новшаку.

25. Третье письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Будем с тобой продолжать обозрение присланных тобой пунктов учения вашего новшака.

1.

О первом впечатлении по прочтении их я тебе писал, – именно о том, что в них ни слова не говорится о благодати Св. Духа, тогда как она есть ближайшая к нам содетельная спасения нашего сила Божия. Теперь берусь за второе, – именно то, что слишком льготным представляется путь спасения. Уверовал, и все тут: и грехи прощены, и вечное наказание отменено, и падения не бойся, и добродетели все сами собой пошли из сердца, и Христос в тебе, и уж невзирая ни на что не покинет тебя, рай и Царство Небесное твое, и под. Остается только ликоваться: ни трудов, ни опасений, ни борений, – дорога гладкая и превеселая. И нечего дивиться, что многие льнут к нему. Это очень привлекательно. – Но истины тут нет, а одна прелесть.

В лице Христа Спасителя точно все уже спасены, – спасение, Им совершенное, довлетельно для всех. Но для того, чтобы и каждый частно соделался спасенным чрез Него, надлежит прийти к Нему определенным путем и получить сие спасение. Всякому спасение готово; но сам приди и возьми его. Вот тут и труды, и труды не малые, и скорби, и опасения, и борения. Посему, смотри, как изображается в словах Божием путь спасения.

Спаситель говорит: *Внидите узкими вратами: яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им. Что узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и мало их есть, иже обретают его* (Мф. 7, 13–14). То же повторил Он еще сильнее и в другой раз, в других обстоятельствах: *Подвизайтесь внизи сквозь тесная врата, яко мнози, глаголю вам, взыщут внизи (помимо их) и не внидут* (Лк. 13, 24). Эта теснота пути спасения не от внешних только лишений и прискорбностей, но паче от необходимости стеснять внутренние движения душевые, противные требованиям спасения. Почему вступающему на сей путь Господь говорит: *Аще кто хощет по Мне ити (т.е. путем спасения), да отвергнется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хощет душу свою спасти* (т.е. кто будет жалеть себя и поблажать требованиям самоугодия), *погубит ю: и иже аще погубит душу свою* (будет подавлять сии позывы и порывы) *Мене ради, обрящет ю* (Мф. 16, 24–25). *И иже не приимет креста своего и в след Мене грядет* (т.е. вздумает идти вслед Еgo без креста), *несть Мене достоин* (Мф. 10, 38). Вследствие сего, по слову Господа, – *Царствие Божие нудится* (с самопринуждением и усиленным трудом ищется), *и нуждницы* (нудящие себя на труды для сего без саможаления) *восхищают е* (Мф. 11, 12). То правда, что *Царствие Божие благовествуется*, – возвещается, как предмет обрадывающий; но услышавшие и понимающие, в чем дело, не ликованием и льготностям предаются, а что делают? *Всяк в не нудится*, т.е. притрудно протесняется в него (Лк. 16, 16). Почему, хотя Он обещает упокоить труждающихся и обремененных, но наперед повелевает им взять иго на себя, которое, как ни будь легко, все же есть иго, которое и легким названо не по отсутвию притрудностей и чувствительных жертв, но по всегда готовой помочи при подъятии и несении его, и по утешению, сопровождающему его и последующему за ним (Мф. 11, 28–30). А что шествие вслед Господа небезопасно, об этом Он не раз напоминал, говоря: *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41); *блюдите, бдите и молитесь* (Мк. 13, 33); *бдите убо на всяко время молящеся* (Лк. 21, 36); *да будут чресла ваши препоясаны и светильницы горящии* (Лк. 12, 35).

И это все говорит сам Господь, все совершивший ради нашего спасения. Следовательно, и сомневаться нечего, что приступающих к Нему не льготы ожидают, а труды, и труды без отдыха, как видно из притчи о работнике, который целый день работал, но воротясь к вечеру домой, не услышал от господина: «Ложись, отдохтай», – а что? «Собери-ка мне поужинать, да постой и послужи мне; потом отдохнешь, если не встретится еще дела какого-либо» (Лк. 17, 7–8). Господь обещает покой, но в будущем веке, а здесь требует усиленного труда в исполнении Его заповедей с очищением сердца, и притом как? Наисовершеннейшим образом: *аще не избуди правда ваша паче книжник и фарисей, не*

внидете в Царствие Небесное (Мф. 5, 20). Кто же, окружив себя льготностями, бегает здесь всякого труда и самостеснения, тот на том свете может очутиться в положении юродивых дев, которые мечтали, что попадут в чертог женихов, и были пред ним, но попасть в него не попали. Недоставало чего-то существенного в строе их жизни, хотя они не были порочны. Вероятно, в льготностях и саможалении жили, бегая всего, что мало-мало трудновато, в той мысли, что за них Господь уже подъял все болезни и труды. Вот и остались вне женихова чертога.

Что особенно требует строгого к себе внимания, самопринуждения и труда, – так это остатки живущего в нас греха. Господь приступающего к Нему с покаянием и верой милостиво приемлет, прощает ему все прежние грехи и, освящая таинствами, снабжает силой препобеждать живущий в нем грех, самого же греха не изгоняет, возлагая на самого человека изгнать его, с помощью даруемой ему для сего благодати. А тут сколько потребно внимания и бдительности, сколько приемов вооружения и браны?! Столько, что взявшийся за сие дело как следует минуты не может найти свободной от напряжения сил и забот о сем. Надо обходить сети скрытные, но сильные опутать; надо отражать и делать безвредными стрелы поминутно приражающиеся, но невидимо пускаемые и подлетающие; надо разглядывать ямы, прикрытые цветами, привлекательные приманки, ведущие в пагубу, сладкоречивые призывы, наводящие на вражеские засады. Какой все это требует осмотрительности, бодрости и напряжения сил? Где тут до ликований, хоть бы и духовных?! Мало-мало что просмотрит кто, глядь – уж и запутался, уж уранен, уж в руках врагов.

Посмотри также, как строги требования Спасителя? Не смей допустить и легкого движения неудовольствия и гнева на брата своего; мало-мало погрешишь в сем, – и уж суд тебе, и геенна (Мф. 5, 22). Между тем, у нас то и дело столкновения. И при всем напряжении внимания не избежать преткновений, а при ликованиях и льготах куда уж? Опять относительно женщин как строго? Мало-мало засмотрелся на какую, вот уж и блуд, и опять геенна (Мф. 5, 28–29). А осуждение как осудительно? Кто осуждает, – в тот самый момент, как осуждает, и за это одно действие, хоть бы других не было, уже осужден бывает, и судом не кое-каким, пустым, каково его осуждение, но судом Божиим, непреложным и вечным (Мф. 7, 1). И за праздное слово положен ответ (Мф. 12, 36); а с языком легко ли ладить? (Иак. 3, 3 и далее) Видишь посему, какое строгое потребно внимание к себе, какой бдительный труд над собою? А у ликующих потому самому, что ликуют, ничто такое невозможно. Стало быть и грехи по всем показанным пунктам неизбежны. С грехами же ликовать и льготничать смысла нет.

Если теперь такие малости, которые у нас и грехами не считаются, встречают такой строгий суд и приговор, то что сказать о больших грехах и страстях? О них и помина не должно быть между христианами, – так они противны духу Христову. А они в сердце, и желающий чистым быть от них, должен изгнать их оттуда. Это же каких требует трудов и какой борьбы с собою?! Возьми ты блудную страсть, возьми гордость или тщеславие, возьми склонность, возьми зависть, разгульность, своенравие и непослушливость, да какую вообще ни возьми страсть, – искоренение ее требует кровавых потов и трудов. Оттого смотри, как вынуждены бывают мучить себя те, которые опутаны какой-либо страстью и взялись искоренить ее. И совершенно справедливо, ибо иначе и успеха никакого ожидать нельзя; а не успеешь – и ступай в ад. Тем одним, что приступающему к Господу с верой, ради крестной смерти Его, все грехи прощаются, обнадеживать себя нельзя. Кто этим себя обнадеживает и небрежет об очищении сердца от страстей, тот сам себя прельщает. Крещением и покаянием действительно все грехи прежние заглаждаются совершенно, и уже не помянутся более. Но за то, получивший эту милость после того должен уже всенепременно до положения живота блюсти себя от всякого греха и от всех страстных, не увлечений только, но и сочувствий и помыслов. Для этого ему, в то же время, как изрекается прощение прежних грехов, дается сила противостоять страстям, от коих грехи, и препобеждать их, – дается сила побеждать страсти, а не искореняются он. Это искоренение

должно быть плодом собственных его трудов. Оттого, вслед за обращением к Господу, у всех тотчас начинается борьба, – и борьба на жизнь и смерть. И вот что сретает приступающего с верой к Господу, а не ликование и льготы. При ликованиях и льготах можно еще выдержать добродорядочное поведение, но никак строгое к себе внимание и борьбу со страстями. Да она и не начнется у того, кто таков. А не начнется, – страсти будут в сердце у него, и сделают из него гроб поваленный, снаружи красивый, а внутри полный костей смрадных. И будет он таким образом сам себя ублажать: Христос меня спас, Христос грехи мои снял с меня, Христос рай мне дал; между тем как Христос, смотря на него, праведно осуждает его и присуждает к геенне. Вот к чему ведет ликование и льготность! Христос не поблажник. Досмотрим теперь, как апостолы изображают жизнь христианина и чего требуют от него? Вот читай: *Со страхом и трепетом свое спасение содевайте* (Фил. 2, 12); *со страхом жития вашего время жительствуйте*. Почему же? Потому что именуете отцем Того, Кто имеет нелицемерно судить вас по делам; а Он требует, чтоб вы были святы, как и Он свят (1 Пет. 1, 16–17). Святость же сия соблюдается вами, когда сердца ваши будут непорочны и непоколебимы в чистоте пред Богом и Отцем вашим (1 Сол. 1, 3). Почему первым вашим делом да будет: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5), или, что то же, *очистите себе от всякия скверны плоти и духа, творяще святыню в страсе Божии* (2 Кор. 7, 1). Если хотите быть настоящими христианами, подражайте тем, кои Христовы суть; а они *распяша плоть свою со страстью и похотью* (Гал. 5, 24). Сие-то и есть истина о Христе Иисусе – *отложити вам ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных, и облечиши в новаго, созданного по Богу в правде и преподобии истины* (Еф. 4, 22–24). И только кто очистит себя от всего страстного и греховного, будет для дома Божия *сосуд в честь, благопотребен Владыце* (2 Тим. 2, 21). Сего ради, *не льститесь, – Бог поругаем не бывает: еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет: яко сей в плоть свою, от плоти пожнет истление, а сей в дух, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6, 7–8).

Итак, видишь, что как кто хочет, а должен стать чистым, если не желает лишен быть Царствия и попасть в ад; и чистым вполне, не в словах только и делах, но и в помыслах, чувствах и стремлениях. А это легко ли? Внутри нас живет грех, который недремленно и при всяком деле не забывает предлагать и себя (Рим. 7, 21–23). Мало-мало оплошность, – тотчас задымится и закурится похоть, похоть же заченьши родит грех, а грех содеян родит смерть (Иак. 1, 15). Вот и беда! Почему *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Похоть эта и сама по себе хитра на прелести; а тут при ней всегда стоит помощник ее, враг наш, который лишь только заметил хоть малое движение этой своей другини, тотчас подбегает и своими уловками спешит раздуть ее в пламень. Допусти только оплошность, – и пропадешь. *Блюдите убо, како опасно ходите* (Еф. 5, 15). *Трезвитесь и бодрствуйте, зане супостат ваши диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). *Облецытесь во вся оружия, яко возмохи вам стати противу кознем диавольским* (Еф. 6, 11).

Видишь, в каком мы положении?! Как же тут ликовать-то: «Мы спасены; рай нам. Как я рада, как я рад?» Когда услышишь такую речь, говори: «Подождите, подождите, други мои! Только что услышали вы о Спасителе и спасении в Нем, как уж и крыльшки распростерли лететь прямо в рай. Между раем и настоящим нашим положением еще большое расстояние. То несомненно, что кто уверовал в Господа Спасителя и пошел вслед Его в полной покорности воле Его святой, тот достигнет Царствия Небесного, непременно достигнет». Но до него надо дойти, и чтоб дойти, идти бодро, неутомимо, нимало не уклоняясь от Богом положенного к нему пути. А тут сколько возможно случайностей, могущих помешать дойти до конца пути и достигнуть цели? Почему смотреть надо не на конец пути, не на то, что в конце его, и на то, что под ногами. Конец пути уж дело решенное, – получишь, что там, но что под ногами, об то, если просмотришь, можешь поткнуться, и притом так бедственно, что после уже перестанешь двигаться по тому пути.

Мы в сем отношении похожи на состязающихся на ристалищах. Призы уж определены и лежат наготове. Вступающий в состязание, конечно, имеет в виду получить приз и думает об этом. Но когда вступает в самое состязание, тогда у него все уже выходит из головы, одним занят, – как бы скорее всех достигнуть определенного знака. Так и в деле спасения. Как не иметь в мысли Царствия Небесного? И к вере привлекает что другое, как не желание получить его? Но когда уверовав, вступишь на путь к нему, не его уже одно имеет в мысли, не на одно его устремляй очи ума и сердца (хоть и это уместно), но паче на знак впереди, которого если достигнешь, всеконечно получишь Царствие, а не достигнешь – не получишь. Что это за знак? Чистота сердца от всего страстного и греховного. В это и вперь умные очи свои, сюда и направляй бег, на это обрати все усилия и труды. Потому что если не очистишься, не видать тебе Царствия Божия, хоть бы ты целый век свой мечтал о нем и не переставал кричать: «Мой рай, я спасен!»

С состязающимися на играх сравнивает наше дело содевания спасения св. Павел. На играх, говорит, бег начинают многие, но почесть получает один, прежде всех добежавший до меты. Посему, говорит, и вы так теките, да постигнете; а для этого воздерживайтесь от всего, мешающего успешности вашего течения, как делают и вступающие в состязание на играх. И я, говорит, теку. Как? Умерщвляя тело мое и порабощая его (1 Кор. 9, 24–27). Я еще не достиг, еще не совершился, гоню же, аще постигну. *Братие, аз себе не у помышляю достигша, едино же, задняя убо забывая, в предняя же простираяся, со усердием гоню, к почести вышнего звания* (Фил. 3, 12–14). Если такой апостол говорит, что он еще не достиг, а стремится и бежит, чтобы достигнуть, то как же нам-то говорить: «Как я рад, как я рада! Христос меня спас: рай мой»?!

Рай несомненно будет наш; но если будем тещи, и тещи прямой дорогой, т.е. если потрудимся над очищением сердца без саможаления. Слушай, что говорит св. Павел: *Бог положил нас во спасение* (или, что то же, *в получение славы* (2 Сол. 2, 14), *Господом нашим Иисусом Христом, умершим за нас* (1 Сол. 5, 9–10). Когда Бог так положил, то несомненно так и будет Нам же теперь что? Сложил руки и сиди?! Нет, не это, а вот что: *вся искушающе, добрая держите, от всякия злые веци ограбайтесь, – и всячески заботьтесь, да ваши дух, душа и тело непорочными сохранятся к пришествию Господа нашего Иисуса Христа* (1 Сол. 20–23). *Терпения имате потребу, да волю Божию сотворише, примите обетование* (Евр. 10, 36). Св. Петр весь путь до Царствия так изображает: все, говорит, нам божественные силы, яже к животу и благочестию, поданы. Теперь за нами стоит *привнести* к сему дарованию благодати *все тщание* и с помощью ее насаждить в сердце всякие добродетели, вытеснив, разумеется, оттуда все страсти. Только сии добродетели *множась в вас содеют вас не праздными и не бесплодными в познании Господа нашего Иисуса Христа*, т.е. покажут, что вы не напрасно уверовали. Итак, *потищитесь* сим образом *известно ваше звание и избрание творити. Сице бо обильно приподастся вам вход в вечное Царство Господа нашего Иисуса Христа* (2 Пет. 1, 10–11).

Так видишь, что стоит между царством и призванием к вере, – в чем сущность дела спасения, куда надо обратить все свое внимание. Царствие Божие стоит позади всего, – начальная точка движения к нему есть призвание к вере и приятие благодати, – средина насаждение в сердце добродетелей с искоренением из него страстей, ревность к чему почерпается из веры и сила на что подается благодатью. О царствии нечего беспокоиться; оно не уйдет; беспокойся и хлопочи об одном том, чтобы достойным его явиться. А ваш новшак отводит ваши глаза от сего ближайшего нам дела и устремляет их на дальнейшее. В прошлом письме я писал тебе, что в изображении устроения нашего спасения он покривил дело, отводя внимание от благодати Св. Духа, которой благоволит действовать во спасение наше сам Господь; а теперь, как видишь, и в нашем содевании спасения он тоже покривил дело, отводя внимание наше от очищения сердца. Таким образом он решительно закрывает путь ко спасению и наследию Царствия. Путь сей очищение сердца помощью благодати по вере в Господа; а он и от благодати и от очищения сердца отклоняет внимание, держа его только на начальном пункте веры и последнем наследии Царствия. Не имея сего во

внимании, увлеченные им, конечно, и не действуют в сих видах; не действуя, не идут туда, куда идущими себя воображают, — и мняся быть обладателями Царствия, сами себе заграждают в него путь. Это и имел я в мысли, говоря прошлый раз в начале письма, что у него все призрачно, неверно и ненадежно. Он сам в самопрельщении и других туда же ведет.

2.

Третья кривда в учении вашего новшака есть, что спасение дается даром.

Если бы то, что я написал выше, прочитал ваш новшак, то не утерпел бы, чтоб не закричать: «А! Так ты заслужить хочешь спасение и царство?! Ничем этого заслужить нельзя; то и другое дается даром». Это любимая фраза подобных мудрователей; и они считают ее победоносной.

Ты же смотри, услыши это, не сробей, будто захваченный на месте преступления; а помолчав немножко, обратись к нему с такой речью: «На это я отвечу тебе после; а теперь попрошу сказать мне, в деле спасения имеют ли место собственные наши усилия и труды, или нет?»

Полагаю, что этим нечаянным вопросом ты поразишь его более, нежели сколько он тебя победоносной своей фразой. Потому что набив себе в голову это *даром и заслужить нельзя*, он и подобные ему до того отуманивают себя, что им и на мысль не приходят собственные усилия и труды в деле спасения; о них они и думать не думают и заботы никакой не имеют. Почему сразу тебе ничего и сказать не могут. Оттого и в числе присланных тобой пунктов и намека на них нет.

В Церкви Божией об этих *даром и заслужить нельзя* почти не поминается. Слышим только отсюду понукания: работай и трудись; вот-вот смерть, — с чем явишься на тот свет? Ревнующие о спасении и работают, не о заслугах мечтая, а считая себя обязанными трудиться как рабы. Выдумали эти фразы родоначальники по учению вашего новшака, потому что они очень подходят к их мудрованию о вседовлетельности веры. Но ими они извращают весь строй образа нашего спасения.

И ваш новшак туда же. Отчего? Оттого, что не умеет различать, в деле нашего спасения, *того*, что совершено и устроено Господом для нашего спасения, и *того*, что должны мы сами делать для своего спасения. У него не раз повторяется: спасение даровано нам туне, а дары Божии нераскаянны и отняты быть не могут. И выходит, что спасение наше, и наше даром. Выпало у него из головы, — если было там, — что приступающий ко Господу Спасителю с верой во спасение свое в завет с ним вступает. В завете же так бывает, что одно Бог обещает, а другое человек обязуется исполнить. В Новом нашем завете Господь обещает все то даровать и усвоить человеку, что Им совершено для нашего спасения, главнейше — оправдание в силу крестной смерти своей и дарование благодати Св. Духа, а потом и Царство Небесное; а человек обязуется, отвергши все греховное и страстное, служить Господу неуклонно точным исполнением заповедей Его, — что и есть взять крест и идти вслед Господу, или взять на себя благое иго Его. Этот последний пункт и требует с нашей стороны усилий и трудов всевозможных. И надо сказать, что это-то и есть главное, на что должно быть преимущественно устремлено все внимание ищущего спасения. Что от Господа, то уже несомненно будет исполнено, и нечего томить себя беспокойством о том. А что лежит на нас, о том нельзя не беспокоиться, потому что исполнение этого подлежит большой опасности по причине нашей изменчивости и многих встречаемых при сем затруднений. А не будь оно исполнено, — и Господь не исполнит Своего обетования; спасение и не состоится, и Царство Небесное не получится.

Таким образом, если *даром* означает отсутствие собственных наших забот, трудов и усилий в деле спасения (а другого значения оно иметь не может); то учение такое есть разорение спасения и путь в пагубу. К тому, что в деле спасения от Господа, совершенно справедливо прилагается это *даром*; а к тому, что от нас, оно неприложимо: никто за тебя делать не станет того, что на тебе лежит; сам потрудись и исполни. То, что Сын Божий пришел, воплотился, пострадал, умер, воскрес и вознесся на небеса, чтоб сидеть одесную

Отца и ходатайствовать о нас, – что послал от Отца Духа Святаго, который чрез апостолов собрал Церковь святую и в нее вложил все потребное для спасения, чтоб имея пребыть нерушимой до конца веков, она для всех всегда служила домом спасения, – все это *даром*, все это есть дело беспредельной благости Божией. С нашей стороны ничего при сем не требовалось и ничего не могло быть представлено. Спасаемые входят в Церковь для содевания своего спасения, – и для сего призываются к спасению. И это *даром*, – как в начале христианства, так и доселе. Но сим призованием к спасению *даром* кончается. С сего момента начинается содевание спасения, которое без собственного нашего участия, без деятельности нашего произволения и свободы, немыслимо. Внясть призванию или не внясть, последовать или не следовать, и, последовавши, исполнить все требуемое или не исполнить, – все сие в нашей воле. Почему с сего момента ничего уже не бывает *даром*; но возжелай, взыщи, потрудись, – и получишь.

О сих двух моментах в деле спасения я уже поминал тебе, но не каюсь, что завел речь опять о том же. Различие их очень важно в занимающем нас предмете. Почему чем лучше ты уяснишь его себе и затвердишь, тем безопаснее будешь от увлечения новшаком. Остановлю и еще немного на этом твое внимание.

Смотри, что пишется у Премудрого о премудрости. Премудрость, говорит, создала себе дом и утвердила столпов седмь; потом заклада своя жертвенная, растворила в чаше вино и уготовала трапезу; наконец послала своих рабов с высоким проповеданием созывать к себе на чашу всех желающих умудриться. Это первый момент. Которые из званых, сознав оное невежество, возжелали премудрости, те, вняв призванию, пришли и напоились мудростью у Премудрости. Это второй момент (Притч. 9, 1–6). Первый есть предызображение того, что Господь соделал и делает нашего ради спасения, – даром; а второй изображает то, что мы сами должны делать, чтоб получить спасение.

Читай также притчу Спасителя о брачном пире, устроенном для сына своего царем. Смотри, как дело шло. Сначала царь заклал юнцы и упитанная и приготовил обед и все потребное; потом послал рабов звать на трапезу. Которые вняли зову, – убрались и пришли, – и трапеза наполнилась возлежащих. И здесь приготовление трапезы со всем потребным и звание на нее есть образ того, что в деле спасения нашего совершено и совершается Господом даром; а внятие званию, принаряжение, приход и возлежание званых есть образ того, что должны делать мы для своего спасения. Слуги в обоих этих приточных историях никого не неволят, никого связанным не тащут, но внявшие зову сами уж и пришли, и исполнили все, что требовалось исполнить. Вон на брачном пире один не исполнил того, что следовало, – и за это тотчас отправлен в более достойное его место. И праведно. Должен был сделать подобающее, мог сделать и не сделал, – и понес, что заслужил. Так и в нашем спасении. Все потребное для него устроено и все зовутся к получению его; но никто не неволится, а всякому оставляется на свободу, вняв зову, прийти и получить спасение под одним условием исполнения всего потребного к тому. Кто исполняет, получает спасение. Кто не исполняет, подвергается тому же, чему подвергся и оказавшийся не в должном порядке на брачном пире.

Чтоб тебе не путаться в помышлениях о том, что от нас и как от нас, покажу тебе, как идет в нас дело спасения.

Вообрази себе человека, в первый раз слышащего призвание ко спасению. Приходит посланный от Бога апостол и говорит: «Все мы созданы, чтобы служить Богу в преподобии и правде; но исполнить этого не исполнили. Жизнь наша полна неправд и беззаконий, прогневляющих Бога. Почему нас ждет неотложно праведный суд и осуждение на вечные муки. Ныне, завтра, а может быть, и сейчас – смерть, за смертью – суд, и участь наша решится безвозвратно не на радость нам». Слышит сие душа, и сознает правду всего сказанного; потому что истины сии написаны в сердце, только не всегда помнятся, или и совсем заглушены бывают суетой и грехами, при напоминании однако же предстают сознанию во всей силе. Сознавши правду сказанного, душа приемлет то в чувство, – и задумывается о вечной участи своей: берет ее тревожная забота, как же быть? Бог

прогневан, чем умилостивлю Его? Благ Он, но и праведен. Да если б и помиловал Он, по неисповедимым судьбам Своим, и простил мне все прошедшее, что пользы? Опутан я страстями и греховными привычками, – и никак не надеюсь устоять против них. Опять будут они увлекать меня к худому, – и опять грехи и прогневание Бога. Нет мне исхода; погибла я!

Между тем апостол продолжает речь свою, – и кончив изображение крайности, в коей находится грешник, – благовествует и спасение. Погибать бы нам всем; но человеколюбивый Бог умилосердился над ними и послал на землю единородного Сына Своего, который пришедши к нам воплотился, пострадал за нас и, крестной смертью удовлетворив правде Божией, исходатайствовал нам всепрощение. Затем, воскресши и вознесшись на небеса, послал от Отца Духа Святаго, чтобы Он возжелавшим спастися в Нем, Сыне, пособствовал содевать свое спасение, т.е. чтобы тем, кои, покаявшись и уверовав в Него, положат твердое намерение прочее не прогневлять Бога грехами, давал силу противостоять греху и ходить неуклонно в воле Божией.

Внемлет сему душа, глубоко обеспокоенная крайностью своего положения, что и Бога умилостивить не имеет чем, и что, если б Бог как-нибудь Сам простил ее, то не надеется так жить, чтоб снова не прогневлять Бога, – внемлет и возникает к благонадежию спасения. Слава Тебе, Господи! Вот и Бога умилостивление, и грехов прощение, и силы на добро дарование. – Внемлет, возникает к благонадеянию и порывается желанием, как бы сподобиться сих благ, – и прощение грехов получить и силой на добро облечься.

Но се опять слышится благовестительное слово апостола. Сей Дух, Сыном Божиим посланный от Отца, нисшел на нас апостолов и, просветив умы наши ведением тайн Царствия Божия и облекши силой знамений, соделал нас довольными к верному исполнению заповеданного нам Господом Спасителем пред вознесением: *Шедше научите вся языки. И вот мы с того часа ходим всюду от лица Божия и благовествуем, призывая всех ко спасению. Покайтесь убо и веруйте во Евангелие, – да креститесь кийждо вас, и приимете дар Святаго Духа* (Мк. 1, 15. Деян. 2, 38).

Выслушав это, душа радуется, окрыляется надеждой получения спасения и воодушевляется готовностью следовать предложенному пути. Но возникает вопрос: правду ли говорит этот проповедник? «Покайтесь», – говорит. – Я уже каюсь, скорблю, что нагрешила, и сильно желаю сбросить это бремя грехов и не отягчать себя более ими. «Но, – говорит, – веруйте». Конечно веровать надо; как без веры следовать ему? Правда, благовестие очень утешительно, и я готова верить; но ведь и обманутой можно оказаться, – дело возвещается крайне великое. Сын Божий воплотился, умер на кресте, воскрес, вознесся и ниспоспал от Отца равночестного Себе Духа Святаго, Который и нисшел, и готов датися всем. Все сие неописанно высоко и благообильно. Но тем горше будет, если окажется в этом неверность. Речь апостола искренна, жизнь безукоризненна, добросовестность сияет в очах его; но он может и сам быть в заблуждении, и других вводить в него, не думая, что говорит ложь. Как же удостовериться? Когда б удостоверилась, сейчас бы пошла исполнять, что он говорит.

Эти колебания и недоумения совершенно в порядке вещей, и всякую почти встречают душу на переходе к решительному уверованию и действованию по вере. И пока они не будут устранины, никакие добрые решения в душе положены быть и установиться не могут. Кто может решиться тещи, не будучи уверен, что потечет на верное? Вот почему видим, что благовестие апостольское всюду было сопровождаемо осознательными свидетельствами и удостоверениями, что оно от Бога идет, именно, – знамениями. Св. Марк написал об апостолах: *Они же изшедшие, проповедаша всюду, Господу поспешествующу и слово утверждающу последствующими знаменами* (Мк. 16, 20). А книга Деяний передает и опыты того. Там хромой от чрева матерня стал ходить, по слову апостолов (Деян. 3, 2–7, 14, 10); там расслабленный поставлен на ноги (Деян. 9, 34); там мертвый воскрешен (Деян. 9, 41; 20, 12); там противник Евангелия наказан слепотою (Деян. 13, 11); там бес изгнан (Деян. 16, 18). И всюду всякого рода недуги были исцеляемы даже тенью мимопроходившего

апостола (Деян. 5, 15), или главотяжами и убрусами, бывавшими на теле его и потом полагавшимися на больных (Деян. 19, 12).

Поелику так всюду было и всюду о том слышалось, то вопрос, верно ли благовестие, вместе с порождением своим находил и решение. Сам по себе он не мешал образованию веры, а напротив, пособствовал ей, побуждая слышащего и готового уверовать прояснить для себя основания веры, чтобы она была разумнейшая и нерушимо твердая. Как основания сияли во очиу всех, то дело сие совершалось скоро. – Бери теперь такую душу, которую слух и зрение (т.е. знамение пред очами или услышанное) совершенно удостоверили в истине окрыливших ее благонадежием спасения обетований и верности предложенных к получению их средств. Что она? Тогда она всей мыслию, всем чувством и всей силой восприяв благовестие, произносит решение всю себя всецело посвятить на благоугождение Богу, Которого прежде так прогневляла, – только да изречет Он ей всепрощение и да облечет силой препобеждать грех и ходить в воле Его.

Заметь содержание сего решения. Не веровать решается: вера уже принята; но по вере благоугождать Богу. Это главное.

Внутреннее обращение души к Господу таким образом завершено. Но оно еще только мысленно, еще в предначертании, еще не стало действенным; посему ненадежно. Его надо запечатлеть в душе, божественной проникнуть силой и укрепить. Это совершает святое крещение. Душа покаялась, верует. Теперь должна приступить ко крещению. И действительно, уверовавший приходит к апостолу, изъявляет веру свою, исповедует грехи свои с обетом жить прочее по воле Божией (Деян. 19, 18), и тем открывает себе доступ к св. крещению, – которого апостол и удостаивает его или сам, или через помощников своих.

Из купели выходит он уже не только прощенным и облеченым силой, но и в чувстве всепрощения за все прошедшее и в чувстве силы на одоление греха и хождение в воле Божией, – выходит *мертвым убо греху, живым же Богови о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 11).

Так совершается христианин. Что же далее? Поелику воссияло ему солнце благодати, то он *исходит на дело свое и на делание свое до вечера* (Пс. 103, 23) жизни, считая себя рабом купленным, обязанным творить одну волю купившего его, по конце же жизни, если пребудет до него неизменным в принятом решении, принят будет в Царствие Небесное на нескончаемые радости.

Так человек делается христианином. Что дальше пойдет, будет уже не чем другим, как непрестанным повторением того, что действовалось здесь. Рассмотри же, что во всем этом действовалось без участия самого человека? Ничего. – В каждом повороте внутренних изменений действует он сам, своим произволением и напряжением сил своих. Пришел проповедник и начал речь. Слушать или не слушать, есть дело свободы каждого. Иные остановились, окружили его и слушают; а мы с тобой пошли своей дорогой, говоря: «Что он тут начинает суесловить?» Прослушав первую часть проповеди о бедственности положения грешника, сознаться, что мы действительно в таком положении, есть наше дело: иные сознаются, а мы с тобой указываем лишь на других. Сознавшись в этом, обвинить себя и признать правость кары Божией за то, опять наше дело: иные осуждают себя, а мы с тобой говорим в себе: «Что ж такое?» Обвинив себя и признав правость кары Божией, восчувствовать, сколь сие страшно, возболезновать о том, возжелать и взыскать избавления, тоже наше дело: иные приходят в такие чувства, – ужасаются, сокрушаются, искать начинают, нет ли какого исхода, а мы с тобой остаемся совершенно равнодушными.

Проповедник указывает богоучрежденный способ избавиться от крайности, в которой узрел себя грешник; но родилась потребность удостовериться: правда ли? Кто проложит нам путь к вере в истину столько нужных и утешительных обетований? Никто сторонний, – и это наше дело. Апостолы, силой Божией облеченные, представляют документы к удостоверению в истине слов своих; но усмотреть сии документы, уразуметь их значение и вследствие того удостовериться в истине обетований, должны мы сами. – И видим, что

иной, как только родился у него означенный вопрос, говорит в себе: «Жестоко слово сие; кто может послушати его?» И сразу отворачивается.

Другой всматривается в документы; но порассмотревши их, оценивает своим образом: *о веельзевуле изгоняются бесы*, – и тоже отходит. Но иные тем вопросом не смущаются, ни документов не толкуют криво, а нашедши их вполне удостоверительными, веруют возвещенному, в разной степени искренности, живости и воодушевления.

От веры начинается третий поворот внутренних движений в деле обращения – решение на основании веры. Уверовавший говорит в себе: «Итак, бросаю грех, полагаю намерение творить одно угодное Богу и в сем решении приступлю к Господу Спасителю, в уверенности, что Он простит мне все прошлое и даст силу оказаться исправным впоследствии. Это решение есть главный момент в деле обращения, коренной, источный. В нем получают значение и конец предшествовавшие движения и от него зависит все последующее. Не будь его, все ни к чему: и сокрушение с уверованием останется без конца (будто посылка без заключения), и последующая жизнь не может быть вполне такой, какой ей следует быть о Христе Иисусе. Между тем от кого зависит сие решение? От самого человека. Он сам своегласно и самоохотно должен произнести его. Ни вера не определяет его необходимо, ни Бог не вынуждает его против воли. – И видим, что не всякий уверовавший тотчас же и произносит сие решение. Иные отлагают его назавтра, и из них один возвращается к нему, а другой отходит на страну.

Решение – главный момент в нравственном строе обращающегося к Господу; но пока оно еще не запечатлено таинственно благодатью, дотоле оно непрочно, ненадежно, бессильно. Почему вслед за ним предлагается св. крещение. Кто нудит ко крещению? Никто. Решившийся следовать Господу сам идет к нему в уверенности, что в нем получит восполнение всего, недостаток чего в нравственно-религиозном строе своем чувствует его сердце.

Что дается в крещении, то есть дар Божий, который подается, однако ж, не безусловно. Условие – сказанное решение по вере. Ради сего по вере решения благодать Божия входит внутрь через таинство и, сочетаваясь там с духом человека, держащим то решение, и закаляя сие решение, полагает семя и зародыш новой духовно-благодатной жизни. Своегласное решение, слабое по себе, облекается здесь силой свыше, и окрещенный исходит посему из купели с чувством силы о Господе, говоря: *Все могу о укрепляющем мя*. Тут благодать и свобода сочетываются воедино и потом уже неразлучно действуют во все течение жизни, если не разлучит их опять прившедши какой-либо грех. – Новое начало жизни положено.

Видишь, как все движение внутренних изменений до положения сего начала и самое сие положение совершаются не без участия деятельности нашего произволения и свободного напряжения наших сил. Как же теперь говорить, что спасение дается даром, без участия наших трудов и усилий, когда самое начало содевания его полагается не даром, – не без участия наших трудов и усилий?

Не подумай однако ж, что ты сам, один, обратился, если уже обращен, или обратишься, если еще не обращен. Нет; я не с тем сказал все сказанное, чтоб ты так подумал, – и вследствие того стал много о себе думать и самонадеянничать, а с тем, чтобы ты крепко держал в мысли и сердце, что спасение не устроется без участия нашего произволения и напряжении наших сил, и вследствие того не опускал рук, слыша, что пришла спасительная благодать и устрояет спасение всех.

Я сказал впереди, что ни одно из движений, коими доходят до обращения, или положения начала спасения, не бывает без участия нашего произволения и напряжения наших сил. Теперь прибавлю, что ни одно из них не бывает и без содействия благодати. Вместе с словом благовестия, призывающим к спасению чрез слух уха, проходит благодать в душу и возбуждает ее. Но возбуждает только мысли и чувства. Коль же скоро надо образоваться желанию и склонению воли вследствие того, она отступает и ждет, что изберет хозяин дома души. Когда образуется желание и склонение произволения, она снова приходит на помощь и помогает установиться тому, на что склонилось произволение. Так

образуются сокрушение о грехах, желание избавиться от крайности, в какую они поставляют, вера в предлагаемый образ избавления, решение, принимаемое вследствие того, и приступление к таинствам. Во всех сих моментах благодать Св. Духа идет вслед за произволением. Не будь его, благодать Божия не станет своей силой, против воли, производить то, что должно зависеть от движений произволения. Когда же наконец благодать, действовавшая доселе совне, осеняя, в таинстве входит внутрь и сочетавшись с духом человека, то тут не требуется уже особое движение произволения. Оно приготовилось к сему всем предыдущим и отверзло себя для благодати преданием себя Господу в конечном решении. Отселе благодать пребывает уже неразлучно с свободой, но действует все так же, как и прежде, спомоществуя и укрепляя желания и силы по делу спасения, но никогда не касаясь святилища свободы, — ее произвольного выбора и склонения.

Спросишь, а вера-то где же тут? Тут же; только не на том месте, где ее полагает новшак ваш и подобные ему. Без веры ни одного шага не бывает; но действует во спасение не она, она только возбуждает деятельные силы и благодать к нам привлекает; далее же все уже идет взаимодействием свободы и благодати, хотя под непрерывным влиянием ее. Вот смотри! Обращающийся к Господу верует, что находится в опасном положении от грехов, и начинает сокрушаться и искать исхода, — а благодать углубляет сие чувство и искание. Поверит, что тот способ избавления, который предлагается благовестием спасения, действительно и верно избавит, — и решается действовать по нему, — а благодать закрепляет сие решение. Поверует, что спасительные силы подаются не иначе, как чрез таинства, и приступает к ним в полной уверенности, что получит их, — и действительно получает по вере и именно чрез таинства. Поверует, что последующая жизнь благоуспешно может тешить к преднамеренному так же не иначе, как взаимодействием свободы и благодати, — и напрягает все свои силы на предлежащие дела, не своей, однако ж, силой чая совершивших их успешно, а благодатью Божией, к коей и обращается молитвенно при каждом шаге, веря опять, что после напряжения им своих сил до возможных пределов, благодать сия не оставит прийти к нему на помощь к совершению неотложного дела, восполняя оскудевающее в его собственных силах, кои также суть Божии. Таким образом вера походит на духовную некую атмосферу, в коей развивается и растет древо спасения; но самое насаждение и возрастание сего дерева производится действием внутренних сил, возбуждаемых и укрепляемых действием солнца благодати.

Изъясняя, как полагается начало содеванию спасения, я имел в мысли только, как бывает сие, когда кто приступает к Господу в первый раз и крестится. Но таким же образом сие происходит, когда кто снова обращается ко Господу, потеряв благодать крещения греховной жизнью. И у этого также пробуждается душа приведением на память гнева Божия и восчувствованием от того страха и опасения за свою вечную участь. Восчувствовав это, взыскивает и он, как избавиться от грозящей беды, и зная уже, что этого нельзя иначе достигнуть, как покаянием, приступает к сему таинству. Оплакав грехи свои с болезненным сокрушением сердца и положив твердое намерение не поблажать более своим греховным похотям, а идя наперекор им, исполнять верно всякую волю Божию благую и угодную, исповедует он грехи свои духовному отцу своему, и в момент разрешения им его от сих грехов снова сподобляется спасительной благодати, которая сочетавшись с его духом, опять полагает в нем твердое начало новой жизни о Господе. Из сей слезной бани выходит он таким же, какими выходят из купели крещения, — ревнителем добрых дел по вере с помощью Божией благодати. Что бывает здесь особенного, так это то, что чувство помилования не всегда вдруг приходит, не всегда вдруг приходит и чувство силы о Господе. Зависит это от того, как глубоко кто падает по крещении и сколь долго пребывает в падении, — и еще более от того, сколько раз кто снова падал по принесении покаяния. Но после больше или меньше продолжительных трудов над собой и подвигов самоумерщвления приходят наконец и эти чувства у всякого, — и благодатное состояние

восстанавливается вполне. К сему направлены епитимии, которые составляют существенную часть в получении прощения грехов и уврачевания ран душевых.

Видишь теперь, что начало новой жизни о Христе или начало спасения не даром дается за веру, но полагается свободными движениями духа, по вере, при помощи благодати Божией. – Далее сам уже можешь заключить, что если начало так шло, то тем паче так должно идти продолжение содевания спасения. Так это и есть. Оно сеется не верой, а напряженной деятельностью своих сил, возбуждаемой верой, при помощи благодати Божией. Все тут бывающее пространно изображено местами Писания в начале письма. Посмотри, какие труды несет спасающийся, – и забудешь думать о *даром*. Теперь об этом нечего бы и говорить, но пришло мне на мысль немного пояснить тебе, от чего так бывает, что новая жизнь начата и благодать получена, – а труды подъемлются все же очень большие, измощдительные.

Смотри ты на человека, вышедшего из купели крещения или из слезной бани покаяния, – каким он выходит? – Выходит ревнителем добрых дел на богоугождение о Христе Иисусе Господе с помощью благодати. Как дошел он до этого? К сему привели его встревоженная совесть и страх Божий. Они, пробудившись, заставили его взыскать спасения и обратиться ко Господу. Он взыскал по порядку, самим Господом установленному, – и се вступил на путь спасения и готов шествовать по нему в чувстве силы о Господе.

Что ожидает его? – Непрестанная борьба с собой в очищении сердца от страстей и греховых склонностей и привычек; потому что иначе нельзя ему выполнить вынесенного из начального обращения решения быть ревнителем добрых дел на богоугождение. Подумаешь, – опять борьба; там ведь уж была борьба, перелом жизни сделан; кажется уж, и довольно бы. Вот это я хочу тебе теперь объяснить. Но для этого я должен тебе представить коротенько устройство нашей человеческой природы.

Ведай, что во внутренней нашей жизни есть высшая некая сторона или сила, которой сущность есть жить в Боге, по воле Его, отрешенно от всего. Я называю ее особой высшей частью нашего естества, духом, – тем духом, который вдохнут в лице первозданного из уст Божиих. Движения или проявления сего духа суть: первое – непосредственная уверенность в бытии Бога, с сознанием полной от Него зависимости, что можно обозначить одним словом – *страх Божий*; второе – *совесть*, или показывание воли Божией с понуждением исполнить ее, и затем – с одобрением за исполнение и с осуждением за неисполнение; третье – *искание богообщения* с недовольством ничем тварным.

Ты как хочешь это называй, – особой ли частью нашего естества, или только высшей стороной души, – не в этом дело; только признай, что означенные движения духовные есть в нас и составляют высшее наше достояние, норму жизни человеческой, то, что делает человека человеком. Я же буду называть это духом.

Под сим духом есть в нас душа и тело, которые совмещают силы и потребности, приспособленные к жизни на земле: в теле, например, потребность есть, пить, отдыхать, спать и подобное; в душе – потребности семейные, общественные, художественные, деловые, научные и подобные. Сими сторонами жизни мы стоим на одной линии с животными; только они у нас более осмыслены, потому что приподняты значительно от земли данным нам духом.

Из сего сам можешь заключить, что задавать тон жизни в человеке должен дух; душа же и тело должны ему покорствовать, состоять в его услужении, действовать в его видах. Силу на это дух почерпает из богообщения, которое облекает его царственной властью над душой и телом. В первозданных до падения так это и было. Они жили духом в Боге, и дух их, черпая из сего богообщения силы, властвовал над душой и телом. Но когда они по вражью искущению пали, порядок движений их жизни изменился. Дух, отпав от Бога, потерял властную над душой и телом силу, и они начали вести свои дела независимо от него, по своей воле. От этого все внутри расстроилось и пошло врознь. Духовные движения оставлены в стороне; качествовать начала в человеке жизнь душевно-телесная, с слабыми остатками проявлений духа, – и он перестал быть тем, чем должен был быть. При этом

потребности души и тела, сами по себе безвинные, не будучи управляемы высшей силой, повлекли к разным способам своего удовлетворения и превратились в кучу наклонностей и привычек, уже небезвинных по причине преобладания, излишества, уклонения от своего природного чина и даже неестественности. К тому же среди их развился особый класс неправых движений, страстей, противников всякого добра, порождений эгоизма под влиянием врага нашего, диавола. Таково состояние падшего и всякого человека, во грехе пребывающего. Жизнь его движется по душевно-телесным наклонностям, привычкам и страстям, без внимания к требованиям духа, заявляемым страхом Божиим, совестью и чувствами неудовлетворительности такой жизни. Дух и в них жив; но пренебрегается, забит, загнан.

Восстановление падшего, которое составляет сущность христианства, бывает именно через восстановление духа и возвращение ему власти над душой и телом и очищение их от всех приведших к ним незаконно наклонностей, привычек и страстей. К сему и направлено как домостроительство спасения вообще, так и содевание по нему спасения каждым спасающимся. Духу нашему восстановлену быть подобало благодатью Духа Божия. Но доступ к нам Духу Божию был прегражден лежавшей на нас клятвой, по причине крайнего оскорблении Бога презрением его воли в падении. Надлежало снять сию клятву, чтобы открыть путь к нам благодати Св. Духа. Для сего Сын Божий воплотился, пострадал и умер на кресте, – чем снял с нас клятву, быв по нас клятва. После сего Духу Святому низойти к нам не было уже препяды. Он и нисшел, как только вознесся Господь Спаситель по воскресении. В этом сущность домостроительства нашего спасения.

За тем и содевание каждым своего спасения посредствуется уже неотложно приятием благодати Св. Духа. Но видел ты, чем обнаруживается первое действие Духа Божия на человека через слово благовестия? Тем, что Он растревоживает его совесть и поражает страхом Божиим. Страх же Божий и совесть, как я пред сим сказывал, суть принадлежности нашего духа. Следовательно, благодать Духа, начиная действовать в наше спасение, действует прямо на наш дух, оживляя его естественные чувства и давая ему силу возвысить голос требования своего над всеми голосами низших сил, властвовавших доселе незаконно. Припомни теперь, как от сего первого движения доходит обращающийся к Господу до решения всего себя предать Господу и всячески Ему благоугождать, отвращаясь от всего, Ему противного, и как за тем, по принятии св. таинства крещения или покаяния, исходит он в чувстве силы противостоять всему греховному и совершать всякое добро. Эта сила и есть свойственная нашему духу сила, потерянная в падении и теперь восстановленная благодатью. Следовательно, у обращающегося к Господу, как изображено выше, не иное что совершено, как восстановлен дух его благодатью Святаго Духа. – И се начало новой жизни!

А в душе и теле что в сие время произошло? Там все прежние небезвинные наклонности, привычки и страсти остались, как были; только власть у них отнята. Прежде, что ни захотят, – подавай им. И человек хотя-нехотя тянулся исполнять их веления; а теперь уже не то. Требования свои они и теперь предъявляют; но благодать Божия, восстановив дух, дает ему власть указывать человеку противоположные им требования, и сообщает силу отразить те и исполнить сии. Почему с сего момента и начинается внутри брань. Грех через обычные прежде душевно-телесные склонности и страсти восстает на дух, покушаясь снова покорить его им; а дух при помощи благодати Божией отражает его и направляет силы души и тела к противоположному. Начавшись, сия борьба и длится. Если дух ни в чем не поддается, грех все слабеет и слабеет, дурные склонности и страсти замирают, – а он, дух, все более и более приобретает власти действовать в своем чине через душу и тело беспрепятственнее. Конец брани, когда худые склонности и страсти совсем изгнаны будут из тела и души, дух облагодатствованный останется совершенно свободным владыкой всех душевно-телесных движений. И се смысл обетования: *идеже Дух Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17).

Итак вот в чем теперь дело обновленного духа, приявшего начало новой жизни! Вот на какое делание исходит он по выходе из водной купели крещения, или из слезной бани покаяния, – на то, чтобы очистить душу и тело от всего греховного, страстного и чувственного, сделав все естество наше чистым, устроить из него достойный храм триипостасному Богу, – в чем живот вечный, который и пребудет по исходе отселе вечным его достоянием.

Теперь видишь, почему и по приятии благодати и обновлении духа нашего предлежит еще труд, и труд долгий и прискорбный. Надобно, по восстановлении духа, высвободить еще душу и тело из плена греховных наклонностей и страстей, и возвести в свободу духа.

Не пропусти ты без внимания эти два момента, – восстановление нашего духа в его правах и власти и очищение души и тела от всего греховного и страстного. Первое совершается в порождении в нас начала новой жизни, как пред сим изображено, а второе должно быть совершаemo всю жизнь по восприятии того начала благодатью Духа о Христе Иисусе Господе нашем.

Поясню тебе это примером. Положим, что освобождается город от пленивших его врагов. Прежний законный владелец города с войском своим подступает к нему, прогоняет войска врагов, вторгается внутрь и завладевает крепостью внутри города, кремлем. Кремль взят, а город кругом весь еще в руках врагов. Первой заботой завладевшего кремлем бывает укрепиться в нем и обезопаситься: а первой заботой врагов, владеющих еще городом, захватить его и снова завладеть им. И начинается после генеральной битвы перед городом частная и частная война внутри города. Враги делают нападения, кремлевские владельцы отражают их и с своей стороны делают вылазки. Будучи сильнее, кремлевские, ослабив врага частными вылазками, начинают забирать в свои руки и части города, одну за другую; наконец совсем выгоняют врагов из города и предградий и делаются полными владельцами всего. Точь-в-точь то же происходит и в нас, когда кто обращается к Господу и освящается таинствами. Дух восстановлен и облечен благодатью; а душа и тело еще в плену у греха и страстей. Законному владельцу их, человеку, следует теперь, укрепясь в духе и вооружась всеми благодарованными средствами, вытеснить грех и страсти из прочих частей своего естества, борьбой и побеждением их, чтобы стать полным владельцем всего, как в начале было предназначено. Обратившийся к Господу и приступает тотчас к сему.

Как это совершается? Так же, как полагается начало новой жизни, – взаимодействием свободы и благодати. Сам человек должен всевозможно над этим трудиться и все к тому напрягать свои силы. Смотря на эти напряженные его усилия, и благодать Божия будет притекать и завершать то, что ищется, потому что сам человек ничего до требуемого конца довести не может. Не стань трудиться человек, благодать не станет за него делать то, что он должен делать сам. Она приходит только на помощь, – тогда как человек истощит уже все свои силы, кои тоже суть дар Божий. Но усиливаясь и некий видя успех, пусть не мечтает человек, что и сам одними своими усилиями, может дойти до конца искомого. И малой страсти не может он совсем победить, а не только большой, и тем паче всех. В целом очищение души и тела от страстей есть дело благодати.

Видишь теперь, что тому, кто восприял новое начало жизни в крещении или покаянии, предлежит не покой, а труд и пот, борьба и самоличное действование против страстей и греха. И это не по произволу какому, а по неотложному закону течения восстановления нас от падения. Вот почему ты видишь в житиях всех святых, Богу угодивших и прославленных, что они всю жизнь свою проводили в строгих подвигах самоумерщвления внутреннего и внешнего и в трудах по упражнению в добродетелях с непрестанным прибеганием к Богу. Это и приводило их наконец к тому, что худые наклонности и страсти были совсем изгоняены у них из души и тела, а на место их водворялись добрые расположения. Когда таким образом все греховное и страстное изгонялось вон, человеческое в них естество являлось в природном, первозданном своем виде, – их дух, душа и тело, проникнуты быв благодатью, осиявались божественным светом, что служило

явным знаком, что они наконец содевались храмом Бога триипостасного, как обетовал Спаситель.

Вот что должно иметься в виду и что наконец достигается! Благо неописанно великое! Но на первом месте пусть стоят труды и поты, и душевые и телесные. О преуспевших и сказано: *иже Христови суть, плоть распяша со страстями и похотьми* (Гал. 5, 24).

Итак, спасение не даром дается, а содевается, – и содевается взаимодействием свободы и благодати, туне нам присужденной и усокровиществованной, но не туне даемой (т.е. не без участия склонений свободы). В устройении (домостроительстве) спасения, все сделано туне, одною благодатью; в содевании же спасения каждым ничего не бывает туне, одной благодатью, но все делается взаимодействием свободы и благодати. Тут ни благодать ничего не станет делать одна, если не видит склонений и усилий свободы, ни свобода ни в чем успеть не может одна без помощи благодати. Спасение спеется неразлучным их действованием, – когда кто по вере в Господа Спасителя, решившись всячески угождать Богу с отвержением всего противного Ему и укрепляя будучи на то благодатью Св. Духа в таинствах, работает в сем порядке всесильно и непрерывно. Апостол Павел говорит о себе: «Я больше всех апостолов потрудился; но не я причина успеха, а благодать, яже со мною». Это значит, что он с своей стороны напрягал все силы, но не они совершали дело, а благодать, соприсутствовавшая ему. Не будь ее, ничего бы он и не сделал. Почему заключил: *благодатию Божию есмь, еже есть* (1 Кор. 15, 10).

Не подумай, что это участие свободы и напряжения сил требуется маленькое; нет – не маленькое, а в такой степени, какую только может вынести естество наше. Это осязательно испытывается особенно в главном моменте, – в решении, отвергвшись себя, последовать Господу. В первый ли раз кто приступает к Господу, или падши по крещении, снова обращается к Нему, решение сие есть болезненный и претрудный перелом всего внутреннего строя, скрепляемый готовностью на всякого рода лишения и даже смерть, если окажется, что иначе нельзя устоять в принятом решении. Последование Господу не по цветам есть ступание, а по терниям и среди терний, не прямо в рай вхождение, а прежде на крест восхождение, чтобы с него уже поступить и в рай. Все это в час решения передумывается, перечувствуется и приемлятся. Хоть смерть, а не отступать – это сущность решимости работать Господу. Какое напряжение нравственных сил должно быть употреблено, чтобы дойти до такого пункта?! И это только начало. Затем и в действительной жизни по сему решению подобное напряжение требуется что ни шаг, и без него ничего не делается. – Так изволь это знать, – и *туне выбрось* из головы, и берись со страхом и трепетом содевать свое спасение, привнося к благодати *все тщание*, как заповедует тебе св. Петр (2 Пет. 1, 5).

Смотри теперь, сколько правды в словах: веруй, и ты спасен? – На деле так бывает, что если кто, уверовав, пойдет по тому пути, какой указывает вера, то несомненно достигнет спасения. Посему не написано: *иже веру имет*, спасен есть, но – *спасен будет*, если, разумеется, исполнит все, что с его стороны требуется исполнить. То истинно есть, что уверовавший и обновившийся благодатью в крещении или покаянии питает непоколебимую уверенность, что путь, на который он вступил, несомненно ведет ко спасению, что несомненно он и его приведет к нему, если не погрешит в шествии своем; даже более, он уверен, что начавший дело спасения в нем Господь и до конца доведет сие дело, – и в сем чаянии совершенно предает себя Его водительству; но это нисколько не увольняет его от собственных трудов и усилий, да он и сам не думает пресекать их, сознавая их обязательство, а напротив, всячески возбуждает себя к тому, чтоб, не щадя сил, всеусердно браться за все, предлежащее на пути шествия его.

Теперь следовало бы мне сделать коротенькие замечания против всякого из присланных тобой пунктов. Но приходится отложить это до следующего письма, потому что, как видишь, мы с тобой немного заговорились.

Спасайся! А между тем поразмысли о всем сказанном и пострайся выбить из головы это соблазнительное *даром*, чтоб его и следа там не оставалось. Экие у вас там народились счастливцы, что им Царство Небесное дается даром?! Не ревнуй сим лукавнующим.

26. Четвертое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Спешу окончить нашу с тобой беседу о присланных тобой пунктах учения вашего новшака.

Может быть, и еще что-нибудь следовало бы сказать вообще об них, но берусь делать замечания о каждом пункте: тут не пройдет без внимания и общее, если осталось не показанным.

1) *Спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены.*

Совершено все, что потребно для нашего спасения, устроена сокровищница спасения, – домостроительство (экономия) его. Приходи всякий и бери, сколько можешь вместить. Путь к сей сокровищнице, билет на вход в нее и на получение всего в ней содержащегося дает вера. Кто уверует и придет к сей сокровищнице, тому богоучрежденными порядками будет дано все потребное для спасения. Это, как я писал прошлый раз, – прощение грехов ради крестной смерти Господа и благодать Св. Духа.

Как ни велики сии дары Божии, даваемые при самом первом приступлении к Господу верой, – при всем том уверовавшего и чрез таинства приявшего означенные дары нельзя назвать уже спасенным. Этим полагается только начало спасения. Уверовавший вступает на путь, верно и несомненно ведущий ко спасению, но спасенным он явится, когда кончит сей путь непреткновенно и неуклонно. Посему у св. Марка Господь и говорит: *Иже веру имет и крестится, спасен будет* (Мк. 16, 16), а не спасен еще. Несомненно будет спасен, если пребудет верен вере и не престанет исполнять потребное для спасения. Не сомневайся, что получишь спасение; только неленоство теки по пути к нему, подражая св. Павлу, который говорит о себе: «Теку на верное, но еще не достиг; гоню же, чтоб достигнуть» (Фил. 3, 12–14). Только вот что можно сказать – *спасены*, что если кто из уверовавших, вышедши из купели крещения или покаяния с отвращением от всего греховного и возрневнованием о всем добром, тотчас и отойдет из сей жизни, то он не подпадет осуждению, потому что со временем крещения исключается из списка погибающих и включается в список спасаемых. Но если он по душе и телу остался еще нечистым, то недостающее сие восполнится молитвами церкви, кои слышатся в ней на каждой службе.

2) *Спасение даровано нам туне, а дары Божии, как непреложные и вечные, отняты быть не могут.*

Устроено для всех спасение *туне*, но даваться никому не дается *туне*. Об этом было все почти прошлое мое письмо. Воплощение Сына Божия, крестная смерть, воскресение и вознесение, сошествие Святаго Духа и Церкви Божией устроение, в коей единой только все желающие спасения и спасаться могут, – все сие совершено туне, даром. И зовутся все ко спасению тоже даром. Но потом, как только внял кто призванию и начал движение к получению спасения богоуденным порядком, с той минуты уже ничего не бывает даром, а во всем требуется напряжение своих сил, тщание, и труд, – и если это не будет, ничего не получишь: ищи и обрящешь, толцы и отверзется тебе. Так что вернее будет, если ты навыкнешь говорить: «Спасение содеивается при помощи благодати», вместо: «Дается туне».

Общая мысль сего пункта: спасение даром даровано и отнято быть не может, потому что дары Божии неотменны, – совершенно ложна, льстива, пагубна, ибо подрывает всякую энергию нравственных сил, и останавливая текущего ко спасению, лишает его возможности получить его. Домостроительство спасения неотменимо и вечно сильно, – вседовлетельно на спасение всех во все времена живших, живущих и имеющих жить, и сила его простирается на всю вечность. Но к спасению каждого лица сии качества – непреложность, неизменность, вечность, – безусловно прилагаемы быть не могут, пока кто здесь на земле. В сем отношении можно только говорить: «Кто уверует и по вере верно будет исполнять

все потребное для спасения, как сам Спаситель установил во св. своей Церкви, тот несомненно спасен будет; кто же не исполнит сего потребного, тому нельзя надеяться спасену быть, но тому одному, что спасение Господом устроенное непреложно, даже после того как он верой приступил к Господу и получил начатки спасения, прощение грехов и благодать Св. Духа. Кто, получив прощение в грехах, опять согрешит, тот теряет сей дар; равно кто, получив благодать Св. Духа, оскорбляет грехами сего Духа Божия, тот лишается сего дара. Таковой опять поступает в разряд непрощенных и безблагодатных. Воспринятое начало спасения сгублено; надо снова его искать». Слово отнято быть не может по причине нашей изменчивости, неприложимо к получению и содеванию спасения, следовательно, должно употребляться, и обманывает неопытных.

3) *Человек спасается чрез веру во Христа.* Хорошо сказано: «Спасается». Стало быть, не спасен еще, а лишь содевает свое спасение, проходит курс, течение спасения. И что спасается чрез веру во Христа Господа, тоже верно, если под верой во Христа разуметь веру христианскую во всем ее существенном устройстве. Помимо сей веры нет спасения. Но если под верой во Христа разуметь лишь уверование, что Христос Спаситель совершил все потребное для нашего спасения, то такая одна вера не содевает нашего спасения, если кто с ней одной останется. Она только дает первый толчок движения ко спасению. Прияв ее, надобно покаяться и положить твердое намерение неуклонно работать Господу, отвращаясь от всего Ему неугодного; далее приступить надо к таинствам во св. Церкви и приять чрез них всепрощение и благодать Св. Духа; наконец, облекшись этой силой, тещи неуклонно путем заповедей Господних во исполнение данного обета. Кто так устроил свое дело спасения, о том следует говорить, что он спасается верой Христовой или верно содевает свое спасение в Господе Спасителе.

4) *Уверовавшие во Христа и, следовательно, усвоившие себе искупление в собственность, вечной погибели не подлежат.*

Слова сии требуют дополнений, чтобы как следует выразить истину, о коей говорят. Усвоение искупления приписывается уверованию в Господа Иисуса Христа. Это не полно. Искупил нас Господь своей кровью, или крестной смертью. Усвояется нам искупительная сила крестной смерти Господа во св. крещении, как изъясняет св. Павел (Рим. 6, 3–4). Тут сраспинается человек Христу Спасителю, обливается Его кровью и омывается. Вера предшествует сему и сопутствует; но одна без крещения не усвояет искупительной силы крестной смерти Господа. И при крещении не одна она служит приятелищем такой силы, а вместе с покаянием и твердым решением жить прочее свято. Когда же сие есть, тогда истинно приемлется сила искупления, — и тут же крещаемый изъемляется из круга подлежащих вечной погибели и вносится в круг спасаемых. Но сказать, что усвоивший себе означенным порядком искупление не подлежит вечной погибели, можно только под условием, если он опять не согрешит. Грех по крещении пресекает действие всех даров, полученных в нем, и снова делает согрешившего сыном погибели, и еще в более строгом смысле, нежели в каком он был ей повинен прежде, как пишет св. Павел в послании к евреям: *Волею согрешающим нам по приятии разума истины (и омовении в водах крещения — выше ст. 22), ктому о грехах не обретается жертва: страшно же некое чаяние суда, и огня ревность пояссти хотящаго сопротивныя.* За что так? За то, что предавшись греху, кровь заветную, *уюже освятился (в крещении), скверну возмнил и Духа благодати укорил* (Евр. 10, 26–29), или, как сказано в другом месте, — *второе распял Христа* (Евр. 6, 6).

5) *Каждый уверовавший во Христа тотчас же получает отпущение грехов и избавляется от вечного наказания.*

Тут та же мысль, что и в предыдущем пункте, с малыми оттенками, видными в слове *тотчас же*, как будто слово сие нарочно прибавлено, чтоб внушить, чтобы кроме веры ничего уже более не нужно; а это не так: нужно покаяние неотложно. И в первый раз приступающие ко Христу должны исповедать грехи свои, как делали ефесяне перед св. Павлом (Деян. 19, 18). Тем паче это требуется от согрешающих по крещении. Разница та,

что там очищает от грехов исповеданных крещение, а здесь – таинство покаяния при священническом разрешении. Таким образом, отпущение грехов при вере всегда посредствуется таинством. И иначе сие не бывает и быть не может. Можно набить себе убеждение, что и без таинств простятся грехи; но это будет самопрельщение. – Вторая половина пункта: и избавляется от вечного наказания, – верна в том отношении, что получивший очищение и отпущение грехов вычисляется из списка присужденных к вечному наказанию. Но если тут разумеется, что он никоим образом уже не подпадет сему наказанию, то это неверно. Если снова согрешил, то подпадет ему, и еще в строжайшем смысле, как я уж замечал. Почему, получив отпущение прежних грехов, стой бодренно и мужественно, чтоб греховные пожелания, оставшиеся в душе и теле, опять не поднялись и не увлекли на старое.

6) Для спасения следует принять в себя Христа. Для этого нужно сознать себя грешным, уверовать во Христа, возблагодарить Его за все, что Он для нас сделал, сознать себя спасенными навеки, и быть убежденными, что с этой минуты все грехи наши прощены и мы становимся неизменными причастниками жизни вечной.

Опять то же самое, только пространнее, сильнее и настойчивее, как будто ваш новшак решился во что бы то ни стало вбить в слушающих дух самопрельщения. «Быть убежденными, что грехи нам прощены и жизнь вечная наша». Можно, как я уже говорил, набить себе такое убеждение, но не по истине, а по самопрельщению. Чувство прощения приходит в душу, как наитие свыше. Господь изрекает всепрощение в сердце, и оно слышится внятно. Нам, кои большей частью приступаем к Господу, – если приступаем, – после того, как успеваем потерять благодать крещения, даже и после того, как искренно исповедуем грехи свои, оплачим их и положим твердое намерение не грешить более; нам, говорю, не тотчас в разрешении грехов или по разрешении их духовным отцомдается чувство благоволения Божия и всепрощения. Здесь это верой только приемлятся; в чувство же входит после довольных над собой трудов, болезненных и безжалостных. Наложит ли духовик епитимию или не наложит, но эта Божия епитимия – отсрочка в даровании чувства помилования, – всегда бывает, более или менее длительная, судя по грехам. Когда же придет наконец сие чувство, то тут бывает не то, что при убеждении. Убеждение в мысленной части бывает, и оттуда действует на сердце. А тут чувство помилования входит в сердце и овладевает им, и заставляет радоваться и ликовать все силы души и тела. Покаявшийся чувствует на себе при сем обятия отчи. Это райское состояние дается всем тем, которые довольно потомят себя в сокрушении и преутруждении, – конечно все под условием веры и смиренного к Господу припадания. Итак, если сие именно разумеет ваш новшак, говоря об убеждении в прощении грехов, то доброе. Но я очень сомневаюсь, чтоб он так думал, потому что для него слова: труд и подвиг – нестерпимы. Почему, наверное, он полагает, что прощение дается за одну веру, которая порождает и убеждение. Это прямой путь к самопрельщению.

Когда такое чувство сказанным путем войдет в сердце, то в то же время там начинает теплиться и духовная жертва благодарения и живет неразлучно вместе с тем чувством. Тут же просветлевает и чаяние наследия вечной жизни, тогда как до сего момента она тускла, робка и нерешительна.

Повторю еще весь путь: нам, приступая к Господу в покаянии, надо оплакать грехи, исповедать их искренно с изъявлением решительного намерения не поблажать более себе, и получить таинственное в грехах разрешение от Господа чрез уста духовника; затем начать труд самоозлобления для подавления греховных привычек и в наказание за прежнее своеолие. Когда греховные движения поутихнут и совесть безжалостная насытится произвольными лишениями, тогда Господь скажется над кающимся и даст ему ощутить всепрощение, которое было за ним только по вере. Нарочно повторяю это, чтоб кто, наслушавшись вашего новшака, в самом деле не возмечтал, что коль скоро верует, то уж не о чем более заботиться, – позволительно питать убеждение, что и грехи прощены и жизнь вечная наша.

Первые слова этого пункта, что для спасения следует принять в себя Христа, – можно бы оставить не оговаривая. Но как тут говорится о приятии только Христа Спасителя, как и во всех пунктах, то нельзя не оговорить: точно для спасения необходимо принять в себя Христа Господа, но неразлучно со Отцем и Св. Духом. Дух Святый приходит возбуждать через слово благовестия или вообще через божественное слово чувства греховности, опасения за свою вечную участь, раскаяния, решения начать жить исправно, и уверовавшего в таинстве крещения облекает во Христа, а в таинстве покаяния возоблекает. Все сие по благоволению Отца. Когда затем получивший таким образом начало новой жизни по духу ее преобразует с помощью благодати и душу, и тело, и станет весь чист, тогда и вся Пресвятая Троица воссияет в верующем нераздельно, воссияет само Божество триипостасное. И се муж совершенный, достигший меры возраста исполнения Христова. – Нарочно это я тебе и твоим прописываю, чтоб не сбились вы там с толку неопределенными фразами своего новшака.

Смотри-ка еще, какие средства указывает он к приятию Христа? «Нужно сознать себя грешником, уверовать во Христа, возблагодарить Его, сознать себя спасенным навеки». Это что-то слишком идеально и отрещенно, – по-духоборчески. Все это надо иметь; но без св. таинств Церкви – крещения, покаяния, причащения, никто не может одними умовыми движениями принять Христа. Чаяние сего или уверенность в сем есть пустая мечта, обольстительная и пагубная; ибо уверяя, что прият Христос помимо способов, Им самим учрежденных, помимо которых Он не приемлется, – она отклоняет от употребления сих способов, оставляет человека без Христа, – без Коего и спасения нет. Вот как непрестанно толкуя о Христе, ваш новшак отдаляет от Него.

7) *Таким образом мы принимаем в себя Христа, Который уже, не взирая ни на что, никогда не покидает нас, но всегда пребывает в нас.*

«Таким образом приемлем Христа», т.е. таким, как он выше сказал, мысленным, духоборческим и хлыстовским. Нет, не таким образом приемлятся Христос Господь, как уже я не раз говорил. Сам Господь иной от этого установил образ приятия Его, и помимо сего, Им установленного образа, другим каким-либо принять Его не надейся никто.

А это: «принятый Христос, не взирая ни на что, уж никогда не покидает нас», откуда взято? Неужели Христос пребудет и в том, кто грехами своими, после принятия Его учиненными, кровь Его попрал и самого Его распял? (Евр. 6, 6; 10, 26–29). Грехи ведь делают душу и тело смрадными. Как же это наш новшак дерзает держать Господа в сем смраде? В плен, что ли, Он попал, быв восприят человеком? Бог сам свидетельствует, что грехи наши отлучают Его от нас. Так и Христос Господь оставляет согрешившего, в коем был прежде. И благоволение Отца отходит от него, и благодать Духа отстраняется. Там начинают властвовать другие духи. «Христос никогда уже не покидает нас; мы причастники жизни непременно», – что это за речи? Разве полагает он, что по приятии Христа человек уже грешить не может? Но это уж слишком произвольно. Непонятно это внушение. Если сам он о себе так думает и других учит так о себе думать, то вот и еще черта самопрельщения. Христос в нас, прибавим благодать Духа Святого и благоволение Отца, – дотоле, доколе человек воздерживается от грехов и не отдаляет Их. Но Они, присущи бывая в нем, не вяжут его свободы. Почему всякий может пасть, на какой бы высокой степени совершенства ни стоял. А падет, Они отстранится, – и останется человек один с грехами своими, и теми, кои ввергли его в грех, вместо милостивого Бога и Спаса нашего.

8) *Принявшему в себя Христа несвойственны смертные грехи; за грехи вообще он подлежит лишь временным наказаниям.*

Если первое положение разумеется под таким условием: пока Христос в нем, то, конечно, это справедливо. Но если полагается, что сие бывает по какой-либо необходимости, то тут нет истины. Первый бесплотный пал; бывший между апостолами пал; сколько примеров падения святых, мужей высокой жизни и чудотворцев?!

Стало быть, нелепо мечтать о безгрешности человеков вообще заурядных. Правда, св. Иоанн Богослов говорит, что *рожденный от Бога не согрешает*. Но тут же прибавляет: *но блюдет себе* (1 Ин. 5, 18). И выходит, что он не согрешает потому, что блюдет себя. Не станет блости, и согрешит. Свобода всегда остается за человеком. И он может пасть, как бы высоко ни стоял и как бы близко к Богу ни был поставлен.

Последнее положение: «грехи вообще, – по ходу речи, – исключая смертных, подлежат временному наказанию», – верно. Это такие грехи, в которые и праведник семь раз на день падает. Они все, как только сознаны бывают, очищаются внутренним покаянием; которые же из них остаются незамеченными, те отпускаются при общей молитве о грехах, неведомыми оставшихся, каждый вечер. Но все же и за них должно удовлетворять правде Божией. Милость Божия и устроет сие, посылая временные очистительные скорби и лишения. Грехами и малыми шутить не следует. Кто считает важным праздное слово, или взгляд, на что-либо увлекшийся, или смех несдержаный и т.д.? Видим, однако ж, в словах Господа строгое их осуждение вообще у всех людей; у приявших же Господа и извинительные грешки могут оказаться не извинительными. Потому благодарно приемли, когда посещает скорбь.

9) *Вера во Христа, как дар Божий, никогда не отнимается у принявших в себя Христа; потому что дары Божии непреложны и вечны. Также остается при них и не отнимается у них благодать искупления.*

Дары Божии непреложны. – Правда ли? Если дары Божии даются не безусловно, а под условием предания себя Богу и божественным порядкам, расположение же сие может измениться по свободе человека; то нельзя говорить решительно, что дары Божии непреложны. В силу нарушения сего условия они могут быть взяты обратно. Над получившим мнас и ничего на него не приделавшим какой произнесен суд? *Возмите от него мнас* (Лк. 19, 24). Тот же суд и над верующим, когда он оказывается в чем-либо неверным vere. Вера – дар, но не безусловный и не непосредственный. Дару веры предшествует своеличная вера с покорением ей ума, возжелание веры и взыскание ее. То правда, что вера, яко дар, могуща, возвышенна, но не вяжет свободы ума. Ум может восстать на нее, придумать извороты и отложитьсь от ней, а затем увлечь к отложению и волю, и сердце, и всего человека. Где же после сего держаться дару веры? Он и отходит или вземлеется.

И опыты таких отпадений во все времена бывали и теперь есть. Что же и говорить о неотъемлемости веры? И вообще о неотъемлемости чего-либо, как будто по некоей роковой необходимости, даже в области благодатной, утвердительно говорить не приходится. Потому что тут благодать действует совместно с свободой, и действует под условием самоохотной покорности свободы. Прекратись сие условие, прекратит и благодать свое действие.

Второе положение сего пункта, что остается неотъемлемой и благодать искупления, – тоже неверно. Благодать искупления пребывает, пока жива вера, и ревность жить по вере, держащая человека постоянно в подвиге самораспинания ради Господа, коим прививается человек ко кресту Господню. Замри вера и такая ревность, – а это возможно в свободной всегда твари, – отойдет и благодать искупления. Св. Павел почитает возможным для уверовавшего и приявшего искупление не только это, но и попрать кровь искупительную и второе распять самого Искупителя, как же остаться в таком благодати искупления? Следовательно, несправедливо называть ее неотъемлемою.

О любви сказано, что она николиже отпадет, а при ней неотлучна и вера с упнованием. Но такая любовь – верх христианского совершенства, для всех достижимого, но не всеми достигаемого. Не о всякой любви так можно сказать. Наша обычная любовь такова большей частью, что покажи только чечевицу, которая повкуснее, и мы готовы бываем отступить от своего любимого, хоть не навсегда, а только на этот случай.

Но и такое отступление – все же отступление. Таким образом, о неотменности и непреложности в отношении к человеку речь неуместна очень.

10) *Принявшему в себя Христа и потом согрешившему нужно лишь покаяться, и он тотчас получает непосредственное прощение, так как Христос есть неисчерпаемый источник милосердия и прощения.*

Это говорится затем, чтобы внушить, что христианину согрешившему не нужно исповеди и Богом установленного (авторизованного) разрешения от духовного отца в таинстве покаяния; а довольно вздохнуть в сердце о грехе, и он прощен тотчас, как вылетит вздох из груди. Даже и твердого намерения воздерживаться от греха при сем не требуется. Уж это чересчур льготно. Даже в обычных наших житейских порядках так легко не обходятся проступки, например, слуг и детей.

Грех всякого человека есть великое оскорбление Бога, написавшего в сердцах наших закон свой. Грех христианина несравненно более оскорбляет Бога, так как христианин и ведение заповедей яснейшее и полнейшее получил, и принял благодать, укрепляющую его на исполнение сих заповедей, и обетование богатейшее на исполнение положенное слышал и знает. Христианин же, принявший в себя Христа Господа, что есть высшая степень христианского совершенства, греша, оскорбляет Бога, надо сказать, безмерно. Апостол так и определяет, что он кровь Христову попирает, даже распинает самого Христа, принятого в себя, и Духа Святого оскорбляет. И несмотря на такую неописанную страшность греха, христианину грешнику говорится: «Ничего, вздохни только, и ты прощен». Говорится так во имя неисчерпаемого милосердия Христова. Воистину Он бесконечно милосерд; но никак не поблажник. Не по Его разве внушению апостол написал выше помянутый суд над христианином грешником? Не от Его разве лица изрек он такой приговор? Над блудником коринфским св. Павел произнес страшный приговор предать такового сатане, разве не по Господню внушению? Вот почему и в древней Церкви явные грешники несли долгие и тяжелые епитимии. И получали прощение уже после того, как заявляли искренность своего раскаяния и твердость намерения чуждаться проче греха, не словом, а делом. Строгость сия в св. Церкви и доселе держится в покаянных канонах, по коим духовники налагают епитимии. И не думай никто получить прощение, не выполнив епитимии. Духовники-поблажники не добро, а зло делают кающимся, не налагая епитимии. И при епитимии чувство прощения от Господа не вдруг приходит, а надо много потомить себя и сокрушением, и лишениями, и слезами, чтоб возвратилась милость Божия в сердце христианина грешника. Так бывает; соответственно сему идут и законы церкви о покаянии. Господь Спаситель всегда примет кающегося, но милость Свою вполне возвращает не вдруг: потрудись и докажи, что глубоко, а не мимолетно сокрушаешься, и опять милость Божия осенит тебя.

И это бывает только после исповеди и разрешения в таинстве покаяния. Без исповеди же и разрешения, хоть ты целую жизнь промучься, ничего не получишь. Ибо грех по крещении лишает благодати обновления духа. Ее надобно вновь сподобиться, чтоб помощью ее очистить втеснившиеся снова в дух, которое есть второе крещение в слезной купели. Поелику оно таково, то ему предшествует то же, что и крещению, т.е. вера, сокрушение слезами, исповедь с положением решения ходить проче в воле Божией. Ради таковых расположений сердца, вместе с разрешительным словом отца духовного возвращается благодать, и, сочетаваясь с свободой, полагает снова начало духовно-благодатной жизни, подобно тому, как бывает сие при погружении в воду крещаемого с произнесением крещальных слов, какие произносить повелел Господь. Без этого же благодать не возвратится; следовательно, и духовной жизни в собственном ее значении не будет. Что касается до непосредственного прощения, то оно бывает лишь в отношении к грехам, ненамеренно прорывающимся, – каковых больше всего в помыслах и чувствах, меньше в словах и еще меньше – или чуть заметны они – в делах. Ревнитель богоугождении, страхом Божиим проникнутый, как только заметит такой проскользнувший грех, тотчас обращается к Господу, им всегда здимому, сокрушенno кается, осуждая себя, и прощен бывает. Но и при этом, коль скоро какой грех тяготит хоть сколько-нибудь совесть, лучше поспешить к духовнику и, исповедавшись, получить разрешение.

Такой порядок блюдется в церкви Божией, истинной блестительнице польз чад своих. Она, употребляя строгости, не тяготить и мучить согрешивших жажду изъявляет, а о том попечение показывает, что наиболее спасительно для согрешивших. Льготности и поблажки чужды ей, не по отсутвию материнской любви, а напротив, по пламенности сей любви. Она налагает тяготы, не как казни, а как спасительные врачевства. – То правда, что иным не нравится эта строгость; но это зависит от непонимания своих существенных польз духовных.

11) *Первым долгом принявшего в себя Христа должны быть благовествование, исповедание и проповедь.*

Это говорится не для чего другого, как для оправдания своего самозванства. Если у вашего новшака всякий верующий есть уже и принял в себя Христа; то выходит, всякий верующий долг имеет и проповедовать, – не просто может проповедовать, а долг имеет; так что если не станет так поступать, то грешит. Можно так законополагать? Никак нельзя. Чтоб проповедовать, надо иметь способность к тому; а у всякого ли она бывает? – Если не у всякого, то нельзя на всех и долг такой налагать без ограничений, по крайней мере таким прибавлением: если кто способен. Но и из способных не всякий может исполнять сей долг как следует, потому только, что способен. Надо поучиться вере и узнать ее основательно. Не узнавши хорошо догматов веры, при всей способности к проповеди, можно напутать и вместо пользы вред принести. Вот и еще ограничение. Но и этого мало. Надобно, чтобы выступающий на проповедь был благонадежен с нравственной стороны, иначе он будет одной рукой созидать, а другой разорять. Это и еще ограничение. Но пусть все это есть – и способность, и подготовка, и благонадежность: все ли тут? Нет; взявшемуся за дело сие надо вести его всеусердно, а для этого необходимо, чтоб душа его лежала к сему именно роду делания. Если не лежит душа, не сладить ему с собой, и дело проповеди не будет успешно. – Но пусть и это есть – душа лежит; может иной находиться в таких обстоятельствах, что ему никак нельзя взяться за это дело. Но пусть все благоприятно делу проповеди, – надобно же, чтоб был порядок в ведении сего дела; иначе произойдет толкотня, крайне вредная для дела: ибо если всякий уверовавший пойдет проповедовать, то возможно, что в одно и то же место и к одним и тем же лицам за одним придет другой, там третий и десятый, и один начнет проповедь с одного пункта, другой с другого, третий с третьего, – а когда не дана норма проповеди, как в православной Церкви Символ веры, то не дивно, что каждый что-нибудь и разное от другого воспроповедует. А от этого какого плода ожидать? Только сумятица! Бедные слушатели не будут знать, куда обратиться – заговорят их и закружат.

Вот сколько ограничений, и все они прямо выходят из существа дела проповеднического. Потому, будто всякий уверовавший имеет долг проповедовать, сказано очень необдуманно, – и, как я заметил вначале, только для того, чтобы оправдать свое самозванство. Наш самозванец свое проповедничество оправдывает словами Спасителя: *иже исповесть Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32). Но эти слова не могут оправдывать, ибо здесь говорится об исповедании, а не о проповедании и благовестии. Это два действия разные. Исповедающий Господа только свою веру в Него исповедует, когда требуют обстоятельства, не имея в мысли обращать к ней других; а проповедующий только и имеет в виду, что обращение других к вере, им проповедуемой. Проповедующий, само собой, есть уже и исповедающий. Он может и намеренно вводить в проповедь свое исповедание, когда его уверование представляет особые доказательства небесного происхождения веры, как делал св. Павел. И исповедающий тем самым, что исповедует, уже проповедует. Может и он к исповеданию приложить и проповедь, как и делали многие мученики и мученицы. При всем том исповедание и есть и признается особым действием, при коем не требуется необходимо и проповедь. Исповедник, давший исповедание и без проповеди с целью обращения, есть исповедник. Потому нельзя так толковать места Писания, в коих говорится об исповедании, будто они говорят о проповедании.

В первенствующей Церкви, где, кажется, очень было бы уместно, чтобы больше уст познавало веру в Господа, не видим, чтоб каждый уверовавший выходил на проповедь или был обязываем к тому. Апостолы других кроме себя проповедников воспитывали при себе. Так воспитан св. Тимофей при св. Павле. Эти воспитанники при апостолах тогда исправляли дело проповеди, или что-либо касающееся проповеди, по их указанию и руководству, а после них остались уже начальными проповедниками, и подобно тому, как сами были воспитаны при апостолах, при себе воспитывали преемников себе, давая и им заповедь обучать способных, чтоб они потом и других обучали. Так это началось, так продолжалось, так и ныне есть в православной Церкви, – что наличные правители Церкви воспитывали и воспитывают преемников себе, и их определяют на дело проповеди. Оттого в Церкви Божией царствовало и царствует единство верования и всех порядков церковных. Таким образом очевидно, что проповедание не было никогда делом всякого верующего, но что проповедники были избираемы и приготавляемы к сему делу старейшими учителями веры.

А ваш самозванец как был подготовлен?! Вчера танцевал, бегал по балам, театрам и гуляньям, а ныне взял в руки Евангелие, и ну проповедовать. И жди от него истины! Где же ему попасть на след учения св. Церкви, – со времен апостолов единого и неизменного, когда он и не заглянул ни к одному православному пастырю, чтоб хоть общее что православное послушать? Да если б он и сделал это, и точно узнал православную веру, как дерзнул выступить на проповедь, не будучи послан? Разве у вас там нет старейшего архиепископа? Вот и очевидно, что он самозванец и не знает истины Божией: ибо если бы знал ее, не стал бы самозванивать.

Сказанного достаточно, чтоб уверить тебя, что благовествование и проповедь не есть не только первый, но и хоть бы какой-нибудь долг всякого верующего. Первый долг верующего – очистить себя от страстей, чтоб уготовать себя в храм триипостасному Богу. Для проповеди же и благовестия назначаются способные, или дар на то получившие, подготовленные, надежные по нраву, возревновавшие о сем деле и никаких к тому препятствий во внешних своих обстоятельствах не имеющие, – назначаются старейшими в Церкви учителями и действуют по их указанию и руководству. Кто иным путем выступает на проповедь, тот самозванец и, очевидно, правой веры не ведает и не содержит.

12) *Благовествование, проповедь и добрые дела суть непременные последствия принятия в себя Христа.*

Вот уже тут исповедание выпущено, – верно по сознанию, что ему нельзя стоять в одном ряду с проповедью. И прежде-то оно вставлено, чтоб только текстик можно было прицепить к нему, и тем прикрыть свое самозванство. Что-де делать? Долг велит, и проповедую. Христос сказал: *Аще кто исповесть и проч.* Боюсь, что не исповедует Он меня пред Отцем, и проповедую. Но хоть бы он тысячу раз каждую минуту это повторял, не может заглушить сознания своего самозванства. Оно и тревожит его.

Почему новое придумывает основание: как принявший Христа, не могу не проповедовать; проповедь – необходимое последствие принятия в себя Христа. «Откуда это ты взял?», – спросить бы его.

Уверовавший чрез божественные таинства св. Церкви вступает в общение с Господом Спасителем, приемлет благодать Св. Духа и объемлется благоволением Отца Небесного. Необходимым сего последствием есть пламенная ревность, во всем до малейшей случайности, ходить в воле Божией, с отвращением от всего противного тому. На сие тщание все привнести заповедует св. Петр (2 Пет. 1, 5); о сем только помышлять и сие только искушать велит и св. Павел (Фил. 4, 8; Рим. 12, 2). Пересмотри и следующие места: Еф. 5, 17; 6, 6; Кол. 1, 9; 4, 12; 1 Сол. 4, 3; 5, 18; Евр. 10, 35; 15, 21; 1 Пет. 4, 2; 1 Ин. 2, 17), – и убедишься, что главное твое дело волю Божию исполнять, а не в проповедники соваться. Что же касается до круга деятельности каждого в сем духе, то он оказывается дарованиями и естественными, кои тоже от Бога, и благодатными. Апостол Павел и говорит, что *всякому дается дарование Духа на пользу* (1 Кор. 12, 7). А св. Петр определяет: *Кийждо якоже*

прият дарование, между себе сим служаще (будьте, – или служите, 1 Пет. 4, 10). Итак, кто получил дарование учения, тот учи (Рим. 12, 7); но не самочинно, а подчиняясь распоряжениям старейших учителей, чтоб в Церкви Божией было *все благообразно и по чину* (1 Кор. 14, 40). А чтобы всякий должен был непременно учить, и даже более – не мог удержаться, чтоб не учить, – это выдумка вашего самозванца новшака, который всячески ухитряется закрасить как-либо свое неблагообразное самозванство.

13) *Каждый принявший в себя Христа непременно творит добрые дела, которые не спасают человека, а суть плоды веры; из нее они вытекают сами собою.*

Тут что ни положение, то ложь или путь ко лжи по причине неопределенности выражений.

Непременно творит дела. Да есть ли кто или был ли кто когда, который бы творил добрые дела непременно? Непременное не по воле бывает; а доброе дело, чтоб быть добрым, должно исходить из доброй воли и твориться самоохотно: *Не по нужде благое твое да будет, – пишет св. Павел Филимону, но по воли* (Фил. 1, 14). И римлян он учил миловать с добрым изволением (Рим. 12, 8). А коринфян прежде сего предостерегал он: Смотрите, давайте якоже кийждо изволение имать сердцем: *доброхотна бо дателя любит Бог* (2 Кор. 9, 7). Посему дела, непременно бывающие, никак не попадут в круг добрых дел.

Ни Христос Господь, облекающий верующего в крещении, ни благодать Духа Святого и с дарами Его, подаемыми в миропомазании, ни благоволение Отца Небесного, объемлющее его вследствие того и другого, – не неволят его на одно добро, а оставляют за ним полную свободу избирать, что хочет, и делать, что изволяет. Если он после сего делает добро, то сие потому, что исходит из купели ревнителем добрых дел, облеченный и силой на творение их. Но сия ревность произвольно им воспринята в минуты сокрушенной скорби о грехах и взыскания помилования; благодать же Божия, пришедши потом, укрепила ее и сделала мощной. Но свободы человека ничто из сего не связало. Всякое дело, сознанное им обязательным для себя, свободно им избирается, хотя по побуждениям, вынесенным из хода совершившегося в нем изменения; свободно избирается, свободно оно и творится, – хотя все с помощью благодати Св. Духа.

Это присутствие свободного произволения при доброделании осозательнее всего видится в том, что никакое доброе дело не обходится без борьбы, – своеличной борьбы человека, с худыми позывами, всегда возникающими перед лицом доброго дела. По оживлении духа благодатью, как я толковал тебе прошлый раз, душа и тело еще остаются в узах прежних дурных склонностей, привычек и страстей. Вот они-то и лезут всегда к ревнителю добрых дел при всяком деле, предлагая себя вместо сего дела. Ревнителю предложит прогнать их и восстановить чистоту настроения относительно доброго дела, особенно со стороны побуждения к нему. Но и тут еще не все. Как только придет момент совершения дела и, следовательно, напряжения на то сил, выступает леность и вяжет руки и ноги. Надо победить и ее. А там, как только сделано первое на добро движение, встречаются препятствия, непредвиденные, нередко воздвигаемые врагом всякого добра. И их надо преодолеть. И вот после каких борений, трудов и усилий творится наконец добро. – Как же можно приложить к нему, что оно бывает непременно? Оно бывает непременно с помощью благодати Божией; но благодать приходит на помощь и не иначе помогает человеку, как идя по следам его произволения. Всякое дело есть плод взаимодействия свободы и благодати.

Добрые дела не спасают. – Как так не спасают? *Се гряду скоро, – говорит Господь, – и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его* (Откр. 22, 12). И будет, что кто делал добрые дела, тот пойдет в рай, а кто не делал их, тому наследие – ад, т.е. первый спасен будет, а второй пойдет в пагубу. У св. Матфея Господь предызобразил суд, имеющий решить вечную участь каждого, – и смотри, как составится приговор: вы сделали то и то, приидите же, наследуйте Царство; а вы не сделали этого, – идите же в огнь вечный (Мф. 25). Как же говорить, что дела не спасают, когда в решительный для нас момент ничто,

кроме дел, не берется во внимание? Почему по всему пространству Писания непрестанно твердится нам: «Делайте, делайте».

Спросишь: «А как же говорится, что кто веру имеет, спасен будет, и что без веры и угодить Богу нельзя, и под.?» – Это говорится не в умаление значения добрых дел, а в показание, как преуспеть в добрых дела. Спасение от добрых дел; но в добрых делах преуспеть как должно без веры нельзя. Вера подвигает на добрые дела, вера указывает их, вера приводит и к получению сил на делание добрых дел. Почему вера пособница к делам добрым. Главное – дела, а она – пособие. Вон ты привел текст-то: *Без веры Богу угодити не возможно*. Что это значит, думаешь? Что кто верует, тот и Богу угодил?! Нет. Богу угодить нельзя иначе, как покорностью Ему и точным исполнением воли Его святой, которую для нас Он объявил в заповедях. Почему тот и угодник Божий, кто заповеди Его исполняет. Но как в исполнении заповедей преуспеть нельзя без веры, то и говорится, что угодить Богу нельзя без веры.

В прошлый раз я тебе объяснял, как все бывает. Вера пробуждает совесть и страх Божий. Страх Божий с совестью приводят к решимости оставить грех и начать жить добродетельно. Решившийся так приступает к таинству крещения, если в первый раз обращается, или покаяния, если стал грешником по крещении, какими бываем все мы. Обновившись в таинстве, он выходит сильным на добро ревнителем добрых дел и начинает их делать. Не получив благодатных сил, не с чем добрые дела творить, а без веры благодати не получишь. Так все это и нужно для спасения: и вера, и благодать, и добрые дела.

Добрые дела суть плоды веры, из нее они вытекают сами собою. Как хлопочет ваш самозванец и новшак уволить себя и увлекающихся его выдумками от всякого труда и напряжения нравственных сил?! Веру только прими, а добрые дела уж сами собой потекут из нее. – Словно хочет уложить всех на покой. Уверовал, и лежи; лежебоками вас хочет сделать. Да еще что выходит? Вера во Христа, говорил он (пункт № 9), – дар Божий, а добрые дела суть плод веры и сами собой вытекают из ней. Теперь смотри! Когда придет Господь на Суд, и станет спрашивать: «Ты что не делал добрых дел?» – тогда, кто посмелее из учеников вашего новшака, может возразить, подобно тому в притче, кто на свой мнас ничего не приделал: а чем бы они наделались у меня? Когда бы Ты дал мне веру посильнее, она бы уж сама наделала их. Но как Ты не дал такой мне веры, то и некому было наделать их для меня. – Вот и прав! Видишь, как льготно? В сей жизни лежи на боку, – пусть вера делает дела, коли хочет; а на суде отговориться можно. Одного только не сказывает ваш новшак, как быть, если Судия не примет в резон такого заявления? Схватят слуги и потащут в достойное место. Где возьмешь силы противостоять? И бухнешь в пещь вечно пламенеющую огнем.

Сами собой вытекают. Выбрось из головы, если туда попала мысль об этом – *сами собою*. В нравственно религиозном порядке жизни ничто само собой не бывает. Всякое даже малейшее дело должно быть делаемо сознательно и по своегличному напряжению сил. И только сознательные и свободные дела бывают собственно наши дела, за которые и жди или награды, или наказания. Все же дела, кои в нас сами собой бывают, помимо сознания и свободы, цены никакой не имеют. Благодать Божия, присущая всегда верующим и крещенным, возбуждает, но не нудит; и потом когда решится человек на дело какое, она не берется сама за него делать его, а только стоит близ самолично и самоохотно действующего человека, всегда готовая помочь. Коль скоро при всем усердии и напряжении своих сил человек не силен бывает доделать дело, она тотчас подходит и помогает. Осязательно ты можешь это видеть в терпении чего-либо ради Господа и заповедей Его. Всякое доброе дело должно идти так: сознай его обязательство для тебя, возжелай сделать его, и воодушевление на то возьми из сокровищ веры; затем, помолившись и благодать Божию призвав на помощь, приступай к делу и трудись себя не жалея, славы ради имени Божия. Всякое дело и будет как заново творимое.

14) *Крещение не пользует того, кто сознательно не принял в себя Христа.*

Если это говорится по скрытой мысли, что и без крещения можно обойтись или принять Христа, то это ложь. Если же говорится только в отношении к несознанию в себе Христа, то об этом вот что скажем. Сознательное приятие в себя Христа, или ощущение приемлемого и приятого Христа, есть высшее дарование в порядке жизни христианской, когда христианин, подобно св. Павлу, исповедать может: *Живу не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Но сие дарование не вдругдается. С верой крещаемый облекается во Христа, следовательно, приемлет Его; но ощущение сего не всегда тут же дается. Не всегда оно дается тотчас же, и когда кто восстановляет в себе благодать крещения в таинстве покаяния. А когда кто по крещении или покаянии потрудится ради Господа без жаления себя и принесет побольше Господу жертв самоотвержения, и когда таким образом очистит себя достаточно от страстей и греховых привычек, тогда уже Господь даст ему и ощутить свое присутствие. До того же времени Он пребывает в нем неощутимо, хотя во всем помогает ему. И здесь бывает то же, что в обыкновенном порядке божественного промышления. Многие из промыслительных для нас дел Божиих бывают невидимы, когда бывают, а усматриваются после, и то не все; иные навсегда остаются неувиденными. Так и в благодатном порядке спасительной жизни иное ощущается, иное не ощущается. Так бывает и в благодатном действии вселения Господа, или восприятия Его; не всегда оно бывает ощутимо. Некто (Диадох в Добротолюбии) пишет, что благодать Божия в момент запечатления собой обращающегося в таинстве дает ощутить сладость свою во всей силе; а потом скрывает свои утешения и возвращает их снова уже после того, как ревнитель спасения многими претрудными и прескорбными опытами покажет несокрушимой свою верность, и когда очистит сердце от всего, что в нем было нечистого и страстного. Таким образом, несознание или неощущение в себе Христа не есть показатель неприсутствия Его. Следовательно, о том, кто не имеет такого сознания или ощущения, никак не следует говорить, будто крещение его или исповедь были бесполезны. И самому неощущающему не следует так думать, коль скоро он удостоверен в совести своей, что ни в чем себе не поблажает и что воспринятая им в крещении или покаянии ревность жива и действенна. Стремиться к такому состоянию, чтобы ощущать Господа в себе, или благодать Его, должно всякому, ибо сие всяк христианин; но когда сего ощущения или сознания нет, то не то надо вывесть: стало быть, крещение или покаяние бесполезно, – а усугубить ревность к подвигам молитвы и самоотвержения и к трудам доброделания, чтобы очиститься от страстей. Тогда и Господь вселится так, что и ощутить Себя даст.

15) *Каждый, принявший в себя Христа, может уразуметь все Святое Писание и истолковывать его другим. Впрочем, до некоей степени понимать Священное Писание может каждый, даже и не принявший в себя Христа.*

Это открывает просторный вход произвольным толкованием Божия слова и всякого рода заблуждениям, или возведению в непреложные истины своих личных мнений. Можно ошибочно признать себя принявшим сознательно Христа, и затем уже все мысли, рождающиеся при чтении Писания, считать от Христа внушаемыми, а они могут быть очень далеки от истины. Потому Церковь Божия никаким таинственным внушениям не доверяет, но для оценки верности достижения и истолкования Писания имеет неизменную норму христианского видения – Символ веры, общность верования православных христиан всех времен и мест. Эта норма и должна быть руководительницей в понимании и толковании Священного Писания. Ничто не сообразное с ней не может быть признано за верное понимание и толкование Писания.

Ваш самозванец считает себя принявшим Христа; а видишь, сколько он выпустил неверных мнений, хотя Евангелия из рук не выпускает? Отчего? Оттого, что не считает себя обязанным держаться нормы христианской истины, содержимой Церковью; освободившись же от ограничения себя ею, всякую мысль, – свою личную, ему понравившуюся, – возводит в чин непреложной истины, и таким образом разоряет истину Божию. Так все ереси порождались, порождаются и будут порождаться. Из отделившихся от Церкви, которая есть столп и утверждение истины, никто надлежащим образом не знает

истины Божией. И всякий, кто отделяется от Церкви, по тому одному, что Писание будто научило его понимать истину Божию иначе, нежели как понимает ее св. Церковь, не истину Божию постиг, а свое личное мнение возвел в истину и состоит в заблуждении.

Кто преискренне сочетавается со Христом Господом, кого осиявает обильнее божественная благодать, тому дается не новые какие истины открывать в Писании и постигать, а те же истины, какие содержатся св. Церковью, постигать полнее и глубже и созерцать яснее. Благодать Духа Святаго о Христе Иисусе Господе по благоволению Отца возводит ум не только что обратившегося, но по обращении много над собой потрудившегося и соделавшего себя чистым сосудом, годным для вселения совершеннейшей истины, – возводит в яснейшее созерцание той или другой истины и в сем новоозаренном виде печатлеет ее потом в сердце, или срастворяет с его духовной жизнью, делая ее неотъемлемым ее достоянием. Так по своему усмотрению делает она со всякой истиной; а наконец и все их в подобном новом свете вводит в ум и сердце. Если непрестающий себя совершенствовать взойдет выше по лестнице очищения сердца своего, то благодать еще яснейшего сподобляет его постижения, созерцания и усвоения истин Божиих. Но это не новые истины, а все те же, только они совершеннее постигаются, ибо глубине их и высоте меры нет. Сие да ведает всякий, чтоб когда явится кто, новые некие истины возвещающий, якобы новые откровения, не колеблясь отвращать слух от его вещаний, не сомневаясь, что они суть бредни его воображения.

Этот пункт ваш самозванец выдумал, чтобы внушить: «Слушайте, слушайте; сам Христос вещает устами моими!» Может быть, точно вещает им кто-нибудь, но никак не Христос; ибо Христос Господь есть истина, а в его словах нет истины. Христос Господь есть глава Церкви, и не ищи Его у того, кто отделился от Церкви. Сей уже по сему самому не есть Христов.

16) Церковь сама по себе, а прежде всего нужно искать Христа.

Церковь сама по себе – что за мысль? Если говорится это в такой мысли: Церковь пусть себе, – нам до нее дела нет, как до чего-то стороннего, – мы и без нее обойдемся; то это совершенная ложь. Если же говорится в той мысли, что внешний строй Церкви и все ее порядки богослужебные, освятительные и руководительные (дисциплинарные) не суть главное, а служат только к выражению, воспитанию и ограждению внутреннего, нравственно-религиозного строя христиан, то это верно. Только не надобно при сем забывать, что Церковь не есть только то, что видится в ней внешнего, но она совмещает в себе и все внутреннее, духовное и благодатное. Кто истинно в духе Церкви живет и действует, тот и внутренний, и духовный, и благодатный. Почему, собственно говоря, нельзя сказать: «Церковь сама по себе», – ни в каком отношении. Надо тебе истину знать и веровать в нее: где ты ее возьмешь помимо Церкви, яже есть столп и утверждение истины (1 Тим. 3, 15)? Надо тебе благодать принять: где ты обретешь ее, кроме Церкви, хранительницы тайнств, без коих не подается благодать? Надо тебе руководство верное иметь, и в деле ведения, и в деле жизни: где ты его встретишь, помимо Церкви, в коей единой есть богоучрежденное и Богом поставляемое пастырство? Надо тебе с Господом Иисусом Христом сочетаться: где ты сего сподобишься, если не в Церкви, коей глава есть Христос Господь? Сообрази все сие, – и не можешь уже сказать: Церковь сама по себе.

Прибавка: «*А прежде всего нужно искать Христа*», – так поставлена, что дает мысль, будто Христа Господа можно обрести без Церкви и помимо Церкви, – что по сказанному пред сим совершенно немыслимо. Помимо же связи, в какой стоит здесь сие положение, оно содержит истину, – ту, что Христос Господь, приемля кающегося в общение с Собой, не тотчас дает ему сознать и ощутить сие общение, а только полагает начатки тому. Покаялся, уверовал, положил работать Господу, отвергшись всякого нечестия, всякой неправды, принял на то благодатные силы, – работай же теперь, не жалея себя. Но смотри не останавливайся на одной деловой стороне, а созидай паче свое внутреннее через нее, чтоб, устроив в себе благоукрашенный дом, принять наконец и Господа в явные и ощущимые

обитатели. Сие имей в виду, к сему стремись, сего ищи, пребывая верным исполнителем всего содержимого и внушаемого тебе св. Церковью.

17) *Христос вселяется в людей грешных и нечистых, лишь бы они в Него уверовали.*

Христос вселяется не в грешных и нечистых, но в бывших грешными и нечистыми и переставших быть такими. И это бывает не ради одной веры, но и ради решимости последовать Господу Спасителю, порождаемой верой, с чистосердечным раскаянием во грехах и отвращением от них, – и еще непременно через посредство таинства крещения или покаяния. Кто прошел все сие, т.е. и внутренне изменился и таинствами освятился, тот в сознании, совести и произволении, или в духе, чист стал. С сим-то очищенным и восстановленным духом и вступает в общение Христос Господь. Благодать Св. Духа восстанавливает нам и дух, и очищает и делает его достойным приять Христа Господа. – Но, как я говорил, когда дух наш очищается и освящается, душа и тело еще остаются в нечистоте по причине греховных склонностей и привычек, в них вкоренившихся. Почему они не удостаиваются еще приятия в себя Господа тотчас. Но духу дается сила очистить их искоренением в них всего нечистого и страстного, к чему направляет он труды доброделания и подвиги молитвы и самоумерщвления. Когда очищается наконец и они, тогда и в них вселяется Господь, и не только дает ощутить свое вселение самому очишившемуся, но и видеть то сторонним, способным к такому видению. Так надлежит разуметь дело вселения Господа в верующих. О сем сам Господь свидетельствует, когда говорит, что кто заповеди Его исполнит, к тому Он и Отец Небесный приидут, предшествующу Им Духу Святому, уготовляющему для Них в нас достойное Их светлое жилище. Вполне же исполнившим заповеди не может именоваться никто из неочищивших себя совершенно от страстей.

18) *Бог так возлюбил мир, что для нашего спасения разлучился с Сыном Своим.*

В первый раз прочитав это, я подумал, что записывавший мысли вашего новшака, должно быть, ослушался; потому что это есть уже очень грубая нелепость. Но потом стал думать и думаю, что она могла быть в самом деле высказана вашим новым просветителем. Думаю так потому, что как он все толкует об одном Господе Спасителе, то, надо полагать, Он представляется ему отделенным от Отца и Духа Святого и вне Их сущим. Представляя же Его так, ничего нет дивного, если, желая возвысить милость Божию к нам, он и выражается показанным образом. Если б он не чуждался Церкви, то был бы избавлен от такого ни с чем несообразного образа представления отношений Бога Отца и Сына, ибо в церковных песнях и молитвах многократно повторяется, что Сын Божий хотя воплотился, но не оставил недр Отчих.

Заметь однако ж этот пункт, – и попытай еще у кого, не слыхали ль, чтоб удостовериться, говорил ли он так. Это очень важно для нас узнать, ибо если он так говорил не раз, то значит, так умствует; а если так умствует, значит, очень недалек в познании догматов веры.

19) *Все вечные награды и наказания равны. Обитатели многие значат именно многие, но не разные; так как у Бога нет лицеприятия.*

Можно бы сказать на это: если Бог сподобить нас внизи в живот, то тогда увидим, как все там будет. Теперь же можно довольствоваться тем удостоверением, что там будет такое блаженство, какого мы и представить не можем. Ищи только и всеусердно делай то, чем можно заслужить его. Но как уж заведена о сем речь, то нельзя не сказать хоть что-нибудь относительно сего.

Противится сему общее чувство справедливости, Богом в совести нашей положенной. Как можно на одну линию ставить подание стакана воды жаждущему с мученичеством за Господа, ужасным и продолжительным, или праздное слово с богоубийством? Господь придет воздать каждому по делам. Если дела не равны, и это очевидно, то и воздаяние не может быть равно. Удел блаженства каждому присудится и дан будет такой, сколько кто вместить в себя может сего блаженства; вместимость же сия определится тем, как кто раскрыл свое естество для принятия небесных благ, а раскрытие это зависит от трудов над

собою. Если разны сии труды, разно раскрытие естества; если раскрытие сие разно, разна вместимость; если разна вместимость, разна и степень блаженства. Относительно разности мучений можешь судить по противоположности сему, т.е. они будут соответствовать степени погружения в грехи и ожесточения в них.

Между тем, поелику у каждого, несмотря на разную вместимость, не останется пустого места, не наполненного блаженством, а он весь будет полон им, то следует, что все вполне будут блаженны, и никто не будет чувствовать себя менее блаженным, чем другой.

Причиной равенства воздаяния поставляется то, что у Бога нет лицеприятия. – Странно. По сей-то именно причине и не может быть равенства в воздаянии, что у Бога нет лицеприятия. По притче, пять мнас приобретший получает власть над пятью городами, а два – над двумя. Почему? Потому что у Бога нет лицеприятия, – не на лицо смотрит Он, а на дела. Может быть, это у вашего просветителя выходит из того, что у него все от веры. Но и вера имеет степени. Нет, эта мысль очень далека от истины.

20) Все дни равны, не исключая и воскресенья.

Да, равны; все имеют 24 часа. Но что бывает в тот или другой день, не все равно. Если бывающее с нами и для нас неодинаковое оставляет в нас впечатление, то и дни, в кои бывает то или другое, не могут быть для нас одинаковыми. В какой день радостное что мы получили, тот считаем радостным, и когда он снова приходит, радуемся, воспоминая радостное, бывшее в течение его. Относительно печальных событий бывает противоположно сему. Празднует ли ваш новшак день своего рождения или именины? Если празднует, вот и опровержение им же самим своего странного положения.

Это он изволил выпустить, вероятно, против св. праздников наших. Но если он не чтит св. праздников, то поступает нечестиво и неразумно. Праздники установлены для воспоминания благодеяний Божиих и для воздаяния благодарения за них всемилостивому Богу. Можно воспоминать сии благодеяния и благодарить за них каждый день, как и делает св. Церковь в своих каждодневных службах. Но Божии благодеяния столь велики, что зараз обнять их все во всей силе нельзя; не объявши их вполне, нельзя вполне и восчувствовать их благотворности; не восчувствовавши благотворности, нельзя и благодарения возыметь соответствующего им. Посему-то, несмотря на всегдашнее воспоминание сих благодеяний, св. Церковь назначает на воспоминание каждого из них особый день, – тот, в какой оно явлено нам, насколько сие можно определить. В этот день уж все мысли верных обращаются к одному воспоминаемому благодеянию, чтоб полнее его уразуметь, восчувствовать и благодарно прославить. Вот и праздник. Отсюда выходит, что сколько обязательно наисовершеннейше благодарить Бога за благодеяния Его нам, столько же обязательно и праздники иметь; далее, – если неблагодарный Богу не чествует, то не чествует и праздников не празднующий.

Кроме того, праздники, как и весь богослужебный чин нашей св. Церкви, имеют воспитательное значение. Они веру оживляют и углубляют, давая повод к уяснению и большему уразумению догматов. По течению времени года, праздники, выдвигаясь один за другим, представляют вниманию и размышлению христианскому то один, то другой догмат. Церковные песнопения излагают его благоукрашенно, чтения из Писания в церкви определяют его словом Божиим, поучения пастырские изъясняют его и прилагают к жизни, по опытам жизни. И все сие слагается в душу празднующего. Так круглый год идет догматическое обучение верующего.

Они воспитывают также дух благочестия и жизнь по вере. Ибо отрывая от житейского и к духовному обращая внимание, возгревают в душе небесные чувства или дают ей вкусить и напитаться небесными благами. Для обремененного житейским, желающего, однако же, и небесного, это то же, что из душной комнаты выход на освежительный чистый воздух. Это бывает вообще от впечатления, которое оставляет в душе одно присутствие в церкви, видом своим представляющей небо, особенно же возбуждением молитвенных к Богу восхождений и благоговейного настроения самой службой. Кто как следует совершил праздник в церкви по-церковному, тот едва ли уклонится в тот день и далее на что-либо небогоугодное. А

иной праздник свет свой бросает от себя иногда далеко вперед. Во все это время, возгретые в день его чувства не отходят, – и продолжают держать благотворное в душе настроение.

А без праздников, ныне житейское, завтра житейское, и послезавтра то же, и так без конца. Чего ожидать от такого порядка, кроме оземлнения всех помышлений и чувств? Люди праздные, без трудов имеющие все вдоволь, могут и при этом почитать и помолиться, – а рабочие и трудящиеся не имеют этой возможности. И следствием беспраздничности непременно должно быть оскудение благочестивого духа. К тому же работающему и отдохнуть надо, чтоб собраться с силами, а без праздника стыдно это позволять. Таким образом беспраздничность и дух подавляет, и телесные силы измощдает.

Теперь все присланные тобой пункты осмотрены. Несколько из них я пропустил, потому что они не представляют ничего достойного замечания.

Видишь? Ни одного пункта нельзя принять без ограничений, пополнений и пояснений, из общей суммы православно исповедуемых истин, чтоб не попасть на ложный путь и к ложному не уклониться мудрованию. По этому можешь судить безошибочно, что душа, породившая все такие положения, истины Божией надлежащим образом не видит и не знает.

К тому же, не чуешь ли ты, как по всем пунктам проходит дух лести и прельщения? Точь-в-точь такое же впечатление производят спиритские книги, писанные духами лестными через обольщенных ими посредников своих. Мне и подумалось, уж не спирит ли ваш новшак и посредник тех духов, которые обольстивши его, бедного, через него обольщают и других видимостью истины, скрывая под ней пагубные лжи свои. Не утверждаю этого; но думать так, начинаю думать.

Собирай побольше, какие у кого остались, его премудрые изречения. Тогда выяснится, что он такое. А теперь пока оставим за ним титло молоканина. – Спасайся.

27. Пятое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Нужно бы теперь писать тебе против того, что говорят ваши новшаки, – будто *ничего не нужно*: веруй в Господа, – и все тут. Но сколько я ни твердил тебе разведать, что такое они разумеют под *ничего не нужно*, ты все молчишь. Кое-что видно о сем из их речей; но надо бы знать то поопределеннее. – Как перерыв наших с тобой бесед и без того уже долгий, то больше ждать не буду; и, пока-то ты там разведаешь об этом, берусь потолковать с тобой о том, что *нужно*, оставляя тебе, и всякому другому, самому сделать заключение, что коль скоро кто говорит, что *этого нужного* не нужно, то говорит ложь.

Речь же мою о сем пристрою к тому, о чем мы толковали с тобой в предыдущих письмах. В первом письме сделано общее начертание всего, необходимого для спасения. Так оно и есть. Без всего того нет спасения. Там сказано: «Хочешь спастися? – Веруй всему богооткровенному учению, и приемля благодатные силы, яже к животу и благочестию, через св. таинства, живи неуклонно по заповедям Божиим, под руководством богоучрежденных пастырей, но все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям, и с ней состоя в живом союзе, и спасешься». Сказано так и доказано из божественного Писания, что все сие необходимо нужно, и почему нужно. Нечего бы после того и толковать об этом. Но я боюсь, не пропускаешь ли ты, или другой кто, без внимания последнюю строчку: *Все сие в духе св. Церкви Божией, по ее законоположениям и с ней состоя в живом союзе*. Между тем, это столь существенно в деле спасения, что не будь сего, все другие пункты не будут иметь надлежащей силы; и спасение не состоится. Почему я и положил потолковать с тобой об этом особенно.

Тебе уже известно, что в одиночку никто не спасается, что Господь из всех верующих благоволил сочетать единое тело и сам стал Главой его и что кто ни спасается, спасается не иначе, как в Церкви, т.е. в живом с ней состоя союзе, а через нее и с Господом. Об этом и не буду распространяться. Укажу только тебе, как все в ней приспособлено ко спасению.

Но наперед понуждаюсь напомнить тебе, что, говоря о решительной для спасения необходимости состоять в живом союзе с Церковью, я разумею под Церковью не всякую

без разбора Церковь, носящую имя христианской церкви, а единую истинную Церковь, св. апостолами основанную Церковь и доселе верно хранящую все, чрез них в ней богоучрежденное, – каковой Церковью есть наша св. православная восточная Церковь, – и кроме нее никакая.

Церквами христианскими, как тебе, конечно, известно, именуются, кроме православной нашей Церкви, церковь латинская, и многие христианские общество протестантские. Но ни латинской церкви, ни тем паче протестантских общин не следует признавать истинными Христовыми Церквами; потому что они несообразны с апостольским Церкви Божией устроением.

Латинская церковь есть апостольского происхождения, но отступила от апостольских преданий и повредилась. Главный ее грех – страсть ковать новые догматы, по своему смыслению и своеволию. Сначала она избрела догмат о происхождении Духа Святаго от Отца и Сына или через Сына, – это давно, в начале ее отпадения от истинной Церкви, – а вот на нашей памяти еще придумала два: о непорочном зачатии Божией Матери и о непогрешимости папы. Ей кажутся такие новоизобретения обогащением и возвышением совершенства Церкви; на деле же это порча Церкви, и порча очень существенная. Учение о происхождении Св. Духа и от Сына или через Сына повреждает догмат о Пресвятой Троице; учение о непорочном зачатии Божией Матери повреждает догмат о повреждении нашего естества в падении и отчасти об искуплении; учение о непогрешимости папы человеку самочинно присвояет Божеское свойство и повреждает общее учение о Боге и человеке. Так у нее повреждены существеннейшие части христианского исповедания, – о Пресвятой Троице, об искуплении и вообще о естестве Бога и человека. Все сии учения чужды апостольскому преданию, и суть измышления человеческие, и как таковые, походят на пристройки к зданию, не по плану и стилю здания, и не из того же материала, – или на то, как если бы кто в цельное виноградное вино подлил какой-либо жидкости, противной его естественному составу. Как той пристройкой портится здание, а этой примесью – вино, так теми учениями латиняне повредили и испортили св. веру, св. апостолами преданную. Особенно разрушителен последний новый догмат о непогрешимости папы. После него недоумеваешь, как и смотреть на эту церковь.

Что касается до протестантских общин, то хотя и можно называть их христианскими потому, что они толкуют о христианстве, но никак Христовыми Церквами. Христова Церковь устроена св. апостолами по начертанию и плану самого Господа, Духом Святым уясненному и утвержденному. А эти общины устроены людьми самочинно и по плану, ими самими сочиненному. У них есть многое, взятое из апостольского предания, но всему дан иной строй, иное место и иной смысл. Они разоряли прежнее здание Церкви, брали из нее, чтоказалось пригодным по их мыслям, прибавляли свое, и из смеси того и другого слагали свою общину. Что же тут Христово? В здании главное – идея здания и план по ней. Как у них то и другое не Христово, а свое, своим умом измышленное, то эти общины несправедливо именовать Христовыми Церквами. Ибо Христу в устроении их не дано части. – Правда, они говорят, что заимствовали указания на устроение своих общин из Писания. Но идея и план построения Церкви не были преданы Писанию, потому не могли быть оттуда позаимствованы. Можно наведения некие делать об них из написанного; но наведения дают только вероятности, а не подлинную истину. Истинную идею и план Церкви Божией апостолы осуществили на деле в устроении Церкви. Кто возжелал бы их познать, тому следует обратиться к самой Церкви Божией, и на ней сему научиться, а не из Писания браться извлекать их, когда они туда не положены. Они там видны отчасти: но чтобы узреть их, надо наперед ознакомиться с ними из действительного устройства св. Божией Церкви. А протестанты как поступают? Разорят Церковь, и потом из обломков ее с приложением кое-чего и своего строят новую самоизмышленную. Можно ли ожидать, чтоб они напали на след Божия начертания истинной Церкви!?

После сего сам можешь сделать неложное заключение о протестантских церквях, что, поелику они строены не по Божию, а по самоизмышленному плану и такой же идее, то не

суть подлинные церкви Христовы, а поддельные. Они то же, что фальшивая монета, или лучше, что фабрикованное вино. Фабрикованное вино, и по виду и по вкусу иногда и по аромату, бывает похоже на естественное вино, настоящее; но в существе своем совсем не оно есть, хотя золотыми буквами надписывается, что это такое-то, такое-то вино. Так и эти церкви, по надписи Христовыми кличутся, но в существе не суть таковы. Их прилично называть фабрикованными церквями.

Первый начал эту фабрикацию Лютер, а потом, с его легкой руки, за то же взялись и другие, и нафабриковали церквей множество. Но все еще недовольны. Фабрикование церквей стало боевой жилой протестантства. Оттого среди их оно все еще продолжается, и, кажется, будет продолжаться до скончания века. Недавно англичане сфабриковали апостольскую общину, Ирвингианскую, которой отродьем, кажется, был тот англичанин, что завел у вас новшества. Но об этом после.

Все фабриканты церквей исходили и исходят из той мысли, что Церкви Божией, как она апостолами устроена, нет на земле; что я и называю разорением старого. Но как без Церкви быть нельзя, то надобно ее снова построить, к чему они и приступают смело, почитая себя к тому призванными потому одному, что это пришло им в голову. Но как строить, по каким указаниям? Конечно, по Писанию, как же иначе? Бросаются в Писание, и ну рыться. В Писании, как я говорил, не изложен план здания Церкви, но содержится только некие неясные намеки на него. Нападая на такие намеки и истолковывая их по своему, они берут их в основу плана здания Церкви и немедля приступают к устроению самой церкви. Как один из них берет одно в основу своей церкви, другой – другое, третий – третье, то у каждого выходит своя церковь, непохожая на другие. Выходит, сколько умов, столько планов церквей. Сколько планов, столько и церквей. А настоящей ни одной. Разность их, сама бросающаяся в глаза, довольно сильное должна бы подавать вразумление, что ни один из фабрикантов их не попал на след истины. Но как все они имеют в основании нечто от Писания, то всякий из них затрудняется признать себя ошибающимся, а напротив, твердит, что он только один и попал на след должный. Так и стоят сии церкви одна подле другой, – все почитая себя настоящими церквями, и не будучи ни одна такою.

Я нарочно об этом тебе толкую, чтоб ты ведал, что коль скоро кто начинает речь вести о том, что будто нет истинной церкви Божией на земле, то это, наверно, фабрикант церковный, замышляющий сфабриковать новую церковь, – и ведая сие, наперед заключал, что как бы мудро и красно на вид ни повел он дела, несомненно не попадет на истину и сфабрикует поддельную церковь. Если нет на земле апостольской Церкви, то где же с нашим умишком додуматься до того, как она устроена была апостолами? Нечего потому и браться за это дело возустройения Божией Церкви. Да ведь и не для чего. – Есть на земле апостольская Церковь, по неложному обетованию самого Господа. Эти фабриканты церковные двояко виноваты: и тем, что берутся за дело, к которому не призваны и способов не имеют, и тем, что не трудятся увидеть истинную Церковь Божию, которая по неложному обетованию Божию должна быть на земле до скончания века, или нарочно искривляют глаза свои, чтоб не видеть ее, когда она стоит во очи их. Этот труд искания и обретения истинной Церкви был бы достоин похвалы; а этот труд фабрикования церкви – смеха достоин. Тот спасителен, а этот в пагубу ведет и фабрикующего и увлекающихся вслед его.

Вот и ваш новшак, ты думаешь, спроста мычется там у вас по городу? Нет, и он конечно загадал сфабриковать свою церковь. Ведай же и толкуй всем, что хоть не совсем ясно, какую он задумал сфабриковать церковь, но то несомненно, что и она не будет истинною. Нечего потому и тянуться к нему, – а особенно нам, сынам истинной Божией апостольской Церкви. Уж конечно, не мудрее он всех предшествовавших ему фабрикантов церковных. Потому нет сомнения, что и плод трудов его будет такой же.

Ты передавал мне речи некоторых, что-де и он говорит о церкви, даже напечатал об этом. Уж не подумал ли ты, что это говорит он о православной Церкви, так как прежде был сыном сей Церкви? Но где же у тебя, – или у вас там глаза? Вы же ведь бываете у него на собраниях? Есть ли там хоть одна черточка маленькая из того, что бывает обычно в

православной Церкви? Не говорю об иконе какой, даже крестного знамения у них нет, даже молитвы Господней не читают, а вместо сей божественной молитвы и других наших церковных боголепных молитвословий поют какие-то стихи, плохо составленные, скучные содержанием, и в добавок с гуделкой (фисгармонией). А в Церкви-то Божией он бывал когда-либо с тех пор, как сбылся с пути? Бывали ль в ней и те, которые увлечены им, с тех пор, как увлеклись? Так нечего тебе и остановливаться, а прямо решай, что и он, и они совсем отпали от истинной Церкви Божией и суть отступники от ней. Верить же ему в том, что он напечатал, и на волос нельзя. Там он рисуется пред публикой всемирным учителем, и чтобы сразу не оттолкнуть от себя, поминает и о церкви, и о другом кое-чем, не веря ничему тому по-православному, как надо полагать, потому, что он отложил все, бывающее в православной Церкви. Говоря о Церкви, он, верно, разумеет какую-либо заоблачную, может быть, ту, которую он сфабриковать задумал; но уж никак нельзя полагать, чтоб это была истинная православная Церковь. Да в этом и сомневаться нечего. Дома он совсем иначе о сем говорит; иначе говорит и перед слушателями, которых считает втянувшимися в его лжеучение. Иногда, может быть, и ненамеренно, заговорившись, и проговаривался. Вот из этих случаев и получилась весть, что он церкви знать не хочет. Ты писал об этом, передавал мне некий благоговейный священник через одно лицо то же, а некто и напечатал в Вестнике, что он учит, что ничего не нужно, – ни Церкви, ни прочего церковного. Вот три свидетеля.

Сбылся я речью на этого новшака вашего, – а имел в мысли рассуждать вообще о ненастоящих церквях. Но не беру назад; пусть и это все идет в строку. – Да впрочем, это можно оставить и без оговорок. Потому что такое течение речи привело нас к уверению, что ваш новшак Церкви Божией знать не хочет, мечтая, однако ж, что он через это нисколько не уклоняется от пути спасительного. Как для вразумления его и увлеченных им ничто столько не сильно, как указание, что для спасения существенно необходимо состоять в живом союзе с единой истинной Церковью Христовой, то к сему указанию естественно и переходим, как и положили в начале письма.

Говорим: желающему спастись необходимо быть в живом союзе с истинной Церковью Христовою. – Почему? Потому что Господу угодно было в ней единой совместить все, потребное для спасения.

Припомните, что у нас с тобой сказано в третьем письме – что в деле спасения надобно различать две стороны: то, что Господь совершил нашего ради спасения, именно: стяжания Господом через воплощенное домостроительство блага во спасение наше; и то, что мы должны делать с своей стороны для получения спасения, – наши в содевании спасения труды. Из того и другого, – через сочетание их в лице спасаемом, – спеется дело спасения. Всякому можно сказать: позаботься удостоиться приятия сокровищ спасения, стяжанных Господом, – усвой их себе и употребляй как должно, и спасешься. Но сие двоякое дело совершаешься достодолжно может и совершается только в св. православной Церкви. В ней и благодатные сокровища ко спасению, и практика всего того, что от тебя требуется для твоего же спасения, с руководством в том, и словом и примером.

Слыши: «Позаботься удостоиться приятия благодатных сокровищ спасения», – ты невольно можешь прийти к вопросу: «Где же их взять? Где прийти с ними в соприкосновение и как вкусить их?» – Они все в Господе, а Господь, стяжав их, вознесся на небо и воссел одесную Отца. Как досягнуть до Него? И кто силен к тому? На это скажу тебе: «Никак не досягнешь, и никто не силен к тому; но не приходи от этого в ужас. Господь вознесся на небо, а блага, Им для нас стяжанные, оставил на земле, вверив их святой Своей Церкви».

Св. Церковь православная есть сокровищница благ спасения. Что бы тебе ни нужно было для спасения. – все то найдешь в ней, и только в ней. Помимо ее и сам Господь не дает сих благ. Так благоволил устроить сам Он. Став Главой Церкви, Он не иначе действует во спасение наше, как чрез сие тело Свое. И не ищи к Его сокровищам спасения другого доступа. Его нет.

Господь Спаситель, яко ипостасная Премудрость, принес в Себе самом на землю, из таинниц триипостасного божества, всю спасительную премудрость. Но не удержал ее сокровенной в Себе самом, а сначала преподал ее апостолам, заповедав им преподать ее и всем верующим из всех языков. Апостолы предали ее всему сонму верующих, заповедав преемникам своим блюсти ее. И стала церковь столп и утверждение истины, которая, водворившись в ней, пребывает в ней и будет пребывать до скончания века. Хочешь ведать эту премудрость? Иди в Церковь православную, верную блюстительнице всего, преданного апостолами, – и у нее поучайся ей.

Кроме истины Господом и благодать бысть (Ин. 1, 17). Воплотившись нашего ради спасения, Он принес Себя в жертву искупления нас и открыл тем путь нисхождению к нам Духа Святаго с благодатными силами Своими. Отсюда два существеннейших блага воплощенного домостроительства в спасение наше, – оправдание и освящение. И их оставил Господь на земле и вверил их Своей Церкви.

В Церкви Божией стоит, непрерывно приносимая, жертва Тела и Крови Господа, по заповеди Его, и в той силе, в какой благоугодно было Господу установить сие учреждение. Жертва сия приносится в определенное время, но как с движением солнца и час сей движется по земле с востока на запад с промежутками, едва, или совсем не заметными, то само собой очевидно, что жертва сия в каждое мгновение приносится на земле, или вернее – непрерывно стоит. Господь ходатайствует о нас на небе пред лицем Бога и Отца. Но там нет крови. Кровь Свою благоволит Он таинственно источать в святой Церкви Своей, яко Глава ее, в таинстве Тела и Крови. *Сие творите*, – заповедал Он, – в *Мое воспоминание*. *Сие*, т.е. Тело ломимое и Кровь изливаемую во оставление грехов. Так оправдательный и ходатайственный покров простерт и стоит над Церковью, привлекая и препровождая к нам всякие милости Божии. Хочешь быть причастником сих милостей? Бывай, сколько можешь чаще, на жертве сей и общение с ней держи, если не вкушением ее, то сокрушением и плачем.

Кровная жертва открыла путь нисхождению к нам Святаго Духа, от коего все благодатные силы, яже к животу и благочестию. Без сих сил спасению нашему содевающему быть невозможно. Необходимо потому всякому стяжать благодать Св. Духа. Но непосредственно Дух Святый сошел только на апостолов; после же них благодать Св. Духа сообщается верующим уже не иначе, как чрез особые посредства, или таинства, по указанию Господа Духом Святым чрез апостолов учрежденные. И таинства сии вверены св. православной Церкви и суть в ней единой. И стала Церковь сокровищницей не истины только, но и благодати. Чувствуешь потребность благодати? Иди в православную Церковь, приступи к таинствам, и получишь благодать всякую, какую взыщешь.

Возрождения ищешь? Взыщи его в св. православной Церкви. Она, и только она породит тебя водой и Духом в таинстве св. крещения. – Дара Духа Святаго ищешь? Взыщи его во св. православной Церкви. Она, и только она преподаст тебе его в таинстве миропомазания. – Согрешил? Каешься и ищешь врачевания душевных ран и разрешения уз совестных? Иди в православную Церковь. Она, и только она, в лице пастырей своих приявшая власть вязать и решить, разрешит тебя от грехов и исцелит раны души твоей врачевательными обязанностями. – Нужду имеешь и ищешь преискреннейшего общения с Господом? Иди в св. православную Церковь. Она, и только она, дав тебе вкусить Тела и Крови Господа от жертвы Его, ею всегда приносимой, сделает, что ты будешь в Господе и Господь в тебе, по неложному Его обетованию. – Ищешь положить благодатную основу семейству своему? Иди в св. православную Церковь. Она доставит тебе сие благо, запечатлев благодатью брачный союз твой в таинстве брака. – Немоществуешь телом и ищешь врачевания? Обращайся к Церкви святой. Она доставит тебе сие благо и с отпущением грехов, чрез таинство елеосвящения.

Столько благодатных сокровищ вверено св. Церкви! – Приставниками же и раздаятелями их поставлены сначала апостолы, а потом их преемники, которые и сами получают особую на то благодать чрез таинство священства, в Церкви же Божией. Таинство священства –

верх таинств благодатных, ибо без него остались бы недейственными и все другие таинства, – и Церковь превратилась бы в безблагодатную.

Так ипостасная Премудрость Божия, создав себе дом св. Церкви, утвердила в нем столпов (отделений) семь, и всех приходящих к ней, по ее призыванию, обильно питает и напаляет разнообразною своей благодатью. Семь источников благодати. Но два из них текут неразлучно с течением всей жизни спасаемого. Это таинства покаяния и св. причастия, дающие благодать оправдания и благодать освящения, – благодати, источные в жизни спасительной. Они развиваются, укореняют, возвышают в духе человека все, потребное для спасения. И чем кто чаще пользуется ими, тем успешнее зреет его духовная спасительная жизнь. А без этого, она скоро засаривается, вянет и глохнет.

Видишь, что вверено св. Церкви?! Не думай же и другому никому не позволяй думать, будто можно без живого союза с Церковью устроить свое спасение, когда без сего союза с ней нельзя нигде найти и получить благодатные силы ко спасению. Да, живое общение с Церковью есть приятие чрез ее таинства сих сил. Почему живое общение с св. православной Церковью столько же необходимо, сколько необходимо сподобление благодатных во спасение сил.

Вторую половину дела спасения составляет собственный наш труд в содевании его. Казалось бы, что он должен быть совершенно предоставлен свободе каждого. – Предоставлен, правда, но не вполне. Св. Церковь и сюда притекает своим влиянием и властью. Я разумею под сим не указания только и поощрения, но известные порядки и труды, исполнение которых есть содевание того, что содевать требуется от нас нашего ради спасения. Известные труды во спасение возлагает св. Церковь на верующих, как долг, не стесняя, однако ж, свободы к самоохотным в том же роде начинаниям и деяниям, а напротив, поощряя к ним и давая в отношении к ним руководство словом и примерами. Сама церковь возлагает известные труды во спасение, и потому, что желает, чтоб все были как один в содевании спасения, и потому, что, считая труды те необходимыми в деле спасения, не полагается на свободную охотность к ним каждого по немощам самоугодливости нашей; а руководство свое дает в прочих свободных сего рода делах и начинаниях, потому что, по неумению, иное дело и труд можно сделать так, что вместо пользы выйдет от того вред делу спасения.

Но вот ты и сам все это увидишь ясно. Припомни, что у нас сказано в третьем письме о лежащем на самом христианине деле трудиться во свое спасение. Там, по объяснении, как зарождается в нас спасительная жизнь, показано, как затем должна быть она ведена, чтобы дойти до цели своей, – именно, что решившемуся содевать свое спасение и приявшему на то благодать, предлежит, действием облагодатствованного духа своего, очистить душу и тело от страстей и перенастроить их на всякое добро, чтоб сделать храмом, достойным Бога, обетовавшего вселяться в верующих и ходить в них.

Не буду всего того повторять. Беру одно это главное положение: надо душу и тело очистить и перенастроить силой духа облагодатствованного. – Что для сего потребно? Потребны подвиги для тела телесные, для души душевые, для духа духовные, ибо и его надобно оживлять и укреплять, чтоб он постоянно чувствовал себя обладающим силой властно действовать на душу и тело.

Телесные подвиги нужны потому, что тело служит седалищем страстей. Не смиришь плоти, не будешь иметь успеха в преодолении страстей. Надо потому преутрудить плоть лишениями пищи, сна, покоя и всякого услаждения чувств. Но угодница страстей и страстолюбца есть душа. Ее потому еще больше, чем тело, надлежит взять в руки и трудить. В ней возникают помыслы и пожелания страшные и влекут к страшным делам, потому что в ней живут самые страсти. Дело спасающегося – прогонять сии страшные движения и на место их восстановлять и водружать добрые мысли, чувства и расположения. Это действие и все другое, что для сего делается, составляет предмет душевых подвигов. Наконец, подвиги духа – молитва и богомысление, и все, что для сего предпринимается, как вспомогательное средство.

На сии подвиги указывал Спаситель в Нагорной беседе, когда давал наставление, как поститься, творить милостыню и молиться. Под постом совмещены здесь все подвиги телесные, под милостыней – душевые, под молитвой – духовные. У содевающих свое спасение действительно дело так идет, что они проводят жизнь в молитве, доброделании и постническом воздержании. И вот к сим-то делам св. Церковь, обязывая верующих к трудам в содевании спасения, и приоровляет некоторые свои законоположения, порядки и учреждения.

Как поприще для телесных подвигов, назначены в ней св. посты, – однодневные в среду и пятницу каждой недели, и в некоторые другие дни года, и многодневные, – четыре больших поста.

Как поприще для душевых подвигов, кроме тех же постов, определены в ней разные благотворительные учреждения: больницы, богадельни, сиротопитальни, странноприимницы.

Как поприще для духовных подвигов, есть в ней непрерывное последование молитвословий церковных, с наставительными на них чтениями и беседами, – молитвословий, обнимающих всю жизнь человека в разнообразных ее направлениях и положениях,

Не вдаюсь в подробное объяснение всего сюда относящегося. Делаю общее обозрение или указание, чтобы только ты видел, что все содержимое св. церковью, все ее чины и порядки благочестные целесообразны и верно направлены к содеванию спасения всеми верующими. – Пост погашает похоть; доброделание изгоняет гнев и раздражение; оба вместе заграждают главные источники страстных движений (т.е. похоть и гнев) и воспитывают противоположные им добрые расположения и настроения. Молитвословия же, возвышая дух горе и вводя его в общение с областью божественной, дают ему вкусить духовных стихий, чтобы потом ими одухотворять душу и тело и все окрест человека.

Все эти установления св. Церкви: молитвословия, посты, благотворения, – занимают и обязывают все тело Церкви, как одно лицо (в малом виде – это приход). Но это не стесняет свободы каждого, кроме сих общих трудов, избирать и держать свои частные, – свои пощечения, свои молитвы, свои доброделания. Но св. Церковь, как попечительная о спасаемых матерь, и на эту часть трудов верующих простирает свою заботу, заповедуя приступать к ним с совета и по указанию духовных отцов и предлагая примеры к подражанию в прежде живших отцах и братиях, каждодневно воспоминаемых.

Прохождение всех таких трудов по указанию и руководству Церкви составляет поприще общехристианского *подвижничества*. Но в Церкви Божией есть особые учреждения, в которых подвижничество в молитвах, пощечениях и служениях всем с забвением себя составляет исключительную цель. Исходя из коренных потребностей духа и существеннейших стремлений христианских, сия мироотречная подвижническая жизнь, быв проводима как следует, скоро любимцев своих возводит на высшие степени христианского совершенства и обогащает их, а через них и христианство, ведением о духовных вещах, недосязаемых при прочих порядках жизни.

Таким образом, как видишь, Церковь Божия и для второй половины дела спасения, т.е. нашего труда в содевании его, содержит чины, учреждения и порядки, исполняя которые, всякий, без особых напряжений, в ряду других движась, или в общем теле Церкви состоя, содевает свое спасение мирно, не выдаваясь и не отставая от других. И вот что я разумел, когда говорил в первом письме, что все вы спасение свое содеваете покойно и мирно. Ибо действительно так и есть, что все живущие по уставам св. Церкви и в духе ее идут спасенным путем, или спасение свое содевают.

Мы особо рассматриваем учреждения и порядки Церкви, лишающие нас причастными благодатных сокровищ спасения и дающие нам поприще для собственных наших трудов в содевании спасения; но в действительности они входят одни в другие, и живущий по ним от одних переходит к другим, и нередко все проходит их зараз, как это бывает постами и вообще во время приготовления к исповеди и св. Причастию. Вот это и есть жизнь в живом

общении со святой Церковью и в духе ее, – в коей чрез таинства божественным наносится человеческое, а в прочих чинах, и особенно в молитвословиях, подкрепляемых постом и доброделанием, – человеческое возвышается до божественного, и благодатно духовный рост благоспешится всесторонне.

Будем называть ее жизнью церковною. Примени теперь ее к тому, что у нас прежде положено необходимым ко спасению, и увидишь, что живя церковной жизнью по всем порядкам и уставам св. Церкви, ты будешь верным исполнителем всего того, т.е. будешь и веру св. соблюдать, и благодатью чрез таинства преисполняться, и верно исполнять заповеди и состоять под руководством богоучрежденных пастырей, – будешь, то есть, верно содевать свое спасение.

Как все сие есть во св. Церкви по намерениям самого Господа о спасении нашем, то, живя жизнью церковной, ты будешь в живом союзе и с Господом и с устроителями церкви, апостолами, и с продолжателями их дела св. святителями, и с верными исполнителями всего – св. мучениками и св. Отцами преподобными, – и спасение твое обезопашено, если пребудешь верен сему союзу. Ты будешь как в безопасной пристани, как в крепкой ограде, как под несокрушимым покровом. Жизнь церковная и от мира тебя отградит, и от стрел невидимых врагов сохранит невредимым, – и непрестанно будет напасть тебе притоками духовных стихий, под влиянием которых жизнь твоя христианская будет обильно развиваться и зреть, восходя от силы в силу, невидимо среди видимых твоих трудов и дел. Чуждающиеся же церковной жизни бывают обыкновенно скучны духом и духовными движениями, хотя во всем прочем являются исправными.

Посему можешь судить, сколь велик злодей есть тот, кто отбивает других от церковной жизни. Он есть настоящий душегубец. Таков ваш новшак, враг Церкви Божией и Божий.

Предупреждаю тебя, что если кому-либо из лиц одного духа с вашим церквеотступником придется прочитать строки сии, то ты непременно услышишь: «О, это есть оплотение христианства», – или: «Это есть возвращение к иудейству», – или другое что подобное. – Зри, не ужасайся. В Церкви есть видимые учреждения, но в них ничего нет плотяного, а все духовно; есть уставные законоположения, но они совершенно чужды всякой примеси иудейства. И главное, – все в ней или от Господа непосредственно, или от Господа чрез апостолов и их преемников по внушению Духа Святаго.

Все это я, может быть, вздумаю разъяснить тебе поподробнее, вслед за сим. А теперь спасайся и о мне Бога моли.

28. Шестое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Судя по тому, что писано доселе, особенно в последнем письме, ты сам можешь заключить, что если кто из живущих нерадиво, т.е. пополам с грехом, или совсем грешно, придет в сознание своей неисправности и возжелает исправиться, то ему вот что предлежит сделать: сознав, в возрождении таких помышлений, благодать Божию, зовущую его ко вступлению на путь спасения, возблагодарить Господа за такую великую милость и поспешить воспользоваться ею, по намерению Дарователя; для сего, не давая рассеяться или заглохнуть этим первым спасительным помышлениям и движениям, позаботиться, размышлением и молитвой довести их до такого напряжения, чтоб под влиянием их образовалась безотлагательная решимость тотчас же приступить и к делу, внушаемому теми чувствами, т.е. бросить жизнь неисправную и начать исправную, затем исповедаться и, получив разрешение во всех грехах, с принятием и епитимии во уврачевание своих душевных ран, причаститься св. Христовых Таин, в воссоединение с Господом, Которого отдалили от него доселе грехи его; наконец, укрепившись таким благодатным обновлением, начать самым делом новую жизнь в делах благочестия, – молитвах, посте и воздержании и всевозможном доброделании, как все сие ведется у благоговейных христиан, истинных сынов Церкви, по указанию и руководству ее.

Все покаявшиеся и начавшие жить благочестно так делают и, с помощью благодати Божией, от грехов оберегаясь, в добрых же делах преуспевая, все более и более греховные

вожделения в себе подавляют, а добрые расположения укореняют, и чрез то приходят в совершенную чистоту сердца, которая и делает их достойными того, что сам Господь вселяется в них по Своему обетованию – что есть конечная цель и верховное благо христианское.

Кому не желательно достигнуть сего блага, выше которого ничего нет и быть не может? Но если желательно благо, то надобно возжелать вступить и на путь, ведущий к нему, – именно, прописанный выше; ибо другого нет. Есть, однако ж, мудрецы, которые загадывают и блага того достигнуть, и миновать означенный путь, – не по каким-либо твердым основаниям, а просто по капризу сердца. Противнее всего им эта исповедь и с ней связанная епитимия, затем и прочее все: хождение в церковь, поклоны, посты, уединение и подобное. Крайне неприятно. – Они и бросают это; но как устраниТЬ себя от того ни с того ни с сего, совестно даже пред собой, то они придумывают нечто в оправдание свое; а иные до того втягиваются в свои оправдательные умствования, что считают их решительно верными, и на них построив свой особый образ содевания спасения, выступают с проповедью о нем, как о верном пути ко спасению, с укорением порядков, держимых истинными сынами Церкви православной, по внушению и руководству сей непогрешимой матери своей.

Одни из таковых, как я поминал тебе в конце прошлого письма, в оправдание своего от церковной жизни отступления обзывают порядки церковные оплотнением и отелесением христианства, долженствующего будто быть чисто духовным, ибо Бог Дух есть, и иже кланяется Ему, духом и истиной должен кланяться, – а другие возвращением к иудейству: не коснися, не вкуси, не осяжи. Полагать надобно, как есть и свидетельства, что и ваши веро- и церквеотступники такие же иногда держат речи и такие же питают суемудрия. Ибо сам видишь, что они отбросили все наши церковные порядки, в которых православные христиане Богу служат и благоугождают, выражая и вместе питая тем свое истинно христианское благочестие, – разоблачили себя от всего, оголили, суеверно чая чрез то быть духовными.

Что они дурно и предурно поступают, это само собой очевидно. И толковать бы нечего. Но опасаясь, как бы и из вас иной, слушая часто их бредни, не запутался в них, я считаю нужным поговорить с тобой и с теми, кои около тебя, об этом поподробнее.

Начинаю с первого укора, будто у нас христианство овеществлено, оплотнено, отелесено. Это говорят они, смотря на наши церковные порядки, или нашу церковную жизнь, видимо и телесно проявляемую и совершающую. У вас, говорят, все только обряды и обряды, и больше ничего. Исполнил обряд, и покон, – принимала ли в том участие душа, или нет.

Скажем им: христианство в высшей степени духовно, ибо благодатно; но не невидимо. И христиане истинные в высшей степени духовны, ибо непременно облагодатствованы; но не бесплотны. Почему, при всей духовности наивысшей, они не могут не действовать телесно не только в отношении к людям, но и в отношении к Богу, – в самых духовейших движениях сердец своих. Отсюда следует, что смотря на видимое, чем выражается христианская жизнь в Церкви и христианах, несправедливо все в них и ограничивать сей одной видимостью. Не справедливее ли, напротив, под этим видимым провидеть невидимое и духовное, как в слове мы осязательно встречаем сокрытую мысль.

Иных, может быть, сбивает в сем деле с толку слово *обряд*. Поясним значение сего слова. Возьмем богослужебную часть, потому что в ней наиболее выражается церковная жизнь, или в ней наиболее видна, прикрывая или и совсем закрывая собой другие части подвига и добротворения (пост и милостыню). Что есть каждое священнослужение? Ряд молитв читаемых, поемых и мысленно к Богу возносимых. В этом существо священнослужения. Но как мы заключены в пространство и время; то всякое такое служение требует своего времени, своего места и порядка, своей обстановки, *обряда*, того, что неизбежно включает ряд молитв, хотя не составляет существа служения. Священник в известном месте, в известное время, в определенном порядке, как положено в церкви,

совершает свое священнослужение, при чем и он, и причт, и христиане присущие держат себя в известном положении. Все сие есть *обряд*. Но существо дела не в этом внешнем, а в ряде молитвословий, совершаемых при сем. Это же все приводит, потому что мы пространственны и временны и что на станем делать, делаем в свое время, в своем месте и в известном порядке. И кто бы стал в этом полагать существо дела, сделал бы большую ошибку.

Возьмем простое дело – писание письма. Тут перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебе и своим положением приспособиться к писанию. Но все это внешняя обстановка, – такая, что без нее не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо в уме и сердце образуется. Когда потом оно обычным порядком выразится на бумаге, совершился письмописание и явится письмо. Зародившееся в душе вызвало соответственное действование телом, – и явилось дело совершенное. Таково и всякое священнослужение и молитвословие. Возбуждается в духе потребность и желание вознести к Богу с прошением или благодарением. Это вызывает известное молитвенное действование телом, которое, быв совершено, являет дело молитвы, или молитву совершенную, – в коей внутреннее и духовное сочетано с внешним и телесным. Смотри на пишущего письмо, ты не думаешь, что во внешнем положении пишущего и в порядке его действования все дело письмописания. Не думай и не говори того же и о молитве и служении Богу, видимо телом совершаемых. Вот пример. Старушка просит священника отслужить панихиду на могиле сына или дочери, внука или внучки. Священник надевает епитрахиль и идет на могилу; причетник несет кадило и свечу. Смотри издали, что там делается на могиле? Священник читает и кадит, причетник поет, старушка кладет поклоны, стоя на коленях. Затем почитали, попели, покадили и пошли назад. Дело поминовения совершено. Но в чем тут существо дела? В том духе веры, который подвиг старушку пригласить священника совершить церковное поминовение; в таком же или и сильнейшем духе веры, с которым священник начал, продолжал и кончил ряд положенных молитвословий. А прочее все что есть? – Прочее все есть обряд, обстановка, неизбежная по условиям нашего теперешнего существования, – не случайная, однако ж, но соответствующая как значению сего служения, так и настроению совершающих и участвующих в нем. Тут сочетано внутреннее и внешнее, духовное и телесное. И кто остановился бы вниманием на одном внешнем, не проходя до внутреннего и все существо служения сего поставил бы во внешнем, не думая о внутреннем, тот обнаружил бы грубое неведение дела.

Таковы все наши церковные молитвенные обряды. Они все совмещают в себе духовнейшие молитвословия, и кто совершает их или участвует в совершении их, о том следует говорить, что он духом ходит, выражая то и рядом внешних действий. Стало быть, как сам видишь, нельзя говорить, что у нас в церковной жизни оплотяно, отелесено христианство, – и мы только внешние христиане. Не понимающие дела могут так суесловить, в обличение своего невежества. Хлысты, например, обзывают нас суэтными церковниками, а ваши вероотступники, кажется, суеверами, потому одному, что мы веру свою и свое служение Богу, считаем нужным являть и выражать внешним установленным порядком. Но как мы при сем силу полагаем не во внешнем, а во внутреннем, или веруем не в силу внешнего чина, а в силу внутреннего к Богу обращения и притом церковно, то такую веру и такое упование нельзя называть суэтными, ибо им даны самим Господом обетования. Суэтны те, которые помимо Церкви чают служить благоугодно Богу; ибо таким не даны обетования. В приведенном примере эти настоящие суеверы суэтные говорят: «Покадит священник, а они веруют, что это спасительно для усопших». Но я уже тебе объяснял, что мы полагаем силу не во внешнем при сем чине, а во внутреннем духе, с каким он совершается; теперь прибавлю: и совершается по установлению Церкви. Священник с присущими представляет и совмещает в себе всю Церковь, – и молитва тут бывающая бывает столь же сильна, сколько сильна вся Церковь, в ее целом составе, – Церковь, коей глава Христос Господь. Смотри на внешний чин, или обряд, иной может еще

приходить к вопросу, какая от этого польза; а содержа в мысли существо дела и значение священнослужения церковного, никто не задаст такого вопроса. Так и о всем церковном разумей. Церковь представляй преисполненной небесных сил. Приди только кто в соприкосновение с ней, – и причастится сил ее. Вводят в сие соприкосновение разнообразные церковные молитвословия, или молитvenные чины. Они то же суть для нас в жизни, что в опытах физических проволоки, проведенные до соприкосновения с сильной батареей электрической. За какую проволоку ни возьмись, хоть самую тоненькую, сила притока к тебе электричества определится не проволокой, а батареей. Так и в жизни, чрез какой чин ни прикоснись к церкви, ты коснешься всей ее силы. – Суетна ли такая вера, когда Господь есть глава ее и преисполняет ее всю и во всем? Вот вне Церкви, так что ни делай, ничего не будет выходить.

Так вот, – когда тебе придется толковать с кем-либо из ваших, отпадших от Церкви, и он, претендую на духовность, обзовет тебя суеверным обрядником, ты поскорее растолкуй ему, что есть обряд и сколь велика сила церковной молитвы. Этим ты заставишь его замолчать, ибо тогда речь его будет, как стрела без цели, на ветер. К нам она неайдет. Не мы – обрядники суетны и суеверны, а скорее они – безобрядники.

Говоря все сказанное, я имел в виду богослужебные чины церковные, но и другие части церковной жизни (пост, милостыня) также должно разуметь, т.е. что существо и в них составляет дух, с каким они совершаются, а не видимость, в какой являются. И в пощении есть своя, Церковью утвержденная внешняя сторона, которая наипаче видна во время говения. И милостыню, по заведенным в Церкви порядкам, тоже творят разнообразно: то обеды для нищих строят в известные дни, то по тюрьмам и богадельням ездят с подачами, то больных посещают, а на папертях церковных все уже по силе своей подают бедным, что смогут.

И это все – обрядового свойства церковные порядки. Но и здесь, – хотя внешнее входит глубже в дело, – существо дела не во внешних порядках, а во внутреннем настроении духовном. В пощении, и вообще в подвигах, существо дела не в одном отказе себе в пище, сне и прочем, а в духе покаянного сокрушения и смирения и в отрещении от всякого самоугодия. Равно и в милостынетворении, или вообще в доброделании существо не в одном внешнем деле, а паче во внутреннем расположении, – в милостивости, возгреваемой возврениями на Господа всемилостивого, святую заповедь Его и славу имени Его.

Ваши отступники от Церкви, оголившие себя от всего церковного (голыши), кажется, претендуют очень на духовность, чуждаясь всего внешнего, даже крестного знамения. Потому потолкуем побольше о вере нашей, как ей подобает быть, голой ли или облаченной во внешнюю благолепность.

Смотри, как совершено наше спасение? Бог, чистейший дух, благоволил, нашего ради спасения, воплотиться, пожить на земле, яко человек, пострадать, умереть, воскреснуть, вознести на небо и сесть одесную Отца. Все сие видимо, внешне, телесно. Чего ради? Того ради, что спасению нашему невозможно было иначе быть устроену. Если б было возможно совершить сие как-либо духовно, то Богу духовнейшему зачем было бы отелесяться? Но надлежало, восприяв наше духовно-телесное естество, провести его самым делом, жизненно, по всему пути из глубины падения до высоты восстановления. Это и совершил Господь, открывая новый для нас путь к обновлению падшего естества нашего. Если же для устроения образа нашего спасения надлежало духовнейшему Богу сверхъестественно воплотиться и действовать телесно, то как же можно нам, естественно-телесным, содевать свое спасение по сему образу некако бестелесно, мысленно и духовно? Путь спасения открыт нам телесным шествием по нему Бога; есть ли же ум у тех, кои гадают пройти по нему вслед Господа во спасение свое духовно лишь, а не и телесно?

Далее Господь, стяжав для нас блага во спасение, благодатные, духовные, – в духовном ли виде оставил их нам, и нам духовным ли только образом пользоваться ими повелевает?! Нет; и блага Свои благодатно-духовные благоволил Он заключит в вещественные сосуды, божественные таинства, и пользоваться ими повелел нам видимо, телесно. Дух Святый

непосредственно сошел только на апостолов, – и однако ж видимо, в виде огненных языков, за тем всем верующим благоволил Он преподаваемым быть через видимые, вещественные посредства, Им же самим через апостолов учрежденные. Благодать возрождения подается через погружение тела в воду, благодать общения с Господом – через вкушение тела Его и крови, и проч. И все сокровища спасения, благодатные и духовнейшие, быв заключены в вещественные сосуды, приемлются через тело. Тело соприкасается вещественному, скрывающему в себе духовно-благодатное, и передает сие благодатно-духовное духу нашему, в котором приятие и вместилище для того устроется через духовные настроения.

Что далее предлежит нам по приятии благодати? Действовать, – и действовать видимо-телесно: поститься, молиться, милостыню творить. Так заповедал Господь, и во исполнение сего повелел апостолам завести соответственные порядки между верующими, которые и ведутся доныне в Церкви.

Таким образом, ни благами спасения не можем мы пользоваться как-либо лишь мысленно, ни содевать свое спасение – лишь духовно. То и другое посредствуется видимыми учреждениями, а с нашей стороны – телом и телесным действованием. Так благоволил устроить Сам устроитель нашего спасения. Если помимо Его негде найти спасения, то те, которые мечтают достать себе спасение некако лишь мысленно-духовно, промечтают, а спасения не получат. Вообрази большую, широкую и глубокую реку. Чрез нее настроены мосты и устроены разные другие переправы: лодки, пароходы. Из тех, кому нужно переправиться на другую сторону, кто идет чрез мост, кто садится на лодку или пароход, и переправляются. Но вот явились мудрецы, которые возмечтав, что им для переправы не нужны ни мосты, ни лодки, а что дух некийхватит их и перенесет, сели на берегу в сказанной уверенности, и сидят не двигаясь, лишь с усмешкой посматривая на других, переправляющихся, как заведено, и обзываю их суэтными. Попадут они когда-либо на другой берег? Конечно, нет; так и просидят весь свой век. Точь-в-точь в таком находятся положении те, которые чуждаются св. Церкви и всех ее спасительных учреждений, самим Господом установленных во спасение наше. Не видать им того берега и не ступить на землю спасенных.

Слыхал ты про философию? Это такая наука, которая берет на себя все сущее подвести под один обзор и объяснить так, чтобы оно в целом своем составе видно было как на ладони. Хоть до этого ей никогда дойти не доведется; но в труде сем можно различать более правый и прямой путь от неправых. Прямой путь – изучать разные виды бытия существ, как оно проявляется на деле, со всех сторон, ведать которые имеем мы естественное стремление, обобщать, делать наведения, и восходя все к более и более объемлющим воззрениям, стараться достигнуть до всеобъемлющего воззрения, объясняющего все сущее. Те, которые идут сим путем, доходят до положений очень ценных и важных как в области научной, так и для жизни. И все, что было и есть хорошего в философии, сим путем достигнуто. Но есть болезнь философских умов, в которой философы, не соображаясь с фактами и частностями, как они есть на деле, хотят все построить из одного своего ума. – И строят. Что же выходит? Выходят философии такие, которые действительности не отвечают и объяснять ее не объясняют, а напротив, затемняют. Эта болезнь философов есть идеальничанье. Так вот, – что есть идеальничанье в философии, то в жизни есть, – назовем применительно к сему, духовничанье, – мечтательная надежда без особых трудов телесных достигнуть совершенства духовного какими-то одними мысленными путями. И там и здесь ничего прочного и действительно хорошего не выходит. Порождение их мыльные пузыри. Духовничествующие с небрежением о внешне и видимо совершаемых трудах и делах, как установлено и ведется во св. Церкви, суть такие же мыльнопузирники, как и идеалисты.

Здравые духом, восприяв семя духовной жизни, начинают обычно воспитывать ее и развивать посредством видимого, телесного действования. Вот смотри, как это бывает! Некто сказывал о себе, что, возжелав содевать свое спасение, я положил, говорит, сему

делу прочное основание покаянием, исповедью и причащением. Затем начал трудиться в сем роде, как обычно все трудятся. Сознавая, что при другом многом надобно для сего и милостыню творить, я понуждал себя на это, но все отлагал и к делу не приступал. Наконец стал скорбеть, что не совладаю с собою. Обратился я со своей скорбью к одному благочестивому человеку, и он сказал мне: «Это от того у тебя, что ты собираешься милостыню творить вдруг сотнями рублей. А ты положи сначала раздавать на милостыню по пятаку или гривне, всякий раз как бываешь в Церкви». Я стал так делать, говоря себе: «Много ли это?» – и раздавал положенное охотно. Когда прошло несколько времени, мне пришло желание раздавать по стольку же всякий день; и я стал раздавать. Потом подумалось, что воскресенье и праздники надо отличить, и я стал раздавать в эти дни побольше... Затем эта прибавка перешла и на другие дни, воскресенье же и праздники отличились новой прибавкой, так все росло и росло. Всякое упирание ногами при подании милостыни прошло и возродилось желание подавать и подавать, – и уже не бегаешь, бывало, случая к тому, а ищешь его. Теперь же, заключил он, я все готов бы раздать, если б не семья». Видишь как?! Милостивость есть чисто духовное расположение, а как оно образовалось? Делами, которые видимо телом были совершаемы. Так и всякое другое духовное расположение утверждается в сердце: терпение – частым перенесением обид и нужд, безгневие – частым подавлением гнева и восстановлением кротости, – и проч. И заметь, что только сим путем стяжанные духовные расположения бывают непоколебимо прочны.

Так же и подвижничество образуется и утверждается. Помнишь историю о св. Досифее? Св. Дорофей, которому он был поручен, желая научить его воздержанию в пище и постничеству, сначала дал ему насытиться пищей вдоволь; потом начал через небольшие промежутки понемногу умалять количество пищи, принятой в первый раз, и довел до того, что св. Досифей стал наконец довольствоваться самой малой малостью в пище. Так и сон доводят до малости желающие, и навыкают бдению, а от отдыха совсем отвыкают и весь день непрерывно пребывают в труде и напряжении сил, переходя от одного дела к другому. Мало-помалу сим путем доходят до навыка в бесплажливости в отношении к телу и вообще ко всяким своим пожеланиям. Бесплажливость же себе есть основа подвижничества, когда она долгими опытами укоренится и станет потребностью духа.

Возьми, наконец, молитву. Как и она растет, крепнет и восходит на высшие степени совершенства? Не иначе как частыми и долгими трудами в совершении молитвословий. Начинают ходить в Церковь, как кто может, – кто ко всем, кто к некоторым службам, – дома стоят немало на молитве, неопустительно каждый день, то читая молитвы, то своими словами молясь, со многими поклонами, и кроме того днем почасту полагают в сердце своем восхождения к Богу, – и таким образом все более и более возгревают в себе молитвенный дух, который наконец так глубоко внедряется в сердце, что молитва от него не отходит. Неотходная молитва есть верх духовного совершенства в нашем к Богу отношении.

Таким образом видишь, что по всем частям требуемого от нас в содевании спасения труда совершенство полное и прочное достигается не иначе, как трудами и делами, видимо телом совершамыми, – иначе сказать, духовность вырабатывается телесным путем. Слыхал ты в церковных песнях слова: *действие и разум?* Если слыхал, то, конечно, и то там слышал, что действие есть к разуму восход. Что, думаешь, значат сии выражения? То самое, что я пред сим толковал тебе, что до духовности должно доходить трудами, видимо телом совершамыми. Действием означается видимая, деятельная сторона содевания спасения, а разумом – невидимая, духовная, созерцательная. И у св. Отцев пишется, что надобно то и другое соединять, действием начинать и переходить к созерцанию и духовности. Поелику это так есть и иначе быть не может, то увидь из сего, как во святой Церкви Божией все целесообразно и направлено к твоему спасению. Как только возродится в тебе желание спасения и облагодатится чрез таинства, что есть семя жизни духовной, – Церковь тотчас облагает тебя своими учреждениями видимыми, сокрывающими, однако ж, в себе духовные

элементы, – и ты, состоя под влиянием их и действуя по ним, сам не замечая того, растешь и крепнешь духом, между тем как хождение твое все будто только телесно. То она в храм тебя влечет на молитву, то пост предлагает, то место и образ благотворения указывает, то снова приглашает к таинствам. Все это видимо, а между тем все это питает дух и растит духовную жизнь. Твой дух извлекает из всякого вида церковной жизни содержащийся в нем духовный элемент и чем питается и растет. Как наше тело растет и живет, извлекая жизненные соки из разных видов принимаемой пищи, так и дух наш питается и живет, проходя многие чины церковной жизни и извлекая из них сокрытые в них духовные стихии.

Но пора уже нам с тобой подвести итоги всему сказанному. – Так, в деле нашего спасения, и что от Бога, и что от нас, все должно быть видимо, приемлемо и совершаemo. Церковь Божия, мать наша, невеста Христова, и признала необходимым ввести все сие в порядки своей жизни религиозной, обязывая и нас, чад своих, ходить в них, чтоб мы, живя по ним, всегда и освящаемы были свыше, и преуспевали в себе. И ведай, видя повсюдные опыты, что все, которые подчиняются сим порядкам и от души проходят их, спешно идут в духовном преспении, прочно утверждаются в духовной жизни и становятся истинно духовными. Здесь конец видимого – невидимое, телесного – духовное, земного – небесное.

Слыши однако ж от меня такие речи, что в деле нашего спасения, и что от благодати, все отелесено, и что от нас, должно быть деemo телесно, не подумай, что я в этом, видимом и телесном, полагаю существо дела: о том, что должно происходить и совершаться в духе, я писал в прежних письмах. А эту речь направляю против тех, которые слишком идеальничают или духовничают в деле веры и спасения. Дошедши до мысли, что христианство духовно, они все уже видимое в Церкви пренебрегают и отвергают. Я и tolkую тебе, что так умствовать не подобает; ибо это противно существу дела. Эти умники прямо хватаются за духовное и невидимое, минуя видимое и телесное. А это то же есть, что желать достигнуть цели, оставляя в стороне необходимые к ней средства. И ты знай наверное, что такие никакой духовности не имеют, а только умствуют о ней. Если они чуждаются таинств, то в них и семени нет духовной жизни. Если же они приняли сие семя в св. Церкви чрез таинства, а от прочего церковного, – молитв церковных, постов, отвращаются, то семя сие наверно заглохло и иссохло, не имея вокруг себя соответственных учреждений, из которых дух мог бы извлекать потребные для питания его элементы и тем питать и развивать его.

Таким образом, покорные сыны Церкви, начиная телесно, достигают духовности, а эти, начиная мнимой духовностью, – мечтами о ней, остаются совсем недуховными. Сколько совершенных в духовности мужей представляют памятники св. Церкви?! И все они востекли на эту высоту, живя строго по церковным порядкам. Они восходили на высоту по лествице совершенств, переступая с терпением со ступени на ступень. И востекли наверх успешно. А эти сразу хотят занести ноги наверх с самой земли. Ничего у них и не выходит. Будто тянутся наверх, между тем стоят все на одном месте, на земле.

Совсем уже хотел я кончить письмо это, как пришло мне на мысль сказать тебе еще нечто. Отступники ваши от Церкви и от всего церковного, взрослые уже, многое получив от св. Церкви, могут еще мечтать, что имеют нечто духовное, хоть все это теперь, надо полагать, заглохло. – Но спроси их, в детях их, в новом поколении, которое обыкновенно растет среди старого и воспитывается в атмосфере его, в детях их как будет пробуждаться, расти и развиваться духовная жизнь? В св. православной Церкви дети чрез таинства св. крещения и миропомазания приемлют семя истинно духовной, благодатной жизни, которое потом развивается и воспитывается в них присутствием в Церкви при священнодействиях, под сокровенным от сего влиянием, напаче же причащением св. Христовых Таин, под благодатным действием их. И видим, что дети, старательно проводимые сим путем, когда приходят в разумное сознание, находят в себе довольно сильные духовные стремления, которые и влекут их туда, где могут быть удовлетворены. Они любят бывать в храмах, участвовать во всех церковных последованиях и часто приступать к Св. Тайнам. И это для

них составляет отраду, отвлекающую их от многих удовольствий и утех пустых и вредных. У детей же отступников ваших чем пробудиться и воспитаться духовной жизни? – Нечем. Она так и останется заглохшей. Из нового от отступников поколения выйдут одни душевно-телесные люди без духа. Так в наказание суемудрым отступникам от Церкви духовничанье их поведет род их к повальному оплотянию всех. И преемники их будут мнить о себе, что духовничают, но это будет имя, а не дело, как и теперь.

Итак, хочешь преуспеть в духовной жизни, иди к сему так, как сие делается во св. Церкви: засеменив эту жизнь видимо совершамыми таинствами, развивай потом ее, строго держась видимых учреждений и порядков церковных. Если будешь так делать, скоро разовьешь в себе духовную сторону, – и она явится в тебе добре воспитанной и прочно стоящей на незыблемых основаниях. А тех, кои помимо Церкви чают преуспеть в духовном, оставь. Ничего из них не выйдет, кроме мечтателей, мнящихся иметь нечто, ничего не имея.

Полагаю, что ты уже слышал или услышишь от кого-либо из них: «Мы не прочь бы от внешних чинов, но зачем их у вас так много? Вы облепили себя ими так, что кроме них у вас ничего невидно, – и к тому же все обратили в закон, чему никак не подобает быть». Это их обычная поговорка. Но об этом до следующего раза.

29. Седьмое письмо в С.-Петербург по поводу ереси тамошней

Берусь окончить, что осталось неоконченным в прошлом письме.

«Так много слишком у нас обрядов», – говорят ваши отступники, – мы себя облепили ими так, что за ними не видно никакой в нас духовности». А иные, может быть, прибавляют: «И все это без всякой нужды и пользы».

Много? Пусть много. Что ж? Досадовать ли и горевать от этого? В каком доме всего много, охают там от этого? Церковь есть дом Божий. Если в ней много всего, по экономии, какая в ней ведется, т.е. по устроению спасения чад ее, – и слава Богу! Когда видишь дом всем полный, дух радуется; а когда в каком доме двор пуст и всюду хоть шаром покати, – какое безотрадное оставляет это чувство! И таковы ваши апостаты. Всем своим скопом они представляют дом запустелый, из которого все повыброшено. Такими верно хотят они сделать и всех вас.

Много у нас церковности от того, что нас много, и потребностей у нас много. Попечительная матерь наша – Церковь, Главой своим руководимая, и заготовила все благопотребное, хранит то и иждивает щедро на нас, чад своих, в подобающее время и в должной мере. Перечислять ли все? Но вот общее!

Нужны тебе наставления, – иди в Церковь, слушай и смотри. И чрез ухо, и чрез око польются в тебя всякого рода уроки. Слушай Апостол, Евангелие, Пророков, – и поучайся; внимай песнопениям, – и вразумляйся; смотри на священнодействия, – и возносись горе, вникая в значение их и смысл; видишь изображения, поминай славные дела изображенных и порывайся подражать им, если то лица, или прославляй Бога, дивного в милости и правде, если то события. В Церкви и неграмотные становятся не меньше грамотных, ведцами Божиими тайн спасения, если внимают.

Чувством долга понуждаешься жертву приносить Богу, Творцу своему, Промыслителю и Спасителю, – иди в Церковь. Здесь каждодневно приносится бескровная жертва Богу, – Тело и Кровь, Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умилостивлять Его. Но приобщайся к сему жертвоприношению и сам сердцем сокрушенным и смиренным, и принеси на алтарь Господень слезу, чтоб она вместе с бескровной жертвой восходила пред лицем Бога и, напоминая Ему о тебе, низводила на тебя Его благоволение и благословение.

Желаешь ли навыкнуть молитве и получить руководство в ней? О! этим паче всего богата святая Церковь. Она и готовые молитвы даст тебе, и научит самого своими словами возноситься к Богу в молитве. В ней все молитвы, – и всякий найдет там молитвы всякого рода и на всякий случай. Потребность молитвы во время обращения, как искра, западает в сердце действием благодати, таинственно возвращаемой и восстановляемой. В пламень же

сия искра разгорается веянием воздуха церковного во время участия в молитвенных последованиях церковных. Внимай молитвам, читаемым и поемым в Церкви, – напрягайся и сам составлять свои молитвы, когда приглашаем бываешь к тому (ектениями); и молитва твоя скоро придет в движение, напряжется, окрепнет и начнет бить из сердца, как струя из неистощимого родника.

Имеешь ли нужду смирить плоть, – врага самого близкого, безотвязного и льстивого? Вот тебе в пособие и руководство – пост за постом. Се – середа; не успеешь повернуться, как подошла и пятница; пройдет несколько недель, настает большой пост, затем опять чередование дневных постов; а там опять другой большой пост. Так круглый год. Умей этим пользоваться, и будешь иметь плоть смиренной, и в ней, таковой, вместо вреда, самого благопотребного помощника.

Если пал и имеешь нужду очистить совесть свою, – эти же посты дают тебе и сильное к тому побуждение и благоприятное время. Поговори, исповедуйся, причастись св. Христовых Таин, и, став таким образом твердой ногой опять на должный путь, теки им бодренно.

Имеешь ли какую частную потребность? На всякую, какая бы она ни была, найдешь в Церкви благопотребное удовлетворение. Помыслы ли смущают, духи ли стужают, скорбь ли тяготит, в путь ли собираешься, или дома что начинаешь, – на все это и другое многое найдешь в Церкви и молитву ходатайственную, и священнодействие освятительное, и руководство указательное.

Об источниках благодати, св. Таинствах, не говорю, не говорю и о постоянном руководстве в духовной жизни и образцах для нее. Сам знаешь, что этим богата св. Церковь, – и только Церковь православная.

Видишь ли теперь, что нельзя не быть у нас многому? Много у нас потребностей, которые не пресекаются, а требуют своего всю жизнь, начиная с минуты рождения до смерти. Св. Церковь так и обнимает своей церковностью всего человека и во всю жизнь, она принимает его в свои объятия тотчас по рождении, сопутствует ему по всему течению жизни и препровождает его на тот свет. И как это благотворно! Мир окружает нас с своими прелестями и духи злобы с своими кознями. Св. Церковь, всесторонне окружая нас своей церковностью и совсем закрывая ею, и дух мира отвевает от нас, и стрелы духов злобы отражает. И выходит, что ходящий по всем уставам церковности есть как в непроницаемую броню облеченный, или как под мощные крылья укрывшийся, или как в несокрушимую крепость запрятанный. Что это не пустые слова, знают те, которые проводят дни свои в смиренной покорности всему церковному, освящаемой и оживляемой искренней верою. – Спроси кто хочет их, и удостоверишься, сколь великое сие есть благодеяние. А отчуждившиеся от всего церковного что суть? Что разделый на морозе, что безоружный среди врагов, что бескровный, голый и голодный, не имеющий где главу подклонить. Прославь же Господа, столь богатую, мощную и попечительную Церковь нам устроившего, и будь всегда вседушно и с верой покорен ей, при ее материнских за тобой ухаживаниях, как за детищем.

Так слава Богу, что в Церкви всего много. И тяготиться этим нечего; да и не приходится тяготиться. Ибо судя по тому, как каждому надо бывает участвовать в церковных чинах, можно сказать, что на каждого приходится очень немногого. Помолиться по уставу Церкви, утром и вечером, перед столом и после стола, перед началом дела и по окончании его, – вот и все в иной день. В иной день, кроме того, надо бывает сходить еще в храм, чтоб или только помолиться обще со всеми, или и частную какую свою справить потребу. Много ли это? В семье в иной год и никакой не бывает потребы, ради коей следовало бы приглашать Церковь, в иной одна какая. Так на всякого вовсе немного падает церковности. Церковь же многое содержит и блудет на всякий случай, всегда готова бывая с своей помощью. То правда, что несмотря на то церковность не на глазах только бывает непрестанно у всякого, но и занимает всякого, заставляя его действовать по своему. Но как это вошло уже в порядки жизни, то для привыкших не составляет уже ничего особенного и исполняется легко, как легко дышится. Отягощение чем-либо церковным обличает тяготящегося в

отчуждении от Церкви. Заметим при сем, что хоть и малым чем иной касается церковности; но влиянием и силой Церкви, – освятительной и защитительной, пользуется полною. Только неверие и решительное отчуждение от всякой церковности делает бедного отступника голым и беззащитным.

Так видишь, как есть дело. А отступники все свое: «Много лишнего, – говорят, – случайного, произвольного; надо иное изменить, иное отменить, иное заменить новым».

Скажем на это обще: в Церкви Божией ничто не заведено без нужды. Что ни учреждено ею, учреждено в удовлетворение потребностей духовных, потребностей не придуманных, а живых, жизнью вызванных. К тому же учреждаемое учреждалось по благоизволению Господа, Главы Церкви, в духе Его, и сообразно с обетованиями. Без Господа ничто не вошло в Церковь, ни большое, ни малое; ибо она воистину есть живое тело Его, Им живущее. Поелику же так есть дело, то кто смеет говорить, как говорят отступники? Одни отступники. Они потому и говорят так, что отступники суть; и поелику так говорят, явно, что отступники суть, Сын церкви истинный никогда не скажет так.

В некотором отношении можно различать только степени нужности и важности содержимого Церковью: необходимое, полезное, утешительное; так как и потребности таких же родов бывают. В обычных наших житейских домах иное таково, что без него дом не дом, существенно необходимо, иное имеется и держится, как полезное, иное служит только к украшению дома или к удовольствию живущих; иное заведено и бережется на случай. И Церковь есть дом, – Божий дом, и все подобное, в своем лишь роде, должно быть и в ней. И есть. Есть в ней существенно необходимое, без чего Церковь – не Церковь (священство, таинства, службы, посты, благотворительные учреждения), есть такое, что принято и держится, как спасительное и душеполезное (иконы), есть такое, что утешает и услаждает чад ее (пение). Какой хозяин станет выбрасывать вещи из дома потому только, что без них дом – все же дом? Ибо для живущих в доме и приятное нужно, и без того, что служит только к украшению его, скучно жить; а полезное в то время, как потребуется от него польза, становится необходимым. Так и сущего в Церкви не следует касаться дерзкой рукой самочиния, а принимать все в том качестве, как оно заведено и держится. В ней все назидательно и питает дух верующих, имеющих очи и умеющих видеть.

Оставить, говорят, самое нужное, а другое все прочь. Но если мы станем так поступать, то что останется? Что останется в доме из всего, что видим в домах наших, если поступать с ними по такому правилу? Четыре стены, кровля, очаг, кое-какие сосуды, – и все тут. Что останется также из одежды, если подвергнуть ее переустройству по сказанному? Ничего. Клок материи, а может быть и он не удержится, потому что вместо всякой материи может служить лист травяный, или кожа животного. Можно ли ожидать, чтоб кто-либо задумал так сделать? И если б кто сделал, не сочли ль бы его все помешанным? Так и в отношении к церковному благолепию следует относиться. Вы же как? Отступники ваши оголили вас от всего церковного, а вы и рады. – Льгота, выходит, эманципация. Какая у вас там бестолковщина?!

Но какого бы качества ни было содержимое Церковью, все то от Господа есть, как я уже поминал, или прямо Господом учреждено, или Им благоизволено. Если в теле нашем ничего не деется без зависимости от головы (мозга, нервов), то тем паче надо веровать, что так есть в Церкви Божией, т.е. что в ней, яко Теле Господа, ничего не бывает без Господа, Который есть глава ее. Истинная вера всегда осязает десницу Господа во всякой церковности и принимает ее, как от Него исходящую, с смиренной и теплой покорностью, не позволяя себе дерзких замыслов об отменениях, или изменениях.

«Так, стало быть, у вас опять подзаконность? – вопят отступники. – Где же свобода христианская?» Она тут же, при этом и в этом, что называется обязательной церковностью. Свобода от подзаконности иудейской, дарованная нам о Христе Иисусе, не есть постановление нас вне всякой законности, а есть вывод из подзаконности иудейской, чтоб поставить под законность христианскую, не во внутренней только духовной жизни, но и во внешних порядках религиозной жизни. Поелику собрание верующих составляет общество

определенного духа и цели, то оно, как общество, должно быть благоустроено или скреплено и ограждено законами, и как общество определенного духа и цели, должно подлежать таким именно, а не иным законам, и законам неизменным, как неизменен должен быть его дух и наш. Вот и подзаконность неотложная! Но как общество сие есть видимое, местным и времененным условиям подлежащее, то подзаконность его, пребывая неизменной в существе, в приложении или образе исполнения может не быть одинаковой во всех местах и неизменной во все времена. Вот и свобода при подзаконности! В Церкви Божией мы и видим во все времена и эту подзаконность неизменную и эту свободу в исполнении законности, не заключенном в повсюдное и во всевременное однообразие.

В Ветхом завете не только существенное вменялось в закон, но и разнообразное того приложение до подробностей тоже было определено, как закон неотложный и неизменный. Так было необходимо; потому что Завет тот представлял руководство от внешнего к внутреннему, единому, – которому образоваться помешали бы внешние частности, если б они оставлены были на свободу, ибо тогда он, не имея внутренней основы, которая еще должна была только образоваться, оразнобразились бы до противоположности и повели к разному внутреннему. Христианство, напротив, идет от внутреннего к внешнему. В нем дан дух жизни о Христе Иисусе, и в сем духе существенная законность для общества христианского; применение же сей законности к частностям оставлено на свободу; ибо то, для чего сии частности были определены в Ветхом Завете, – образование единого внутреннего, уже имелось.

Так и было в Церкви. Она с самого сошествия Святаго Духа и начала облекаться в свое внешнее, отрещаясь мало-помалу от внешнего ветхозаветного, как видим в Деяниях и Посланиях апостольских, по всем сторонам неизбежного для христиан религиозного действования. – И облеклась.

Но как первоначально сие облачение себя внешностью было отдано в руки самой Церкви, так и после, по устроении сего облачения, оно состоит в тех же руках Церкви. Облекшись, Церковь не связала себя тем; власть ее над своей внешностью тем не пресеклась; она осталась властной в отношении к ней на все времена. Почему как первоначально вводить все имела она свободу; так и потом все, – во всех частях, – поновлять, пополнять, изменять, она может и долг имеет, по требованию обстоятельств, времени и места, по руководству живущего в ней Духа. Свободу эту св. Церковь всегда проявляла, и проявляет, и будет проявлять до скончания века.

Чтоб ты не путался в мыслях, что такое не изменяется и что может быть изменяемо, приложу примеры: чтоб быть в Церкви священству, таинствам, церковным собраниям для молитв, чтения Писаний и жертвы бескровной, быть посту, благотворительным учреждениям, – это неотложный закон. Господь, Духом Святым чрез апостолов всюду это и учреждал, как только где образовывалась Церковь. Но образ ведения сих дел и частные в отношении их порядки предоставлены были на свободу каждой Церкви. И тут не все оставалось без руководства апостолов, особенно когда верующие по неумению право удовлетворять ревность духа своего, допускали что-либо нестройное. Но свобода в сем отношении всегда оставалась за каждой Церковью. Пример очевидный представляет Церковь Коринфская. Законом только неотложным поставлялось, чтоб все вводимое было благообразно и по чину, – и чтоб оно вполне соответствовало духу веры и жизни о Христе Иисусе.

Но сия предоставленная св. Церкви свобода не есть достояние каждого сына или дщери Церкви. Наш долг повиноваться Церкви, как мы и исповедуем в символе веры словами: *Верую во едину святую, соборную и апостольскую Церковь*. Все, что есть и установлено в Церкви, есть закон для каждого из нас, пока оно есть и держится в Церкви. – Но и мы не закованы в сие, как в оковы. Когда мы обще со всеми действуем, обязаны действовать по общему уставу; а когда делаем что дома, одни, то тут и нам оставлена свобода. Молитвы и песни в Церкви читаются и поются для всех, и мы обязаны тогда объединиться в духе со всеми. Но в домашней молитве ты совершенно свободен. Для этого составлены

молитвенники; но образ употребления их тебе предоставлен. Установлены посты, указаны и способы подвижничества – бдение, уединение, труд. А образ исполнения сего оставлен на свободу, приложен только совет: с советом все твори. В образе благотворения еще более простора и свободы. Таким образом, в нашей церковной жизни дивным образом сочетана свобода с законностью, то и другое быв направлено к преспянию во внутренней жизни.

Слыши: «Уставы Церкви – закон», – не подумай, что закон сей обязателен потому, что определен общим голосом Церкви, – т.е. в том же смысле, как в житейском быту обязателен для каждого приговор общества; ибо общество властвует над частными лицами. В Церкви Божией не так. Святая Церковь – не обыкновенное человеческое общество, а есть тело, состоящее под главой – Христом Господом, Духом Святым руководимое и животворимое, и благоволением Бога Отца объемлемое. Потому все в ней, – и ей на свободу предоставленное, не есть одного человеческого происхождения, и обязательно не потому, что все решили быть так, а потому, что так благоизволил триипостасный Бог. Покорность Церкви есть покорность Богу, в той силе, прибавлю опять, в какой что установлено, т.е. иное как необходимое, другое как полезное, то как утешительное, это как благоукрасительное. Почему веруем, что исполняя все от души, мы Богу служим и Ему благоугождаем, хотя действование наше бывает лишь видимое, телесное, Бог же – Дух есть: ибо действуем с духовным настроением.

Предыдущее указание дает мне повод к следующему наведению, не бесполезному в отношении к предмету наших с тобой рассуждений. Поелику в Церкви Божией все есть по Божию изволению и поелику, исполняя то, мы службу Богуносим; то все, малое и великое должно быть исполняемо с полным благоговением, Богу приличествующим. Благоговение наше должно быть соразмеряено не с величостью или малостью делаемого, а с лицом Бога, к Коему относится. Кадит ли кто, или читает и поет, или другое что делает, коль скоро небрежно то исполняет, подлежит суду творящих дело Божие с небрежением. Равно и из присущих в Церкви, стоит ли кто, или поклоны кладет, или свечу ставит, если делает это небрежно, столько же погрешает, и тому же подлежит суду. Все сии и подобные действия не сами по себе важны, и не неотложно необходимы такие именно: на месте их могут быть всякие другие. Но коль скоро они приняты и уставлены, и коль скоро действователем к Богу относятся, то небрежничающий в них Бога презирает и оскорбляет. То же самое должно оказать и о действиях вне Церкви (дома). Коль скоро они к Богу относятся и Ему посвящаются, то должны быть совершаемы с полным благоговением, не соразмерно с своей важностью или малостью, а как подобает действовать пред всемогущим Богом, в честь и славу Его.

Не сочи ты это замечание излишним, будто оно не к делу. Нет, я нарочно его выставляю, потому что оно дает очень важные для нашего предмета наведения. Впереди, в начале письма, было замечено, что Церковь своими уставами обнимает всю жизнь человека, с рождения до смерти, и притом во всех ее проявлениях и порядках. Следовательно, нет движения и действия, где бы внимательный христианин не встретился с чем-либо церковным. Следовательно, далее, – нет движения и действия, которое не поставляло бы его перед лицом Бога, и чрез то не обязывало к действованию благоговейнейшему, как подобает действовать перед лицом Бога. Отсюда выходит, что действующий по церковному как следует, непрерывно проходит науку благоговеинства перед Богом с посвящением Ему всего, а отсюда навык – с каждым делом видимым соединять все внимание ума, все сочувствие сердца и всю ревность воли, и все сие в религиозном духе. Ходи ты теперь в сем настроении под влиянием церковных порядков, – что получишь? Получишь то, что дух благоговеинства проникнет всего тебя и вселится в тебя. А отсюда что выйдет? Выйдет то, что ты никакой многости в церковном замечать не станешь; ибо дух благоговеинства, пребывая в тебе неотходно, все объединять будет, и у тебя во внимании будет не многое, а одно. Выйдет также, что ты ни в каком последовании церковном не будешь замечать длительности, потому что никакое последование церковное не может быть столько длительно, чтоб сравняться в сем отношении с духом

благоговеинства, или превысить его, когда он неотходен и непрерывно действен. Выйдет еще и то, что ты не будешь замечать связанным себя церковной законностью, ибо тогда у тебя все будет идти изнутри, из сердца, – и ты будешь сам себе закон, или станешь таким лицом, которому закон не лежит. – Припомни теперь укор нам: «Вы облепили себя церковной внешностью (разумеется – законностью)», и смотри, есть ли какая от этого беда. Внешнее тут только внешняя оболочка неизбежная, а что составляет существо действия, то все внутренне, духовно, все идет пред лицем Бога в глубине сердца. Ходящий в сем внешнем ходит внутренне, оживляет и укрепляет дух и живет духом.

После этого, сам видишь, что если иногда в совершающем церковные последования и в участвующих в них церковность обращается в одну форму, то вина тому не в церковных порядках, а в нас. Это наша оплошность, а не неизбежная принадлежность церковности. Таковы мы, что самые назидательные и возбудительные порядки своим невниманием обращаем в бездейственные формы. То, что вчера так благотворно действовало на нас, ныне уже действует слабее, через день будет еще слабее действовать, – и так далее, пока действие сие не дойдет до нуля. И останется тогда одна форма. Так бывает и с церковностью, – так и она обращается в форму, не будучи сама в себе одной формою. Это однако ж подает повод отступникам и некоторым сочувствующим им умникам кричать: «Формализм! формализм!»

Бестолковый крик! Церковность сама в себе не есть одна форма, и в исполнителях ее, не во всех она обращается в форму. Что же кричать-то? Ведь нельзя же потому одному, что иные внешнюю церковность по своей оплошности обращают в безжизненную форму, отменить ее? Ибо без нее нам быть нельзя. Не следует и изменять ее или заменять новой, ибо какие порядки ни введи вместо их, мы и их обратим в одну форму. А что следует? Следует поставить нам самим себе законом так пользоваться церковностью, чтобы она не обращалась у нас в форму, ибо сама по себе она не есть одна форма, – и в исполнителях не во всех бывает такою. Вместо затевания об изменениях и отменах, пусть всякий позаботится стать в ряд разумных исполнителей, и делу конец. И для этого не многое требуется. Что искренняя ревность о богоугождении требуется, об этом и говорить нечего, ибо она корень всей благочестной жизни. К ней надобно придать только нехитрый и несложный прием: всякий раз приступать к церковному действованию как в первый раз, совсем забывая, – или цены никакой тому не давая, – что совершали то когда-либо, или совершали несколько раз, – т.е. приступать с тем же вниманием и благоговеинством, каким обыкновенно полна бывает душа, в первый раз приступая к священному делу. Такое правило дают св. Отцы. И оно оправдывается повседневными опытами. Спроси у благоговейников, – и они подтвердят тебе это. Опроси у тех, кои ниспадали в формализм и опять поднялись из него и востекли к живому духу благоговеинства, – и они то же скажут.

Не изволь же думать, будто, когда внешнее в Церкви учреждено и дано в закон, то этим мы закованы в пустую формальность.

Сделаю и еще одно замечание. Выше я говорил, что ветхозаветное есть руководство от внешнего к внутреннему. А вот вышло, что и новозаветное таково же. Взрослые церковностью, содержимой как закон, поддерживают и питают в себе духовную жизнь, а молодое поколение и совсем ее в себе сим путем воспитывает. Из этого выходит, что своего рода подзаконность имеет место и в новозаветной Церкви. – И не дивись сему. Неизбежно так по нашему устройству. В естественном порядке, как говорят, животное высшее, в то время как зародыш его развивается до совершенного образования его, проходит все степени предшествовавших ему живых существ. То же и в духовной жизни. Хотя род наш теперь в христианском возрасте, но из нас всякий проходит и те состояния, в каком бывал человек в предшествовавших возрастах, т.е. и мы бываем то такими, каковы были жившие до закона (детство, отрочество), то такими, каковы были подзаконные (отроки, юноши), то наконец такими, какими бывают сущие о Христе Иисусе, не по закону уже ходящие, но по духу. Потому, что мы бываем под законом церковным не укор, а похвала, – что мы идем должным порядком развития духовного и имеем все к тому потребное. Укор будет, если

кто остановится на одной законности церковной. Но и ему довольно сказать: «Подтянись немножко и воодушевись. – Спросить только можно, чего ради и после того, как развивается уже духовная жизнь, не бросают законности церковной? – Ответим главное: того ради, что духовная жизнь всегда требует оживления; церковная же наша законность вся преисполнена духовными стихиями; потому ходящий в ней всегда вдыхает в себя духовное, оживляющее. Как дыхание телесное освежает и оживляет весь организм, так и хождение в церковных порядках освежает и оживляет весь состав духовной жизни. Как кровоточивая, коснувшись края ризы Господа, привлекла целительную себе от Него силу, так всякий, делающий что-либо церковное, или участвующий в том, приемлет приток духовных стихий в оживление своего духа. Внешний чин Церкви есть риза Господа, самая же Церковь – тело Его.

Спросить еще иной может: «Если Церковь властна переменять свое внешнее, то чего ради не переменяет?» Того ради, что ей дано переменять не потому только, что она властна это делать, или не для того только, чтоб дать упражнение сей власти своей, но в таком случае, если какое-либо действие, уставом ее определяемое, перестало быть потребным, перестало назидать и питать дух. И это не по капризу неких лиц – модников, но удостоверившись, что действительно так есть и что перемена или отмена всеми желательна в видах польз духовных, а не каких-либо удобств внешних. Если же в Церкви все назидательно, требуется и удовлетворяет потребности, а не излишество составляет, то для чего отменять или переменять? Она и не отменяет, и не переменяет.

Из всего сказанного выходит: так, стало быть, не шевелись, и не затевай новизн, а живи как все жили и теперь живут по-церковному, усердно исполняя все уставы Церкви. Так делая, несомненно Богу угодишь и спасешься. А модничать станешь, – Бога прогневишь и душу свою сгубишь.

Последние три письма я направлял все к тому, чтобы убедить тебя, что поговорка ваших апостолов, будто ничего не нужно, есть пусторечие. Видишь, сколько нужно!? Все, что есть в Церкви, нужно, и ни от чего отставать не следует.

Следовало бы мне все это снова перечислить, как обыкновенно делается в заключение, но изволь сделать это сам. – И спасайся!

30. Внешнее устройство Церкви - выражение внутреннего настроения душ и ведет к возбуждению и укреплению внутреннего; существо же дела есть внутренняя жизнь, чтоб духом в Боге жить. Враг многих сбил с пути, внушая, что Богу надо служить духовно, а внешнее бросить

Не разобравши из первого твоего письма, что тебе нужно, я просил тебя написать о том пояснее. А ты опять ничего почти не сказал. Сказал слова два, но они так неопределены, что не догадаешься, какие у тебя мысли.

Пиши: «Видимое наружными глазами и все обряды и законы я обратил назад, а понимаю в обратном смысле».

Только и есть у тебя в ответ на мой вопрос. А тут все не ясно. Что значит: «обратил назад» и «понимаю в обратном смысле»?

Если под «обратил назад» ты хотел сказать, что ставишь внешние церковные чины и обряды в деле спасения не на первом месте, *не напереди*, а на втором – *позади*, то это правильно. Так и сама св. Церковь разумеет, – что все ее внешнее устройство есть только выражение внутреннего христианского настроения душ и ведет к возбуждению и укреплению сего внутреннего. Существо же дела есть внутренняя жизнь, – чтоб духом в Боге жить.

А если ты *обратил* все сие *назад* в том смысле, что все бросил, будто не нужное, то ты неправильно рассудил и сделал. Без внешнего нам нельзя оставаться в деле обращения к Богу и содевания спасения. Так мы устроены, что внутреннее наше требует своего выражения во всем, и само требует внешнего для своего возбуждения и укрепления. И

видим из истории, что как ни хотели иные быть духовными, от внешнего, однако ж, совсем отрешиться не могли, и бросив общехристианское, заводили свое. То же, вероятно, и у тебя есть или будет, если ты пошел или пойдешь этой дорогой. А это крайне неразумно и богопротивно.

Внешние чины св. Церкви в главном и существенном учреждены св. апостолами, а дополнены и в настоящий вид приведены св. Церковью чрез св. Отцев по внушению Духа Святого и руководству Господа Спасителя, Который есть глава Церкви. Таким образом, если ты все сие отверг или отвергнешь, то ты стал или станешь богооборцем, — и рассуждаешь, или будешь рассуждать не по-Божьему, и поступаешь, или будешь поступать против воли Божией.

Враг многих уже сбил с пути, внушая, что Богу надо служить духовно и что внешнее бросить надо. Справедливо, что Богу надо служить духовно; но чтобы дойти до духовного служения, надо прежде поупражняться во внешнем, и затем, достигши духовного, если кому Бог даст, поддерживать, оживлять и укреплять сие духовное необходимо опять тем же внешним. Детям где вдруг браться за духовное? Пусть прежде поучатся служить Богу внешне; а подрастут, — научатся служить Ему и духовно. Но научившись и духовно Богу служить, они не бросят и внешнего, потому что оно, подобно подкладыванию дров в печь, разогревает и разжигает внутреннее духовное. Такой и видим мы порядок в Церкви Божией. Все угодники Божии так действовали, как видим из их житий. — Хочешь подобно им спасение улучить, подражай им в сем. Содержи и исполняй все содержимое Церковью; ни на этом одном не останавливайся, а восходи выше, к духовному, и все внимание обращай на созидание духа, или на внутреннюю жизнь, — чтоб в сердце всегда быть о Богом. Если ты так поступать будешь, то это настоящее будет дело.

Что значат так же слова твои: «понимаю в обратном смысле»? Все видимое в Церкви имеет духовный смысл; но он не обратный, а настоящий, как и сама св. Церковь учит понимать все свое. Так, если ты все внешнее церковное, кроме видимости, стараешься понимать, и по внутреннему духовному его смыслу, то это доброе. Если же ты этими своими словами иное что хотел сказать, то смотри, как бы не оказалось то неодобрительным. Вот и напиши, что и как ты понимаешь. Духовный смысл всего внешнего церковного давно уже предлагается вниманию верующих, со слов богоудрных учителей наших. А самому браться за это дело не совсем безопасно. Тотчас можно запутаться и набрести на мысли богопротивные.

Ты обще сказал: «Церковные обряды и законы», — и верно все, сущее в Церкви святой, внешнее ставишь на одну линию. Если так, то ты ошибочно судишь. Надобно из всего внешнего в Церкви выделять и ставить в особый, высший всего, разряд семь божественных таинств, Господом Спасителем учрежденных для сообщения верующим божественной благодати, без коей нет спасения. В Церкви Божией слово Божие, содержащее богооткровенную истину, и божественные таинства, благодать сообщающие, суть то же что зеницы очес. И дорожи ими, как дорожишь зеницами глаз своих. Все же другие чины Церкви, хотя тоже священны и должны быть благоговейно чтимы, но не могут идти в сравнение с семью св. таинствами. Эти таинства, хотя видимы, но содержат и сообщают божественную благодать, и помимо их божественной благодати получить нельзя; следовательно, и спасение улучить. Все же другие чины Церкви только способствуют к возгреванию благодати, а сообщать ее не сообщают. — Напечатай сие в уме своем покрепче.

Так видишь, как опасно обращать назад все внешнее церковное, если ты разумеешь под «обращать назад» оставлять совсем. Оставляя то, оставил таинства; а оставивши таинства, разоришь дело спасения своего. Не рассуждай, почему так. Так благоволил устроить сам Господь Спаситель, Который не стал бы обременять нас не нужным, если бы таинства не были нужны. Напиши на сердце: кто чуждается св. таинств, тот безблагодатен, т.е. Духа Святого не имеет. А кто Духа Святого не имеет, тот не Христов. А кто не Христов, тот и не Отчъ. Видишь? Кто чуждается св. таинств, тот чужд Пресвятой Троицы. Внемли, брате. Кому же свой тот, кто для Св. Троицы чужой?!

Церковные чины и обряды ты назвал внешними, для глаз видимыми. Это не совсем правильная речь. Видимы только действия и положения молящихся и священнодействующих, место и время. Но это не составляет существа обрядов Церкви. Существо их есть совокупность молитвословий, составляющих известный чин церковный. Молитвословия же все представляют образ возношения ума и сердца нашего к Богу, какое подобает иметь при известном священнодействии. Таким образом видишь, что есть обряд церковный? Есть возбуждение и водружение в умах и сердцах молящихся и священнодействующих приличного известному случаю молитвенного возношения к Богу через ряд читаемых или поемых молитвословий при известных действиях и положениях участвующих в том. Если ты так поймешь церковные чины и обряды, то никак не можешь назвать их только внешними, для глаз видимыми, – когда существо их состоит во внутреннем к Богу молитвенном возношении. То правда, что со стороны смотря, ты видишь только внешние действия и положения совершающих обряды и участвующих в том; но ты не прав, ограничивая одним этим внешним и все твоё понимание обряда. И на человека смотря, ты видишь только тело, голову, руки, ноги и проч.; но никак не можешь сказать, что человек и есть весь только то, что видится очами. Ибо главное в нем душа, делающая его человеком. Так и в обрядах, не внешнее видимое, а внутреннее домышляемое составляет существо дела. Изволь так понимать, и свое «внешними глазами видимые обряды» брось, а говори: молитвы церковные.

Кто обрядов чуждается, тот чуждается молитв церковных; а кто молитв церковных чуждается, тот лишает себя великого обетования Господня: «Где два или три собраны во имя Мое, там и Я посреди их».

Кончай мою речь. Я сказал тебе все, что казалось нужным, судя по твоим словам. Если не попал на желание сердца твоего, то вина тому не моя. Зачем написал ты так загадочно? Если потребно еще что, пиши, но пиши просто и ясно, чтоб я видел, чего тебе хочется.

31. О саможалении и самоугодии

Пиши: «Лютейший враг саможаление не отступает от меня, устрашая, что заболею, если буду строго к себе относиться. От чего и плода никакого не вижу. Очень жалею о сем; но не знаю, какие меры принять против этого врага моего. Прошу молитв».

Саможаление – враг. Не оно, а сам ты. Ведь сам себя жалеешь; кто же виноват?! Сам себя жалеешь, сам себя и разжалей, и делу конец. А ты прикидываешься, будто саможаление пришло откуда-то со стороны, и тебя насилияет. Совсем не со стороны пришло; оно твое собственное, доморощенное чадо, или ты сам, прикидывающийся насилием и лукавящий пред собой самим, – лукавством злейшим и пагубнейшим из всех лукавств.

Грех, живущий в нас, – корень и источник всех грехов, – есть самость или самолюбие. Первозданные дщери его суть саможаление и самоугодие. Чрез первое он всегда приводит ко второму и устрояет порядок и характер жизни, противоположной богоугождению. Не подумай, что это образ жизни явно грешной. Нет! Эта жизнь исправна, только вся ведется из-за самоугодия. Саможаление и самоугодие допускают дела, относящиеся к богоугождению, но под непременным условием, чтоб они не нарушали их покоя, или и их питали. Таким образом, иной и благочестив и добродетелен, а между тем опутан самоугодием. Такие услышат на суде: *Не вем вас...* Хорошо, что ты хоть видишь в себе саможаление и готов восстать против него. А другие совсем этого не видят. К тебе и обращаю речь, чтоб воодушевить тебя на прогнание сего врага твоего.

Из твоих дальнейших слов я заключаю, что ты неважными считаешь действия, допускаемые по саможалению и самоугодию. – Тут у тебя большая ошибка. Действия такие, сами по себе, точно бывают не важны; но нельзя сказать, чтоб неважно было присутствие в душе твоей саможаления и самоугодия. Ибо что оно значит? Значит, с первого взгляда, что самоугодие у нас с тобой сильнее богоугождения, хоть мы положили угождать Богу и думаем, что делаем так. Положили мы то и то делать, созвав то нужным в

деле устроения спасительной жизни, и потому угодным Богу; и потом отказываемся от этого, не почему другому, как потому, что жаль себя, жаль от сна отнять нечто, жаль пищи немного не добрать, жаль потрудить себя, и подобное. Если б приходилось пожалеть только себя, и больше ничего! А то бывает так, что, пожалев себя, оставляем дела, какие по совести сочли нужными для себя в деле спасения. Следовательно, в этих действиях мы переходим от богоугодления и содевания спасения к самоугодию, т.е. действуем поперек того, как положили действовать. Как совесть знает о нашем решении, то сейчас же и начинает укорять нас в неверности самим себе, измене себе.

Стыдно становится пред собой, и покой внутренний пропадает. Как быть? Иной, сознав свою оплошность, тотчас восстановляет первое решение не повторствовать себе, и полагает вперед никак не поддаваться внушениям саможаления. А другой, по вялости воли, от того же саможаления заимствует самооправдание и извиняет себя то случайным разнемоганием, то разными делами, то надобностью послабить себе немного, чтоб не изнемочь. Он сам видит, как эти опоры к извинению себя хрупки, однако ж не отказывается уговаривать совесть свою не тревожиться и его не тревожить. – И вот лукавство пред самим собой, злейшее всех лукавств, корень всех наших грехопадений. – Что же совесть? – Совесть сначала постоит, а потом смежает уста свои. Ведь сам он хозяин. Что с ним поделаешь? Покоя, однако ж, она не дает. Предстоит необходимость заглушить ее голос. Чем? Отклонением внимания на внешнее, чтоб не быть у себя дома, – то есть пойти погулять, или поговорить о ком, и подобное. И пошли развлечения за развлечениями. Они принесут плод – равнодушие к делу спасения и потерю страха Божия. Авось-небось! И стал человек жить как живется, спустя рукава. Так вот видишь, как немаловажны действия поблажки самоугодию и саможалению? Почаще смотри на эти последствия и черпай из такого смотрения воодушевление против сих врагов.

Откуда берется у самоугодия такая сила, что и по решимости содевать свое спасение оно успевает склонять на дела свои? Я думаю, от того, что в первоначальном решении допущена неполнота. Оно было неполно и не совсем решительно. При образовании его имелось в виду спасение и получение Царства Небесного; а жертвы и труды требуемые для сего не были взвешены, или даже и рассмотрены. Оттого как только потребовались они, мы и храмлем. Думалось, что все легко пойдет; а оно нешло легко, как и нейдет ни у кого. Чаяли мы и Царствие получить, и покойно жить, в сласть себе, – что не совместимо. У св. подвижников и говорится всюду, что кто хочет как должно идти путем спасения, тот должен определить себя на смерть, не на какие-либо лишения ничтожные, а на лишение даже самой жизни, – чтоб стоять в начатом до положения живота. Кто так полно решается, в том саможаление подступа не имеет. Почему если хочешь не поддаваться саможалению, возвратись к началу доброго решения твоего, – дополнни недостающее в нем. Если ты поддаешься саможалению, то еще не отвергся себя. Если не отвергся себя, то еще и шагу не сделал по пути вслед Христа Господа. Только мысли и речи у тебя были об этом; а дело еще не последовало. Я разумею то, как сему делу надлежит быть внутри тебя.

Не подумай опять при сем: авось-небось, как-нибудь проплетусь. Нисколько не проплещешься, а будешь толочься на одном месте. Сам же говоришь, что успеха никакого в тебе не видишь. И не жди его, пока есть саможаление. Не случалось ли тебе видеть электрическую машину? Если видел, то, конечно, знаешь, что электричество, посредством трения возбуждаемое, собирается в медный цилиндр; и его может набраться так много, что убьет, если неосторожно прикоснуться к цилинду. Но если от цилиндра спустить медную же цепочку до земли, то электричества нисколько не соберется, хоть до поту верти колесо. Вот что есть эта цепочка, спущенная до земли, то есть самоугодие и саможаление. Сколько ни трудись, они не дадут образоваться в душе ничему духовному. Весь плод трудов они будут поедать и уничтожать.

То правда, что саможаление и самоугодие не всякого ведут прямо к видимо худой жизни, но тем не менее всю жизнь делают бесплодной. Кто страдает ими, тот ни тепл, ни

хладен, ни то ни се. А таким в Апокалипсисе угрожается совершенным отвержением, с отвращением от них и мерзением ими (Откр. 3, 15–16).

Потому изволь призадуматься над своим саможалением и поспеши сделать с ним расправу, какой оно справедливо заслуживает. Ты просишь молиться об избавлении от него. Тут ничья молитва не поможет. Самоотвержение, уничтожающее саможаление, есть исходный пункт, с которого начинается и помочь Божия, и помочь взаимной братской молитвы. А отвергнуться себя ты должен сам. За это действие затем и все дары Божии пойдут. Если же ты не представишь иной жертвы, то не жди помощи, ни свыше, ни изокрест тебя. Припомн пример, бывший в Египетской пустыне. Брат смущаем был движениями плоти. Приходит он к старцам и просит молитв. Те стали молиться, как обыкновенно делывали. Но прошло несколько времени, и брат опять приходит и просит о том же. Старцы опять обещали и молились. Но помочи опять не было. Так и в третий раз. Удивились старцы, ибо обычно помочь была посылаема по первой их молитве. Почему стали молиться уже не о помощи брату, а о том, чтоб Господь благословил открыть им, от чего неугодно Ему услышать молитву их. Господь открыл им, что виноват сам брат тем, что не противится, а поблажает нечистым движениям. – Тогда они позвали его и сказали ему, чтоб он сам в себе отсек всякую себе поблажку, тогда и помощь будет от молитвы. Брат сделал так, – и с Божией помощью за молитвы старцев освободился от страсти. – Вот и тебе мой ответ. Отсеки самоугодие – тогда помощна будет и сторонняя молитва. А пока будешь на его стороне, ниоткуда не жди помощи.

Больше я тебе ничего не скажу. Сам видишь, зачем стоит дело. Сделай же это, и дело твое пойдет благословенным Божиим порядком.

32. По поводу несчастных обстоятельств жизни. Господь нас никогда не оставляет, а только дает разные положения и состояния. Все, бывающее от Бога, бывает к существенному благу нашему

Пишишь: «Я нахожусь в несчастном положении, и считаю себя близким к погибели. Я имел небольшое состояние, но в настоящее время ничего не имею, даже дневной пищи, – и семейство мое терпит нужду и изнурение. Мне думается, что Господь нас оставил и не слушает наших молитв и прошений. И невольно приходит на мысль, что Священное Писание как будто нас обманывает... По слабости человеческой боюсь, как бы не принять смерть насильственную. Буду ли я виновен в моей крови? Потому, что я раньше прошу у Господа, чтоб Он не погубил души моей... Сам я готов бы еще терпеть, но семейство мое страждущее отбивает всякое терпение. Жена и дети малолетние из-за меня, негодного, страдают. Пусть бы Создатель меня одного наказал, а их от страдания избавил... За что страдаю? Догадываюсь, что за грехи. По торговым оборотам были неправды крупные.. которые и перечисляешь. –Или, может быть, я не умею найти своего таланта?.. И не знаю, как устроиться. Думаю пойти куда в услужение.., хоть сам имел слуг».

Я нарочно прописываю почти все твое письмо; потому что в нем сам ты отчасти уже намекаешь на то, откуда тебе следует заимствовать утешение и воодушевление к терпению и чем хоть сколько-нибудь помочь беде. Ангел-хранитель подсказывает это тебе, но, видно, что и враг не дремлет, а покушается то омрачить твой ум неправыми помышлениями, то ввергнуть в отчаяние. Почему первое мое тебе слово: перейди сознанием на добрую сторону, и ее держись, отгоняя недобрые навеяния вражии.

Было, говоришь, состояние, а теперь ничего нет, даже хлеба насущного. – Кто может сказать, что это не горестно? Крайне горестно. Но помяни Иова, – воодушевись. Ты, конечно, не столько потерял, сколько он. Тем легче тебе усвоить то, что он говорил и чувствовал: *Господь даде, Господь отъят. Якоже Господеви изволися, тако и бысть.* Восстанови же и укрепи убеждение веры, что все бывающее бывает по изволению Господа, и покорись Его решению. Положил Господь дать тебе небольшое состояние и дал. Ты пользовался им до времени и жил в довольстве. Теперь Он определил взять от тебя данное

и оставить ни при чем. Прими и это решение, как принимал первое, – благопокорливо: Господь Владыка всего. Как хочет, так и распоряжается всем. Говори же в сердце своем: «Так изволися Господеви! Буди благословенно имя Его!»

В отношении к имуществу мы у Господа приставники, а Он – хозяин. Одного к одному приставляет, другого к другому, и переменяет приставников, как находит лучшим. Был ты приставлен к немногому, а теперь отставлен. Потерпи немного. Может быть, Владыка всего приставит тебя к другому чему. Иов и все потерял, и сам стал ни к чему негож, а все не падал духом. Ты же еще на ногах и здоров, а растерялся и руки опустил. Скорее тебе следует думать, что Владыка отставил тебя от этого приставничества только на время, чтобы дать другое, нежели что Он совсем бросил тебя. Потерпи немного, – и опять получишь что либо.

Легко, скажешь, говорить: потерпи, – но как терпеть-то?! Есть надо, а нечего. С голоду умираем. Ну, это ты немного увеличиваешь свою беду. Когда общий голод, тогда, конечно, умирают с голоду; а когда кругом все в довольстве, как умереть с голоду? Проси. Никто не откажет в куске хлеба и в другом, без чего жить нельзя. Стыдно? Что делать? Смирись, когда смирил тебя Господь. Смирением расположишь других еще к большему состраданию. И кое-как устроишься. А там Господь пошлет и лучшее что.

Ты говоришь, что готов бы пойти в услуги. И прекрасно. Иди, не стыдись. А если и жена может то же сделать, еще лучше. Ни одного положения нет низкого. Низко одно – быть неисправным и в чем-либо неверным. И водовоз, и дровосек почтены и пользуются в самом деле почетом, когда как следует работают. Вот у тебя и обеспечение небольшое будет. А при этом терпеть уже не совсем будет несносно. Покажете умение служить, заслужите доверие, – получите большие поручения, и большее будете иметь обеспечение. А там, может быть, соберетесь настолько, что сможете начать опять прежние свои дела. А ты руки опустил и голову повесил, и твердишь: «Господь нас оставил, Господь нас не слушает».

Господь никогда не оставляет, а только дает разные положения и состояния и переменяет их для иных. Если бы Господь тебя оставил, то тебя уже не было бы и на свете. А как ты живешь, то значит, Господь не оставил тебя, но блюдет, как и других, – только переменил твоё состояние. Состояние это не таково, какого тебе хочется; потому мятешься. Но что мятешься? Бога не преодолеешь. Смирись лучше под крепкую руку Божию и восходи сего именно положения, Богом тебе присужденного. И успокоишься.

Конечно, тебе приходит на мысль: «Что ж другие-то все вокруг живут как обычно, только я один потерпел горькое изменение». Да что тебе до других? Им судил Бог так пребыть, как были, а тебе потерпеть изменение на худшее. Не на других смотри, а на руку Божию, изменение в твоем состоянии произведшую. Поставь себя перед Богом и не посмеешь заикнуться: «Как же другие?» Ибо совесть твоя скажет тебе, что чрез это ты вступаешь в прю с Богом, отчета у Него требуешь: «Как так поступил Он в отношении к тебе?!» И заставит тебя замолчать.

Если ты веруешь в промышление Божие, попечительное о нас, то должен веровать и в то, что у Бога всегда есть отчет, почему Он так и так распоряжается нашей участью, – и отчет сей никогда не в ущерб нашему существенному благу; только Он не всегда благоволит открывать нам, почему так бывает. Вера удостоверяет нас, что все бывающее бывает от Бога, и, как Бог все благ, бывает к существенному благу нашему. Восставь сию веру, и она осветит примрачность твоего положения, дав тебе восчувствовать, что другие оставлены так, как были, потому, что это для них благо, а тебя постигло горькое изменение, потому что это для тебя лучше. Увидь же, что ты ничем незаделен сравнительно с ними, а находишься у Бога на одной с ними линии.

И что я говорю: на одной? Ты выше их стал. Читай, что пишет св. Павел в послании к евреям: *Егоже любит Господ, наказует: биет же всякаго сына, егоже приемлет. Аще наказание терпите, яко же сыновом обретается вам Бог* (Евр. 12, 6–7). Всех любит

Господь и о всех печется. Но кого подвергает испытанию какому-нибудь, то этим показывает, что того особенно любит, в достоинство сынов своих любимых возводит.

Скажешь: «Как же это так? Любовь показывает, а больно». Что делать? В этом не Божия вины, а наша. Таковы мы, что нам любовь показать Бог не может иначе, как сделав нам больно. Больны мы всесторонне и требуем острого врачевания, которого целительность переходит к нам не иначе, как чрез больно. Бог это и делает теперь. Увидел, что если тебя оставить еще на несколько так, как был, то болезнь твоя стала бы неизлечимою. Потому приступил к тебе с врачеваниями. А врачевание это потребовало отсечения и прижигания. Вот и больно. Больной, которому отрезают иную часть, не говорит, что лекарь его оставил, а напротив, тут-то и видит, что лекарь попечительно за ним ухаживает. Так и ты видь в отсечении всего имения твоего особую о тебе Божию попечительность, а не оставление.

Тебе бы хотелось поосязательнее увидеть, почему именно такое отсечение употреблено в отношении к тебе, как заключаю из твоего вопроса: «За что это такое страдание?» Но ты же сам и ответил: «За грехи, которые и перечисляешь». Грехи не малы. Если б тебя оставить так, ты бы, конечно, и еще приложил подобных грехов побольше. Грешный твой навык и настроение укоренились бы и до того бы испортили тебя, что ты и не воздухнул бы о своей худости. Если б Господь осудил тебя на погибель, так бы и оставил тебя течь своей дорогой в пагубу. Но как любит тебя и не хочет твоей пагубы, то послал тебе горе, чтобы ты опомнился, познал грехи свои, покаялся в них и исправился. Вот для чего именно так поступил с тобой Господь. И твоя собственная совесть напомнила тебе об этом. Послушай же ее внушения, вонми Божию о тебе намерению и сделай то, чего Он от тебя требует. Пересмотри все свои неправости, осуди их, оплачь и исповедуй на духу, положив твердое намерение действовать уже всегда по чистой совести, если Богу угодно будет опять приставить тебя к прежним делам. Если так исправишь свое внутреннее настроение и приложишь еще решение удовлетворить всех онеправданных, подобно Закхею, когда будешь иметь возможность, то представишь в себе нечто достойное помилования, – и не дивно, что встретишь сие помилование. Сделав так, ты будешь готов к помилованию. Если и за тем продолжится твое горькое положение, то для того только, чтобы ты покрепче утвердился в принятых тобой добрых расположениях. Тут бывает тоже что в кузачных изделиях, – что кузнец, сделав вещь, не тотчас отдает ее в употребление, а прежде закаляет. Не дивно, что и Господь, и после твоего раскаяния, продлит твое испытание, чтобы закалить тебя в добре.

Из сказанного тебе ясно, полагаю, почему Бог не слышит, как тебе кажется, твоих молитв. Перекрестился ты раз-другой, и ждешь, что вот-вот все небо подвегнется к тебе на помощь; сам же между тем и на волос не движешься к тому, чего требует от тебя Бог в настоящих твоих обстоятельствах. Как же тебя слышать? Покайся, исповедуй грехи, положи исправить свои сердечные расположения, – и жди, как благоволит устроить тебя Бог, не предрешая того. Тогда если и придет на мысль, что Бог не слышит, все же ты хоть какое-либо основание к тому иметь будешь. Но я думаю, что такая мысль не придет уже. Ибо тогда совесть будет уверять тебя, что все еще мало терпел сравнительно с грехами, и молиться тебя заставит: «Прибавь, Господи», – чтобы совсем очиститься.

Бог не слышит? Бог все слышит и видит. Только желание твое исполнить не находит полезным для тебя. Он вверг тебя в огнь искушения, чтобы из тебя выжечь все неправое, и не погасит огня сего, пока вполне очистишься. Ты похож теперь на хлеб, посаженный в печь. Хозяйка не вынет хлеба из печи, пока не удостоверится, что он испекся; и Господь не изведет тебя из печи скорби твоей, пока не увидит, что ты прочно установился в добрых расположениях. Сиди же в сей Божией пещи и терпи.

Это все вражьи навеяния: «Бог не слышит, обетования слова Божия неверны; лучше покончить с собою». Припомни Божии обетования в слове Его и увидишь, что ни одно не осталось неисполненным, и именно так, как обетовано. Не стану перечислять их. Остановлюсь на том, которое ближе тебя касается, именно – обетовании слышать молитвы молящихся и миловать их. Всех слышал, которые просили о должном и просили, как

должно. Услышал Моисея пред морем, услышал Анну, мать Самуила, услышал Илию, услышал царя Езекию, услышал трех отроков в пещи, Даниила во рву, – и сколько других есть услышанных?! Припомн все это, и прогонишь худое помышление, будто слово Божие обманывает нас. Если не услышана бывает молитва, то вина того за нами: не так молимся, как следует, и прочих не исполняем условий услышания. Враг же подходит и влагает клевету на слово Божие, тогда как нам следует себя винить, а не слово Божие.

О том, будто лучше покончить с собой, я и говорить не буду. Нелепость этого сама собой очевидна. Конечно, ты веруешь в будущую жизнь. Рассуди же! Ты сам себя произвольно в здравом уме лишишь жизни, – и совершишь смертный грех, с которым перейдешь и в другую жизнь, не покаявшись, ибо когда тут каяться? – Почему прямо и будешь осужден в ад. Какое же это будет поправление своего положения? Убьешь себя, чтобы избыть от беды, и за то попадешь в безмерно большую беду, вечную, неизменную. Пока тут бедствуешь, можешь питать надежду на том свете за это лучшей сподобиться участи; а на том свете уж не будет такой надежды. Попадешь в ад, там и останешься. – Вот какую внушает тебе враг поправку положения твоего горького! А если будешь благодушно терпеть, то и здесь, может быть, поправишься, и на том свете милость встретишь.

Больше не имею что сказать тебе. Благодушествуй же и терпи, помня слово Господа, что претерпевый до конца спасен будет.

33. О решении оставить мир и посвятить себя на служение Господу. О духовном руководстве

Решаешься оставить мир и все житейское. – Добре! Избираемый вами путь хороший, если добре потечете, будет благоуспешен. Из некоторых ваших о себе слов заключаю, что Господь давно гонится за вами и хочет уловить вас; а вы все не поддавались. Наконец-то пришла вам мысль повинуться призыванию Его и потещи вслед Его, вся оставивши.

Божия изволения на избираемый вами путь нельзя не видеть. И слава Богу! Ведайте, однако ж, что тем паче внимать себе подобает. Ибо и враг не дремлет, и вместо пути Божия не постыдится с настойчивостью предлагать вам свои дороги, как обычно, с цветами, без терний. Смотреть надо, со страхом и трепетом спасение свое содевая. Бог не оставит, если смиленно будете искать помощи и указаний.

Намерение ваше посвятить себя на служение Господу может быть разно исполнено. Можете пойти в монастырь, можете и дома особную жизнь вести, если удобно, подобно черничкам; можете поселиться где-либо около монастыря; можете поступить в сестры милосердия. Что вам пригоже, смотрите сами. Куда больше душа лежит и к чему больше видите себя способными, на то и решайтесь! Можно перепробовать все и остановиться на том, что найдете более себе пригожим.

Желательно вам иногда относиться ко мне с вопросами. Пишите. Буду отвечать, насколько достанет практического смысла. Но мое писание будет для вас то же, что чтение книг. Руководству же, как вы его желаете, устроиться тут нет возможности. Издали что за руководство? Со мной у вас могут идти только рассуждения. А рассуждения и руководство – две разные вещи. Руководство требует: так и так сделай, и иначе поступить не смей, а рассуждение вообще рассуждает, оставляя на произвол, следовать ли ему, или не следовать. Руководитель берет на себя ответ за душу руководимую, а рассуждающий только благожелательствовать ей может.

Вот и извольте разуметь, в каком смысле будет идти моя речь. Такого же руководства, как «возьми за руки и веди» не могу обещать. На это нет у меня умения и не может быть выполняемо мной как следует по моим и вашим обстоятельствам. Извольте сами идти, а я буду расписывать вам пути и распутия. Больше этого не могу обещать.

Когда будете писать, пишите с плеча, не обдумывая. Эти обдумывания всегда почти заслоняют истину и заставляют говорить не то, что есть.

34. О молитве со смирением. О молитве церковной и домашней. Надо воспитать в себе молитву

На мое указание: «Молись со смирением», – ты отвечаешь вопросом: «Разве можно молиться без смирения?» На это тебе скажу: знал я одного человека, который говоривал: «Ты, когда идешь на молитву, проценты и пенсию идешь получать или просить милостыню?» Знал другого, который остерегал: «Смотри, как бы в молитве-то не держать себя за панибрата с Богом». И там и здесь нет смирения. И множество других есть проявлений несмиренного и вообще неисправного моления. Если ты, как говоришь, всегда со страхом и трепетом, с сердцем сокрушенным и смиренным стоишь на молитве, то и слава Богу! Великая к тебе милость Божия! Ибо такую настоящую молитву Бог дает. Благодари Еgo и проси не отнимать у тебя такого настроения в молитве.

Правило твое молитвенное, – что когда здоров и ничто не мешает, ходишь в церковь, а когда не бываешь в церкви, дома молитвословишь, как положено, или поклонами отбываешь уставный чин молитвы, – хорошо. В церкви всегда лучше молиться: там воздух молитвенный. И ты хорошо делаешь, что спешишь туда. Но уж когда нельзя, – делать нечего, дома молись. Дома можно молиться всячески, как рассудишь, – полная свобода, только б было ума и сердца возношение к Богу с славословием, благодарением и прощением. Но ты хорошо делаешь, что молитвословишь больше по молитвеннику, со вниманием и чувством, и только иногда довольствуешься одними поклонами со своими молитвенными словами. Надо прежде воспитать в себе молитву или молитвенное настроение готовыми молитвами, а потом уже и своей молитвой молиться начинать. Слово к Богу в молитве хоть не главное, но лучше когда оно боголепно; а такому слову нигде не научишься, как из готовых молитв. Всяко однако ж, когда найдет сильное молитвенное чувство и его разбивает чтение молитв, оставляй это чтение и давай простор тому чувству. Если времени нет, сократи чтение или совсем прекрати, а молись только по чувству тому с поклонами. А если чувство пройдет, а время еще есть, то продолжай опять чтение положенных молитв. Все с полной свободой, лишь бы к Богу благоговеинство сохранялось. Так все и веди дело – то чтением молитв со вниманием, то своей молитвой, когда бываешь в чувстве. Молитва твоя все будет расти и крепнуть, растепляться и разгораться.

Хотелось бы, говоришь, в затвор. Раненько, да и нужды нет. Один же живешь. Когда-когда кто зайдет. А что в церкви бываешь, это не разбивает твоего одиночества, а утверждает или дает тебе силу и дома проводить время молитвенно. По временам можно день-другой не выходить, все с Богом стараясь быть. Но это у тебя и само собой бывает. Так нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укрепится, что все будет держать тебя в сердце, пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Ибо затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит перед Богом в благоговеинстве и выходит из сердца или чем-либо заняться другим не хочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься, или целый мир впустить в свою комнату.

35. О жизни в монастыре - внешней и внутренней. Никто, кроме Господа, не может научить истинному познанию себя

Пишете: «Попробую пожить в монастыре». – Добре! Даруй вам Господи увидеть монашескую жизнь в монастыре. Извольте знать, что во всяком монастыре текут две жизни: одна обычная, житейская: ходят, говорят, бдят, пьют, спят и проч., а другая – собственно монашеская, в молитве, посте, богомыслии и борьбе со страстями проходящая. На виду только первая, а вторая не видна и намеренно скрывается, даже от своих, а не только от пришлых, какова вы. Не увидя этой, вы можете заключить: что ж это за монашество? Тут то же, что и в миру, особенно когда придется услышать крупные разговоры или увидеть что неладное. Отчего бранят монахов и монахинь? Оттого, что

видят только одну житейскую сторону их жизни, а монашеской настоящей не видят, бывая в монастырях только как посетители. Смотрите, не впасть бы и вам в такую ошибку.

Вот уж вы и подметили нечто не по вкусу вам: «У монахинь не сходит с языка враг; мало-мало что – все враг да враг. Признаюсь, это меня неприятно поражает. Да и как так? У меня разум есть; сама задумываю, сама и говорю, и делаю». – Этим вы даете знать, что не совсем верите во вмешательство нечистых сил в наши дела. Ученая! Как же верить таким нелепостям! Все ученые таковы; и не видят, как враг опутывает их еще более, чем неученых, и это не по житейской только части, но и по ученой. Ни одного ученого нет, которому враг не напустил бы в голову мыльных пузырей, которые они считают блестящими идеями или теориями. А в жизни, в чувствах и отношениях, он непрестанно ноги им подставляет в насмешку. Они же ничего этого разобрать не могут. Вот и вы такая же. Подождите. Враг не заставит вас долго ждать; скоро нагородит вам таких подсад, что свалитесь.

На этот раз я вам ничего про это не скажу, кроме того, что вам следует подумать и восстановить в себе ту истину, что несть *наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем и к миродержителям тмы века сего, духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12), – и что главнокомандующий их *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Так говорит Дух Святый устами св. апостолов. И верить надо. Верьте же, а опыт начатой вами жизни скоро удостоверит вас в этом осознательно.

Вы решили, что будете молиться, чтобы Господь дал вам определительнее увидеть, что вы такое. Предобное решение! Никто кроме Господа не может научить истинному познанию себя. Учит сему опыт, но точное понимание опытов в сем смысле подает Господь. И Ангел-хранитель, по мановению Господа, внушает, как что подметить. Трудитесь! Даруй вам Господи дойти до ясновидения, что вы слепая, расслабленная, прокаженная. Это настоящее наше состояние. Таково оно есть, а не надумывается таким; только не всякий видит то, даже и из желающих видеть. Враг закрывает, потому что это его работа, что мы таковы. Он и прячет ее, чтоб, увидевши, мы не разорили ее до основания. Туманом заволакивает он очи наши, держа нас вообще в помышлении о себе таком, что мы очень хороший народ. Нам это и на руку. Когда даст вам Господь развеять этот туман, увидите, какая вы хорошая. Начинайте приходить пред Господа в молитве, как осужденная и погибающая. Хоть это будет у вас заключением самопознания, если успеете в нем; но хорошо и наперед это приговорить о себе, чтоб давать направление самопознанию.

36. О гордости и тщеславии. Какие бывают проявления гордости

Пишете: «Говорила с духовным своим отцом и сказывала ему о себе разное. Он прямо мне сказал, что я горда и тщеславна. Я ему ответила, что я совсем не горда, но терпеть не могу приниженности и угодничества». – Отпусти, прекрасно. Вы не давайте себя им в обиду, чтоб знали, что за вас голой рукой нельзя хватать. Виши выдумали называть как, да еще в глаза? Теперь и я вам приговорю: «На что же лучше доказательства, что вы горды, как отповедь ваша? Она не плод смирения. И зачем вам поперечить такому приговору? Если он не идет к вам, беды от того нет; а если идет, вы же отклоняете его, то от этого не мало беды; потому что, не признавая за собой худа, не будете стараться исправить его, и оно засядет у вас навсегда. Лучше вам, не поперечи, положить вникать в себя хорошенъко, нет ли в самом деле в вас сего зелья крайне недоброго». Вы прошлый раз собирались молить Господа дать вам познать, что вы такое. Вот вам Господь и послал указание, а вы отворачиваетесь. Верно, вы ожидали, что Господь вам покажет, какая вы распрекрасная. Нет, этого не ожидайте. Случай сей есть прямой ответ Господа на ваше желание и моление. Извольте-ка лучше и свой к сему мановению Господню приложить труд. Начинайте вникать в себя строже. Станьте у сердца и замечайте, что оттуда выходит; потом обсуждайте, какого свойства это вышедшее. Если оно окажется гордостным хоть маломало, значит, гордость сидит в сердце и пускает оттуда такие пузырьки.

Чтоб вам удобнее было вести это необычное вам дело, пересмотрите, какие бывают проявления гордости, и помошь им уловлять себя. Какие же бывают проявления гордости, это вы узнать можете из Лествичника, именно из слов его о гордости и тщеславии, из Кассиана, из Нила Преподобного, из Православного исповедания, – там, где перечисляются порождения семи смертных грехов. Все эти книги найдете в монастыре, пока-то успеете и сами запастись ими. Заметьте получше все признаки проявления гордости и потом смотрите, бывают ли они у вас. Если хоть немногие и иногда проявляются, значит, гордость есть и надо ее искоренять. Вы писали, что когда-то желали оскорблений и унижений. Это было прямое свидетельство смирения. А тут сказали вам: «Вы горда», – вы оскорбляться, поперечить и отворачиваться от сказавшего. Такие действия не знак ли, что смирения нет: было, да испарилось, по крайней мере, на этот случай. Кто желает оскорблений, тому сколько их ни делай, все мало. Так и смиренный думает, что ему все мало унижений. Вы говорите: «Сказал бы, в чем гордость». Да ведь она бывает очень тонкая, так что чувствуется, что она есть, а определительно схватить ее мудрено. Извольте сами добраться, в чем ваша гордость. Сказавшему же вам об этом будьте благодарны, что наводит вас на самопознание. Я в прошлый раз писал вам: «Приступайте к молитве, как осужденная и погибающая». А вы в протест. У вас часто прорывается протест. Придется сказать, что вы в духе протестантка.

Скажете, что и я на вас, как и духовник. Я ни на вас, ни за вас; а только навожу вас на то, чтобы присмотрелись хорошенько к себе. Опять повторю: беды нет от того, если вам приписывается то, чего нет. А если присмотритесь и найдете, – будет благо. Сие ведайте, что все промыслительные относительно каждого лица действия к тому преимущественно направляются, чтобы в порошок стереть наше «я». То же, конечно, имеется в виду и в отношении к вам. И благодарите Господа, что Он на первых же порах вашего Ему себя посвящения такой спасительный задал вам урок. Извольте же его обсудить как следует и заучить.

37. О внимании себе. Бог судит о человеке как он есть внутри, в сердце

Поминаете об одной монахине, которая очень ревностна и к службам церковным, и к послушаниям монастырским. И дела у неё горят в руках; а она все твердит, что нерадива и ленива. «Приторно это мне показалось, – говорите. – Очевидно, тут нет искренности в словах, и слушать их неприятно». Подождите, и сами то же заговорите, когда соберетесь в себя и станете внимать себе. Вы теперь пока еще внешняя; внешнее только видите и о всем по внешнему судите. А потом все встречаемое обернется к вам другой стороной, и обо всем станете вы судить иначе, – и о себе самой также. Та монахиня ретивая, очевидно, себе внимает; внимая же себе, видит всякое, возникающее из сердца, неправое движение. Хоть она тотчас же прогоняет их, но не может считать их совсем чужими, когда они в ней происходят, а посчитав своими, и судить о себе должна по качеству их. Пусть пришло желание поесть что полакомее и побольше. Хоть она этого не сделает, но все же может искренно считать себя и лакомкой и утробой ненасытною. Пусть пришло желание одеться почище и поновей; она может искренно считать себя щеголихой и пустой мирянкой, хоть и не приобретет себе нарядного платья. Так и во всем, так и относительно нерадения и лености.

Верно, по временам, приходят ей позывы дать себе льготу или в церкви, или дома. Как такой позыв исходит из сердца, то значит, что леность не совсем еще там испарилась, или дух бодренный не всегда выдерживает она в церкви непрерывно, и он пресекается то рассеянием, то послаблением. Такое пресечение как называть, как не нерадением? Так вот когда придет ей на память целый ряд таких случаев, совесть и заставляет ее сознаться в нерадении и лености. И стало быть, когда она называет себя такой, то тут никакой нет неискренности. Припомните сказание об одном старце, великому наставнике многих, как он, сидя в келлии, бранил себя и объедалой, и соней, и праздношатайкой, и разными недобрыми называл себя именами. Слушал это ученик его и изумлялся, потому что ничего

такого за старцем его не водилось. Но он искренно мог таким почитать себя по помыслам, или по воспоминанию прошедшего. Я знаю одного человека, который называет себя сребролюбивым и скупым, хотя не бережет денег. Когда спросят его, почему он так о себе говорит, он отвечает: «Люблю иметь деньги, и когда просит кто, всегда жаль бывает дать; даешь, правда, во всегда через жаль».

Так вот как бывает во внутренней жизни. Придет время, и сами так о себе будете говорить. Бог судит о человеке, как он есть внутри, в сердце, а не как вовне. Так и внимавшие себе и Бога боящиеся о себе судят.

38. О ревности по правде не от Бога бывающей. О хранении мира душевного

«Пришла, говорите, одна монахиня словоохотливая. Разговорились, и все по ниточке перебрали бывающее в монастыре. Слушалось спокойно и как будто в сласть. Но когда я осталась одна и стала все припомнить, поднялось смущение, все росло и росло, и наконец обратилось в бурю. Я свалилась будто в лихорадке; потом заперлась и не выходила, пока не успокоилась».

И слава Богу, что успокоились. Теперь сядьте и рассудите, что это такое было? Растревожилось чувство правды, поднялась ревность по правде, и ну бушевать. Кажется, все это в порядке, как вы и думаете. А оно не в порядке. Оставляю в стороне предметы, произведшие смущение; беру самое смущение и говорю, что это враг над вами насмехается. Вы не верите в его вмешательство в наши дела, – вот вам и награда от него за это; а Господь попустил это вам, чтобы опытом научить вас истине сей. Давно-давно я встречал книжку о внутреннем мире. Там, помнится, все сводится к следующему положению: умиротворившись, блуди мир сердца, отражая без жалости все, покушающееся нарушить его, все, как бы красно оно никазалось. Припомнил я это и прописываю вам. Уж как ведь красно казалось происходившее в вас! Вы – Илия ревнитель огненный, с мечем в руке выступали на защиту законов правды. А смотрите, какой плод! Как лихорадка отрапала! Такое смущение не могло иметь хорошего источника. Бог наш есть Бог мира, и все Божие мир приносит. И ревность по правде, когда она от Бога, бывает мирна, кротка, ко всем сострадательна, даже и к тем, кои нарушают правду. Посему уразумеете, что разжигавшая вас лютость ретивая не от Бога. Враг подсел к сердцу вашему и распалил его так неестественно, что вы свалились. Это первое.

Второе, что следует вам взять в ум, вот что есть. Если бы была правда в слышанном вами, враг не стал бы распалиять вас так, потому что тогда он не на себя бы работал. Нам свойственно ратовать за правду, только разжигаться так несвойственно. Если б он разжег вас при правде, тогда вы погрешили бы только в степени распаления по ревности, а это ему не важно. Да тогда и самая правда дела не допустила бы до этого. Из этого заключить следует, что в слышанном вами нет правды. О монастырях и монастырных издавна ходит премного недобрых историй. И миряне и монахи с монахинями повторяют их, когда откроется случай, прилагая ко всякому монастырю, о каком ни зайдет речь, бывали ль в нем подобные случаи, или нет. Вот и монахиня та вам наболтала не знать что, и я, наверное, полагаю, что и сотой доли правды не было в ее речах. А вы из себя вышли, крича: «Ведь это ад, а не житье». Бывают, конечно, в монастырях случаи казистые, но все мелочь; бывают и сплывают, и толковать о том нечего.

Так извольте поверить, что слышанное вами почти все ложь, и что враг взял эту ложь, и представив вам ее в виде правды, поджег вашу ревность по правде и распалил ее до неестественной степени. Вы обмануты, призрак истины приняли за истину, и ну лютовать. Пишу это не за тем, чтоб кого-либо обвинить, а за тем, чтоб навести вас на мысль, что враг обманул и насмехался над вами, и чтоб вы от этого случая начинали, по крайней мере, вероятным считать вмешательство нечистой силы в дела наши.

Положите же себе законом всякое смущение омрачающее считать действием мрачных сил, и с первого же появления смущения преграждать ему дальнейший ход и прогонять.

Мир душевный чрез это всегда будет сохраняем, а при мире ясно будет ваше внутреннее и внешнее, и здравомысленное течение дел ваших расстраиваемо не будет.

39. О жизни монашеской. О молитвенном правиле и поклонах

Еще не успели вы получить моего ответа на прежнее письмо ваше о смущении небывалыми монастырскими неправостями, как пишете другое, в котором рисуете самую мрачную картину монашеской жизни. Подобных речей мне еще ни от кого не приходилось слышать, и удивляюсь очам вашим, которые умели увидеть все прописанное. Или правда, им ли следует удивляться, или другому чему. Вот посмотрим.

«Здесь пришла я к убеждению, что монахини народ чрезвычайно ленивый умом; от постоянного навыка исполнять телом положенные правила и число поклонов ум спит».

Если бы сами бывали на этих правилах и, бывая, держали себя в продолжение их как следует, то никак бы этого не сказали. Ибо что это за правила? Это церковные и келейные молитвословия, сопровождаемые и перемежаемые поклонами, то многими, то тремя и одним. Обычно правилами называют те молитвословия, которые совершают или все в церкви вечером после церковных служб, или каждая особо в своей келлии; но и круг дневных церковных служб сюда же следует относить, начиная с полунощницы и кончая повечерием. Извольте вы теперь взять во внимание содержание всех этих молитвословий и скажите, может ли ум, внимавший им, спать? Он может не внимать, а когда внимает, спать не может. Ибо при внимании неотразимо печатлеются в нем самые возвышенные и возбудительные созерцания о Боге и вещах божественных. Каждое молитвословие живописует Бога, в Троице покланяемаго, Творца, Вседержителя и Промыслителя, – таинство воплощения Сына Божия и устроения Им нашего спасения, образ нашего в Нем спасения, сонмы спасенных, последние дни каждого, суд и воздаяние. Можно ли спать уму при созерцании всего этого? Не только в продолжение молитвословия не заснет он, но и в продолжение всего дня при других обычных занятиях будет непрестанно бодрен и занят высокими помышлениями.

Которые не внимают, у тех не дивно, что ум спит. Но ведь это не порядок, а беспорядок в монашеской жизни; потому в укор ей относимо быть не должно. Вы всех монахинь подвели под один уровень, не только своего монастыря, но и других. По вашему монахини – такой народ, что все спят умом. Почему вы это знаете?! Молитвословия по содержанию все возбудительны, – устав велит всем внимать, – внимавшие не могут спать умом. Скорее вам следует заключить, что монахини все в сильном умовом возбуждении, чем что спят. Бывают, конечно, засыпающие или на несколько минут, или на все правило, или даже на несколько дней. Но чтобы все всегда спали, это крайне несостоятельный приговор. Вступают в обитель обычно возбужденные; в монастыре встречают они во всех порядках, особенно в молитвенных, сильную поддержку такого возбуждения. Как тут заснуть? Что временно ослабевает возбуждение, это очень обычно; а навсегда ему погаснуть нельзя. Кроме внешнего поддержания возбуждения, и внутри у них у всех есть страх Божий и совесть, которые не дадут заснуть в конец.

Разве, может быть, вы под умовой спячкой разумеете то, что они не проходили наук и вопросами их не томят своей головы? Но ведь не всем все ведать возможно. И между научниками не подряд ли бывает, что математик плохо знает или совсем не знает истории, медик небрежет о философии и подобное. Круг предметов, которыми занимается монашество и с которыми соприкасается, есть особый круг достойный изучения, – и не паче ли, чем все другие предметы. Изучаются сии предметы опытно, но усваиваются умом, который обнимает их потом и теоретически. Если монахини внимают, – а этого отрицать вообще нельзя – то непременно и изучают свой предмет, каждая в своей степени. Если изучают, то не спят умом. Ведь у них идут чтения в церкви и по келлиям, бывают и взаимные беседы частные; в иных обителях нарочно собираются особо от церковных собраний где-либо, собственно для чтения назидательного и бесед. Всем этим каждая и

набирается ума. Опыты противные сему, если вы на них укажете, суть уклонения от правого пути и порядка, и следовательно, только исключения, а не общая черта.

Вы полагаете, что монахини телесно исполняют свои правила. Что же это телесно? Одни читают и поют, другие кладут поклоны, и все собраны в одно место и обращены в одну сторону – к св. иконам. Но ведь все это не вполне телесно, а разве на половину. Слово телесно ли? Оно только телесным органом произносится, и ухом телесным приемляется, а само телесно ли? Таково же и пение. Как правила все почти исполняются словами и пением, то вообще об исполнении правил совсем нерезонно говорить, что это делается телесно. Говорю это только, смотря на видимую сторону дела, на которую и вы, смотря, сделали свое премудрое заключение. Но если приложить, что читающие, и поющие, и слушающие чтение и пение заняты не чтением и пением, а паче тем, что содержит читаемое и поемое; то в таком исполнении правила ничего уже не останется телесного. А когда и в смотрении на св. иконы, и в делании поклонов мы прозрим, как и следует, созерцания божественных вещей и движения сильных благочестивых чувств; то должны будем согласиться, что исполнение правила все вполне духовно, хоть имеет свою видимую сторону, без чего нам обойтись нет возможности. Привыкать к правилам точно привыкают, привыкают и к самому образу их исполнения; но вместе с тем привыкают и к святым движениям ума и чувства под действием их, и следовательно, привычка к правилам не отелесает, а одуховляет, и ума не усыпляет, а приучает к бодренностии трезвеннои и живой.

По вашему и поклоны наводят спячку на ум. Вот если вы помиритесь с монастырской жизнью и останетесь в обители, то сами станете класть поклоны, и тогда на деле испытаете, какое возбудительное действие имеют они на душу и ум.

Поклоны возбуждают энергию духа, и дух, возбужденный иным путем, требует поклонов. Они всегда состоят во взаимодействии. Почему у св. Отцев между правилами воспитания духовной жизни стоит и множество поклонов каждого дня. Многие и все правила молитвословия исполняют посредством поклонов, следуя указаниям, положенным в следованной нашей Псалтири. Вы, я полагаю, ведь не настолько недалеки в церковно-молитвенных действиях, чтобы дело поклонов ограничивать одним наклонением головы и тела. Если ж вы не знали, что такое поклоны, то знайте, что они суть прямые следствия возбуждения благоговейных мыслей и чувств, и сами в свою очередь возбуждают такие же мысли и чувства и должны быть причислены к способам воспитания духа, – не бессильным.

Да вы сами имеете ведь какое-либо молитвенное правило и исполняете его? Как же исполняете? Тоже стоите перед иконами, читаете молитвы по молитвеннику и кладете поклоны? Так вот чувствуете ли при сем, что ваш ум усыпляется? Если не чувствуете, то за чем иначе судите о других? Если о других судите так, то даете право и другим судить о вас, что вы телом только исполняете правило, а ум ваш спит. Можете против этого подумать: «Как можно? Я ученая». На это вам скажут, что ученость – совсем другая область от духовной жизни. Ученая еще непробуднее может спать на правиле, чем простая.

40. Принимая без разбора мысли о других легко попасть в сети врага. О внутренней борьбе. О вмешательстве врага в наши внутренние и внешние дела. О роящихся внутри нас помыслах. О монашеской жизни. Главная цель монашества - жить всегда в Боге. О духовном назидании

Вы продолжаете: «Ум у монахинь спит; оттого не умея дать отпора всякой дребедени, они, считая ее наваждением врага, сильнейшего их, без борьбы подчиняются ей». – То вы касались внешних порядков благочестной монастырской жизни и криво толковали их, а теперь касаетесь внутренней стороны жизни инокинь, но и ее изображаете тоже неточно. То, что вы говорите, совершенно предположительно. Почему знаете вы, что происходит в душе монахинь? А не зная, утверждая же, что там то и то бывает, вы свои догадки выставляете как действительность. Думается вам так, показалось так; вы и говорите, что так

есть. Свои думания вы не подвергали разбору и приняли их сразу. Это то же, что без борьбы подчинились им, и следовательно, подпали тому же, что в монахинях осуждаете. Если теперь догадки о других, истине не отвечающие, суть клевета (*diabolh*), а клевета всякая от диавола есть, то вы попали в сети врага, несмотря на то, что ум ваш не спит, как вам думается. Не спит, а не умел дать отпора дребедени, насевянной врагом. Не только не умел, даже и не брался за это дело; не брался, оттого что не заметил; не заметил, оттого что не верит во вмешательство врага в дела свои. Под кровом этого неверия враг подошел к уму вашему и населял в него дрянных мыслей. Это вам вторая награда за неверие в козни врага.

Вы полагаете, что монахини не борются с помыслами и что бы ни пришло на ум, подчиняются тому. Судя по сказанному пред сим я могу заключить, что это вы полагаете, судя по себе. Подождите; вступите сами в борьбу и перестанете так думать. А наперед примите на веру, что ни одна монахиня не бывает без борьбы. Всякая борется, как только заметит что неправое и смущающее – борется с мыслями, борется с желаниями, борется с разными движениями чувства при непрерывных столкновениях с другими. Вступающие в обитель проходят предварительную сильную борьбу перед вступлением в нее. Вступают они возбужденными в духе на добро с решимостью ратовать за него. И ратуют, внимая себе. Иногда побеждают они, иногда побеждаемы бывают, наиболее потому, что не заметят козней врага, который умеет их искусно прикрывать. Так есть; и вы совсем неверно смотрите на монахинь. Бывают и такие, как вы пишете; но это исключение, а вообще так говорить нельзя.

Что они всякий худой помысл и всякое другое худое движение, внутри происходящее, производят от врага, – в этом нет ошибки. Так есть на самом деле. Вмешательство врага в наши внутренние и внешние дела шире и многообъятнее, нежели как думается вообще даже и без особых ограничений признающими его. И Писание святое этому учит, и опыты святых подтверждают. Вообще у христиан *братья не есть к плоти и крови, но к духам злобы* (Евр. 6, 12); а в монашествующих она ожесточается до крайности. Так не монахини, рассуждающие сообразно с сим, достойны укора, а вы, судящие противно сему.

Извольте принять и содержать следующие положения св. Отцев: в сумме роящихся внутри нас помыслов есть ангельские, есть человеческие и есть бесовские. Человеческие помыслы, когда думают о вещах, как они есть по естеству, например, о золоте как золоте, его виде, свойствах, добывании и подобное. Ангельские, когда при сем приводят добрые наведения, к добру располагающие, например, прославление Творца при взгляде на золото. Бесовские, когда порождаются наведения страстные, на зло ведущие, например, при взгляде на золото мысль повеселиться на него и подобное. К бесовским же должно отнести премножество мыслей пустых, праздных и кажущихся добрыми, но могущих привести не к добру, особенно когда они рождаются во время добрых занятий, – во время молитвы и чтения душеполезного и подобное, и отвлекают от них. Примите это за начала и по ним начинайте обсуждать свое внутреннее. Я же приложу только: посудите теперь вы, все мыслимое вами относящие к своему уму, сколько бесовских помыслов вы лелеете, и не просто лелеете, но и ратуете за них, как за самые верные взгляды. Пример не далеко, – ваше суждение о монахинях навеяно врагом.

Не удовольствовались вы сказанным, – подрисовываете и еще свою излюбленную картинку; «безграмотность и неестественная жизнь, – труд телесный непосильный, питание скучное и плохое, жизни умственной никакой, духовного назидания нет».

Ни одного приговора тут нет верного. Безграмотных ныне вы почти не встретите. Многие и поступают в монастырь уже грамотными, другие в монастыре скоро выучиваются читать, и уж разве какая-какая остается безграмотною. Но безграмотные не лишены добрых плодов грамотности, слушая читаемое в церкви и в келлиях грамотными. К тому же грамотность вообще есть средство. Ставить ее в существенные отличия не приходится. И безграмотность может все иметь, что нужно для спасения, если имеет веру и смысленно действует по вере; и грамотность одна ничего существенно доброго не дает. У вас ученых

безграмотность то же, что проказа, а грамотность – нечто священное. Это вашей касты грубый предрассудок.

Неестественной жизнью что вы называете? Если монашество вообще, то это еретическая мысль. Монашество естественно, ибо прямо требуется пробужденным в нас духом нашим; существо же веры Христовой дает ему настоящий строй, направление и дух. Извольте заучить сии положения. Когда установитесь в монашестве, тогда осаждете, как сие есть истинно. – Если же неестественностью называете то, что вслед за сим говорится, то являете ошибочное суждение, происходящее от грубого неведения дела монашества.

Телесный труд – хорошее дело; плохое и скучное питание под масть монашеству: хлеб да вода мудрых еда. Да и что тут можно видеть неестественного?! Постничество и труд – средства монашеские. Судить об их уместности или неуместности надо по их приспособленности или неприспособленности к цели. Если цель монашества естественна, постничество же и труд пособствуют достижению сей цели, то и они естественны. Цель монашества какая? Та, чтобы быть всегда с Богом, что и есть единое на потребу. Быть с Богом мешает, не менее другого многоного, пространное питание и покоение тела. Тогда тело дебелеет и, как тяжелая гиря, тянет к земле. А когда его плохо питают и томят трудом, тогда оно утончается и дает духу свободу возноситься горе к Богу и с Ним пребывать неотлучно. Видите, как труд и плохое питание стоят в монашестве на своем месте? Извольте же бросить ту пустую мысль, будто они неестественны.

«Жизни умственной и деятельной никакой». – Что ум у монахинь не спит, об этом была речь. Он у них занят своего рода предметами. Здесь вы, кажется, разумеете научность. Как наук монахини не проходили, то и предметами научными теперь не занимаются, не читают о том и не думают. Это совершенная правда. Даже и проходившие науки бросают их в сторону. Но это не значит, что у них деятельности умовой нет. Есть, только обращена не на научные предметы. Если стать взвешивать, какие предметы выше и ценнее, то преимущество, бесспорно, окажется на стороне тех, коими занимают ум своей монахини. Одно укажу, – эти предметы вечны и к вечному спасению ведут, а научные предметы временны и вместе с временем совсем исчезнут, спасению же могут только не мешать, – и если способствовать, то очень косвенно и притом под условием полного и беспрекословного подчинения первым.

Под жизнью деятельной, верно, вы разумеете хлопотливую жизнь по семейству, по торговым предприятиям, по делам службы гражданской и военной, по мастерствам и искусствам. Такой хлопотливой жизни, как в миру, у монахинь, конечно, нет; но тем не менее есть жизнь деятельная, только своего рода, как и умовая. Даже скажу, что она по предметам схожа с мирскою. И тут есть деятельность такая же, какая бывает в семье, потому что монастырь есть семья родных по духу сестер. Сюда относятся труды по изготовлению пищи, пития, по мытью, соблюдению чистоты и охране и подобное. Есть деятельность и такая, как у мастеров мирских и художников; это шитье, вязание, ткачество, разного рода вышивание, рисование. Все это в совокупности составляет то, что выше вы назвали трудом телесным. Мимоходом спрошу вас, как же это у вас выходит: «труд телесный, непосильный даже, и деятельности никакой»? Но полагаю, что вы разумели деятельность самоначинательную, т.е. нет такой деятельности, чтоб каждая сама предпринимала, начинала, продолжала и кончала, как ее душе угодно. Деятельность идет, но все по приказу и указу, а не самоначинательно. Это так, и этим существенно отличается деятельная жизнь монастырская от подобной же деятельности мирской. Но в этом не невыгодная, а выгодная сторона деятельности монахинь по приспособленности ее к главной цели монашества – жить всегда в Боге. Главнейший враг жизни в Боге есть многозаботливость, а многозаботливость есть рычаг, приводящий в движение самоначинательную мирскую деятельность. С утра до ночи темной каждый день гоняет она мирских предпринимателей от одного дела к другому и на минуту не дает покоя. Некогда им обратиться к Богу и побить с Ним в молитвенном к Нему возношении. Эта многозаботливость у монахинь места не имеет. Понимающие дело затем и в монастыре

вступают, чтоб избавиться от сей мучительницы. И избавляются. Вступающая в обитель отдает себя в работу обители, а обитель дает ей кровь, пищу, одежду и всякую защиту. Как эта сторона совершенно обеспечена, то многопомощительной заботливости места нет; она и отходит. По отпадении же ее ум и сердце остаются совершенно свободными и никакой помехи не имеют в том, чтоб пребывать в Боге и Богом услаждаться. Те, которые с разумом ведут свое дело монашества, скоро и преуспевают в этом, и устанавливаются у своей цели. Затем остается только блюсти сие сокровище. И блoudут. Каждая инокиня имеет свой урок сделать в сутки то и то. Как эти работы привычные, то не требуют особого внимания. И бывает, что руки работают, а ум с Богом беседует и питает тем сердце. Такую норму внутреннего строя прописал еще св. Антоний Великий. Так видите, что и у монахинь есть деятельная жизнь, – похожая на деятельность мирянок; только нет у них при сем многозаботливости, грызущей мирянок, свобода от которой по порядкам монастырской жизни и дает им способ быть у своей цели или пребывать неотходно с Богом и в Боге.

Вы слишком много даете цены душевной деятельности, то есть знательной, предпринимательной и художественной, и особенно знательной. Но ведайте, что для духовной жизни, какую проводить берутся монахини, развитие душевной стороны совсем не требуется. Духовная спасительная жизнь зачинается и развивается независимо от душевного развития. Отсутствие последнего никакого ущерба не причиняет первой и достоинства ее не умаляет. Душевность вся, и в самом лучшем ее виде, цену получает только тогда, когда вполне подчиняется духовности, сама же по себе ничто для вечности. В будущем веке все будет духовно, душевное же все отпадет и здесь останется, как временное. И видим, какие светлые личности выходят из простых монахинь, когда он возьмутся за дело как следует! Нам с вами труднее так успеть, как они. Ибо у нас душа слишком тучна. Когда-то успеем мы переделать ее и утончить; а у них она готова, и они действием духа вдруг делают из ней, что находят потребным. Ваше положение для цели, вами избранной, гораздо хуже, чем положение монастырок, которых вы дурно понимаете.

Что касается до того, будто духовного назидания нет, то потрудитесь вновь прочитать, что я писал против ум *спит* у монахинь. Прибавлю здесь, что монахини внимательные, и сами того не замечая, преуспевают в духовном назидании. Для душевного знания надо много читать; для духа довольно одного текста Писания на целый день, а иногда и не на один. Внимательные монахини, внимая чтению Псалтири, Евангелия, Апостола и другим положенным чтениям и службам, как дар от Господа получают то, что один, или два, или более текста прильнут к сердцу и займут собой все сознание сладостно и начнут испускать из себя лучи ведения духовного. Получающие это не отрывают уже от них внимания, и все более и более развиваются мысли их, пытаются ими и насыщаются. Вот и непрерывная цепь назидания во весь день. Назидания, полученные сим путем не забываются, ибо не памятью заучаются, а сердцем приемлются. Так идет из дня в день. Духовное назидание множится, и ведение духовное растет, крепнет и приобретает все более и более полноты, пока достигнет цельности, все объемлющей. Многие монахини, и из простых, обладают сим достоинством, хотя не трубят о нем. Суждение наше о сем деле весьма неправо. Хотел бы приписать: «Сознайтесь, но вы не можете этого сделать». После сами увидите.

Заключаете вы свою рецензию так: «В самой жизни монастырской не вижу ничего отрадного для духа. Зависть, злоба, ложь и деспотизм – вот главные двигатели этой замкнутой жизни; любви к ближнему никакой». – Какие ужасы! Волос дыбом становится. Вы точно в ад попали. И это еще на первых порах. Что дальше-то будет? Увы, бедненькая! Но я не берусь жалеть о вас, а напротив приговариваю: «Поделом! За кривотолк». Из предыдущих ваших суждений ни одно не оказалось правым. А это из неправых неправейшее есть. Тут одно только можно не отрицать, именно то, что вы ничего отрадного не видите. Но вина этому не монастырская жизнь, а ваше неведение. Не видите, потому что очей не имеете, которые бы исправно видели. Зависть, злоба, ложь бывают у иных, немногих, но не как постоянные качества, а как случайности: бывают и сплываются. А вы всех и навсегда заклеймили этими качествами. Уж это болезнь ученых все обобщать.

Заметили вы за одной и двумя или слышала о них нечто подобное, и тотчас решаете: «Все и всегда таковы. Любви к ближнему нет никакой». – Обитель есть общество сестер. И они не напрасно носят это название, а действительно любят друг друга родственно, не плотской, а духовной родственностью. Бывают иногда разлады; но разладят и опять сладят. И к посторонним питают любовь, деятельно же являют ее по мере возможности, ибо сами скучны и работают на монастырь. Помощь нуждающимся лежит на монастыре; и он исполняет это, сколько сил достает. У нас почти нет богатых обителей. Одна-две, и обчелся. Достаточных довольно есть; но столько же, если не более, и бедных. По этому и судить надо об их благотворительности. А вы ни на что смотреть не хотите и порешили: «Любви нет».

А деспотизм что? – Это вы снаружи смотря, видите деспотизм; а внутри никто его не видит. Потому что все с тем и в обитель поступают, чтоб не иметь своей воли и делать что прикажут, не рассуждая, для чего и почему. Как с этим условием поступали, то и не видят ничего неправого в том, что никому не дается жить по своей воле. В этом основа не монастырской только, но вообще духовной жизни. Отсечение своей воли и своего ума есть условие к преспянию в духовной жизни. Жизни сей нельзя развернуться, пока в силе я. Жизнь монастырская вся и направлена к тому, чтобы стереть в порошок этот кремневый камень. И кто охотнее подвергает себя этому трению, тот скорее и успевает в духовной жизни. Вы судите по-мирски, где *не тронь меня* составляет коренной закон жизни. Что в миру главное, тому противоположное должно быть главным в монашеской жизни. Вы еще мирянка в духе. И хотите, чтоб монастырь дышал по-мирски, чтоб вам просторнее было там дышать. Но ведь этому сбыться нельзя. Потому собирайтесь довольствоваться тем, что противоположно миру и, следовательно, вам не по сердцу.

Разгорелся ваш дух мирской и вы даете знать: «Я немало в миру терпела, но все претерпенное мной легче креста монастырской жизни; самое нахождение мое в монастыре есть лютый крест». – Это вы сказали не понимая дела; а больше, думаю, потому, что враг вас смущает и отвращает сердце ваше от монастырей, не желая расстаться с вами. Надо вам идти наперекор сему и понудить себя дойти до теплого расположения к монастырям, – к монастырям, как они есть, а не к идеалам их. Поставьте это себе целью и подвигом при начале изменения вашей жизни. Без этого дело ваше не будет спеться. Судя по искренности, с которой вы о всем говорите, гадаю, что вы также искренно будете говорить о монастыре и монашестве противоположное тому, что сказали теперь. По мере того, как будете втягиваться в сию жизнь и опытно входить в суть ее, высказанные вами суждения будут отпадать одно за другим. Сего желаю вам от всей души.

41. О перенесенном искушении. Враг есть в существе своем мрак и смятение, поэтому тревоги и смятения сопровождают его, кого бы он ни коснулся. Искушения не бывают без Божия попущения

Пишете: «Всячески стараюсь помириться с монастырской жизнью, и если не устроюсь жить в монастыре, то пристроюсь как-нибудь к монастырю и буду жить близ его, чтоб всегда бывать на церковных службах». Затем прибавляете: «Я перенесла непонятное смущение, – и страх, и скорбь, и буря помышлений довольно долго мучили меня. Я почти молиться не могла, однако ж молилась. Господь помиловал, возвратил покой и с утешениями. Слава Богу о всем».

О том, как вы устроитесь, пока лучше не гадать. Говорите себе: «Пусть будет, как Бог устроит, – и ждите. Господь устроит, как не чаете. Но как ни устроится ваша жизнь, в монастыре ли, или близ его, – и в том и в другом порядке жизни путь ко спасению не загорожен, и восхождение к высшим духовным совершенствам не пресечено. Дело все внутри, а внешнее есть только приспособление к внутреннему. Да созиждет Господь дух ваш как должно! Тогда внешнее, где бы вы ни жили, подстроится к тому само собой».

В тревогах и томлениях, какие вы перенесли, нечего более делать, как терпеть и к Богу припадать, прося Его помочи и заступления. Вы справедливо назвали сии состояния непонятными, потому что не видно причин, которые могли бы навеять их. Но потому же самому не ошибитесь, если отнесете их к врагу, который есть в существе своем мрак и смятение; почему тревоги и смущения сопровождают его, кого бы он ни коснулся. Однако ж и то держите в мысли, что ничто такое не бывает без Божия попущения. Или наказывает Господь за что-либо, – наипаче за превозношение и осуждение, или учит, чтоб, когда бывает на душе спокойно, не думали, что наше взяло, и нам нечего уж беспокоиться: можно жить и спустя рукава. Вот и учитесь смирять себя, никого не осуждать и всегда держать ухо остро, со страхом и опасливостью содевая свое спасение.

Послал Господь радость; благодарите Его вседушно, а по сторонам посматривайте, не тащит ли враг с какой-либо стороны опять бремя на плечи ваши. Утешение посыпает Господь не во всегдашнее владение, а чтоб только внушить нам: когда нападет скорбь и туга, не падайте духом, воодушевляясь надеждой, что они скоро пройдут. А скорби позволяет нападать, чтоб не зазнались и не стали думать, что и на земле можно жить покойно, не заходя надеждами за пределы ее.

Выбросьте из головы достижение покоя. Не земной он житель, а небесный. На землю заходит он мимоходом. Мирное состояние сердца – благодать Божия. Когда есть, благодарите Бога; но не присвойте его себе, как окончательно установленное и утвердившееся состояние. Держа себя так, не будете глубоко смущаться, и когда отойдет он, Богу предайте себя и принимайте с благодарностью все, что Он благоволит послать.

42. О памяти Божией и должном держании себя в отношении к Господу. О домашней молитве. О сердечном обращении к Господу

Пишете: «Все монахини ко мне суровы и так дико смотрят, говорить с ними не хочу». – Если они и действительно суровы, а не кажутся лишь вам такими, то и это по делом. Как вы их отчестили?! Если б только они это узнали, досталось бы вам. Извольте теперь заглаждать свою вину по крайней мере благодушным перенесением их суровости, хотя, как я уверен, тоже кажущейся. Приложу к сему: имейте всегда в намерении одно – держать себя в сердце к Господу так, как следует, а на то, что вне, не обращайте большого внимания. Когда память Божия есть, сознание предстоит перед Господом со страхом и благоговеинством и припадает к Нему в полной преданности Его святой воле, – се норма должного держания себя в отношении к Господу. Когда так есть, тогда другие пусть как хотят к вам относятся. Вы только не подавайте им повода, и все пойдет у вас в себе добре и предобре. Что не заметите в них, – все предавайте Господу, не принимая на себя никакой о том заботы, право ли то или неправо, будет ли сопровождаться какими-либо для вас последствиями или не будет.

Вы постановили приговор: «Суровы; говорить с ними не хочу». – Не так, а сами не заводите речей ни с кем; когда же из них заведет какая, говорите поскромнее, посердечнее и покороче. Поставьте себе это законом и действуйте так; но не в виде какого-то отмщения за суровость, а потому что этим убережетесь от многих искушений, особенно словоохотливости пустой и безразборной.

У вас страсть обобщать. Увидели одну-другую суровую, – ну все суровы и сердиты, съесть хотят. А им и дела до вас нет; каждая занята своим. Учитесь не расширять, а суживать свои наведения, чтоб не быть неправым судией. И в настоящем случае суровость одной-двух объясняйте какою-либо случайностью.

Прибавляете: «А тут горе; ноги разболелись, ни в церковь не могу ходить, ни дома стоять на молитве, и кажусь себе большой ленивицей». Когда в церковь не можете ходить, молитесь дома. Если дома не можете стоять на молитве, молитесь сидя. И даже лежа можете исполнять все положенные службы.

Исполняя их, читайте положенное в молитвенниках со всем вниманием, пониманием и чувством. Если не можете всего вычитывать, заменяйте недочитанное Иисусовой молитвой,

трезвенно и благоговейно совершающей. Можете и всякую службу всю заменять сей молитвой, как указано в Следованной Псалтири. Конечно, лучше бы потрудить тело молитвенным трудом; но что же делать, когда не дает болезнь? Чтоб совесть не тревожила укорами в лености, определите длительность всякой службы часами; например: за заутреню пробыть в молитвенном занятии часа полтора; за вечерню с повечерием – час; за часы с обедницей тоже час. И затем положенное время все иждивайте на сознательное моление к Господу, Владычице Богоордице, Ангелу-хранителю, и святым. Моление же совершайте или положенными молитвами, или молитвой Иисусовой, – или попеременно то тем, то другим, об одном заботясь, чтоб быть в молитвенном настроении и сознанием не отходить от Господа и не упускать благоговеинства к Нему полного. Если так усердно потрудите душу свою в молитвенном занятии, то совесть не станет уже укорять вас в лености.

Для Господа не сами по себе дороги стояние на молитве, вычитывание молитв и поклоны; а то дорого, когда при сем держится сердечное к Нему обращение с преданностью в волю Его и с неким болезнанием, знаменующим сердечное сокрушение. Так озабочьтесь быть настроенными, в церкви ли вы, или дома, стойте, или сидите. И ходя, и лежа также надо держать себя.

43. О терпеливом перенесении болезни. О стяжании навыка ходить пред Богом. О навыке молитвенном. Как низойти умом в сердце и там стоять вниманием. О совершении молитвенного правила

Вы все болеете. – Верно, это для вас потребно. Терпите и благодарите Господа. Вы загадываете в затвор. Вот вам и затвор! Сидите и вопите: «Господи, помилуй!»

Как сношений с людьми нет, то в чем у вас теперь будет исполнение воли Божией? Ни в чем, как в должном настроении вашего внутреннего. А это в чем? В непрестанной памяти Божией со страхом и благоговеинством, и в памяти смертной. Навык ходить пред Богом, или в памятовании о Боге, есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно следовало бы быть в духе нашем, созданном по образу Божию; но нет его по причине отпадения нашего от Бога. Вследствие сего предлежит труд в стяжании навыка ходить пред Богом. Он состоит существенно в напряжении стоять сознанием перед лицем Бога вездесущего; но поддерживается и другими побочными деланиями, входящими в состав духовной жизни. Но и здесь труд: в том, чтоб направлять сии делания к означенной цели. Сюда должно направлять и чтение, и размышление, и молитву, и все занятия и сношения так вести, чтоб они не мешали и не расстраивали памяти Божией. И то надо к сему приспособить, где стоять сознанием или вниманием.

Ум в голове, и умовые люди (научники) все в голове живут. Живут в голове и страдают непрестанным бурлением мыслей. Это бурление не дает вниманию стоять на едином. Не может ум стоять и на едином помышлении о Боге, пока он в голове. Все отбегает и отбегает. На этом основании желающим установиться в едином помышлении о Боге заповедуется оставить голову и низойти умом своим в сердце, и там стоять вниманием неисходно. Только тогда, как ум сочетается с сердцем, должно ожидать успеха в памяти Божией. Извольте теперь поставить себе целью достижение сего, и начинайте движение к сей цели. Не думайте, что это труд непосильный; но и того не думайте, что это так легко, что стоит только захотеть, как и дело тут.

Вы исполняете все церковные службы дома. – Се добре! Но ведайте, что это есть только преддверие молитвы. Это отвечает тому, как учащийся какому-нибудь языку заучивает разговоры на том языке. И молитвенный язык есть особый язык. Ему учимся из книг, содержащих молитвословия, кои суть беседы (разговоры) души с Богом невидимым. Как учащийся языку, дошедши до того, что может свободно на нем объясняться, отлагает разговоры и совсем забывает их, так и прилежащему молитве надо целью впереди иметь достигнуть навыка – своими словами, без молитвенника, вести беседу к Богу. Это и бывает,

когда душа преисполнится молитвенными помышлениями и чувствами, набранными из готовых молитвенных книг.

Поставьте же и себе это именно целью. Ведайте однако ж, что обогащение души такими сокровищами, т.е. молитвенными помышлениями и чувствами, приобретается не одним вычитыванием и выслушиванием церковных служб и молитв, для домашнего употребления назначенных. Надо при этом читаемое и слышимое обдумывать и прочувствовать. Для сего назначьте себе какой час, — вне молитвенного правила; берите молитвенник и читайте, — читайте и обдумывайте положенные молитвы и доводите изложенные там помышления до чувства. Когда станете потом совершать молитвенное правило, все те чувства тотчас возобновятся у вас в душе, и молитва ваша будет в своем чине. Сделайте так со всем, что входит в состав молитвенника, и все там содержащееся проведите через ясное понимание и теплое чувство. Затем по сему образцу вам не трудно будет с ясным пониманием и чувством выслушивать и церковные службы. Если же что окажется затруднительным, можете в свободное от служб время брать к себе церковные книги, — и сделать в отношении к ним то же, что и к домашнему молитвеннику.

Это первый прием к тому, чтобы привлечь ум к сердцу, именно чрез сочувствие читаемым и слушаемым молитвам, ибо чувства сердца обычно властвуют над умом. Второй прием есть следующий: когда совершаете свое домашнее правило, вставляйте в промежутки между читаемыми молитвами и свои молитвы, какие породятся действием тех молитв. Если вы исполните, как должно, первый прием, то ваше молитвословие все будет идти с чувствами. Чувства сии будут изменяться соответственно содержанию молитв. Речь моя не об этих чувствах, а об таких из них, которые захватят все сознание и сердце и свяжут душу, не давая ей свободно продолжать чтение, а все отвлекая внимание ее на себя. Это особые чувства; и они как только рождаются, порождают в душе и свои молитвы по роду своему. Этих порождающихся в сердце особых чувств и молитв никогда не надо пресекать дальнейшим чтением, а остановив чтение, давать им свободу излиться, пока совсем изольются, и чувство станет ровно с обычными молитвенными чувствами. Этот прием сильнее первого и скорее сведет ум в сердце. Но действовать он может только после первого приема, или совместно с ним.

Но к нему надо иметь наготове еще некоторый дополнительный прием, или подприем. Если совершать свое молитвенное правило, или какую церковную службу дома, по указанному способу, то может случиться, что небольшое правило, как например, молитвы на сон грядущим, и небольшая служба, как вечерня с повечерием, продлятся очень долго. Но одно помышление об этой длительности может или по причине лености, или иногда по каким делам (марфинским) заставлять если не спешить, то не растягивать своего молитвословия показанными вставками. А это совсем не даст и начало положить указанному приему, а не только довести его до совершенства чем причинится большой ущерб преспянию в духовной жизни. Чтобы от этого не пострадать, надобно длительность своего молитвословия определить, как я уже писал вам, не количеством молитв, которые следует прочитать, а временем; именно — назначить, сколько времени провести за таким и таким правилом, за такой и такой службой, нисколько не увеличивая его против времени, обычно вами на то употребляемого.

Положите, например, на вечерню с повечерием час. И читайте положенное, не о том заботясь, чтобы все вычитать, а о том, чтобы во все положенное время быть в молитвенных чувствах и помышлениях при всем читаемом, и чтоб, если припадет особое чувство, не заглушить его чтением, а давать ему свободу излиться вполне. Ведя дело так, вы, может быть, и до *Свете тихий* не дойдете, как исполнится час. Как быть? Закрывайте книжку, кладите несколько поклонов с обычными заключительными молитвами, — и вечерня ваша кончена. Обычная наша молитвенная Марфа смущается, как так оставить службу, не докончив ее? Но Мария не станет смущаться, имея свидетельство совести, что служба совершена полно и достойно Бога покланяемого. Конечно, если вы, движимые несытостью сердца размолившегося, продлите свою молитву больше часа, то это не будет убытком для

искомой вами цели. – На другой день, начинайте свою вечерню с того, на чем остановились, и продолжайте ее в том же порядке, как прежде. Если опять до конца службы не дойдете, а час исполнится, оставляйте конец для следующего дня. Таким образом иной раз положенная вечерня служба одна протягивается у вас дня три и более. Но каждая ее часть будет для вас полная вечерня, – и Господь в такой силе ее примет.

Сим же образом извольте обращаться с утреней, часами, обедницей и со всяким своим молитвословием домашним. Положите себе законом никогда не читать молитвы, чтоб только вычитать положенное, а чтоб быть в молитве под действием чтения. Читайте положенное, как пособие держать себя в молитвенных помышлениях и чувствах.

Так действуя, вы навыкнете всегда во время молитвословий быть в чувстве к Богу, и ум ваш, будучи привлекаем сим чувством, будет стоять в памяти Божией. Если затем и во время чтения душеспасительных книг вы будете иметь в виду не количество чтения, а то же что и при молитвословии, т.е. светлое разумение читаемого с соответственными чувствами; то ум и при этом будет в сердце, и память Божия не отойдет от вас и при этом занятии. С продолжением времени все больше и больше вы будете разогреваться сердцем молитвенно, собирая туда и ум для неотходного предстояния перед Богом. Время это будет для вас сладким временем, и вы будете ожидать его приближения, как праздничного пира.

Остается еще немало у вас времени и по исполнении молитвословия и чтения духовных книг; и поработать надо, или принять кого, или еще какое-либо кончить поделie. Ум, как только получит свободу, тотчас начнет блуждать и шататься по миру. Надобно приучить его сидеть дома, и при этих занятиях; и не только дома сидеть, но и стоять неотходно перед Богом. Вот ежели и в этом успеете, то память Божия явится у вас водруженной в уме и сердце, – и вы начнете ходить неотступно в присутствии Божиим, с достодолжным благоговеинством, – и вступите в атмосферу духовную, где легко будет вам дышать и летать.

44. Как пресекать самоугодие. Что значит быть умом в сердце. Об образе совершения молитвословия

Решаетесь жить не в монастыре, а при монастыре, – и это может быть не худо. Свободку возлюбили. Блюдите же, да не свобода ваша будет в вину самоугодия. Можно и здесь устроить такой порядок, что вы будете жить в постоянном отречении от своей воли. И это не трудно сделать. Надобно только постороже разграничить, что идет к самоугодию и что к богоугождению во спасение. Затем все могущее питать самоугодие надо отвергать, принося то в жертву богоугождению. Вы должны быть сами для себя строгой игуменьею. Ваше собственное сознание, страхом Божиим и совестью руководимое и вооруженное, должно нудить вас пресекать всякое самоугодие в его зародыше и направлять дела и занятия ваши наперекор ему; а вы покорно слушайтесь таких внушений и исполняйте их, и будете послушница, не легчайшее иго послушания несущая, чем как если бы положили вы жить в монастыре.

Междурочим спрашиваете: «Что значит быть умом в сердце?» Прошлый раз я вел об этом речь. Разве не ясно говорено? Повторю. Вот что значит! Знаете, где сердце? Как не знать? Чему же учились? Так станьте там вниманием и стойте неисходно, – и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания: где оно, там и он. Вы писали, что часто при чтении акафиста сладчайшему Иисусу чувствуете огонь в сердце. Вот, где это чувствуете, там и будьте вниманием и не выходите вон не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять там надобно не просто, а с сознанием, что стоите перед лицем Господа, или перед всевидящим оком Его, прозирающим в сокровенности сердечные; а чтоб так стоять, старайтесь иметь возгретым какое-либо чувство к Богу страха, любви, упования, преданности, сокрушения болезненного, и проч. Се норма внутреннего строя. Блюдите, и как только заметите, что он нарушился в чем-либо, спешите восстановлять его.

Но, конечно, прежде чем блюсти стояние в сердце, надобно стать там. Вы большею частью живете в голове, а в сердце сходите лишь тогда, когда головная работа возбудит

какое-либо чувство. А надо наоборот, в сердце быть неотходно, а голову совсем бросить, и если встретится нужда по потребностям жизни духовной, поработать умом, то пусть он тогда работает, сидя в сердце. Как навыкнуть в сем сидении, я писал вам прошлый раз. Надобно побольше возгреть благоговейных и святых чувств в сердце. Образ совершения молитвословий, прописанный мной, есть самый надежный и прочный к тому способ. Вы пишете, что начали творить свои молитвы по тому способу. Приложите усердие совершать сие в совершенстве как должно, и все будете богатеть св. чувствами, а они будут держать ум в сердце. Без чувств не удержите его дома; все будете вырываться и блуждать по сторонам.

Благослови Господи труд ваш – дойти до навыка совершать молитвословие, как указано. Начали; но мне показалось, что вы все-таки спешите, чтоб дочитать до конца положенное. Это *до конца* надо совсем выбросить из внимания, – и всю заботу обратить на возгревание святых чувств, не позволяя себе ничего в ущерб им. А вы не так поступаете. Пишете, что при чтении одного псалма пошли слезы. Вам и следовало его еще читать, или повторять те особенно стишкы, которые возбудили плач, не двигаясь вперед, хоть бы и все время, положенное на ту службу, прошло в этом, и с прибавком. А вы потекли дальше и разогнали свой плач. Плача что может быть дороже? А то дочитание до конца что вам принесло? Ровно ничего. Вот вы и оказались действующей не в видах своих духовных польз. Пишете еще: «В другой раз сам собой зачитался пятидесятый псалом». И читали б его, если он приводил в движение чувство. А вы все свое – гнать до конца.

Припомните, что пишется про одного великого старца, как он редко дочитывал и одну славу из Псалтири, потому что уходил в духовные чувства и, стоя перед Господом в сердце, молился сам от себя соответственно тем чувствам, и уже не ворочался к чтанию. Вот как надо. Без чтания Псалтири или молитвенника нам нельзя. Этим подогревается сердце, как подбрасыванием дров усиливается ослабевающий в печи огонь. Но когда сердце разогреется и какое-либо чувство завладеет всей душой, тогда не следует далее читать. Это будет только разбивать чувство, и правило пройдет без всякой пользы. А некто мне рассказывал вот что. Вздумал я, говорит, во время утрени пятидесятый псалом читать, мысленно обращая всякий стих в особую молитву. Утреня кончилась, а я пятидесятого псалма не кончил, хоть все время молился. – И у многих Отцев святых читается: «Брось меру», – т.е. определенное число псалмов и молитв.

Причащаться св. Христовых Таин почаше – хорошо. Если можете, и не раз в месяц причащайтесь. Первые христиане на каждой Литургии причащались. Но об этом поговорите с своим духовником.

В церковь ходить надобно; но как вы немощная, то можете увольнять себя от этого, когда немощь бывает, и ходить, когда здоровы. Когда не ходите, укоряйте себя, как ленивую и неключимую рабу. Дома так помолиться, как в церкви, не можно.

Откуда вы взяли, что я час назначил вам на вечерню? Я писал только примерно, предоставив все вашему усмотрению. Время определяйте, как для вас пригоже; только без поблажки лености. Не во времени сила, а в духе. Если читаемое на домашнем правиле, читается будто от себя, со вниманием и соответственными чувствами, то это – должное чтение. Останавливаться надо только, когда особое чувство всей душой завладеет. Тогда книжку в сторону, – и молиться так. Приступая к молитвословию, всегда надо расшевелить душу, если она не в чувстве, размышлением, возвзванием к Господу и поклонами, и тогда начинать его. Впрочем, молитвословие, прежде обдуманное и обучувствованное, само расшевелит. А которое необдумано и необчувствовано, скорее рассеет, чем соберет. Такое лучше заменять поклонами с молитвой Иисусовой или другой какой коротенькой. Иногда и все службы можете сим способом справлять.

Обычное бдение у Отцев есть половину ночи употреблять на молитву, а когда всю ночь стоять на молитве, то это будет всенощное бдение. У кого-то, не помню, написано: «С вечера молись два часа, и ложись спать. Поспи часов шесть и вставай, и уже молись до утра, т.е. часа четыре». – Применяйте к этому и свой сон.

Всенощное бдение, – в 12 часов длительности, – не особая служба, а та же, что у нас кончается часа в два или три. Растигивается оно на всю ночь протяжнейшим пением и вставкой чтений из св. Отцев, которых бывает до шести и семи. Вам, если вздумаете, можно растянуть тоже чтениями, а вместо пения вставляйте побольше поклонов между разными частями службы, и прятните.

45. Предостережения от прелести вражией. Мерой успеха в духовной жизни надо считать чувство недостоинства пред Богом

Что же это такое с вами деется? Не успели вы начать дела жизни достодолжной, как пошли у вас какие-то чудесности. – Видели во сне лицо человека невиданного прежде, а после увидели карточку, схожую с тем человеком. Оказалось, что во сне видели то лицо, которое желалось видеть. Была какая-то юродивая, и хоть нельзя было разобрать толком речей ее, но видно, что она обещает вам что-то великое. Затем у вас чуются какие-то отрады, так что будто небо преклонилось к вам, чувствуете, что Бог вас любит, и вы Бога любите, и еще что-то подобное было. – Святая, да и только. Но все это еще бы ничего, но то дивно, что вы сами, кажется, начали склоняться на ту мысль, что вы какая-то особая избранница, и в самом деле уже махнули далеко. Всех назади оставили. Из молодых ранняя. Но как же это вы не подумали, что не бывает так, чтобы десять-пятнадцать поклонов положивши, можно было встретить такие особенности в истинном их виде? Все, испытанное вами, бывает и в истинном Божием порядке, но для вас быть сему очень рано. Нет тут истины, а все прелесть вражия. Вы не верите в козни врага, вот он и городит пред вами, что считает подходящим. Цель же у него та, чтобы ввести вас в самомнение и отчуждать от благодати, которая не может оставаться там, где качествует самомнение, как пчела в дыму; а потом, когда останетесь вы одни, свернуть вам голову. Это только начало он полагает и на этом не остановится, а все более и более будет опутывать вас подобными обольстительными призраками, пока совсем втянетесь в самомнение. Под прикрытием вашего неверия в его козни ему легко будет в этом успеть. Вы будете думать, что все это или вашего ума просветленного дело, или ангельское внушение, – и будете тем питать свое самочувствие, самоценение и самомнение. Когда все будет подготовлено, тогда он подкатит к вам на огненной колеснице – взять вас на небо. – И вы по самомнению согласитесь. И полетите, только не на небо, а во вражье жилище.

Я прописываю это вам, как дело вероятное и над вами сбыточное. Но что так бывает, сколько уж было опытов?! Напомню вам один.

В одном монастыре был ретивый инок, – любимец и питомец настоятеля. Пришло ему в голову – в затвор. Старец отговаривать. Куда?! В затвор, да и только. – Подержал, подержал старец; наконец согласился. Была недалеко гора; в горе пещера. Взобрался туда новый безмолвник. Сидит. Вход крут. Пишу ему подавали на веревочке, которую он спускал вниз. Молился, читал,правлял рукоделие.

Старец навещал его и наблюдал за течением его помышлений. Так прошло довольно времени. Молодой безмолвник держал дело как следует и начал ощущать действия духовные. Это в порядке вещей. Но ему сразу шибануло в голову: «Вот как мы!» – Раз другой отплюнулся, а потом и пропускать стал такой помысл. Дальше, да дальше, и установилось помышление, что он любимец Божий, Бог обнимает его невидимыми объятиями любви.., и у него рай. Доведши его до этого, враг поприлежнее за него взялся. Начал-то во сне, то через внушение в помыслах, открывать ему, что тогда-то тот-то к тебе придет, а тогда-то тот-то, что там-то то-то сделалось или делается, а там-то вот что. И все эти откровения оправдывались на деле. Тут уж и сомнения не оставалось в юном старце, что Бог в нем и что перед ним все тайны открыты. Еще немножко, и враг подступил к нему в виде Ангела светла и говорит: «Бог внял твоим молитвам и трудам и положил пресечь твое земное странствие. Господь послал меня сказать тебе, что завтра в полночь Он явится тебе и возьмет тебя с Собою. Будь готов!» – И – Боже мой! Какая радость?! Приносят пищу. Он говорит сверху принесшему: «Нет, уж мне не нужна теперь эта пища. Скоро начну вкушать

иную в Царствии Небесном». Изумился принесший. Постоял – постоял и пошел домой. Приходит к настоятелю и говорит, что слышал. Ужаснулся старец и поспешил в пещеру. Взбрался, и ну толковать юному небошественнику, что он в прелести и что враг хочет сгубить его. Слушать не хочет, говоря: «Как так? Не млею ли я в молитве? Не испытал ли откровений и озарений? Нет, быть не может, чтоб все это было от врага». Старец толковал ему, что враг может подделываться и под проявления духовной жизни, искусно прикрывая при сем свою мрачность, и что именно бывшие ему откровения суть вражеские против тебя козни. – Не поверил юный словам старца и остался при своем. Тогда старец сказал: «Так я не отойду от тебя, пока придет тот, кто обещался прийти к тебе». Сидят, беседуют, совершили и обычное ночное правило. Настала полночь, и явился взятель на небо. Старец сразу узнал его и стал между им и своим питомцем. Тот хотел силой взять свою добычу, но старец не давал. Произошла борьба: тот тянул юного к себе, а старец не уступал. Бог помог ему не выпустить из рук своего любимца, но враг успел сорвать с него мантию. Взлетевши с ней на воздух, он изорвал ее в клочки, которые падали оттуда мимо отверстия пещеры. Старец сказал тогда своему юному небошественнику: «Видишь, клочки-то летят? То же было бы и с тобой, если б не помог мне Бог защитить тебя». – Затем свел его вниз и поместил среди братий.

Видите, как дело-то? И как скоро можно попасть в когти человеконенавистного врага, которого козней вы не признаете! А историю Исаакия, затворника пещерского, вы конечно знаете. И к св. Симеону Столпнику подлетала огненная колесница, и он уж занес было и ножку. – Удостоверьтесь же, как хитр враг и как искусно может он прикрывать свои когти. И как потому очень возможно и вам попасть в них. Бывшее с вами я не колеблясь признаю кознями врага. Если теперь же сразу не отбросите их с отвращением и, вникнув в сердце, не изгоните из него всякое самочувствие и самоценение и на место их не водрузите чувства своей всесторонней ничтожности и ни к чему негожести, то он не поленится потрудиться над вами и окружить вас еще более отуманивающими призрачностями.

Больше об этом распространяться не буду. – Извольте мерой своего успеха в духовной жизни считать все более и более углубляющееся чувство своего непотребства и недостоинства пред Богом, и всякую мысль, что будто мы с вами уж не то, что другие, гоните как вражеское всеяние, и истребляйте, как вражеские силки.

46. Предостережения от прелести. Самоценение и возношение завершаются гордыней богопротивной. Об умении различать помыслы. Как пресекать блуждание мыслей

Я не мог не обратить внимания на то, что вы написали о бывающем с вами. И не изменю своего о том понятия. Тут явны козни врага. – А вы – в протест. Говорите, что «в ваше время уже не бывает таких искушений». А знаете ли вы это? Если не знаете, то зачем и говорить? Враг все одинаков; и если где найдет подходящим сказанное мной искушение, то не откажется подвергнуть ему преследуемого им, не страшась показаться несовременным. Ему лишь бы душу сгубить. Я нахожу, что к вам очень может он подойти с такой прелестью. Ваша обстановка такая, что к другому чему в вас не свободно ему руки приложить. Да ведь не все огненные колесницы. Приемы разны; а цель одна – засеменить самоценение, раздуть его в возношение и завершить дело гордыней богопротивною. А возношение разве не колесница огненная? Еще какая огненная-то, и притом какая легкая! Духом за облака, далее на самое небо и на равный Божиему престол. Там и будет парить, дока не изречется приговор правды: «Во ад снедеши!»

Пишете, что «умеете различать помыслы»; и даете мне самому дополнить эту речь, следовательно, могли бы узнать, если б было что худое в бывшем с вами.

Как не заметили, то, стало быть, худого тут ничего и не было. – Неправда; оно тут было, только прикрыто. Видимость вся не худа; но что внушалось и что принято, то худо. Мне никакого нет удовольствия навязывать вам какую-либо худобу. Но видя, как ей возможно

быть, и замечая маленькие следочки ее, как могу не предостеречь и не указать?! Вот это я и сделал. «Умею различать помыслы». – А св. Симеон разве не умел? Св. Исаакий разве не умел? И многие другие разве не умели? И однако же видите, что было с ними? Вы, кажется, воображаете, что враг – дурачок. Если станет искушать, то прямо каким-либо явным худом. Пойдет он к вам с худом! Уж какие светлости представит, что вы и рот разинете. Тут-то он вас и схватит. Яму открытую всякий увидит; а яму, прикрытую цветами, не всякий распознает. Не распознает и упадет в нее. У врага нашего два действующих полка. Один соблазняет кажущимся, призрачным добром; а другой – настоящим злом. Первые пролагают дорогу вторым. Те начинают, а эти заканчивают поражение.

Заключаете: «Ну, буду стараться дойти до чувства своей негожести, чтоб видеть себя слепой, расслабленной и прокаженною». Вот это лучше всех рассуждений. Ни на что Господь не подает так скорой помощи, как на восчувствование этого. Когда восчувствуете это, – и не кое-как, не поверхностно, а глубоко, тогда устроите около себя ограду из гранита и стали. Врагу многое надо будет хлопот, чтоб достать до вас, – и когда достанет, ничего не поделает, ибо у вас будет тогда еще и броня, и свет будет около, ослепляющий врага, так что ему не видно будет, куда направлять удары.

Незавидное ваше здоровье – Божия вам милость. Если б вам, при живости вашего характера здоровье, то кто бы вас удержал в таком смиренном образе жизни? Цель, коей достигнуть стараетесь, удобнее достигается при немощах. Благодушествуйте же и благодарите Господа, что не можете исполнять, как бы хотелось, молитвенного правила, не смущайтесь тем. Имейте одно правило – быть в молитвенном настроении, т.е. во благоговеинстве пред Богом и в преданности в Его святую волю. Чтоб мысли не блуждали, повторяйте какой-либо коротенький молитвенный стишок или читайте псалмы, какие знаете на память, и из каждого стиха изводите свои молитовки, применительно к вашему положению.

47. Трудно ли спастись? О различении помыслов

Кто же это вам сказал, что трудно спастись? Стоит только захотеть и взяться за дело решительно – и спасение готово. Оно уже приготовлено для всякого: приди только и возьми. Так что трудно не спастись, а трудно захотеть встать, пойти и получить спасение. Но в таком случае не следует говорить: «Трудно спастись», – а: «Лень нам спастись».

Самим нам не только трудно, но и решительно невозможно спастись. Но с Господом Спасителем какой труд? Имеем Бога, Который все промыслительные действия Свои направляет к тому, чтоб все мы пришли в познание истины и спаслись, – и еще будет нам трудно спастись?!

Есть, конечно, в сем труд, ибо какое же дело делается без труда? Но труд наш в содевании спасения так мал и ничтожен сравнительно с великолостью дела спасения, что о нем и поминать не стоит.

Для вас все еще темен спасительный строй внутри. Читайте первые пункты Филофея Синайского в Добротолюбии и смотрите, что там. Один акт, – и все тут. Ибо он все к себе стягивает и держит в строю. Извольте так устроиться, и получите должный строй внутри, и ясно его увидите. Акт сей есть стать вниманием в сердце, и стоять там перед Господом в благоговеинстве. Се начало духовной премудрости!

Желательно вам умудриться в различении помыслов. Сойдите из головы в сердце. Тогда все помыслы ясно видны будут вам, движась перед оком ума вашего острозоркого; а до того не ждите должного различения помыслов. Извольте принять к сведению, что различие помыслов не то же, что gnание их вон, когда они недоброкачественны. Это есть брань мысленная, которой предшествует различение, какие помыслы друзья и какие – враги. Увидев в них друзей, принимают их с почетом, а увидев их врагами, прогоняют с бесчестием. Ведайте также, что различие помыслов различает не добрые только и худые, но и дельные от бездельных и пустых и кажущиеся добрыми от настоящих добрых, – наипаче же то различает, какие помыслы в виде побуждений и целей окружают дела наши,

и обычные, и особые какие, чтоб не прокрались побуждения и цели, непозволительные в добром христианине, и не испортили дел наших. Чего это касается и как все делается, учитесь у св. Лествичника, в особом пространном слове его о различении помыслов. По тем указаниям и начинайте действовать, – и опыт всему вас научит.

Вам желательно бывает оценить себя поопределеннее, что вы такое. На что же это вам? И как же вы не видите тут врага, который пролагает вам дорогу к самоцену, – сей пагубнейшей язве? Небось, красно при этом раскрашает, сколько от этого польз, – и все духовных!!! А вы и порываетесь к тому, врага т.е. слушаете, и в пагубу спешите. Только поддайтесь, и он тотчас подпустит вам яду самоцена, и вы пуститесь мечтать о себе, что вот уж как хватили, не то, что те-то и те-то. И начнете вы на всех смотреть, как с колокольни, смотреть, т.е. вражескими глазами. Вот и польза духовная! Опять прихожу к мысли, что вы все в голове, а не в сердце. Сойдите в сердце – и тотчас оцените себя. Вы изъявляли желание дойти до чувства своего непотребства. Вот это вы и начнете видеть и чувствовать, как только сойдете в сердце. Чем дальше, тем это яснее будет видеться. Наконец порешите; слепая я, расслабленная, прокаженная, – и это не заученной фразой, а самым глубоким и нераздвоенным чувством сердца. – И се та двенадцатая степень духовного совершенства, о которой говорит св. Макарий Египетский в своих беседах!

48. Остережение от козней врага. О смирении. О чувстве отрешения от всего земного

Как это враг ухитрился уверить вас, что его нет, или если есть, то ничего сделать нам не может? – Последнее совершенно верно, если всю силу свою будем полагать в Господе, а не в себе самих. Но это не значит, что можно уж жить спустя рукава. Враг все юлит около нас, и мало-мало случай, тотчас подстрекает с своими советами, красными всегда на вид и всегда бесполезными и вредными. Потому надо быть настороже и ухо держать остро, чтоб замечать его хитрости и, заметив, отражать их простотой веры в Господа, ратуя именем Его.

Не думайте, что он сразу станет предлагать вам грубое что. Нет, он начинает всегда благовидностями; от них переходит к пустякам; от этих к маленьkim грешкам, а от сих и к большим. Но обычнейшее его занятие – игра в помыслы. Все подбрасывает то одно, то другое; цель же та, чтоб отвлекать от достодолжных помышлений и занимать душу бездельем, имея, однако ж, в виду, не откроется ли возможность посеять и что-либо худое. Так сеет враг души всего мира, как в решете. Осмотритесь и увидите, что в этом отношении много даем мы выигрышеврагу. О том, как с этим быть, читайте у Исаия о молитве и трезвении.

Пишете: «Кажется, я смиренна». – Что вы смиренны, это видно. Но смиренны ли вы, это другой вопрос. Есть также разница между смирением и смирянием. Кто смиряет себя, тот еще не смирен, а ищет смирения и хочет быть смиренным. Я полагаю, что вы хотите быть смиренною и ищете смирения; но смешивая смиряние со смирением, считаете уже себя смиренною. Потрудитесь в себясмирянии, и смиренными станете.

Что, просыпаясь, находите иногда какой-либо стих из псалмов в устах, это великая милость Божия. Ангел Божий влагает эту молитву перед просыпанием. И читайте этот стишок целый день или пока читается. Записывать надо. Заведите особую для этого тетрадку. Пригодится.

«Иногда, – говорите, – порождается ожидание, что все у меня может быть отнято, даже пища, одежда, кровь». – Что же вы на этом и останавливаетесь?! Нет; вы заканчивайте такое помышление так: «Только Господь не может быть отнят; буду же всей ревностью ревновать о том, чтоб стяжать Господа и никогда не лишиться Его со мной сопребывания». – Затем не возвращайтесь к тому, чтоб упрочить свое внешнее; пусть оно под этим титлом и остается навсегда, т.е. под титлом обреченного на исчезновение и готового к тому поминутно. Из этой мысли родится потом чувство отрешения от всего, будете как отрезанная от всего. Это сделает вас опорожненным сосудом, в который удобно уже будет помещать всякое

стяжение духовное, вечно пребывающее. – Так пусть идет у вас в духе. Но ничего нет дивного, что и самым делом может так совершиться. На свете не один Иов оставляется как перст, – ничего нет и на гноище. Страшно ведь это, а у Господа – это золотая лестница на небо.

49. О состоянии охлаждения. О себя-жалении и самоугодии. Вражия логика

«У меня дело идет дурно. Душа не на месте, мысли блуждают, читать духовное охоты нет, правило исправляется вяло и лениво, и ко всему стала я равнодушна. Будто что-то ушло из души».

Есть о чем пожалеть, однако ж не падайте духом. Состояние ваше есть состояние охлаждения, как говорят св. Отцы. Оно бывает и наказательное, и научительное. Как наказание, бывает оно за какой-либо грех: словом, делом, мыслию, чувством. Как обучение, бывает оно по намерению Божию научить подвижащегося духовной опытности. – Как у вас? Смиреннее будет думать, что это с вами за что-либо греческое, как вы и думаете, хотя неясно сознаете, за что. Кайтесь и молите милостивого Господа возвратить вам Его отеческие объятия. А между тем вникните получше, что было у вас пред этим, не увидите ли определенной причины, за которую терпите такую тяготу. Увидевши же, положите неходить более той дорогой, которая привела вас к такому состоянию. Такое решение ускорит и помилование с возвращением потерянного.

Состояние это означает, что благодать Божия отступила, – не бросила, а отступила, и стоит вне. То была внутри, а теперь вне; и вы остались, как раздетая на холоде, как комната, из которой в отворенные окна вышло все тепло. – Как воротить? Так именно, как вы делаете, – молитвой, сокрушением, прибавлением лишений плоти в пище и сне; прибавьте, если можете, побольше помощи нуждающимся. Трудитесь и потейте. Смируется Господь и снова пошлет вам благодать Свою. Но времени, когда это будет, назначать нельзя. Возвращение благодати не от нас, а от самой благодати; когда благоволит, тогда и придет, ничем не ограничиваясь, по свободному изволению своему. Однако ж не опускайте рук, а все вопите и вопите, моля о возвращении: *Когда же приидети ко мне?* – не определяя даже в уме, что вот-вот воротится, а предавая себя всецело в руки Божии, да будет и сие дорогое и столь желанное по воле Божией, и в преданности в волю Божию соглашаясь терпеть, сколько Ему угодно будет. Утешения духовные, благодатные, приходят и отходят, как Господу угодно.

Вы говорили: «Люблю Господа». Не дивно, когда Он исполнял вас радостями о Духе Святом. Извольте теперь любить, когда Он оставил вас одну, пустой и голой от покрова Своего. Это будет совершенно бескорыстная любовь, более ценная, чем прежняя.

Вот и уразумевайте теперь, что есть человек, оставленный самому себе, – и смиряйтесь паче и паче. Вы не раз твердили: «У меня разум, у меня разум». Вот извольте теперь изворотиться с своим разумом. Когда остались вы одни, враг подслушал и начал, как пишете, свои предлагать советы о лучшем устройении жизни, внушая то себя пожалеть, то даже в мир воротиться. В мир воротиться теперь уж мудрено: отрезанный ломоть. Себя пожалеть благовиднее, но не меньше опасно. Кто из монахинь, или монахов, или вообще из подвижающихся последует сему совету, из того выйдет мирянин или мирянка под монашеской одеждой или язычник под христианским именем. Себя пожаление идет заодно с самоугодием и вообще с самолюбием и есть корень всех послаблений, опущений, равнодушия и беспечности. Слыхали вы фразу: «живущий в нас грех»? Вот он-то и есть саможаление со свитой его. Если будете поблажать ему хоть иногда, то это всегда будет, как параличом разбивать всякое предшествовавшими трудами стяженное добро. И из вас существенно ничего не выйдет, кроме одной показной, наружной особы. Вот сюда и желательно врагу вас направить под благовидностью саможаления. Смотрите, он уже и дорожку туда вам улождает.

Пишете: «На правиле утомление объяло, – и тягота такая! Я бросила и села отдохнуть. Тотчас пришла мысль, что если меньше трудить себя, или побольше жалеть себя, то меньше и искушений будет». – Замечаете, чья эта логика-то? – Вражья. Это он вас по голове гладит: «Умница! И всегда так делай, и я не стану тебя искушать». Но на что же вам другое искушение? Вы уже впали в него, и если послушаете врага – во всем послабить себе, то постоянно будете в искушении, будете творить волю врага, а не Божию. Тогда точно враг отступит до времени и наместницей своей оставит саможаление. Когда же укоренится саможаление и будет портить все ваши дела, тогда он с новой злочитростью подступит, нельзя ли как-нибудь сманить вас и на какие-либо грехи, не бросающиеся в глаза. Сообразив все сие, извольте встрепенуться, – и с лютостью начинайте трудить себя. Тереть себя надо подвигами: трение теплоту развивает.

«Больше ем, больше сплю». – Это, верно, в тех видах, чтоб меньше было искушений!? Логика врага успешно в вас действует. Если это по совершенному изнеможению тела или нездоровью какому делается, то ничего; а если из послабления, то это отзовется худо на вашем внутреннем строе. И совсем расслабнете и предадитесь полному нерадению. Устрашите себя сим и понудьтесь к преутруждению себя лишениями, чтоб шествовать тесным и прискорбным путем, который есть один настоящий путь.

50. О вражиих кознях. Проделки врага ничтожны пред вниманием и молитвой. О сердечной молитве. О сне. О решении вопросов по святоотеческим книгам. О страхованиих от врага

Когда вы слушали врага, по его внушениям – бросить правило из-за уборки комнаты, побольше поесть и поспать и проч., тогда он вас по головке гладил: «Умница! Всегда так делай», – что отзывалось приятной льготой и некоторым молодечеством, достойным похвалы. Он думал, что промолчите, – и хвалил. А когда вы рассказали о его проделках, это ему не понравилось, и он стал вас теребить и бранить: «Зачем то написала, зачем это сказала», – и под. Вы же, не разобравши, откуда сей ветер, начали жалеть и смущаться. Все это вражье дело. Вы ничего так же не написали, чем бы можно было смущаться. Все написанное, – обычное и почти повсюдное дело. А что написали, об этом и подавно нечего жалеть. Если положили все, бывающее в вас и с вами, сказывать, то как же было не сказать о таких высоких планах есть и пить и Богу не молиться, – а все-таки чаять спасение получить и жизнь вечную наследовать? Хорошо, по крайней мере, то, что вы, хоть сквозь зубы, начинаете говорить про врага, и иное ему приписывать, яко всеятели лукавому и злонамеренному. Увидите наконец, как широко его вмешательство в течение нашей жизни. Только не ужаснетесь. Потому что вместе с тем удостоверитесь, как ничтожны все его проделки пред вниманием и молитвой, – рвутся, как паутина от ветра, тают как снег от теплоты солнечной.

«Чуть открыла глаза, – первой мыслию было, что я нерадивая, ленивая и гордая». – Неописанно хорошо. Это Ангел-хранитель задал вам стишок, как урок. Извольте твердить его и затвердить, чтоб когда потребуется ответ, ответить безошибочно и порадовать тем Ангела своего, а не меньше и Господа Ангелов.

О келейном правиле много забот не имейте. Надо держать молитвословие утром и вечером, и днем в какое-либо время. Это когда ходите в церковь. А когда не ходите, тогда исправляйте службы дома. Уж я писал вам не заботиться о количестве молитв, а о том одном иметь попечение, чтоб молитва текла из сердца живо, как живая струя. Бросьте из ума совсем количество, а имейте это одно во внимании. Но правило все же требует известного порядка. Однако ж не заключайте себя в нем, как в кандалах. Пусть он будет только общей программой, а частности можете менять хоть каждый день, смотря по тому, в чем чаете найти оживление молитвенного духа. Если заключите, живость ослабеет и правило обратится в форму, которая вскоре обезжизнит молитву. Так делайте, чтоб всякое молитвословие было, как новое. Что рано проснувшись и совершив утреню, опять немного

соснете, тут ничего нет худого. Только не в поблажку, а по разумному определению, что это необходимо для бодренного действования в продолжение дня. Четыре-пять часов спать, – очень мерный сон. Можно при этом и днем вздремнуть немножко. Но бодриться лучше.

Пишете, что нашли решение некоторых вопросов в святоотеческих книгах. – Се добре! И всегда там надо искать его. И если усердно взыщете, всегда найдете. Особенно в этом отношении много полезны св. Варсанофий и Иоанн. И у св. Дорофея встретите доброе разъяснения многого. И у всех святых можете находить много вразумления. Читайте только со вниманием и к себе прилагайте.

Говорите: «Страхи нападают, особенно во время молитвы». Страх благословен один – Божий; но он не имеет ничего страшного, всегда благотворен. Ваши страховани, беспричинные, от врага, – и особенно во время молитвы. Видите, как он около вас хлопочет. Нечем взять, волосы дыбом заставляет подниматься. Еще св. Антоний писал, что враг бессилен, – и только страхи может нагонять, или внутренне, или внешне – страшными призраками. Главное при этом не робеть. Вы прежде хвалились: «Плевать на врага, я разум имею». – Вот и извольте теперь делом это показать, только не разумом вооружаясь, а молитвой.

51. Об отшествии благодати Божией. Благодать удерживается в душе смирением. О хитростях вражиих

Пишете: «Отогрелась». – Слава Богу! Я очень беспокоился из-за этого. Могло так и остаться. Но милостив Господь, воротилось к вам Его одеяние. Когда благодать Божия внутри, душа бывает как одетая в теплую одежду; а когда отойдет, душа бывает как раздетая и на морозе.

Отходила; и что в вас и с вами было? Убедитесь же из сего, что все хорошее, особенно хорошее состояние духа, прямо от благодати. Свой труд всеконечно нужен; но он не дает духовного существенно и прочно, а только ищет его и готовляет к принятию его. Дает все одна благодать. Извольте же это сердцем исповедать и себе ничего ни присвоять. В этом присвоении – грех чуждоприсвоения. Никакому труду нельзя приписать силы подавать искомое. Нельзя говорить: «То и то сделаю, так и так потружусь, – и получу то-то и то-то». Благодать Божия не вяжется контрактами и действует всегда, якоже хощет. Этого хотения никто угадать не может или чем-либо вынудить. Равно и пребывает она, где и как хочет. Почему и получивший благодать не должен говорить или думать: «Получил благодать; теперь уж мне нечего много хлопотать». Нет; и получивши благодать, надо спасение свое содевать со страхом и трепетом. Благодать как приходит, так и отходит, не с усмотрением нашим.

Видите, как холодно без благодати и как душа вяла и неподвижна на все духовное. Таково состояние добрых язычников, верных закону иудеев и христиан исправных по жизни, но не помышляющих о внутренней жизни, с ее отношением к Богу. Томления, подобного вашему, они не испытывают; потому что не ощущали того, что бывает под действием благодати. Но как по временам на их долю перепадает некое утешение духовное, – естественное; то они и остаются покойными.

Чем наипаче удерживается в душе благодать? – Смирением. За что наипаче отходит? – От какого-нибудь движения гордости, самомнения и самонадеянности. Как только ощутить она внутри этот дурной запах гордыни, тотчас и удаляется. Верно, что-либо подобное было и у вас. Вы этого не сознаете. Но примите пока это, как умовую истину; а после, Бог даст, и чувством ощутите, что бывают движения гордости, которых не сознает душа, – и усерднее станете молиться: «Даруй мне, Господи, зреши мои прегрешения». Вы в каком-то письме доказывали, что смиренны. Но из того самого, что доказывали, следует, что вы не смиренны. Смирение себя не видит.

Даруй вам, Господи, отселе никогда уже не испытывать такого дурного состояния. Но и то надо положить очень вероятным, что по временам оно и еще будет подходить, хоть не в такой степени, или будет попускаемо и даже невидимо, чтобы научить душу опытности и

паче всего осторожной бдительности, – а еще тому, чтоб не забывалась и всегда нашла глубокое убеждение, что она сама по себе ничто, хотя испытывает нечто доброе.

Учитесь все, что ни делаете, делать так, чтоб это разогревало, а не охлаждало сердца: и читать, и молитву деять, и работать, и с другими входить в общение надо, все одну цель держа – не доводить себя до охлаждения. Топите без перерыва свою внутреннюю печку краткой молитвкой, – и берегите чувства, чтоб чрез них не уходила теплота. Впечатления отвне очень трудно уживаются с внутренним деланием.

Вы неправо поняли мои слова о вражеских наветах, будто, соглашаясь признать в нас действия врага, необходимо при сем думать, что он уже и в сердце. Нет, они и издали стреляет, внушая дурные помыслы. Как только откроется для него возможность, он тотчас подскакивает и дает свои советы, кои суть всегда наветы, хотя кажутся красивыми. Он всегда с благовидностей начинает и от них же постепенно переходит к дурному; дурного же вдруг не советует, и когда его советует, прикрывает его благообразным покровом. Все это вы сами будете разгадывать, когда научитесь внимать себе. При всей хитрости враг со всеми своими полчищами есть преглупая ватага. Они пользуются нашей оплошностью. Внимание и молитва расстраивают все его злокозненные хитросплетения.

52. Опираться можно лишь на Господа и лишь Ему отдавать сердце. Об отрезании от всего. Желание совершенства

Часто повторяете вы: «Как я счастлива своей обстановкою!» – Благодарение Господу, так устроившему. Но смотрите, опираясь на такую обстановку, не перейдите границы и из-за орудий не просмотрите Действующего. Мы все так поставлены Господом, что можем кое-что делать друг для друга; но то несомненно, что все делаемое при сем прямо на духовную пользу непременно исходит от Самого Господа и Им направляется по назначению. Ему все и приписывать следует, от Него единого всего чаять и Им единственным быть счастливу. Бог называется ревнивым. Он хочет, чтоб мы Ему все сердце отдавали, – и Ему одному нераздельно, – и чтоб мы на Нем едином опирались. Почему когда видит, что мы склоняемся к какой-либо твари, хоть и разумной, и на ней начинаем опираться, помимо Его вседетельной десницы, то начинает на нас смотреть неблаговолительно.

Вы написали, что ищете сделаться совершенной и к тому стремитесь. Пришло мне на мысль указать вам значок, по которому можете определить, идете ли вы к совершенству или вертитесь на одном месте. Значок этот есть отрезание от всего. Недавно слышал я речь одной простой старушки.., и она эту фразу употребила. «Теперь, – говорит, – уж все отрезано; я, как птица, ничем не связана». Как она дошла до этого? Целой жизнью, направленной к угодению единому Богу. С семи лет запала ей зазноба, – болезненная забота, как бы Бога не прогневить. Эта зазноба разжигала ее на всякого рода труды, не жалея сил. Так прошла она девичество, замужество, вдовство. Дела все были обычные, семейные, но она всюду была первая и все делала для Бога и по-Божьему. Этим направлением своих трудов она так выпрявила, вытерла и выбелила свою душу, что в ней уже не осталось ничего земного, что бы занимало ее. «Теперь, – говорит, – у меня все Господь. Ни к чему уже душа не лежит: и делать ничего не могу, – руки отваливаются, и говорить ни о чем не хочу, – язык не поворачивается. Все бы Господь; от Него одного отстать не хочется». Вот видите, в чем существо дела! К сему и направьтесь. И исполнится ваше желание: «Хочу совершенства, девой мудрой желаю стать». Благослови, Господи. *Ищите и обрящете.* А лучше: *Просите и дастся вам.* Искать неотложно надобно; но сколько ни ищите, не найдете, если Господь не даст. Потому, ища всеусердно, и просить следует немолчно. Совершенство, как и царствие, не приходит с усмотрением. И лучше всего не на него устремлять очи, а о том заботу иметь, как бы пребыть в милости и благодати Божией. Господь уж знает, когда, что и как дать. И ждите, пребывая в порядке богоугодном.

Вы полагаете, что я считаю вас никуда негожей. Кто же это вам сказал?! Я только вас учу, чтоб вы сами себя считали такою; а как сам о вас думаю, я, кажется, не говорил вам. Да

хоть бы и говорил и так сказал, вам от того никакой убыли нет. Поставлю ли вам плюс двенадцать (+12), или минус двенадцать (-12), – для дела жизни вашей это ничто. В школах берутся в счет баллы, которые люди ставят, и по ним дается аттестация учащейся или учащемуся. А в духовном деле люди какие бы баллы ни ставили, ничего тут нет решающего. Настоящие баллы ставятся на небе. Там же будет сведен и общий итог, по окончании курса жизни; и какую аттестацию там положат, в том аминь на вечные веки.

Что у вас плач на сердце и сокрушение покаянное не отходят; се доброе. Храните сей дар Божий, – и все его подновляйте, как только начнет ослабевать. Это незаблудный путь. И то, что часто созерцаете Господа на кресте и поражаетесь тем до глубины души, доброе. Сие и все подобное, возбуждающее душу, почаще наводите на нее, чтоб непрестанно была в движении и жила; ибо жизнь – движение. Нет движения, нет жизни.

53. О терпении неприятностей. Как приобретается смиление. Смиренная уступчивость – лучшее охранение от нападок других. О лености, желании поблажек и покоя плоти. О молитвенном правиле. Что есть постриг

Показалось вам что-то неприятное в отношениях к вам окружающих; вы не вытерпели и пустились в самозашиту. Вы поступили по поговорке: «Не замай, сдачи дам». Иные не могут иначе действовать, а вы могли поступить иначе и не поступили. Кто-то внутри твердил вам: «Стерпи, стерпи». Вы и потерпели, но немножко; сил не хватило дотянуть до конца. – Нитки, которые рвутся, как зовутся? Гнилыми, ни к какому делу негожими. Порвались тогда и у вас нити, державшие в порядке ваш внутренний строй. Плохи они, значит. Потрудитесь на будущее время заготовить крепких.

Как это с вами случилось? Вот как. Была в вас кающаяся послушница. Но пришла прежняя барыня знатная и, главное, ученая, – и прогнавши ту смиренницу, начала сама действовать, и нагородила. А как предотвратить такие случаи? Очень просто. Советую вам прекратить всякие сношения с этой недоброй госпожой (т.е. ученой барыней) и не позволять ей распоряжаться в вашем доме. Она ничего не умеет делать в том порядке жизни, какой вы у себя наладили.

Извольте потвердить, что смиление приобретается не мыслями смиренными, а охотным подчинением себя смирительным случайностям и отношениям. Над Спасителем изdevались слуги без всякого толку, шутя, а Он – ни слова. Но уж дело прошло. Случай к деятельности обучению себя смилению пропущен. Положите, по крайней мере, вперед не пропускать их. Враг обыкновенно подбегает и твердит: «Не спускай, иначе заключают». Врет он. Лучшее охранение от заклевания – смиренная уступчивость.

На вас нападает леность, приходит желание льгот, поблажек, покоя плоти. Вы хорошо делаете, что не уступаете; однако ж ваша неуступчивость неполна. Разумею то, что вы, несмотря на эти соблазнительные нападки, все же делаете, что считаете должным, но делаете неохотно. «Хоть нехотя, – говорите, – но исполняю все». И это хорошо, как сказал я; есть тут борьба и одоление. Но надо бы эту борьбу доводить до конца, чтоб и одоление было полное, – т.е. доходить до того, чтоб делать *хотя*, прогнав безжалостно *нехотя*. Ибо это *нехотя* есть уступка лености и питает ее, хоть нежирно. Извольте, когда прогоняете леность, возбуждать себя до ретивости, чтоб живо, с энергией, делать то, от чего оттягивала леность. И это только будет настоящей победой и одолением лености, а не то, как вы делаете. Живодейственность есть настоящая черта духовной жизни настоящей.

Но вы, кажется, уж и совсем разлениться хотите; ибо спрашиваете: «Ужели до самой смерти тянуть это ярмо трудничества?!» – Стало, вы тяготитесь им и желаете сбросить его поскорее? Нет, его сбросить нельзя; а придет время, когда оно не станет тяготить, потому что свыкнется с ним жизнь, и что теперь вам кажется трудом и лишением, тогда перестанет быть трудом и лишением, а обычным, будто естественным порядком жизни. Тягота, соединенная с ним, которая и делает такой порядок трудничества ярмом, испарится от внутреннего жара. Жар энергии сожжет это ярмо, и вы, не бросая ярма, перестанете быть

подъяремною. Условие к скорейшему достижению сего есть никогда ни в большом, ни в малом не позволять себе действовать как бы *нехотя*, но всегда возводить себя до живодействования.

Что касается до молитвословий и служб, то я уже писал вам об этом. Надо иметь правило, – и лучше всего то, которое идет постоянно в церкви; но исполнять его надобно всегда с живым чувством. Если живости чувства мешает поспешность исполнения правила, а поспешность производится боязнью длительности, то лучше назначить на каждую службу известное время, в часах и минутах, и потом молиться теми молитвами, которые входят в состав службы, или в частное ваше правило, – не спеша, с ясным сознанием и прочувствованием всего читаемого, нимало не заботясь о том, чтобы догнать до конца чин службы или правила, а лишь о том, чтобы известное время пробыть в живом молитвенном устремлении к Богу. Вот главное! А что не успеете иное прочитать или дочитать, беда не велика. Привыкли вы к прочитыванию определенного, и совестно не прочитать. Беретесь читать и спешите, чтобы не долго вышло. От того труд молитвенный не всю приносит пользу. Без правила нельзя; надо непременно его иметь, но стараться исполнять его так, чтобы это была молитва.

Что прочитываете полунощницу в праздники и воскресение – хорошо. Хорошо все, что делается в этом роде для продления и упорядочения молитвенного труда; только чтоб все было с сознанием и чувством, без блуждания мыслей.

Ваше понимание пострига, что это не таинство, верно. Это просто чин принятия в ранг монашествующих. Однако ж он не бесполезен, ибо скрепляет внутренний нравственный строй постригаемого. Подобно тому, как мысли о каком-либо предмете пока не изложатся на бумаге, бродят туда и сюда в некоторой бесформенности, а когда изложатся, принимают устойчивую форму, – и постригаемый, пока не пострижен, все еще будто ни то ни се, а когда примет пострижение, слагается в едином, – и держит на сердце, что ему уж ни туда ни сюда, – одна дорога. Как военного военная форма его чина обязывает действовать по-воински в своем чине; так и постриженного одежда обязывает жить и действовать по тому чину, к которому стал принадлежать окончательно в силу пострига.

54. Воодушевление против уныния. О тесном пути. Какие бывают сны

В тоне вашего письма чуется дух уныния. Чего бы ради это? Вы – Божия; Господь вас призвал в Себе, вы идете к Отцу своему Небесному на вечные утешения в Его доме, – и унывать?! Надо петь: «Светися, светися, душа обновляемая!» А у вас чуть слезки не падают, будто напрасно протрудили себя всем, чем трудили. Ни один шаг ваш не пропадет даром; все Господь возьмет в счет и воздает безмерно. Что здоровье немного умалилось, стоит ли на это обращать внимание пред лицем того, что дано взамен его? Да иной бы горы золота за это отдал, а вы поплатились всего какими-нибудь унциями здоровья. Так не извольте малодушествовать.

Что вам жить тяжеловато, – слава Тебе, Господи! Се тесный путь. Ведь тесный путь необходим. Помимо его никто не войдет в Царство Небесное. Иным Господь оставляет самим устроить для себя такой путь, а для вас Он устроил его Сам. Ибо видел, что сами вы едва ли бы взялись за это дело, и если б взялись, не сумели бы сделать так, чтобы это благотворно было для вас. Он хочет вас к Себе привести и, любя вас, делает вместо вас то, без чего дойти до Него нельзя. Благодушествуйте же ради Господа, любящего вас.

Видели сон, где и бесы имели место, – и смутились. Сны лучше пропускать без внимания. Иные из них, может быть, и значат что-либо; но как нам определять это точно не дано, а догадки можно настроить обманчивые и неполезные, то и лучше забывать их. Они на это и приговорены естественно, ибо обычнее забываются. К сведению примите, что сны бывают натуральные, бывают от ангелов и святых, бывают и от бесов. Которые от ангелов и святых, мир душевный созидают, – и надолго оставляют его в душе, а которые от бесов, мир внутри разоряют; свои же сны – пустопорожни и беспорядочны. Бесы бессильны, – и ничего не могут нам сделать. Но им попускается иногда поближе подступить к рабам

Божиим и потревожить их, частью для испытания, частью для обучения, частью для показания им самим, что такое они суть. В этих же видах попускается им и сны соплетать. Вам же особенно попущено это за ваше прежнее неверие в их проделки.

55. Главное в молитвенном труде. Как принимать приходящих. Не допускайте саможаления

Начинаете втягиваться в молитвенный труд. – Бог благословит! Да будет душа ваша всегда бодрена, чужда всякого саможаления. Помоги вам Господи быть живыми и трезвыми. Но не забывайте главного – того, чтобы вниманием и умом сочетаться с сердцем и неисходно быть там пред лицем Господа. Все молитвенные труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтобы Он даровал вам это благо. Это сокровище, скрытое на селе; это бисер многоценный.

Но что вы при этом сказали: «Нарушается молитвенный порядок, когда кто приходит», – се не добрь. Вы так наладьтесь думать, что когда кто приходит, то Господь посыает его, чтобы вы через него службу сослужили Господу. Чем? Сообщением пришедшему своего благонастроения, данного вам Господом. Если будете принимать приходящих в этом духе, то тут не будет нарушения молитвенного порядка, а продолжение его, только в иной форме. То и другое – служба Богу. Имея сие в цели, принимайте всех с радостью, как посланцев Божиих, несмотря на их внешность, а об одном заботьтесь, как бы вам не уклониться от того, чего желает от вас Господь в сем случае. Приняв так, все внимание свое устремляйте в сердце их, чтобы из слов их догадаться, что можете вы сделать во благо душ их, и затем всю речь свою направляйте на это, так однако ж, чтобы не казаться учительницей, а говорящей будто о стороннем. И главное, всячески старайтесь достигнуть того, чтобы приходящий отходил с умеренным сердцем.

Захотели в затвор. Придет время, и в затвор можно. Надо прежде подготовиться. И вообще мне думается, что затвор полный для вас неудобен; а так по временам уединяться хорошо. Больше этого вам желать нечего. Когда огонек загорится в сердце, и вы там станете жить вниманием, тогда это будет – внутренний затвор. Он потребует затвора внешнего; но мне думается, что и тогда лучше уединяться только по временам.

«Когда же я о себе думаю?» Мне же думается, что вы много о себе думаете, и думаете высоко. Только при этом стараетесь принижать себя, нудите себя быть смиренною. Смирение ищется, но еще не найдено. – Ищите усерднее, и обрящете.

«Мне кажется, я не жалею себя». – Если правда, то это очень хорошо. – Но вот доктор наговорил вам, что и там-то болит, и то-то нездоро, и вы чуть не расплакались, что уж слишком безжалостны были к себе. Нет; лечитесь лечитесь, а саможаления все же не допускайте. – Несаможаление есть внутренний акт, который уместен и при таких внешних действиях и положениях, которые на вид кажутся саможалетельными. Есть некая внутренняя бодрость, – телесная же, – в напряжении мускулов состоящая. Она всегдашая спутница несаможалению.

Поминая о болезнях своих, прибавляете, что видите в них нечто о вас промыслительное. И хорошо делаете. Болезнями нередко Бог прикрывает своих рабов от искушений, которых без этого не миновать бы им. А то – своим чередом, что он сами по себе смирильны. В смирильных же средствах едва ли кто не имеет нужды. Пребывайте в сей вере.

56. Об утешениях от святого причащения. О радостном плаче, или радостопечалии. Похвала - дело небезопасное. О выписках из читаемых книг

Причастились св. Христовых Таин и по милости Божией получили мирное и утешительное настроение духа. Затем прибавляете, что приготовляясь к св. причастию, довольно потрудили себя. – Се добрь! И никогда не забывайте сего делать, по силе и сверх силы. За то и утешение дается причастникам. Не будь труда и лишений, и утешение не

будет дано, разве по особой какой милости Божией. Так Бог устроил. Не забывайте, однако ж, что не один труд достигает сего, но в соединении с истинным духом, в каком надлежит обращаться к Богу. То и другое нужно.

Сказав это, жаление изъявляете, что это райское состояние не остается навсегда, и желание питаете, чтоб Оно пребывало неизменным в вас. – В нынешнем состоянии вещей, изменчивом, – трудно достигнуть чего-либо неизменчивого. Однако ж, это не невозможно. Ибо Бог неизменчив и делает неизменчивыми всех, с кем благоволит соединяться живым союзом. Сочетайтесь с Господом, – и получите от Него многое в неизменчивом виде, что теперь подается и проходит. Поелику Господь благоподатлив, то могу вам прописать: *Ищите и обрящете*. Это будет, когда огонек ниспадет в сердце и зажжет его. Вы идете к этому всем порядком вашей жизни. И, конечно, дойдете, если не разлениетесь и смирения не потеряете. Загорится и ваше сердце, и будет гореть, как свеча неугасимая. Но когда, – этого никто не может вам сказать. Это дело Божие. Ищите с терпением и упованием. Состояния того не описывают святые, говоря, что нельзя описать понятно. Когда придет, узнаете. Старец Киевский, о. Парфений, называл его болячкой в сердце. Извольте же терпеть заведенные порядки, преутружающие вас, без жаления себя. Есть из-за чего.

«Наконец то, – говорите, – поняла я, что есть радостотворный плач, или радостопечалие», – и решаетесь развивать в сердце сильнейшее и сильнейшее сокрушение. – Се добре, и предобре! Бог благословит. Однако ж ведайте, что это радостопечалие подается, а не приобретается. Состояние это похоже на то, какое испытываем, увидавшись с родными после долгой разлуки: и радостно и жалостливо, – слезы текут. Радостопечалие бывает, когда Господь свидится с душой и душа с Господом. От св. причастия можно этого ожидать. И бывает. Увидьте из сего, что сокрушение надо развивать, но оно не есть радостопечалие, а пролагает к нему путь. Радостопечалие подает Господь душе, а Господь в действиях Своих ничем не вяжется. Трудитесь, однако ж, в возбуждении сокрушения и доводите себя до плача, чтобы плакать над собой, как по усопшем, навзыд, с причитаниями.

Пишете: «Отчего бы иногда не похвалить иного?» Бывает, что и хвалят. Хорошее невольно вызывает похвалу; похвала же оживляет похваленного, и крыльшки ему придает. Но дело это не безопасное. Оно может засеменить самомнение, и далее провести до высокоумия и гордости. Вот и беда, ибо гордость проклята Господом. Вы ожидаете, что похвала смириение рождает при мысли, что не стоишь ее. – Бывает, может быть, и это; но такого рода рождение, по редкости своей и неестественности, надо назвать чудом. Кто-то из Отцев сказал, что похвалить есть то же, что ногу подставить спешно идущему. Этот падает и нос расшибает до крови. Нечто подобное, надо полагать, производит и похвала в душе добре текущего духовным путем. Потому признайте лучше, что мысль, будто похвала ведет к смириению, не небесного происхождения. Это внушение того, кто имеет обычай облекаться в ангела светла, не будучи таким.

Вы хотите делать выписки из книг читаемых. – Хорошо. Но не все хорошее выписывайте, а только то, что возьмет за сердце. Соберется тетрадка – другая. Когда потом нападет уныние или охлаждение и сухость, берите эти тетрадки и перелистывайте. Сердце отзовется на чувствованное прежде и шевельнется. Так от одной, другой, третьей выписки. Глядишь, – и совсем расшевелилось.

57. Против разлениния. О молитвенном правиле. О чтении святоотеческих книг

Вы опять подпустили к себе барыню свою и подчинились ей, а она нагородила нелепостей. И забыли вы на этот раз, что в вас две особы: одна – послушница смиренная, а другая – барыня ученая с барством. По настоящему вашему настроению госпожой должна быть послушница с послушанием; барыня же с барством не должна иметь никакой власти. Вы хоть и прогнали ее в людскую, но она не забывает своего и всячески старается прокрасться к вам и, прогнав послушницу, сделаться распорядительницей. Вот и теперь успела она в этом. Не касаюсь нелепых ее распоряжений; какие бы они ни были, не

следовало вам их слушать. Я уже писал вам об этом. Вы кажется согласны всегда держать ее при себе. Нет; извольте теперь совсем убить ее и выбросить за окно на съедение птицам небесным и зверям земным. Иначе никогда не установится у вас добный порядок; и вы будете только созидать и разорять.

Спрашиваете, откуда я взял, что вы совсем хотите разлениться? Из следующих слов ваших: «Когда же наконец кончится это трудничество?» Этот вопрос означает, что ноги уж подламываются и руки опускаются, и в душе появляется мысль о снятии с плеч лежащего на них бремени. Поблажь только этому позыву хоть немного, и он мало-помалу доведет до того, что и все сбросите. Вот и надлежало вам напомнить об этом конце, чтоб не началось начало. – Теперь пишете, что хоть сказала так, но все же не поблажала себя. – И добр! Но от того, что я помянул о худых последствиях от поблажки чувству тяготы от трудничества, никакого не будет вреда вашему непоблажанию. И стойте в этом, и гоните всегда всякий позыв в чем-либо поблажить себя. Надо при этом всегда возбуждать себя к напряженной деятельности и тотчас же сделать что-либо, требующее такого напряжения. Еще появится, – еще так же поступить. И так далее. Перестанет наконец являться такой позыв. И живая энергия возьмет силу. Наше дело в том особенно и есть, чтоб держать себя постоянно в такой энергии, с полным самоотвержением и самопожертвованием. Ради нее будет всегда подходить к нашим благим начинаниям помощь Божия и совершать в нас дело свое.

Молитвенное правило, говорите, исправляете, как прописано. – И трудитесь так. Помоги вам Господи. Паче же навыкайте иметь непрестанно память Божию и к Богу молитвенно себя держать, в страхе и благоговеинстве. Даруй вам, Господи, сие! Назначьте себе особое время вот на что: чтоб, сидя бодренно и внимание собравши в сердце, говорить молитву Иисусову, не развлекаясь мыслями. Разва бы два-три так в день. Хоть по разу при сем проходить четки; а охота припадет, – два и три раза можно. Этим путем можно произвести в сердце болячку, о коей говорил старец Парфений, и дойти до того, что молитовка Иисусова сама будет журчать в сердце умными словами, как ручеек, с соответственными движениями чувства.

Книги отеческие, какие у вас есть, – эти самые и требуются. Св. Макарий – начальный; св. Исаак поведет дальше и глубже; св. Ефрем будет оживлять сокрушение и умиление; св. Варсанофий и Иоанн разрешат все недоуменные случаи; св. Василий Великий, св. Лествичник, св. Дорофей и Нил ко всему приложат разумные основания. Не пропускайте ни одного дня без чтения кого-либо из них.

Встретились у вас такие обстоятельства, что по необходимости входите в сношение с барами. – Смотрите, как бы этот воздух не поднял на ноги вашу собственную барыню, – главную вашу неприятельницу и враждебницу. Внимайте себе, – и никакой ей поблажки не давайте, а то после придется долго с ней бороться. Дело это все есть внутреннее; вне же можете держать себя, как обычно барам. Когда кончится все и вы войдете в обычную свою колею, посмотрите тогда повнимательнее в душу свою, именно, как она встретит это, – как майское утро или мороз по коже? Решите же это без покрывления весов, – и решите для себя в познание себя и в назидание себе. Ибо, судя по происходящему в вас, можете многое нагадать о себе на радость или на нерадость.

58. Как собраться умом в сердце. О молитве Иисусовой. Самопротивление и самопринуждение - первые формы спасительной христианской жизни

«Собираюсь с духом». – Помоги вам Господи! Но не выпускайте из внимания главного, – того, чтоб собраться умом в сердце. На сие паче направляйте труды свои. Прием один – стараться стоять вниманием в сердце, с памятью о вездесущии Божием и о том, что око Его смотрит в сердце ваше. Позабольтесь утвердиться в том убеждении, что хоть вы одни бываете, всегда имеете не близ себя только, а внутри себя лицо, присущее вам, на вас смотрящее и все в вас видящее. То, что я писал вам о нескользократном в день делании молитвы Иисусовой, послужит средством к тому, очень сильным, Делайте так, – всякий раз минут по десять-пятнадцать, – и лучше стоя в молитвенном положении с малыми

поклонами и без них, как вам лучше. Трудитесь так и молите Господа, чтоб дал вам наконец ощутить и познать, что такое есть болячка в сердце, по слову старца Парфения. Вдруг это не дается. Пройдет год усиленных трудов, а может быть и больше, пока начнут показываться некие сего следы. Благослови вас, Господи, на труд и путь сей. – Но вы не считайте этого каким-либо приделком, а имеете главным делом.

«Надобно работать и выработать из себя более серьезную и сдержанную». – Это что такое?! Вы в светскую даму хотите нарядиться?! Но вы уж и без особых стараний светская барыня, и еще ученая. Две беды уж есть, и еще третью хотите себе навязать. Нет, не годится. Если поставите себе целью сии качества, из вас выйдет лицедейка, которая внимание обращает на внешнюю исправку в слове, в позе, в движениях. Серьезность и сдержанность это добрые качества житейские. Не то я хочу сказать, чтоб они не шли к духовной жизни, – идут, но здесь они должны быть следствием других качеств, а не целью, чтоб быть, не бывая замечаемы. У подвзывающих вместо их целью должны быть внимание, бодрость, хождение в присутствии Божием. Вот когда, Бог даст, зародится болячка в сердце вашем, тогда само-собой прибудет и то, чего вы желаете, или нечто, гораздо высшее того, – водворится особый некий такт, по которому все будет у вас идти ладно, складно и уместно, без думания о том. Тогда внутрь себя будете носить учителя, премудрее которого нет на земле.

«Боюсь не сделать бы насилия природе». – А это еще что такое? Природа наша повредилась чрез падение. Христианство во всем своем строе есть восстановление сей природы в первый чин. Следовательно, оно есть в существе своем насилие природе, как она в нас теперь есть. Самопротивление и самопринуждение суть первые формы проявления жизни христианской, спасительной, ведущей к цели. *Нуждницы* т.е. нудящие, то же что насилиющие природу, восхищают Царствие Божие. На природу никогда не следует ссылаться или на нее опираться безусловно, ибо она совмещает в себе смесь должного с недолжным. Почему, перерабатывая себя, надо не на природу смотреть, а на норму совершенства, предлагаемую христианством. Сличив с сей нормой сущее в нас и бывающее, найдете, что многое надо истогнуть совсем, многое надо перенастроить, многое привнести вновь. Природу надо иметь, как сырцовый материал, из которого не все идет в дело.

59. Лучшее положение для молящегося - стоять, как на страшном суде. О блуждании мыслей на молитве; как уврачевать эту немощь

«Как проводить субботу и воскресенье?» – В них надобно допускать какую-либо льготку; но какую, сами придумайте. Одно держите правило – так вести дела свои и в субботу с воскресеньем (или наипаче в них), чтоб всегда быть с Господом и ни насколько не отступать от молитвенного к Нему восхождения в сердце.

Что вы, по указанию некоей старицы, относите к непосильным трудам, которые и отменить можно, то не все таково. Не таковы келейные поделья, черноработные. Они самые сильные и действенные средства к прогнанию из вас ученой барыни. Ничем так не можете ее донять, как этим. И не бросайтесь. Уйдет барыня, и вам станет свободней. Прочие же непосильности пересмотрите и, если что слишком истомляет, сократите. Но льготностей как можно избегайте. Настоящий путь – тесный. И утесняйте себя. Это можно и должно делать, не истощая себя до болезней.

Что вы от той же старицы приняли во время шестопсалмия стоять, как на Страшном Суде, это очень доброе дело. Но нехудо переносить его и на всякую молитву. Кто-то из старцев древних говорил, что самое лучшее положение для молящегося есть – стоять, как на Страшном Суде. Поставляйте себя в такое положение или в положение умирающей и готовящейся предстать перед Господом, – и невольно станете вопиять: «Господи помилуй! О Господи! Спаси же!»

Просите молитв, чтоб вам не развлекаться мыслями, кои неудержимо блуждают и отвлекают внимание от должного. – В первый раз слышу от вас речь об этом; между тем

это главное нестроение, какое испытываем мы внутри. Прежде верно это не так казалось нестройным делом, а теперь видится в ином свете. Отчего? Приписывают это действию маленького правильца, какое вы стали исправлять, творя молитву Иисусову. Когда вы на молитвословии все читали и читали, то при многомыслии, подаемом молитвами, мысли отходили и возвращались незаметно. Теперь же, когда слово молитвенное одно и одно помышление им подается, всякое иное помышление тотчас заметно, как чуждый посетитель. Пред вами и открылось таким образом внутреннее нестроение. – Как же быть? Продолжайте упражняться в исполнении того же правильца, и мысли все более и более станут успокаиваться, и немощь, замеченная вами, врачеваться. Правильце то, если вы станете продолжать его как следует, заведет болячку в сердце, а болячка эта мысли прикует к Единому, – и блужданию мыслей конец. С этого момента, когда Господь сподобит вас улучить его, начнется новый перестрой всего внутреннего, – и хождение пред Богом станет неотступное.

Кто-то в давнее время назвал вас орлом. Это в светской жизни. Будете и в духовной жизни орлом настоящим. Но теперь вы похожи на птицу, которая сильно машет крыльями, посматривая на небо, но от земли не подымается, а только прыгает; ей же самой кажется, что она летит быстро и высоко. Трудитесь, и в самом деле будете высоко летать, – *без парения*.

Старица та, что выше, назвала вас пламенной. – И такой будете. Теперь есть жар, но не настоящий еще. Покойный Игнатий Преосвященный говорил, что есть жар кровянной, разумея под сим свой самодельный жар, который до времени служит добре, но потом должен уступить место другому, неземному жару. Кто остается при этом одном (кровянном), тот попадает в прелесть, по коей начинает думать о себе паче, нежели что есть на деле.

60. Закон постничества. Веровать надо, что Господь внутрь нас есть - в силу крещения и причащения, по обетованиям Его. О записывании мыслей догматических или нравственных, приходящих во время молитвы. О молитвенном настроении

Просите начертать вам великопостный устав. – Да на что же это?! Общий устав вам известен, а частный, келейный мне нет возможности написать, потому что не знаю ваших особенностей. Извольте сами это сделать, применяясь к общему. Скажу только: положите в сердце общий закон постнического действования, – и он будет двигать руками, и ногами, и всеми членами вашими, как требуется. И будет у вас в действии неписанный устав. Закон постничества такой: в Боге умом и сердцем пребывать с отрешением от всего, всякое себе угодие отсекая, не в телесном только, но и в духовном, творя все во славу Божию и благо близких, неся охотно и с любовью труды и лишения постничествия, в пище, сне, отдыхах, в утешениях взаимно-общения, – все в мере скромной, чтоб это в глаза не бросалось и не лишало сил исполнять молитвенные правила. Имея сие в виду, вам нетрудно будет определить, как, когда и в какой мере что делать.

Службы церковные лучше в церкви слушать, всячески напрягаясь не отходить от Господа умом, как бы долго она ни тянулась. Дома же вычитывать их только в случае крепкой болезни.

Причаститься можно раза три – на первой неделе, крестопоклонной и страстной. А если придет сильное желание, можно еще прибавить. Можно и каждую неделю причащаться. Об этом вам следует поговорить со своим духовником.

Занимайтесь дома более чтением, богомыслием и молитвой, а рукодельем поменьше. Впрочем смотрите сами: иногда и порукодельничать надо побольше, когда душа насытится духовным.

Что касается невольных тужений и скорбей сердца, внезапно нападающих, то я ничего не умею о нихказать. Потрудитесь записывать бывающее при сем, тогда, может быть, скажется, откуда они. Мне думается, что они у вас не Божии. Божии умиление и слезы

приносят; а эти, скребущие сердце без явных причин, только расстраивающие и ни на что доброе не наводящие, надо прямо производить от врага. Серчает он на вас и скребет когтями своими. Обращайтесь к молитве. Господь пошлет ангела, который и отгонит томящего вас духа.

Трудитесь в навыкновении молитве Иисусовой. Благослови Господи! Веровать надобно, что Господь Иисус Христос внутрь нас есть, – в силу крещения и причащения, по обетованиям самого Еgo, соединенным с сими таинствами. Ибо крещенные облекаются во Христа, а причащающиеся приемлют Господа. *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем,* – говорит Господь. Только смертные грехи лишают нас сей великой к нам милости. Но кающиеся и по исповеди причащающиеся опять возвращают ее себе. Так веруйте. Если недостает веры, молитесь, чтоб Господь приложил ее вам и утвердил в вас крепко и непоколебимо.

Внимайте себе и со страхом и трепетом свое спасение содевайте. Замечайте помыслы, находящие и отходящие, – и состояния духа, неподвижно стоящие или длящиеся часы и дни. Все сие будет служить для вас документами для определения, – что в вас?

Держите под руками тетрадь и записывайте, если какие мысли, догматического или нравственного содержания, рождаются сами собой – особенно во время молитвы, – и завладеют всем у вас внутри, и умом и сердцем, и будут держаться долго. Это ангельские мысли. После прочитывайте по временам, чтоб оживлять свое внутреннее. Записывайте также в особую тетрадь и стихи псаломские, с которыми на устах, как пишете, вы просыпаетесь, и которые не отходят, а твердятся сами собою. Записывайте и мысли, первые по пробуждении, если они не отходят. Этим всем исполняется то, что обетовано христианам через пророков, – что они все будут научены Богом.

То, что водитесь чувством или что вообще имеете духовные чувства, не значит еще, что стоите твердо вниманием в сердце. Когда это последнее есть, тогда ум стоит в сердце неисходно, и стоит пред Господом, в страхе и благоговеинстве, и исходить оттуда не хочет. Состояние это похоже на то, как дитя в объятиях матери покойится. Даруй вам Господи сего достигнуть.

Что Иисусовой молитвой дополняете правило своего домашнего молитвословия, добре делаете. Можете четверть, половину, три четверти своего правила, и даже все правило заменять сей молитвою. Только времени не умаляйте, и в страхе и благоговеинстве себя держите. Всячески трите себя – и читанием молитвословий, и своими молениями, и умной молитвой, заботясь об одном, чтоб от души не отходило молитвенное настроение.

61. Об утешениях от святого причащения. Об уставе постническом. О возобновлении душеполезных мыслей и чувств

Первое слово у вас о добром состоянии после св. причастия. – Слава Богу! Даруй вам Господи больше и больше сродняться с Ним. Но не забывайте, что добрые сии действия святого причастия всегда суть дело милости Божией. Есть? – и слава Богу! Благодарите Господа, и паче и паче смиряйтесь. С нашей стороны необходимы труды приготовления, затем вера, страх и трепет при приступании к таинству. Но как ни будь все сие исправно, – ощущение благого действия от св. причастия не есть необходимый плод их. Это всегда в руке Божией. И как ни милостив Господь, но нередко сокращает руку Свою, или в наущение, или в наказание, особенно за недостаток смиренных чувств, и еще особеннее за такое помышление: то и то сделаю, и будет мне то и то от принятия св. Таин. Такие пророчества всегда суть вражьи и никогда не сбываются. Ибо тут творится грех чуждоприсвоения, – себе и своим трудам приписывание того, что прямо есть милость Божия.

Коротенько поминаете о том, как в жизни пришлось вам пройти огнь и воду. Благодарите Господа.

Он навел вас на эту дорогу и провел ею, и привел к тому, что вы теперь. Благодарите, что не допустил вам выступить из той колеи, какая Им намечена для вас и для вашей жизни.

Опять у вас с утра оказался на языке стишок псаломский и твердился целый день: *Взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу*. Записывайте их, как я говорил, – и иногда прочитывайте. Выйдет Божия книжка, в душе вашей писанная, и вами оттуда в тетрадку переписанная.

Устав свой постнический наладили. Смотрите, не слишком ли трудноват будет. Поблажать себя и льготы позволять не должно; но и тяготы большие вдруг налагать на себя не надо. Тяготы и трудности лучше, начав с малого, понемногу прибавлять. Так, действуя незаметно, можно дойти до таких себя преутруджений, которые будут гораздо значительнее вами намеченных, но которые не будут подавлять. Почему думаю, что вам лучше некоторые труды умирить теперь, и потом понемногу подбавлять их. Устройтесь, впрочем, как находите для себя лучшим, – и с духовником потолкуйте. Еще одно не забудьте: не вязать себя уставом своим, сохраняя за собою всегда свободу действования. – и об одном заботясь, чтоб всегда быть с Господом. Поменьше механизма и формы. Жизнь в движении, а не в форме закаленной.

Пишете: «Думается, что у меня все идет гадко». – Лучшего думания и вернейшего и придумать нельзя. Так оно и есть. Чего же доброго вы от себя ждете? Слава Богу, что хоть замечаете это. То еще дурнее будет, если станете все в себе видеть хорошим. Милости Божии только исповедать надо, что, несмотря на недобротность нашу, Он не отвращает от нас очей Своих и не забывает иногда малую какую крупинку перебросить и нам от обильной трапезы истинных чад Своих.

Пришло мне на мысль передать вам, как одна монахиня ретивая, везде у себя в келье на тех местах, которые невольно встречаются глазам, понаклеила бумажек с изречениями слова Божия или св. Отцев. Они содержанием своим возобновляли в ней мысли и чувства, которые почаше иметь во внимании она считала для себя душеполезным. Это сделать и вам, полагаю, будет не бесполезно.

62. Вред от осуждения. О страхе Божием

Что не вплетались в спор, хорошо сделали. И никогда не беритесь за это дело. Спор редко проходит без внутреннего некоего расстройства. А что потом договорились до худого и осудили, это очень дурно. Хорошо хоть, что заметили вину осуждения. Навыкайте замечать самые подступы сего злого чувства. Это враг поднимает его в сердце. Каким красивым оно кажется! А всегда оставляет по себе густую мутность и черноту. Хорошо сделаете, если поскорее скажете его на духу, и попросите епитимии. Ничего нет легче, как осудить. Но это дело никогда не остается без наказания у тех, кои начали внимать себе. Что вы вслед за сим написали, и было наказанием.

«И все вычитываю, но сознаюсь, что молитвы нет». – У вас, выходит, есть только труд стояния на молитве. Хоть это лучше, чем совсем не стоять на молитве, однако ж молитва такая есть то же, что подать Господу сухую корку. – Бегите скорее к духовнику и кайтесь в осуждении, с сокрушением и плачем. Господь и возвратит вам Свое милостивое на вас воззрение. Господь близ. Ему одно мановение сделать, и все пойдет добре! Он и всегда готов обливать нас милостями Своими; но мы не всегда оказываемся достойными и способными принимать их. От того, как только прекратится приток сей, мы чувствуем в себе оскудение всего духовного, ни мыслей, ни чувств нет добрых, пустеем. Заслужили наказание, и наказываемся. Но вот поплачете, покаетесь, получите разрешение, – и оживитесь.

Еще слова спросонку: *На престоле огнезрачне*, и проч. К покаянию вас призывает Ангел-хранитель. Если эти слова вы записали, то добр!

Что страх Божий обнимает душу, это очень хорошо. И это туда же направляется. Тут уж сам Господь вас потревоживает. Поспешите же сделать, что я написал. Вместе молитесь,

чтобы сей страх не отходил или Господь не брал его от вас, а все более и более углублял его. При нем все у вас будет в порядке, – и мысли и слова. Это ангельское чувство. Ибо ангелы со страхом и трепетом всегда предстоят Богу, – и чем выше они, тем сии чувства живее. Это на вас пахнуло небесным воздухом.

63. Болезнь вместо пощечин. Как зачинается потаенный сердца человек

Пост пришел, – трудиться бы надо по-постнически, а к вам болезнь подступила. – Утешайтесь! И это тоже труд, – и, может быть, тем более ценный, что не от произвола зависит. Господь его наложил. Извольте же так нести его, как прямо от руки Господней приявшая его. Благодущие, с каким будете переносить болезнь, сделает претерпение ее подвигом, высшим всякого пощечин.

Вот загадывали уставы на пост. А Господь предписал вам Свой, не писменем, а делом. Веруйте, что он пригоже для вас всех других, какие бы вы ни придумали. По сей же причине намеченная вами мера поста уже не должна быть выполняема, – чтобы иначе не попасть из убивателей страстей в убиватели тела. Дни текут и к концу приближают жизнь. А в конце том что? Суд Божий, который не то же есть, что наш собственный и людской. Мудрено ли случиться, что он будет противоположен здешнему? Поминайте о сем.

Пишете: «Будто шевельнулся маленький в сердце человечек». – Как вы никакою чертою этого движения не определяете, то не могу ничего сказать вам на это. Замечу только, что потаенный сердца человек когда зачинается, то это чувствуется сердцем. Зачавшись, он растет уж сам собою, питаясь теми же элементами, из которых породился. Забота потом вся должна быть обращена на то, чтобы потребная мера сих элементов никогда вокруг него не оскудевала. Таковы все духовные подвиги и занятия.

64. О молитвенном правиле

На первом месте прописана у вас жалоба на свое нерадение и леность, по которым иногда не дочитываете положенного. – Если вы оправились от немощи, то за это стоит себя бранить. Но отчего бы вам оставляемого чтения не дополнить другим чем? Я уже не раз писал вам, что правило можно исполнять разно. Самое лучшее есть определить правило временем, и потом в сие время то читать молитвы, то так молиться. Начинать чтением начальных молитв, углубляясь в них, с протяжною расстановкою. Всего лучше читать на память. Затем, когда расшевелится сердце, кладите поклоны, говоря по движению чувства от себя простое слово Господу. Можно выучить на память несколько псалмов, и во время правила читать их, из всякого стиха составляя молитвенное к Богу обращение. Можно прочитавши псалом, класть поклоны с краткою молитвокою; потом читать другой псалом или другую молитву, а после опять поклоны класть. Можно все время только поклоны класть, – малые и большие, с краткою какою молитвокою. Всяко можно. Изгнать надо из правила всякий механизм и форму. Пусть все идет из сердца свободно.

Зачем вы считаете себя подстреленной птицей? Вас Господь посадил в золотую клетку (нужды и лишения) и всячески холит вас (духовным питанием), чтобы вы пели Ему приятные пения, покаянные, благодарные, хвалебные, просительные. Если при мысли о своей подстреленности и чувство было горькое, то, как оно ни естественно в терпящем особенно напраслину, оно не может быть приятно Богу. Коль скоро вы дошли до уверенности, что все бывшее с вами Богом устроилось, именно для вашего блага, то стоит только вам оживить такое убеждение, чтобы всякая горечь тотчас исчезла, как дым от ветра, в богопреданности и заменилась благодарением Богу за все искренним.

65. Три побуждения к деятельной христианской жизни, к добро деланию. Об очищении сердца. О наемничестве и сыновстве Богу

Пишете: «Некто писал, что он считает грехом делать добро ближнему Царствия ради Небесного», – и спрашиваете, можно ли так рассуждать? – Не должно так рассуждать.

Писавший к вам, верно, принадлежит к числу модных философов, у которых на языке творить добро ради самого добра. Слово Божие не знает такого побуждения. В нем указываются только три побуждения, заправляющие деятельной христианской жизнью: страха ради мучений вечных, Царствия ради Небесного, любви ради к Богу. Первое ведет к покаянию и полагает начало доброделания; второе – поддерживает труды доброделания и подвигничества; третье – возводит на верх совершенства и венчает дело. Начинать надо с первой ступени, и через вторую стремиться к третьей; а вдруг на третью нельзя. Укорным является страх рабский, когда им одним руководятся и на нем останавливаются, не двигаясь далее. Для жизни действен и такой страх; ибо оstepеняет и упорядочивает ее, отклоняя от всего худого. Но при нем остается возможность ограничиться одной внешней исправностью без исправления сердца – что есть главное. Почему необходимо другое побуждение, чтобы жизнь подвинулась дальше и выше. Это делает надежда Царствия Небесного вечно блаженного. Слово Божие говорит, что в Царствие Божие не войдет ничто нечистое, и вместе учит, что страсти делают сердце нечистым и, следовательно, непригодным для Царствия. Отсюда следует: хочешь Царствия – очисть сердце. Очищение сердца требует трудов и лишений болезненных. К подъятию и перенесению их ничто так не воодушевляет, как несомненная надежда получения благ вечных, по неложному обетованию Господа. И видим, например, что св. мучеников наипаче поддерживала в решении терпеть надежду, что в этот час немного пострадаю, а там рай и вечное блаженство. И Господь говорит: «Верный рабе!.. был ты верен, вниди в радость Господа твоего. И на Страшном суде, – сказал, – буду такие полагать решения: потрудился ты, – приди, наследуй Царствие». Из сего осозательно видно, как и это побуждение пригодно к течению доброделания. Но и оно бывает укорно, когда на нем останавливаются. Оно делает тогда делателя наемником. Наемник – чужой в доме, а Царство Божие есть дом Божий, в коем никого не будет, кроме своих Богу, кроме Его сынов и дщерей. И дети работают по дому, иногда даже более работников, но совсем в другом духе, чем работники. Те работают, чтобы угодить отцу, и о домашних делах пекутся как о своих, блага же, какие вкушают, живя в доме, считают не наградой, а естественною некоей принадлежностью своей, и в виду не имея получения их, а считая себя обладателями их по порядку домостроительства. Работники же, как ни хороши бывают, никак не могут освободиться от чувства, что они чужие, и от того помышления, что работая, работают не для своего дома. Это у добросовестных работников не ослабляет усердия к работам, в меру найма; но и не сильно возвести их усердие в такую силу напряжения, чтобы они, не жалея себя, решались на труды более определенного в условиях найма. Подобное нечто происходит в душе и тех, кои в жизни доброделания руководятся одним только чаянием воздаяния. Они не восходят в полную меру доброты, а останавливаются на исполнении долга, хотя не по одной внешней, но и по внутренней его стороне. Почему не могут иметь чувства, что свои суть в доме, а только принятые в дом, хотя и прочно к нему причислены. Чего им недостает? Той преданности Господу – Домовладыке Царства, по которой они держали бы в сердце: всего себя предаю Тебе, Господи, и работать Тебе работаю всеми силами души и тела и всем достоянием моим, единственно того ради, да славится всесвятое имя Твое, которое для меня дороже самой жизни. Это есть настроение сердца, в котором царствует любовь к Богу, располагающая Бога в чувстве иметь своим, и себя – Божиим, равно как все Божие своим и все свое Божиим. И такой чает благ вечных, но не как воздаяния, а как прямой принадлежности того отношения к Богу, в коем Бога имеют своим и себя – Божиим, т.е. принадлежности сыновства. Кто востекает на сию степень, тот сын в дому, дышащий одною любовью к Отцу. И это последняя степень в ряду побуждений к доброделанию.

В деятельной жизни все три побуждения надо держать неослабно, только в настоящем их виде. Когда кто востечет до сыновней к Богу любви, тогда у него и страх бывает сыновний, и чаяние Царствия сыновнее. Пока же кто не достиг сего, то у него и страх и чаяние Царствия еще не в настоящем бывают виде. Страх в начале пробуждения у всех почти бывает рабский; но потом у одних он, вслед за решением жить богоугодно, начинает

переходить в сыновний, а у других остается рабским. Также и чаяние Царствия зарождается после больше или меньше долгих трудов в доброделании; но и оно у одних постепенно перераждается в сыновнее, а у других остается работническим.

Больше об этом я не имею что сказать. Представить пояснее различие в этих побуждениях, кои очень тонки, затрудняюсь. Кто возьмется за жизнь, как следует и в течение ее направления предаст себя Господу, того сам Господь настроит на должные побуждения и незаблудно проведет к сыновству. Мы все сыны по назначению, но настоящими сынами становимся не тотчас.

66. Умная молитва - долг и мирян. У кого нет умной внутренней молитвы - у того никакой нет. Что есть молитва. Средство к стяжанию умной молитвы

Пишете: «Была у меня одна благочестивая особа, и мы разговаривали о делах Божиих. Коснулись молитвы. К моему удивлению, гостья моя стояла на том, что мирянам не только не под силу, но и совсем не подходит умную иметь молитву. Я сказала на это что могла. Прошу и вашего об этом слова».

Ваша гостья неправо рассуждала. У кого нет умной внутренней молитвы, у того и никакой нет, ибо только умная молитва есть настоящая молитва, Богу угодная и приятная. Она должна составлять душу домашнего и церковного молитвословия; так что коль скоро ее нет при сем, то молитвословия те имеют только вид молитвы, а не суть молитва.

Ибо что есть молитва? Молитва есть ума и сердца к Богу возношение на словословие и благодарение Богу и испрашивание у Него потребных благ душевных и телесных. Существо молитвы, стало быть, есть умное к Богу восхождение из сердца. Становится ум в сердце сознательно пред лицем Бога и, исполняясь достодолжного благоговения, начинает изливать пред Ним сердце свое. Вот и умная молитва! Но такова и должна быть всякая молитва. Внешнее молитвословие, домашнее или церковное, дает ей только слово или форму; душу же или существо молитвы носит всякий сам в себе в своем уме и сердце. Весь церковный молитвословный чин наш, все молитвы, сложенные для домашнего употребления, исполнены умным обращением к Богу. Совершающий их, если он хоть мало внимателен, не может избежать сего умного к Богу обращения, разве только по совершенному невниманию к совершающему им делу.

Без умной молитвы никому нельзя обойтись. Не возноситься к Богу молитвенно мы не можем; ибо природа наша духовная того требует. Вознести же к Богу мы иначе не можем, как умным действием, ибо Бог умствен. Есть, правда, умная молитва при словесной или внешней, – домашней ли или церковной, – и есть умная молитва сама по себе, без всякой внешней формы или положения телесного; но существо дела там и здесь одно и то же. В том и другом виде она обязательна и для мирских людей. Спаситель заповедал войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне. Клеть эта, как толкует свят. Димитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно, заповедь Господня обязывает тайно в сердце умом молиться Богу. Заповедь эта на всех христиан простирается. Вот и апостол Павел что заповедует, когда говорит, что должно *всякою молитвою и молением молиться на всяко время духом* (Еф. 6, 18)? Заповедует умную молитву, – духовную, – и заповедует всем христианам без различия. Он же всем христианам заповедует *непрестанно молиться* (1 Сол. 5, 17). А непрестанно молиться иначе нельзя, как умною молитвою в сердце. Таким образом, нельзя спорить, что умная молитва для всех христиан обязательна; а если обязательна, то нельзя уже говорить, что едва ли возможна, ибо к невозможному Бог не обязывает. Что она трудна, это правда; а чтобы была невозможна, это несправедливо. Но ведь и вообще все доброе трудно; тем паче таковою должна быть молитва, – источник для нас всего доброго и верная тогого опора.

Спросит кто, как же это сделать? Очень просто: возьмей страх Божий. Страх Божий как чувство привлечет внимание и сознание к сердцу, а как страх заставит внимание и сознание

стоять в сердце благоговейно пред Богом. Вот и умное предстояние Богу, – вот и молитва умная! Доколе в сердце есть страх Божий, дотоле умное предстояние Богу не отойдет от сердца. Вот вседейственное средство к умной молитве!

Но как же скажет кто: «Дела развлекают»?! Не будут развлекать; возьмей только страх Божий. Умному предстоянию Богу, – или памяти Божией, мешают не дела, а пустоделие и худоделие. Отстрани пустое и худое, оставя одно обязательное, – не по светской, а по евангельской обязательности, – и увидишь, что исполнение такого обязательного не только не отклоняет от Бога, а напротив, привлекает ум и сердце к Богу. То и другое (обязательные по Евангелию дела и молитвы) одного рода и требует одинакового строя душевного. Что ни стал бы ты делать из этого круга, всегда обратишься к Богу, чтоб помоши испросить и дело самое Ему посвятить во славу. Вставши утром, установись покрепче перед Богом в сердце в утренней своей молитве, и потом исходи на дело свое, Богом тебе определенное, не отрывая от Него чувства своего и сознания. И будет то, что силами души и тела будешь делать дела свои, а умом и сердцем пребывать с Богом.

Неправо понимают умную молитву, когда думают, что для нее требуется сидеть где-либо скрытно и таким образом созерцать Бога. Нигде не нужно для сего укрываться, кроме своего сердца, и там установясь, зреТЬ Господа пред собою, как бы Он был одесную, как делал св. Давид. Говорят: «К образованию умной молитвы помощным средством служит уединение, а для мирян как возможно уединение, – у них непрестанные дела и столкновения? Стало быть, и умной молитвы им некогда у себя завести». – То правда, что для умной молитвы нужно бывает уединение. Но есть два рода уединения: одно всецелое, всегдашнее, когда кто уходит в пустынь и живет один; другое частное, бывающее по временам. Первое действительно не идет к мирянам, а второе и возможно для них, и даже есть у них. У всякого случается сколько-нибудь времени всякий день, когда он бывает один, хоть бы даже и не заботился намеренно о том, чтоб устроить для себя часы уединения. Вот эти часы и может он обратить на образование, укрепление и оживление умной молитвы. Следовательно, никто не может отговариваться недостатком благоприятного умной молитве положения в порядках своей жизни. Улучишь такой час и углубись в себя. Брось все заботы, стань умно в сердце перед Богом и изливай пред Ним душу свою.

Но есть кроме внешнего еще внутреннее уединение. Вне – обычное течение дел человеческих; а между тем среди них иной один себе сидит в сердце, ничему не внимая. Всеми испытывается, что когда у кого болит сердце о чем-либо, то будь он в самом веселом и многоречивом обществе, ничего не слышит и не видит. Там – у сердца своего сидит он с своей болестью. Это всякий знает по собственному опыту. Если же так бывает в житейских делах, то отчего не быть подобного сему и в порядке жизни духовной? Есть и тут болезнования, которые еще гораздо сильнее и глубже всех болестей житейских. Когда кому западет в сердце болезнование в этом порядке жизни, что будет в силах тогда извлечь сознание его из его уединенного пребывания в сердце? Следовательно, стоит только его завести, чтоб быть уединенну, и не наедине будучи. И за этим недалеко ходить. Оживи страх Божий, – и пойдут болезнования самые сокрушительные, которые прикуют внимание и чувство к единому потребному, како придем и явимся лицу Божию. Вот и уединение!

Еще одно недоумение: «В деле умной молитвы надо иметь руководителя; где взять его мирянину?» Там же в миру; и между духовными отцами, и даже между мирянами. То правда, что все реже и реже становятся лица, к которым можно было бы благонадежно обратиться за советами о духовной жизни. Но они всегда есть и будут. И желающий всегда находит их, по милости Божией. – Жизнь духовная есть Божия жизнь, и Бог особое имеет попечение о взыскивающих ее. Возревнуй только – и найдешь все благопотребное около себя.

Так стало быть, хотят или не хотят миряне, а от умной молитвы нечем им отговориться. Пусть берутся за нее и учатся ей.

Вот и Благовещение прошло, в коем положено начало исполнению воплощенного домостроительства о спасении нашем. Тогда никому ничего не видно было. Только смиренномудро изрекшая: *Буди мне по глаголу твоему*, – восчаяла чего-то необычайного, и стала объята божественным некиим светом,, который разгадан и старицей Елисаветою, сотаинницей ее, имевшей родить св. Предтечу, сотаинника Господня. К ним надо причислить только еще св. Захарию. Прочие все ничего еще не ведали. Нам теперь легко в начале видеть, как в семени, продолжение и конец. И вот занятие уму в день Благовещения! Потрудитесь изострить ваше умное зрение и обозрите все течение нашего восстановления от начала до конца его в вечности. И благословите Господа.

Вы опять больны; но терпите благодушно и Господа благодарите. Се добре! Даруй Господи вам и всегда так держать себя в болезнях и, прибавлю, в скорбях, – по искренней вере, что все бывающее с нами идет прямо от Господа и служит ко благу нам, душевному. Какую отраду вливает в сердце это убеждение и какую крепость придает нравственному настроению!

Что прогоняете тотчас нахождения нечувствия и беспечности, добре творите. И средство – укорение себя – идет. Прибавьте устрашение. Ленивцу сказано: *Связавши ему руце и нозе, ввергните во тьму кромешнюю*.

И затем Господа молите ниспослать вам живительную струю света от престола Своего.

Опять, Бог дал, хорошо себя чувствовали в день св. причастия. Исповедуйте в сем великую милость Божию. И размышлением можно дойти до обрадования сердца, но это обрадование как бы пахнет только на душу и пройдет. Состояние же обрадованное прямо есть дар Божий. Сего ради, чувствуя себя так, благодарите Господа, и паче смиряйтесь, боясь, как огня, присвоения себе в сем какой-либо части, ибо как только взойдет в душу, хоть в малой степени, подобное чуждоприсвоение, тотчас отойдет осияющий ее облак сей. – Как часто вам причащаться, решите с своим духовным отцом. Я скажу только: «Можно».

Ваши чувства при воспоминании страданий Господа, – что и себя лично в них укоряете, – настоящие. Так есть. Мы все в них виновны, и по причине виновности в первородном грехе, и особенно по причине личных наших грехов по крещении. Вы смотрите как на пример на преблагословенную Матерь Божию. Она была введена в тайну креста, и это давало ей мужество стоять у креста, хотя материнское сердце горело от скорби. Художники не умеют изображать страдание Божией Матери при кресте, чтобы оно было и глубокоскорбно, и вместе осиявалось мужеством. Сильны ли к сему мысль и слово, извольте попытать.

67. В чем хитрость врага, его прелесть и сеть. Грешность на языке и самоправедность в сердце

Пишете: «Я положила себе и всячески стараюсь ничего не делать по самоугодию». Потом поминаете, что однажды в церкви задремали и проспали сколько-то: это же кому в угоджение допущено? Пусть это немощь; однако ж и совсем себя обезвинять нельзя. Вы же так рассказываете, как будто позволительное что сделано. Если б вы пришли к царю с прошением, и сказав ему несколько слов, смежили очи и заснули, что бы вам было? Что-нибудь строгое, из рода таких приговоров: *Связавши вверзите в...* А вы пред Небесным Царем, в руках Которого и временный и вечный ваш живот, заснули, – и ни страху, не стыда. Пусть немощь, но сокрушаться все же надо. Просите врачевства против сна. – Какое же тут врачевство? Не давайте себе спать, и не заснете. Если будете держать в мысли и чувстве, зачем пришли в церковь и к Кому и внимать читаемому и поемому, то не испытаете и подступа дремания. Распустили мысли блуждать туда и сюда, дремание и подкралось, а от него до сна черта едини. Если крепко одолевает дремание, св. Исаак советует пройтись немного. Делайте так, когда не сильны бываете одолеть дремание обычным порядком. Только уж всячески не допускайте этого вперед, потому что и это может обратиться в навык.

Чувствуя обрадованное состояние после св. причастия, не забывайте оградить его страхом Божиим, чтоб не подкрался враг и не увлек к вольности в речах и движениях. А это, как буря, все развеет. Бдите! Враг ведь никогда не восстает прямо против должного, а всегда обходы употребляет или выдумывает предлоги к поблажкам. «На радостях, – скажет, – можно поговорить, или надо и других сделать причастниками радости своей»; потом словоохотливость раздражит; далее – введет в пустоболтание. Вот и ветер! Ведь и грешить враг учит, не узаконяя греха, а только наущая поблажать себе на один предлежащий случай, оправдывая то всякими изворотами. – Человек и верит. В этом вся его прелесть и сеть.

Пишете: «Царит во мне сознание своей грешности и того, что я хуже всех». А через несколько строк прибавляете: «За этот год я больше сделала (успеха), чем во все предшествовавшие пять». – Сличите сии показания, и смотрите, что получится. Там смиренные слова и только, а здесь чувство самодовольства. Против чувства где устоять словам?! И выйдет: грешность на языке, а в сердце самоправедность. В этом смысле, конечно, надо понимать и еще ниже прописанную заметку: «Я никогда не высокомудрствую». Т.е. что вы всегда смиренны на словах, а сердце полно сознания своего достоинства и заслуженности; там царит самочувствие и самооценение, – скрытнейший враг, но который нередко проторгается и наружу. Извольте заняться этим положением дела и вникнуть в себя, боясь образовать из себя личность, которая одно есть снаружи, а другое внутри. Я не то здесь разумею, чтоб вы этого желали, а что это само собою устроится, если не будете внимать себе. Смирение не вдруг приходит. Оно идет в содружестве с любовью, рука об руку. Только совершенная любовь совершенно смиренна. А до того из сердца нет-нет и прорвется высокоумие.

Пишете: «Были припадки серчания и нетерпения». Вот и это свидетельствует, что смирение у вас еще неглубоко. Хорошо, что замечаете, каетесь и сказываете духовнику. Но попросите его, чтоб он был к вам построже и нисколько не поблажал вам, и не стыдился назначать вам должные епитимии.

Спрашиваете, всегда лиходить в церковь. Оставляю вам на свободу, – когда ходите, когда дома молитесь, – только бы не было поблажки лености. Одно имеете в виду, чтобы быть в молитвенном настроении, дома ли молитесь, или в церкви стоите на богослужении.

68. Таинство ли постриг? Признаки благодатного состояния. О чувстве своего достоинства. Что нужно для жизни в духе

Очень много набралось у вас пунктов, требующих замечания. Буду о всем говорить коротко.

«Какая я неисправная? Но все-таки скажу, что я невиновата». – Причислите и эту невиноватость к сознанным неисправностям, ибо так говорить есть неисправность. Мало что можно найти; в чем бы мы не нашли себя виноватыми, если поусерднее вникнуть в дело. Сказать: виновата, не сознавая того, конечно неудобно; но если б присмотрелись, нашли бы себя виноватою. Впрочем, почему бы не принять на себя вину и безвинно?

Опять вопрос: «Таинство ли постриг?» – Не таинство; как уже и писал. Благодать поновляет постригаемого, но не в силу пострига, а в силу тайнств исповеди и св. причастия, всегда с ним соединяемых. Однако ж постриг – не ничто. Он много значит для постригаемого, ибо приводит в большее напряжение его нравственную энергию и на будущее время дает способ к поддержанию ее через воспоминание об изреченных при постриге обетах.

«Как узнать, в благодати ли кто?» – Сами же вы и указали верный признак к определению сего, именно: отвращение от всего грешного и страстного. Прибавьте к сему: и ревность о богоугождении по вере и в духе веры. В ком жива такая ревность, тот в благодатном состоянии. В таинствах, достойно приемлемых, благодать подается всем, – и начинает действовать. Но чувство благодатного осенения не всем вдругдается, а наиболее после довольных над собою трудов. Блаженна душа, ощущающая благоволение Отца,

очистительное кропление кровью Сына и животворное веяние Духа. Извольте нераздельно сие созерцать, и, как к верховному благу, молитвенно к тому стремиться. Придет, Бог даст, и чувство благодатного состояния.

«Хотелось бы мне дойти до понимания глубины сердца и внимательно следить за каждым его биением». – Доброе и предобное хотение! Надобно установиться вниманием в сердце и стоять там неисходно пред Господом. Я об этом не раз уже писал вам. Тогда всякую порошинку будете замечать. Молитесь, даст Бог.

Говорите: «Чувство своего достоинства, может быть, и есть во мне; но что тут худого?» – То худо, что вы говорите, что тут ничего нет худого. Если, впрочем, хотите, чтоб чувство своего достоинства не было худо, научитесь так определять свое достоинство, как это делали св. Авраам и пророк Давид: *Аз есмь земля и пепел* (Быт. 18, 27); *аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничожение людей* (Пс. 21, 7). Потрудитесь восчувствовать такое достоинство. И тогда при самом живом чувстве его будете безопасны от худых последствий обычного чувства достоинства.

«Тоска камнем ложится на сердце.., и сны.., быть беде». – Так и хочется вам в пророчицы попасть. Не извольте никогда гадать о себе, предав себя и участь свою в руки Божии однажды навсегда. Это состояние и сны ничего не предвещают. Мне же видится тут вражья уловка. Наводит он это, чтоб вызвать на льготы, а во время льгот подставить ногу или навести на засаду. С вами уж это было. Извольте на это плевать и, не обращая внимания, продолжать свои обычные труды и занятия.

«Молитва Иисусова, – говорите, – начинает журчать, как ручеек». – Слава Богу! Но старайтесь при сем держать и соответственные чувства. И скоро, Бог даст, загорится и огонек в сердце.

«Что нужно для жизни в духе?» – Как вы направили свою жизнь, так и теките; и притечете в область жизни духовной. Только не прерывайте течения. Наперед определять ничего нельзя, говоря в себе: «То и то сделаю, или так и так потружусь, – и придет некое духовное движение». – Все от Бога и благодати Его, а она приходит невзначай. Трудитесь, терпите, молитесь, предавая себя Богу, без всяких гаданий о том, что будет, внешне ли что, или внутренне. Бог необидлив; не заделит, когда придет срок наделить чем.

Пишете: «Миряне терпят, но не венчаются». – Да, но когда терпят из-за суетного и ради суетного или на поприще самоугодия. Если же терпят, стоя на пути заповедей, и из-за заповедей, то и они венчаются. То же и монахи с монахинями, когда терпят по причине строгой жизни, – доброе, а когда по другому чему, ничто.

Начинаете входить во вкус духовных ваших занятий и уединенного пребывания; блаженствуете и восхищаетесь! Добре, добре! Только не мечтайте о себе и не собирайтесь лететь на небо. Бога благодарите, и в смиренные о себе помышления и чувства углубляйтесь.

69. О частом причащении. О самомнении и самоценении. Как говорить с другими о духовной жизни

Много вас теребят по поводу частого причащения. Не смущайтесь. Присмотрятся, перестанут. И всем следовало бы так делать, но не вошло это у нас в обычай. На востоке христиане часто причащаются, не в одни великие посты, но и кроме их. Первоначально же в Церкви Христовой за всякой литургией все причащались. Еще во время св. Василия Великого одна барыня спрашивала его, можно ли часто причащаться и как часто? Он отвечал, что не только можно, но и должно; а на то, как часто, сказал: «мы причащаемся четыре раза в неделю: в среду, пятницу, субботу и воскресенье». *Мы* – это разумеются все кесарийцы, ибо вопрос касался не священнодействующих, а мирян. Сказав так той вопрошавшей, он не определил ей числа, сколько раз причащаться, а только пример показал, оставив ей на свободу делать, как сможет, оставив, однако ж, в силе внушение, что причащаться надо часто. – Да и сама литургия, смотрите, что требует. На всякой литургии священнослужитель приглашает: «Со страхом Божиим и верою приступите». Следственно,

на всякой литургии и можно приступать. Тем более можно приступать часто. У нас иные говорят даже, что грех часто причащаются; иные толкуют, что нельзя раньше шести недель причащааться. Может быть, кроме этих, и другие есть в сем отношении неправости. Не обращайте внимания на эти толки и причащайтесь так часто, как потребность будет,ничтоже сомняся. Страйтесь только всячески приготовляться как должно и приступать со страхом и трепетом, с верою и сокрушением и покаянными чувствами. Докучающим же речами об этом отвечайте: «Ведь я не инуде подхожу ко св. причастию, всякий раз имею разрешение от духовного отца моего». – И довольно. О том, как это благотворно для вас, лучше не говорить. Знайте это для себя и благодарите Господа. Опасность для вас возможна одна – как бы не возмечтать о себе высоко. Этого бойтесь. Ибо тогда лишены будете всякого плода от св. причастия, и самое причащение будет не безгрешно. Боже упаси вас!

Мне думается, что вы очень способны на то, чтобы посользаться в самомнении, самоценении, в чувстве своего достоинства и стоимости не только перед людьми, но и перед Богом. Умом вы конечно знаете, что всего этого не должно держать на сердце, но бывает внутри некое лукавство, по которому те недобрые чувства запрятываемы бывают в сердце смиренноречием и даже сознанием своего недостоинства, которое (сознание) и само вменяется тогда себе в достоинство. Умудряйтесь перехитрить это лукавство и, открывая Господу свое сердце, молите Его, Сердцеведца, научить вас замечать эту лесть в себе, изгонять ее и подавлять. И Господь поможет. Придет момент, когда узрится в душе все, как есть, – и внушение придет, как сделать, чтоб все там было, как подобает быть.

«Говорить ли, – спрашиваете, – с другими о духовной жизни?» – Говорите, только о своей не сказывайте, а вообще рассуждайте, применяясь, однако ж, к состоянию спрашивающих. Бывает, что иные заводят о сем речь, чтоб только поговорить. И это лучше, чем говорить о чем-либо житейском или пустом. Молчание, как вам желательно, можно держать, когда вы не вдвоем с кем или не с вами ведется речь. Что, идя к кому-либо по нужде, молите Господа положить хранение устам, добре делаете. Лучше всего всегда с Господом быть. Но можно и говорить и с Господом быть. Навыкайте сему.

Когда ведете речь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого каким-либо задором, или высказыванием своих мыслей наперекор ему с явным желанием поставить на своем. Враг на это наводит, чтоб завязать спор, а от спора довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовном, чтоб выказать свою в этом отношении мудрость. И это вражье внушение, за последование которому непременно подвергнетесь насмешке от людей и Божию неблаговолению.

70. Приемы вражеских искушений. О вражеских хитростях

Наконец-то вы умудрились и сознали, что есть вражеские искушения, которыми враг никого не заделяет, – даже и вашей учености не стыдится. Да, да, он около всякого и всякой хлопочет. Но этого нечего бояться. Внимание к себе в сердце с молитвою к Господу расстраивает все его козни. Читайте у Исаия и учитесь, как тут действовать.

Враг не тотчас худо внушает. Первый его прием есть всевать помыслы, кажущиеся добрыми, и увлекать на дела по видимости добрые или на дела добрые с целью недоброю – себя показать. Лица, не очень разборчивые на помыслы и дела и не задумывающиеся над ними, лишь бы они не были явно худы, подаются на эту уловку, – и он начинает их гонять от помысла к помыслу и от дела к делу, все будто добрым, но или неуместным, или неблаговременным, или ненужным, или не в своей мере делаемым. Цель его тут та, чтоб испортить вкус духовный в различении истинного добра от мнимого, приучить к принятию своих внушений и породить высокое о себе мечтание: сколько наделано! Между тем как все то есть пустоделие и суeta. – Грешных дел пока еще не видно, но грехи словом нередко прорываются, а помыслов недолжных и еще больше бывает. Се первая вражья прелесть!

Когда успеет он кого запутать в этом, и кто втянется в такой род действования, тому он начинает предлагать грешки, кажущиеся безгрешными. Кто поддается на это, того доводит

он до грехов, хоть не кажущихся безгрешными, но извиняемых по обстоятельствам разным, как бы позволительных. Кто до этого дойдет, тому внушает он согрешить каким-либо грехом, заведомо грешным, которому и совесть поперечит, – внушает не всегда грешить таким грехом, а только однажды согрешить. Кто поддастся этому, тот попался совсем в когти вражьи... и стал его рабом через рабство греху. Ибо чрез это *однажды согрешить* он уже не перестанет его гнать все дальше и дальше по тому же направлению.

Эту историю вам знать не столько нужно, сколько ту, которая устроется, когда кто не слушает врага. Тут у него свои приемы. Укажу главнейшие. Когда кто, умудрясь, не дает хода помыслам и позывам на добро, кажущимся добрыми, а тотчас или по собственному рассуждению, или по указанию опытнейших отсекает их, как бы они ни казались красными, и действует в сем роде с такою решительностью, что не предвидится возможности уловить его сим приемом, тогда враг бросает эту уловку и начинает действовать совне, – чрез людей, ему подручных. Тут пойдут льстивые похвалы, клеветы, осуждения, притеснения и всякого рода неприятности. Вот это и вам надо знать и ждать, – и смотреть в оба. Отвратить это не в нашей власти, но в нашей власти перехитрить врага. Главное – переносить все, не нарушая любви и мира. Помощник Господь. Его надо молить умиротворять наше сердце и, если благоволит, улаживать все и вне. Со своей стороны нам надо не выпускать из вида, откуда и как воздвигается буря, и неприязнь вместо людей направлять на того, кто, стоя позади, поджигает их и заправляет всем ходом.

Когда и этот прием не даст чаемых плодов, тогда враг начинает действовать своей персоною, тоже совне, строя разные причуды, то страшные, то обольстительные.

Когда и эти уловки останутся тщетными, тогда враг наконец отступает, не смея приблизиться. Поодаль ходит и издали подсматривает, не допустится ли какая оплошность, и не откроется ли таким образом ему возможность сделать снова нападение по какому либо приему. – Но совсем он ни от кого не отступает до самой смерти. Даже по смерти порывается что-нибудь сгородить – на мытарствах.

Прочитавши это, не подумайте: вот какие страхи! Но страшиться тут совсем нечего, ибо враг никакой силы не имеет против воли столкнуть нас на зло. Он только разные уловки употребляет, чтоб мы, обманувшись его призрачными представлениями и внушениями, почли худое хорошим и учинили худое, полагая, что делаем доброе. Внимание и молитва, как я сказал, делает все его козни бездельными. Господь своих никогда не оставляет, и Ангел-хранитель близ, который, как только увидит, что соблазняемый изъявляет несогласие на соблазн и противится ему, – тотчас немилостиво прогоняет врага.

71. О плаче. У сектантов нет Христа

У вас слезы. Добре. Се благодать Божия. Вы их не размолаживайте, а поддерживайте. От слез душа мягкою становится, как земля рыхлою от дождя. Читайте слово св. Лествичника о плаче. Там разъяснено, какого рода бывают слезы и как держать настоящие слезы, – в чем и для себя найдете уроки.

Дело жизни вашей при монастыре течет добре. Так Бог устроил. Благодарение Ему! Монахини в монастыре вас зовут, потому что думают, что вы не имеете того вне монастыря, что имеется в монастыре, между тем как вы то имеете. И выходит у вас разноречие. Вы спрашиваете: «Как монастырь даст то, что я имею вне его?» А они спрашивают: «Как можно вне монастыря получить то, что мы имеем?» Кто прав и кто виноват? Обе стороны и правы и виноваты. Иной рабе Божией в монастыре лучше, иной – вне монастыря. Кому какой образ жизни угоден, тот и пусть его себе избирает. Но избрав его для себя как лучший не должно думать, что он и для всех лучший, и что кто его не избирает, тот находится в худшем положении. Обсудив так дело, спокойно оставайтесь, как есть. А те пусть в монастыре подвизаются. Бог да направит и вас и тех ко спасению.

Что писала вам пашковка какая-то, будто Христос в ней и что она ничего не боится, то ведайте, что нет истины в словах сих. Эти сектанты и сектантки все присвоют себе такое преимущество, но они его не имеют и иметь не могут. Христос Господь в тех есть, которые

истинно веруют и таинства благодатные приемлют во св. Церкви. А пашковцы истинной веры не содержат, какою она должна быть по символу веры и определениям вселенской Церкви на соборах, св. таинства, благодать Божию, по учреждению самого Господа, сообщающие, отвергают, от Церкви Божией православной отпали: как же в них быть Господу? Господь – глава Церкви, а Церковь – совокупность всех истинно верующих и по вере действующих – есть тело Его. Исполняя Церковь – тело свое, Господь исполняет и каждый член тела Церкви, т.е. всякого верующего. А тех, когданине Церкви, Христос Господь не исполняет. Следовательно, Его нет в них. Нет Его и в пашковцах.

Пашковцы мечтают, что Христос в них, присвояя себе чуждое им. Они не только не имеют Христа, но состоят под проклятием Его. Христос Господь устами св. Церкви вселенской положил проклятие на еретически умствующих. Это по случаю появления еретиков. Но клятва сия, поражавшая появлявшихся тогда еретиков, простирается и на имеющих появиться. Для вновь появляющихся еретиков, которые мудрствуют подобно древним проклятым, нет нужды собирать новые соборы для проклятия их и отлучения от Церкви. Они сами подходят под сею готовую уже клятву, и новой не требуется.

Есть ли Христос в них, всего бы решительнее показала сила Христова, присущая в них. Если б она была проявляема, нечего бы и спорить. Но где она в них? Никто не видит. На языке у них только и слышится, что: «Христос в нас, Христос в нас», – а на деле никаких следов присутствия Его в них не видно. Пашков, говорят, так говорит, как никто, – задушевно, сердечно, убедительно. Другие же приходили его послушать и нашли, что он говорит вяло, водяно, бессодержательно, одно и то же твердит в разных изворотах. Мало ли в Санкт-Петербурге есть священников, которые говорят и умнее, и сердечнее, и убедительнее? А это уж дух прелести и лукавства обуял некоторых, что они видят в нем что-то особенное. Иные толкуют: «Посмотри, они, пашковцы, то и то делают». Слышу, слышу. А Пашков и деньги раздает, чтоб его слушали. Все же, что он и обманутые им делают хорошего и благодетельного для других, ничего особенного не представляет. И все православные, имеющие возможность, то же делают. Разница та, что у православных при сем правое сердце, а у тех – неправое. Они делают показное в видах привлечения к себе. Коновод их множество денег тратит в тех же видах.

Скажут пашковцы: «Покажи и ты нам следы присутствия Христа у твоих православных». – Православные – не мои, а Христовы сыны и дщери, вот что в себе имеют и являются: во св. крещении они облекаются во Христа и в силу причастия св. Христовых Таин, имеют в себе пребывающим Христа, по неложному обетованию самого Христа Господа. (В силу сего и пашковцы имели в себе Христа, но когда уклонились в сектанство и отпали от Церкви, Христос оставил их пустыми). Присутствие свое в них Господь являет тем, что мысли их просвещает, ноги их на путь добра направляет и силы на совершение его подает; тех, когданине впадают в грех, влечет к покаянию, покаявшихся руководит к исправлению и очищению сердца чрез подвиги самоотвержения, доброделания и молитв. Таково общее течение жизни православных под действием Христа Господа. Осязают при сем присутствие в себе Господа удостоверительно вначале только сами православные и те, с которыми они в ближайшем находятся общении, особенно духовные их отцы. (Спросите священников, сколько насчитывают они вам лиц, в которых осязают присутствие Христа Господа, не для всех, однако же, видное?) Но когда потом сказанными выше трудами над собою очистит кто сердце свое, тогда присутствие в них Христа Господа является видимым и для всех в проявлении всех тех благодатных даров, какие проявляли христиане первенствующей Церкви и всех последующих родов до нашего времени. Больше этого ничего не скажу на прописанный вопрос. Имеющие очи все сие видят.

Пашковцы, потеряв присутствие в себе Христа Господа в первом его виде, по причине своего еретичества, уж всеконечно не могут иметь его во втором. А кричать о себе они могут, что хотят.

72. О вражеских кознях

Толковали с некоей старицей о кознях вражеских. – Се добр! Внимайте себе, по Иисилю, и молитву Иисусову держите, и научитесь различать, что от врага. Он и внешне искушает, но мало тем дорожит. Все внимание его устремлено на душу с помыслами, чувствами и намерениями. Он сидит неотходно сбоку души и подмечает, в какие образы облекается она, чтоб применительно к ним действовать на нее. Как только заметит те или другие образы, тотчас начинает развивать и расложать их в том же роде, имея целью посредством их навести на худое, в чем и успевает, переводя внимание души от помыслов добрых к пустым, от пустых к страстным, – а далее, доводя страстные помыслы до страстных движений, и из них порождая страстные намерения, – от намерений же до дел не далеко. Враг пользуется при сем естественными законами движения образов в воображении и памяти. Законы сии суть: современность, одноместность, сходство и противоположность, связь причины и действия, средств и целей, всяких вообще соприкосновенностей в бывающем. Например: вы вспомнили о месте, в коем были и где вам сделана небольшая неприятность. Вы об этой неприятности уж забыли, но враг не забыл, и поспешит теперь воспользоваться случаем поновить и в вас чувство забытой неприятности, чтоб на основании его построить что-либо и более худое. Как только, проходя воспоминанием по всему бывшему там, вы дойдете до неприятного случая, он тотчас подбежит и станет за вас заступаться: «Как они смели», – чувство неприятности и оживет. Когда оживет чувство, он внушил: «Можно ли оставить», – и засеменил желание отплатить, желание это разовьет в намерение, а далее начнет поджигать и к решимости так сделать, – и сейчас же, поскорей-поскорей. Бедная душа и не опомнится, как дойдет до этого пункта, – и тут разве уж встрепенется. Как только встрепенется душа, враг тотчас отскакивает и опять смотрит, чем снова займется душа. Иногда и сам начинает занимать ее, принимая разные образы и рисуясь пред душою. У души есть свои глаза, кроме телесных; она видит эти образы, и иные пропускает без внимания, а иными и займется. Как только занялась, враг тотчас опять начинает тем же путем вести ее к страстным чувствам, чтоб чрез них довести до страстных намерений и решимостей. Вот какую забаву враг постоянно ведет с нашей душой, чтоб навести ее на зло. Авва Исаия по сему поводу говорил о себе: «Я похож на коня, который вольно пасется на лугу. Подходит чужой кто, садился и ездит. Когда, наездившись, бросает, подходит другой и то же делает, и т.д.» А другой старец уподоблял себя кудели: «Подсядет, – говорит, – враг, и ну прясть, и все прядет, пока не отгонишь». Прядение есть течение помыслов, которые идут одни за другими, одни из других вырождаясь, пока не дойдут до чего-либо грешного, от которого опомнившись, душа пресекает течение помыслов и отгоняет врага. Враг водит, пока не доведет до пропасти. Вид пропасти приводит душу в себя.

Я думаю, что все это вы знаете по опыту. Пишу же о сем, чтоб дать вам знать, что это такое, именно – что это враг забавляет нас, и забавляет не с добрым намерением. Почему нам следует серьезно отнести к сему положению дела. Как быть, прочитайте, как я уже сказал, у Иисихия.

С другою старицей шла у вас речь о трудах деятельных. Обе вы согласны, что надо не жалея себя трудиться по установленному порядку. – И добр! Поминаю об этом, чтоб только довести вашу речь до конца. Одною деятельною жизнью ограничиваться нельзя; надо при сем вести и умозрительные занятия, чтоб ими держать неослабно в своем чине и внутренний строй.

Надо непременно соединять с деянием умозрение, и с умозрением деяние. То и другое в связи быстро подвигает душу вперед, очищая ее от худого и укрепляя в добром. Посмотрите в Достопамятных сказаниях Авву Иоанна Колова и Авву Пимена. Да об этом и во всех подвижнических писаниях найдете.

73. В чем состоит самопознание. О терпении. Как искушает нетерпение

Вы укоряете себя в нерадении, забвении, лености, нетерпении, непостоянстве. – Хорошо, что вы стали это замечать. Внутреннее око ваше изощряется. Присматривайтесь позорчее и увидите многое другое, чего теперь не видите. Вот вам и начатки самопознания, о котором

вы молились. Настоящее самопознание есть ясновидение своих недостатков и немощей, в такой мере, что ими переполнено все. И поставьте такую заметку, что чем более видите вы себя неисправною и достойною всякого укора, тем более вы подвигаетесь вперед. Так благословляйте Господа, что Он дал вам увидеть себя такою.

Вы называете себя не имеющей нетерпения, потому что все исполняете легко, охотно и без чувства трудности. Но нетерпение не это есть; а то, когда кто, исполняя положенное: молитвы ли, или поклоны, или другое что, тяготится тем. И при этом не всякий подлежит укору в нетерпении. Кто, несмотря на такое чувство тяготы, исполняет все как должно, ни мало себе не поблажая, тот не есть нетерпелив, а есть победитель нетерпения и настоящий терпеливец. Но кто, почувствовав тяготу от какого либо дела, бросает его или доделывает кое-как; молитвы, например, спешно дочитывает, не стараясь ни внимать, ни сочувствовать читаемому, тот страдает нетерпением и подлежит за то укору. А что вы и дома и в церкви выдерживаете службы и правила легко и охотно, – за это благодарите Господа. Не думайте, однако ж, что вы уже совсем свободны от нетерпения. Нетерпение не вдруг искушает, не с самого начала. Сначала много жару, и все сносно. Но когда жар стихнет, тогда пойдут прорываться и припадки нетерпения. С этого момента и начнется упражнение терпения, – *терпения дела благаго* (Рим. 2, 7). Кто искренно возревновал о спасении, тот не дает хода нетерпению, а всякий раз, как оно появляется, прогоняет его и восстановляет охотность к деланию, при котором оно появилось. Так за одним, за другим, за третьим делом, – и за всеми поступает он. Появится нетерпение, он прогонит его и охотно начинает и кончает дело. Когда наконец труженик такой ко всем делам привыкнет и сроднится с ними так, что делание их сделается некоей потребностью, тогда нетерпеливость опять пропадает и поглощается навыком, как в начале поглощалась жаром. Судя по сему, вам надобно ожидать припадков нетерпения. – И будьте готовы встретить их как должно.

74. Стойте вниманием в сердце. О превозношении и тщеславии. О домашнем молитвенном правиле и поклонах

Спрашивается: «Как углубиться в созерцание своего внутреннего я». – Это зачем? Стойте вниманием в сердце и созерцайте не свое я, а Господа с благоговением и сокрушением. Вот и все. При этом легко будете замечать все дурное и пустое, исходящее из сердца и входящее в него. Страйтесь всегда поскорее прогонять то и восстанавливать чистоту своего умного богозрения. И больше ничего не требуется. По времени само собою придет опытное познание всех своих недостатков и немощей, которое не даст вам засматриваться на свое добро. Следствием этого будет глубоко чувствоватьсь: *Не у достигох, гоню же, аще и постигну*.

Пишете: «Я и не знаю, чем бы могла превозноситься». – Всем можно превозноситься, даже тем, что печетесь о непревозношении и пишете о своем недостоинстве. Читайте у Лествичника слово о тщеславии. Есть глубокое превозношение, есть тонкое, – иногда стоящее, а иногда, как молния, пробегающее позади души и ее зацепляющее. Есть некое самочувствие, столь скрытное, что и при плаче о грехах держится. Бога молить надо, чтоб Он дал узреть все сие, а паче, чтоб не давал сему быть.

Что, совершая дневные службы дома, читаете их умом без звуков, стараясь все воспринимать мыслию и чувством и не на время смотря, а на пользу, – се доброе. В этом существо молитвенного труда читательного.

Что домашнее свое правило немного изменили, – ничего. Можно и почаше переиначивать его, чтоб некоей в нем новизной поддерживать в силе внимание и чувство. А то привычка с одной стороны, не требуя большого внимания, ослабляет сосредоточение мыслей, с другой – умаляет сочувствие, притупляя вкус к одному и тому же; и наконец обращает в неотложный закон то, что не может носить сего титла.

Читать дневные зачала из Евангелия и Апостола лучше, чем по своему порядку, – с толкованием еще лучше, – а с приложением собственного рассуждения, для применения читаемого к себе, и еще лучше. Верх же лучшества в сем деле есть, если будете записывать,

когда пошлет Бог или особенно ясно узреть какую истину, или особенно глубоко восчувствовать что.

Поклоны кладите, какие можете и сколько можете. Не в них сила; они средство вспомогательное. Гордая душа, сколько ни клади поклонов, все о ней верно будет говориться, что она шеи не ломает.

75. Происхождение пашковской ереси. Сектанты не осеняют себя крестным знамением, так как это противно живущим в них духам

Мимоходом помянув о Юме-спирите, вы сказали, что когда жили в миру, вас приглашали на его сеансы; и что когда вы отказались, о вас сказали, что еще благодать не коснулась вас. – Благодать и Юм как совместимы? Между тем говорившие вам, верно, думают, что в среде спиритов есть благодать. Мне тотчас пришло на мысль, не спиритского ли происхождения и пашковщина? Пашковщина – отродье ирвингийства; а ирвингийство, если не считать его плодом намеренного обмана, нельзя иначе объяснить, как проделками тех же духов, которые морочат и спиритов. Ирвингийство в Санкт-Петербурге носит имя апостольской общины. К ней принадлежал и Пашков, но отделился от нее, или отлучен, по той причине, что он не принимает таинств, а те принимают. Но хоть он отделился от ирвингийцев в частностях, а в духе остался тем же, т.е. лицом, одурачиваемым духами, действующими в обществе спиритов. Про него писали, что он публично заявил, будто ему являлся Христос и велел ему проповедовать. Спиритам духи являются разные и разно. Очень не дивно, что и Пашкову явился какой-либо дух, назвал себя Христом и велел ему проповедовать. Вероятным это можно считать потому, что учение Пашкова противно духу Церкви Христовой, коей правит Христос, как глава ее; и потому не могло быть благословлено и одобрено Христом к проповеданию. И потому еще можно считать вероятным происхождение пашковщины от духов спиритских, что пашковцы не кладут на себе крестного знамения. Почему? Потому что это противно живущим в них духам, силу которых Христос Господь разрушил крестом.

76. О навыкновении непрестанной молитве. Как покрепче усвоить таинства нашей святой веры. Как воспринять догматы веры сердцем. О поддержании молитвенной ревности. О помыслах, от врага всеваемых

Упражняетесь в навыкновении непрестанной молитве. – Добре! Но смотрите, не ограничьтесь одного языка приучением к повторению краткой молитовки. Это будет механическое повторение молитвы без молитвы. Вместе с сим приучайтесь держать себя в страхе и благоговеинстве, с сокрушением и смирением. Так имеете себя, как бы вы стояли на Суде пред Господом, готовым изречь последнее о вас решение.

Спрашиваете, как бы покрепче усвоить себе таинства нашей святой веры. – Надобно перевести их из ума и памяти в сердце, – и крепко будет, ибо тогда они войдут вглубь вашей духовной жизни и срастятся с ней или станут едино с нею. А это вот как делать можно. Приведите на ум какой-либо догмат и то, как исповедание его выражает св. Церковь определенным словом, и начинайте молиться Господу по содержанию сего исповедания, прося Его вместе с сим дать уму полнее и яснее вообразить целостно весь догмат и напечатлеть его в сердце. Так сделайте ныне, завтра и далее, до тех пор, пока в какой-либо момент как блеском молнии осветится ваше внутреннее и догмат восприимется сердцем, как элемент жизни. Это будет свидетельством, что догмат напечатлен в сердце. Так потом сделайте с другим, третьим и всеми догматами. Так они наконец все перейдут в сердце. – От этого такой будет плод, что вас никакое возражение против предметов веры не будет тогда колебать или смущать. Пока у нас вера только умовая, возражения неверов, входя в ум, колеблют основы его, и он, чувствуя под собою почву неспокойною, смущается. А когда догматы сердцем восприняты, тогда сколько хочешь возражай кто, возражения сии, оставаясь в голове, не могут колебать основ веры в сердце и уме; чувствуя себя стоящим на

прочной основе, остается совершенно покойным. Это даст ему возможность найти или припомнить противовозражение и отразить нападение; тогда как в первом случае по причине смущения это не совсем ему удается, – и он, чувствуя себя побежденным, скорбь глубокую причиняет сердцу. Когда же догмат в сердце, то хотя бы ум и не отразил нападения, покой веры не нарушается. Это есть великое благо.

Встретили хороший суп, и почувствовали подступы плача. – Чего бы ради? Уж не о себе ли, – что после довольства прежнего, о коем вспомнилось при сем, теперь у вас все скучно. Если так, то это похоже на ропот: будто жалобу к Богу возносите на Бога из-за своего положения. Се не добре! Если возлюбили покаяние, любите и покаянную во всем обстановку, и радуйтесь, что она у вас именно такая.

Прислали вы образчик записки того, что оставил впечатление при чтении. – Добре! Но что же это на клочке?! Надо тетрадь иметь или переплетенную книгу. А то все разлетится и пропадет даром. Может быть, вы эту выписку сделали на клочке из книги или тетради? Или это у вас черновик, а после переписываете в безопасное хранилище? Ну, этот прием не надежен. Лучше прямо записывать в книгу или тетрадь.

Коснулись вы работ. Как у вас работы не по послушанию, а по своей воле, то вам можно распоряжаться ими так, чтоб они нисколько не отвлекали вас от внутренних деланий. Следуйте в сем св. Исааку Сиринину. Он не благоволит к работе и позволяет ее только в случае нужды, изредка. Ибо она отвлекает на себя ум. Надо особый навык приобрести, чтоб не отвлекала. Не работать нельзя. Есть естественная в ней потребность; однако ж и увлекаться ею не должно. Египетские монахи целый день работывали; но умом не отходили от Бога.

«Пройдет ли молитвенная ревность?» – Пройдет, если будете ревновать только о вычитывании молитвословий по уставу. Но не пройдет, если будете возгревать внутреннюю молитву, а напротив, будет все разгораться. Когда внутренняя молитва войдет в силу, тогда она станет заправляющею молитвословием, будет преобладать над внешним молитвословием, даже поглощать его. От этого ревность молитвенная и будет разгораться, ибо тогда рай будет в душе. Оставаясь же с одним внешним молитвословием, можете охладеть к труду молитвенному, – хотя бы вы совершали его со вниманием и пониманием: главное – чувства сердца молитвенные.

«Мысли, – говорите, – улеглись». – Какие мысли?! У врага такая тактика, что когда кто грешным помыслам не дает ходу, а тотчас их отсекает; то он от них переходит ко всеянию помыслов пустых и праздных, чтоб отвлечь от помышлений духовных, живительных, – а между тем высматривает, нельзя ли как ухитриться сманить и на помыслы страстные. Так, может быть, у вас нехорошие помыслы улеглись, а пустые все бурлят. В таком случае это половина дела. Надо добиваться до конца, чтоб и простые помыслы не роились в голове.

77. О тщеславии. Не поддавайтесь смутившим помыслам – они всегда вражий, хоть и кажутся очень правыми. О пользе самообвинения. Как должно обходиться со всеми лжеучителями и ложью

Каешься, что, беседуя с одной инокиней, увлеклись желанием блеснуть своим пониманием духовной жизни. – Дурно, что увлеклись; но хорошо, что заметили и жалеете о том. Приложите еще твердое намерение вперед не поддаваться этой пустой страсти. Это есть тщеславие или желание выставить: «Знай наших». Оно относится к области гордости, но отличается от нее очень, и в проявлениях мягче, но незаметнее. Гордость идет об руку с властолюбием, командованием и презрением других; а тщеславие – родная сестра человекоугодия, то и другое рождают лесть и лукавство друг пред другом, не злонамеренное однако ж. Тщеславие премного объятно и числа нет его оттенкам. Оно и прежде дела бывает, когда побуждает сделать что с целью озадачить, и в продолжении дела прицепляется и после дела гонится вслед, чтоб отнять цену его. Прописываю сие в

руководство на будущее. Учитесь все, и большое и малое, творить во славу Божию, всегда имея в мысли Бога пред собой.

«Было у меня некое неприятное смущение от одного лица, – и все меня понужало пойти и покрупнее поговорить ему. Все боролась, отражая эти нападки молитвою Иисусовою. Наконец, когда стихло смущение, я сходила, смиренно объяснилась, взяв некую часть вины на себя, и мир установился». – Се добре! И никогда никакому смутительному помыслу не поддавайтесь и ничего никогда по таким помыслам не делайте. Они всегда вражьи, хоть и кажутся очень правыми. Вражья и правда кривда, и всегда обращается врагом на зло нам. И что взяли часть вины на себя – добре. И всю бы можно было взять. Читайте о сем у св. Дорофея. У него и примеров несколько приводится, как бывало, что лишь кто из раздоривших принимал вину на себя, то же приходило на ум и другому, – сходились и, виня себя один перед другим, восстановляли между собой братский мир. В этом самообвинении большая лежит тайна духовной жизни.

Пишете: «Пришлось мне быть свидетельницей разговора о письмах в Санкт-Петербург по поводу тамошних еретичеств; нашли в них одну вину – бранчивость: крикуны, ротозеи, мыльнопузырники, и еще какие-то». – Вы же сами как смотрите на эти слова? Напрасно не написали этого. Приходится заключить, что и вы с ними согласны, только, может быть, извиняете как-нибудь эту бранчивость. Извольте же удостовериться, что это совсем не бранчивые слова, а характеристика пашковщины. Если слова, коими по необходимости пришлось выразить эту характеристику, не красивы, вина в этом падает не на писавшего, а на инакоучавших, что выдумали такое учение, которое и назвать нельзя добрым словом. Говорить, что в письмах брань, начали сами пашковцы, другие поверили и твердят, не читавши. Бранчивых-то слов во всех письмах только и есть, что вы прописали. Есть ли толк твердить, что в письмах одна брань?! Притом каждое слово присказано после объяснения какой-либо стороны их учения. Что они крикуны, сказано после объяснения, что они выкрикивают один стишок и что с криком этим мычутся по Санкт-Петербургу. Что они ротозеи, сказано после объяснения, что, отвергая богоучрежденные таинства, они чают получать благодать, лишь рот разинув. Что они мыльнопузырники, сказано после объяснения, что все их учение красно на вид, пусто и нисколько неочно, как и мыльный пузырь красен, но пуст и непрочен. Названы они еще лежебоками. Это потому, что по ихнему ничего не нужно, кроме веры. Верь только, и все уж необходимое ко спасению в сем самом акте веры имеешь. Вот как есть. Если не хотят слыть под такими титлами, пусть бросят это пустое и пагубное учение.

Да хоть бы и бранчивыми признать такие слова, – пашковцы стоят еще и не такой брани. И нам нечего щадить их. У нас в моду вошло нежно обходиться со всеми лжеучителями и их ложью. Следует ли так? Посмотрите, как величали инакоучавших св. апостолы и сам Господь: растленные умом, гордые (1 Тим. 6, 4), всегда учащиеся, и никогда в разум истины прийти не могущие (2 Тим. 3, 7), суесловцы, умом прельщеные (Тит. 1, 10), злые звери, мерзкие (Тит. 1, 12; 1, 16), облака безводные, носимые ветром, осенние деревья, звезды блуждающие (Иуд. 12, 13), вожди слепые, гробы поваленные, снаружи красивые, а внутри полные костей смрадных, Злодеи, порождения ехиднини (Мф. 23, 23–27). А их инакоучения вот как именовали: суесловия, бабы басни (1 Тим. 1, 6; 4, 7); скверные тщегласия (2 Тим. 2, 16), сеть диавольская, беседы злые (2 Тим. 2, 26; 1 Тим. 6, 4); поражающие, как рак (Тим. 2, 17). Уловляют они преумножением льстивых словес (2 Петр. 2, 3). Которые увлекаются ими, увлекаются потому, что по своим похотям избирают себе учителей, чешеми слухом (2 Тим. 4, 3). Относиться же к ним учат так: кто не приносит правого учения, того и в дом не принимать и радоваться ему не глаголати (не здороваться с ним) (2 Ин. 10, 11); а когда заговорят они о своем суесловии, заграждать им уста (Тит. 1, 11). Кто право веровал и потом отпал, с такими ниже ясти (хлеба-соли не водить) (1 Кор. 5, 11). – Вот как надо говорить о еретиках и к еретикам и вот как следует к ним относиться. А у нас только повторствуют им. Если б оглашали их всюду, как следует, и они были бы посмирнее, а другим неохотно было слушать таких заразителей.

78. Враг сманивает душу на мечты, особенно в церкви и дома на молитве, чтобы отвлечь внимание от Бога. Об умной молитве и благоговеинстве. Козни врага уразумеваются вниманием себе

Спрашивается о кудели аввы Исаии. – Куделью для врага бывает душа, когда он сманивает ее на мечты, не о грешном только, но вообще не о божественном, – о пустом, суетном, и долго держит в них, переводя от одной к другой. Это особенно старается он делать в церкви и дома на молитве, чтоб отвлечь внимание от Бога. – Когда же это наконец прекратится, спрашиваете. Когда изыдет из Господа в душу сила, как некогда в кровоточивую, тогда станет и течение помыслов, как в той стал ток крови. А до того времени употребляйте труд и напряжение держать себя во время молитвы в каком-либо религиозном чувстве. Где сердце, там и внимание.

Относительно умной молитвы держите одну предосторожность, чтоб при непрестанном памятовании о Боге не забывать возгревать и благоговейный страх, и позыв падать в прах пред лицом Бога, милостивейшего Отца, но и грозного Судии. Частое памятование о Боге без благоговеинства притупляет чувство страха Божия и чрез то лишает его того спасительного действия, которое ему принадлежит в кругу духовных движений и которого, кроме его, ничто произвести не может.

А это что такое вы написали: «Враг лезет. Что ему? Ведь знает, что не поддадутся?» – Не слишком ли много сказано? Враг строит козни так, что действующий по его внушениям не думает, что худо делает и по его навету, а напротив воображает, что действует от себя и наилучшим образом. В этом предположении *наилучшества* в делах и смотрите, нет ли когтей врага. Даже и явный грешник не чужд мысли, что он отлично действует. Как в праотце, так и в нас. Что стали уразумевать козни врага, – доброе. Внимайте острее себе, и все более и более будете уразумевать их; но не думайте, что всегда можете перехитрить его. Господа молите и Ангела хранителя, и будет помочь мощная на разорвание сетей вражеских.

79. Внимание - корень внутренней духовной жизни. Враг, вооружаясь на внимание, влагает помысл о льготах и развлечениях. О молитвенном правиле

Дали вы себе льготу, позволив себе немного развлечься, а не поостереглись: ни глаз, ни языка, ни мыслей не берегли. От того теплота ушла, и вы остались пусты. – Это никуда не годится. Поспешите же восстановить внутренний строй достодолжный или вымолить его: запритеся, и все только молитесь и читайте о молитве, пока внимание не соединится с Богом в сердце и там не водворится дух сокрушения и умиления, которым, собственно, и надо определять, в своем ли вы чине или выступили из него. Вы, кажется, о внимании судите как об излишней строгости, а оно, напротив, есть корень внутренней духовной жизни. Почему враг больше всего против него и вооружается, и всеусильно строит пред очами души обольстительные призраки, и влагает помыслы о льготах и развлечениях. Вот он и вас обманул: натолковал вам, что можно дать себе льготу; вы и послушали и совсем бросили возжи, пошло вольнодвижение, вольноречие, вольноглазие, – и всему вольно, и мыслям, и чувствам, и желаниям. И извольте теперь наслаждаться плодами своего премудрого действования! Это вам враг отплатил за вашу самонадеянную речь: «Что лезет враг? Ведь знает, что не поддадутся». – Видимо, что вы мастерица не поддаваться! Сознайтесь, по крайней мере, что охлаждение и внутреннее нестроение по делам несет как наказание. Теплоту духовную Бог дает за труды внимания к себе перед лицем Его. Что же, выходит, вы сделали? Взяли столь драгоценный дар Божий и выбросили за окно. Если бы ваша служанка, когда вы были в миру, осмелилась бросить за окно какой-либо ваш ей подарок, обычно не так ценный; что бы с ней вы сделали?! По сему судите, что достойно есть сделать с вами Богу, Которого столь великий дар вы презрели?! Но Он милостивый не

строго поступает с такими и опять готов возвратить брошенный дар Его; только возвращает его не скоро, и этим ограничивает Свое наказание. – Вот увидите.

Как вы стали исполнять молитвенное свое правило, – заменяя чтение положенных молитвословий поклонами с краткой молитовкой от себя, – это очень хорошо и очень пригодно вам, особенно в настоящем вашем расстройстве внутреннем. Ибо все чтение и чтение не дает скоро соединиться вниманием с единым, по причине многомыслия от чтения, по содержанию читаемого.

Даруй вам, Господи, поскорее воссоединиться с Ним, затем уже всегда неотлучно пребывать с Ним, – и сидя и ходя, и в церкви и дома, и работая и упраздняясь от работы. Какой предмет более достоин непрерывного внимания и смотрения умного, как Господь? И извольте воздавать Ему сие должное предпочтение, – и мало-мало свободы, не в думание, большей частью ни о чем, пускайтесь, а к тому устремляйтесь, чтоб неотступнее, глубже и пристальнее смотреть в лице Господа, всевидящего и вседесущего, говоря в себе: *Взыска Тебе лицо мое, Господи, лица Твоего взыщу.*

Страх Божий, страх Божий, страх Божий да не отходит от сердца!

80. Чувство собственного достоинства - вещь очень опасная. Предостережение от прелести при неправильном образе совершения молитвы Иисусовой. Внутренний достодолжный строй при молитве Иисусовой. О домостроительстве Божием

Откуда вы взяли, что я одобряю чувство собственного достоинства?! Никогда не одобрял и не могу одобрить. Это вещь очень опасная. Кто чувствует себя достойным всякого презрения, как унизившийся худобою своей и ставший ниже всякого унижения, тот спасительно чувствует такое свое достоинство. Всякое другое чувство достоинства пагубно. Апостол Павел каков был? Достоинство же свое определил тем, что он первый из грешников. А нам уж куда?! – Нет, нет; не извольте поддаваться сему чувству. Не оно ли находится в числе причин и того, что нет теплоты, слез и умиления? Подле него стоит чувство праведности, которое мне и показалось присущим в вас. Тут уж о чем плакать? Попали в генеральши... – так прочь поди всякий.

Спрашиваете, от чего бывает прелесть при делании молитвы Иисусовой? Бывает она не от нее, а от образа совершения ее, – именно того, который прописан в Добротолюбии. Тот образ надо проходить с наставником, знающим то дело, и на глазах его. А кто один возьмется за сие дело, по одному описанию его, тому не миновать прелести. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем, видящим, для восполнения внутреннего при сем строя, того не видно. Проходящий такое делание без руководителя присущего, естественно и остается с одним внешним деланием, – строго исполняет, что велено, относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Как такого рода приемы естественно могут доводить до некоей степени сосредоточения внимания и теплоты; то он, не имея при себе верного определителя, который бы сказал ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, приходит к мысли, что это и есть то, что он ищет, т.е. что его осенила благодать, тогда как ее тут еще нет, – и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы по причине опасности от них. Сами по себе они не могут дать ничего благодатного, ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодолжный строй и без них привлечет действие благодати. – Этот строй есть при молитве Иисусовой ходить в присутствии Божием, возгревать чувства благоговеинства и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блести ее незапятнанной и мирной, и всю жизнь свою, – и внутреннюю, и внешнюю, – предать в руки Божии. Из сих духовных стихий благодать Божия, в свое время пришедши, слив их воедино, возжигает огнь

духовный в сердце, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Сим путем трудно попасть в мнение. Но и тут с руководителем лучше, наличным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо сии два открывают, что внутри.

Спрашивается, что значит *домостроительство*? – Экономия. Экономия в хозяйстве заботится, чтоб всего было вдоволь. Господь Спаситель, – чрез воплощение, страдания, крестную смерть, воскресение и вознесение, Святаго Духа ниспослание и св. Церкви своей устроение, – заготовил всего потребного для нашего спасения не только вдоволь, но и с преизбытком. Это заготовление и все заготовленное и называется экономией или домостроительством спасения воплощенным. Ищущие спасения в эту экономию обращаются, и все потребное ко спасению получают невозбранно. Кладовая экономии сей есть св. Церковь; приставники – иереи и архиереи; сосуд для принятия даемого – покаянное и верующее сердце. Приявшие потребное из сей экономии должны принести плоды в 30, или в 60, или в 100, всякий по силе своей. Не принесшие никаких плодов осуждаются и в огнь вметаются. Приносятся плоды жизнью по вере и в духе ее.

81. О состоянии охлаждения. Теплота уходит от допущения льгот и послаблений

Пишете, что одичала и состояние охлаждения продолжается. – Молитесь усерднее и терпеливо ведите установившиеся у вас порядки благочестной жизни. Смируется Господь и восстановит в вас прежнее благонастроение. Но припомнайте чаще, как все случилось, и все облагайте покаянными чувствами. От чего одичали? От того, что теплота ушла. Теплота каким путем ушла? Путем рассеяния. Рассеяние же откуда? От потери внимания ко Господу. А это от чего? А это от допущения льгот и послаблений. Льготы же и послабления по каким резонам и в каких надеждах допущены? По чувству, что мы с вами уже довольно потрудились, почему позволительно нам и отдохнуть, – и по той высокоумной уверенности, что если и случится какое расстройство, долго ли нам восставить все в должный чин? Знаем ведь уж все порядки духовной жизни. Припомнайте все это и все обливайте слезами. За последнее присвоение непринадлежащих нам прав и самонадеянность особенно и отступила Божия благодать. Увы и ах! Хорошо, что скоро хватились. Но все же придется потрудиться до поту, ибо Господь не любит поблажать. Своим умом вы не научились ценить как должно внутреннее благонастроение и тщательно блюсти его, как первое сокровище. Теперь Господь сам научит вас тому и другому – опытом. Как это первый еще опыт вашей оплошности, или вашего своеволия, то очень возможно, что Господь скоро возвратит вам потерю вашу. – Но всяко возвратит; только прибегайте к Нему усерднее с сокрушением и верою. Трудитесь. Благослови Господи!

Опять у вас выступает обычная ваша философия о непричастности лукавого врага к делам нашим. Говоря: «Сама виновата», – правду говорите. Как ни будь сильно искушение от врага и как ни очевидно будет, что оно от него, – вина вся все же падает на согрешившего; ибо не склонись он на искушение, греха и не было бы. Склонение же всегда есть дело произволения. И вы кругом виноваты; но дело не обошлось без подсказки и подталкивания со стороны врага. Ни одного греха не бывает без его встревания, но это никого не извиняет. И вас не извиняет. Все мысли, какими дошли вы до права дать себе льготу и развлеченье, были им внушены и навеяны. Затем им же разжигалась волька – дать себе нагуляться, наговориться и наглядеться досыта. Но вслед всего этого шло добровольное ваше согласие, которое и делает вас во всем вполне виновной. Бросьте-ка всякое мудрование, а беритесь тщательнее себе внимать и всякое помышление проводить сквозь огнь молитвы ко Господу Спасителю. Устоит? – Добре. Не устоит? – И пусть исчезает.

Духовник не наложил на вас епитимии. – Напрасно. Кладите по три поклона земных утром и вечером, – месяц, – с приличными словами: «Господи, прости меня, небрежную, рассеянную, много о себе подумавшую и на себя понадеявшуюся». Господь увидит смирение ваше и труд, и оставит вам грех ваш, и смируется над вами.

82. Надежду надо иметь на милость Божию, а не на свои труды. Что есть эпитимия

Еще не возвратилось к вам, что потерялось. – Сожалею о сем вместе с вами. Но не падайте духом. Милостив Господь. Будет возвращено, если смиренно будете искать, не ропща, что скоро не дается, и не теряя надежды. Надежду надо иметь на милость Божию, а не на свои труды. Трудиться надо до упаду; а надежду полагать все же надо в единой милости Божией. Хоть на волосок опереться надеждой на чем-либо своем, есть уже уклонение от правого пути и вместе препона и задержка к получению искомого. Если вы уединились с тою мыслию, что вот возьмусь за поклоны, за чтение, за ночные стояния, – и все воротится; то Господь нарочно подольше не даст просимого, пока не испарится надежда на свои труды, чтобы опытом научить вас, что дарования Его не зависят от трудов ваших, хотя и без них ничего не получите, но чем более и усерднее будете трудиться, тем скорее возвращено будет вам желаемое потерянное. Трудиться надо без присвоения себе чего-либо по поводу трудов. Из опыта сего извольте теперь сделать заключение, что есть епитимия. Кто каётся, тот приемляется в милость Божию; но дары милости не тотчас даются, а спустя иногда довольно долгое время. Это продление невозвращения даров милости и есть Божия епитимия. Ее несут все, грешающие большими или малыми грехами. Срока сей епитимии Господь не объявляет, а держит его в своем сердце. От того милость или чувство помилования всегда возвращается внезапно, – и бывает тогда в душе праздник. Епитимия от духовника дается для сокращения срока Божией епитимии. Она показывает добровольное принятие на себя покаянных трудов, напрягает сознание своей виновности и преклоняет Бога на милость, или делает душу более способной принять эту милость.

Видите теперь, какой нежный цветок – внутренняя духовная теплота. Се воистину *noli me tangere* – не тронь меня. Увидев же это, полагайте намерение блести ее проче со всей бдительностью, когда Господу угодно будет возвратить ее вам. Теперь это трудно, а если в другой раз оплошаете, еще труднее будет. *Блюдите убо, како опасно ходите.*

Вы поминаете об отечестве духовном. Но не забывайте, что един есть Отец всех, Иже на небесах. Поминаете также об учительстве духовном. Но не выпускайте из мысли и того, что один у нас Учитель Христос Господь. И никто еще не был научен спасению как следует, помимо Его. Это не так надо понимать, что Он учит чрез посредство других. Нет, Он непосредственно учит спасению всякую душу спасающуюся. Но и то истинно, что при всем том поучаться надо и в Писании Божием, и в писаниях отеческих, и слушать уроки от других братий и сестер. Только все это начатки, подготовления. В душе печатлеет истины в истинном их виде всегда Господь. Извольте же сие затвердить, и так о сем рассуждать.

83. О наказательном и научительном отступлении благодати. Нам ко кресту Господню надо привиться

Два письма. В одном написано: «Все воротилось», – а в другом: «Нет, все по-старому, ничего не ворочено». – Это значит, что милость Божия скоро совсем воротится, и дала о сем весть; подошла и опять отошла. Облекитесь же в благодущие и благонадежие и предайте себя в руки Господа. Его мы рабы, Им куплены и Им блюдемся. Уж Он знает, как что сделать для нас наиполезнейшим образом. Вы проходите теперь статью научения Его самую нужную. Внимайте убо. А что вы приписали: «Верно, я отвержена», – это совсем неверно.

Я, кажется, уже писал вам, и еще повторю, что претерпеваемое вами отступление благодати не есть наказательное, а научительное. В наказательном – благодать совсем отступает; а в научительном она только скрывается, хотя присуща: потребной помощи не лишает, а утешения свои отнимает, или не подает. Вот это и есть у вас. Для вас Господь почел нужным так сделать. Но смируется, и опять начнет милостиво подавать вам утешения. Утешения не существенно необходимы. Существенно необходима помощь; а она видимо при вас. Потерпите еще немного, воротится и утешение.

Тяжело, говорите. – Иначе-то как же? Нам ко кресту Господню надо привиться. А ко кресту как привиться? Крестом же, – или тяжелою, как крест Его, скорбностью. Труды ваши тоже суть прискорбности; но как прежде утешения благодати отнимали у них тяжесть и прискорбность, чувство чего потребно для привития ко кресту Господню, то теперь и дается вам это восчувствовать чрез отступление благодати. Крест и прежде на вас был, но вы не чувствовали его, как будто он несен был за вас чужою рукою. Теперь же ему оставлено лежать на вас всей своей тяжестью, – он взвален на вас одних. И пришлось кряхтеть. Кряхтеть кряхтите; но все же несите благодушно. Господь близ и помогает. Еще немножко, Он и утешение возвратит.

Доискиваетесь, отчего дело восстания идет так долго. – Вот я вам сказал: оттого, что это потребно для вашего воспитания духовного. Но ищите. Может быть и еще что найдете смирильного свойства. Не помечтали ль когда: «Вот нашла дорогу, – объятия Отчи чувствую», – много при этом приписывая своим трудам и лишениям. Как это неправо, ибо утешения благодатные ни от чего внешнего не зависят, а всегда суть плод милости и благоволения Господня, – то и дается вам теперь вразумление и урок: ну-ка, попробуй, возьми утешения благодати своими трудами. Оттого трудитесь, а плода не видно. Даётся вам этим разуметь, что не в трудах сила. И чтобы вы тверже заучили сей урок, преподание его длится так долго. – Я уже поминал вам, что может быть, когда рассеялись, подумали: «Ну немножко поутешусь, дам себе волю, а там опять за дело; мне ведь стоит только взяться, и все пойдет добре, со всеми радостями жизни о Господе». Как, таким образом, вы слишком много приписали своим силам, то Господь, отняв свои утешения, и даёт вам теперь увидеть, как у вас идет дело, когда взялись сами одни. Что же видите? Все силы напрягли, а все не то. Твердите же этот урок, что без Господа все ни во что.

Если что из сказанного сознаете за собою, кайтесь и вперед задумывайте, – никак не позволять себе думать так. Предайте себя всецело Господу, изъявляя готовность благодушно и радостно принимать все, что благоугодно будет Ему послать вам, и внешне и внутренне.

Иные речи мои к вам кажутся тяжелыми. Но у меня никогда не бывает намерения как-нибудь отяжелить вашу ношу. Пишу все в предостережение, чтобы вы внимательнее к себе присматривались, нет ли того или другого. Коли нет, и дела нет. Слова мои пусть мимоидут. А иногда может быть и окажется нечто.

Тогда, конечно, они будут уже не на ветер. Мне очень желательно, чтоб у вас все шло гладко и сладко, а главное – чтоб было прочно, не на час, а навсегда. Помехою сему бывает, если укроется в сердце что-либо не по Богу, не Божие. Я и хочу помочь вам открыть эту вещь и вытеснить вон. Смотрите, толкую, в вас сидит барыня, – личность, совсем не подходящая к избранной вами жизни. Вы говорите: «Она уж ушла». – Я сомневаюсь в этом. Она так изворотлива и так умеет прикрываться, что вам и не в догадку. – Присматривайтесь хорошенько: очки приберите, бинокль приладьте.

84. О домашней молитве. О приходе во время молитвы решений вопросов жизни духовной. О самоукорении и самооправдании. Об огне искушений. О тяготении жизнью

Домашнее правило ваше, что исполняете кроме церковных служб, я знаю. Оно хорошо особенно то, что много дает простора своей молитве, умовой и сердечной, к Господу и святым Его. Чем больше этого в домашней молитве, тем лучше. В церкви по необходимости положены молитвы читаемые, но и там дается место и руководство своеличной молитве. Такое значение имеют ектении. Диакон или священник возглашает: «О том-то и о том-то помолимся...», или «Того-то и того-то попросим у Господа». В ответ на это всякий же своим умом или сердцем составляет в себе молитву к Богу соответственно приглашению. Поющие, собирая воедино все молитвы, породившиеся в душах присущих в храме, возглашают: «Господи, помилуй! Подай, Господи!» Как ектениями перемежается

всякая церковная служба, то в церкви попеременно идут от верующих то готовые молитвы, со вниманием выслушиваемые, то свои собственные. Но все же в церкви более читаемых молитв, чем своих. А в домашней молитве уместно иметь более своих, умносердечных молений. У вас так и есть. И доброе. Можете еще увеличить число своих и сократить число читаемых молитв, или по временам так делать. Впрочем и читаемая молитва, с мыслию и чувством возносимая, есть то же, что своя. Заметьте еще, что не должно пристращаться к молитвенным правилам, а относиться к ним с полною свободою. Лучше их изгонять в частях или совсем новые составлять из опасения, как бы молитва не обратилась в форму.

Пишете, что иногда во время молитвы сами собою не знать откуда приходят решения занимающих душу вопросов жизни духовной. – Се доброе! Я, кажется, вам об этом уже писал. Это есть настоящее христианское учение истине Божией. Тут исполняется обетование: *будут все научены Богом*. Так это и бывает. Перстом Божиим пишутся истины в сердце, и остаются уже неизгладимыми и никакому колебанию не подлежат. Не извольте оставлять без внимания таких начертаний истины Божией, а записывайте их.

Спрашиваете, что есть самоукорение. Есть то, чтобы когда бывает что неладно или с людьми, или у себя дома, говорить: «Сама виновата», – и чувствовать так. Противоположно ему самооправдание, когда не хотят сознать себя виноватыми, зная в себе, что виноваты. Прочтите о сем у аввы Дорофея.

Еще спрашиваете, что означает вавилонская пещь? – Как что означает? Ведь это не притча, а событие. Почему то и означает, что она есть. Разожгли пещь и ввергли в нее отроков, чтоб сгорели; но Бог спас их. – Применительно же к духовной жизни отсюда можно выводить разные назидательные мысли и уроки. Вот вам одна. Вавилонская пещь есть образ искушений, коими Бог искушает Своих святых для их блага и совершенства. Как кирпич пригодным к делу становится, когда его обожгут; так и праведников Своих Бог делает гожими для вложения их в здание Царства Своего тем, что вводит их в пещь искушений, где они перегорают во всем своем составе, причем все худое сгорает, а доброе очищается и светлеет. Сила, переносящая огнь искушений, есть другой огнь; огнь любви к Богу, который, бывая сильнее всякого внешнего огня искушений, не дает чувствовать его жжения.

«Устала жить!» – Это что такое? Божие создание, Богом хранимое и ведомое ко спасению, как может тяготиться жизнью, коей конец Царство Небесное с неизреченными благами? Это у вас, должно быть, вырвалось случайно как. Пусть непросторно и нелегко вам живется, но посмотрите на конец сего тесного пути, – и забудете чувствовать тесноту и тяготу его. А утешения, какие в залог будущих подаются еще здесь, разве не сильны испарять такие чувства? Отняты у вас ныне такие утешения. Но вот потерпите еще немного и опять заликуете. Напишите в сердце обетование, что ничто на сем пути претерпеваемое не пропадает даром. Тогда и усталости чувствовать не сможете, как не может чувствовать ее собирающий маргариты, когда они попадаются что ни шаг. Если вы сердцем так почувствовали, как сказали, то тут слышится грешный ропот. Извольте исповедать грех сей Господу на духу.

85. Пред Богом следует держать себя в крайнем благоговеинстве. Об опасности мечтательных гаданий в духовной жизни

Все письмо ваше свидетельствует об обрадованном состоянии души вашей. Радуетесь милости Божией к вам, но вместе и страшитесь. Выходит, вы опытом изучили ту истину, что *работать Господу подобает со страхом и радоватесь Ему с трепетом*. То и другое надо держать, и неразлучно, чтоб как радости не допустить до *спустя рукава*, так и страха до подавления всякой отрады. Следует держать себя в крайнем благоговеинстве пред Богом, яко Отцем многомилостивым и многопечительным о нас, но вместе и строгим без малейшей поблажки.

Страх, не ушло бы опять все, теперь у вас в порядке вещей. По его действию изъявляете желание и готовность на средства, как бы уберечь. Но не думаете ли вы сами одни в этом

успеть? За одно это думание может быть опять взято все. Напрягайтесь всячески уберечь; но самое убережение предайте в руки Господу. Не будете трудиться – Господь не станет за вас беречь. Обопретесь надеждою на свои усилия и труды – Господь отступит, как соченный вами ненужным, и опять вас встретит та же беда. Трудитесь до упада, напрягайте силы до последней степени, но самого дела убережения все-таки ожидайте от одного Господа. Ни того ни другого не должно ослаблять, ни труда и усилия, ни упования на единого Господа. Одно другое пусть подкрепляет, – и из обоих сложится крепкая ограда.

Господь всегда хочет нам всего самого спасительного и готов даровать его нам во всякое время, ожидает только нашей готовности или способности принять. Почему вопрос: как умудриться, чтобы сохранить, – обращается в другой: как умудриться, чтобы содержать себя в готовности всегда принимать готовую внути в нас охранительную силу от Господа? А это как? Сознать себя пустой, ничего не содержащей, пустым сосудом; к сему присоединить сознание бессилия самой наполнить пустоту эту, увенчать сие уверенностью, что сделать сие может только Господь, и не только может, но и хочет, и знает как; и затем, стоя умом в сердце, вопиять: «Имиже веси судьбами благоустрой меня, Господи», – с непоколебимым упением, что и благоустроит, не даст в смятение ног ваших.

Вы в восхищении от возвратившегося утешительного благонастроения. Этому естественно быть. Но поостерегитесь при этом пускаться в мечтательные гадания. «А! Так вот оно! Вот оно в чем и как, а я не знала». Это вражий помысл, оставляющий за собою пустоту, или вводящий в нее. Все надо одно твердить: «Слава Тебе, Господи!», – прибавляя: «Боже, милостив буди!» Если остановитесь на таком помысле, то к нему тотчас приплетутся воспоминания, как трудились и бились, что делали и чего удалялись, при каких ваших положениях благонаstroение показывалось и отходило, при каких осталось и установилось. И затем последует решение: «Так, я всегда так буду делать». – И впадете вы в мечтательное самомнение, что наконец секрет духовного благонаstroения открыт и в ваших руках. – В следующую же молитву обличится вся лживость подобных мечтаний, – молитва будет пуста, не тверда и малоутешительна. Утешение будет только от воспоминания о предыдущем добром состоянии, а не от обладания им. И придется вздохнуть и осудить себя. А если не умудрится на это душа, то лживое настроение продлится и благодать опять отстранится. Ибо такое мечтательное настроение показывает, что душа опять оперлась на свои труды, а не на милость Божию. Благодать всегда благодать, и ни к какому труду не привязана. Кто привязывает ее к труду, тот за это самое может лишиться ее. – Затвердите это хорошенъко. Научительные отступления благодати направлены именно к тому, чтобы пособить затвердить сей спасительный урок.

86. Примеры записывания добрых мыслей, приходящих во время богомыслия и молитвы, числом 162

Писал я вам не раз, чтоб вы записывали в особую тетрадь мысли, приходящие во время молитвы или и кроме ее, – такие мысли, которые, пришедши, не скоро отходят, а долго занимают ум и сердце и своим образом благоустроют душу. Чтоб побудить вас к усердному в сем роде занятию и дать образец, посылаю вам тетрадь, в которую один человек записывал иногда подобные мысли. Посмотрите, как это делается, – и себе так же делайте.

1) Сердце – губка, полная разных жидкостей. Пожми, – и потечет. Нажим сердца – впечатления и обстоятельства текущей жизни, которые вызывают из сердца то доброе, то худое, судя по тому, что содержит та часть его, на которую сделан нажим. Внимай. Это может привести к хорошему познанию себя.

2) Бывает, что иной куда ни ткнется, все его чуждаются. Это образ встревоженной совести, которая к Богу ли обратится, видит Его отвращающим лицем, – к ангелам ли и святым, – и те смотреть на него не хотят, – к людям ли, вместе живущим, – и те кажутся презрительно относящимися, – к себе ли, – и в себе не видят ничего, на чем бы можно было с утешением остановиться. И это здесь еще. Что же будет там?! Почаще держи это в мысли.

3) Испытывал ли ты обманутую надежду? Увы, как она поразительна! Ее испытали девы юродивые. Чаяли встретить Жениха; и не удалось. И это бы не так еще тяжело. Можно было утешаться надеждою еще как-либо увидеть Его. Но то беда, что сам Жених отверг их однажды навсегда. – Девы эти не были порочны, но чего-то очень нужного недоставало в них. Чего же? Об этом стоит подумать теперь, и заранее восполнить недостающее, чтоб нам и себе не испытать такой же участи.

4) В школах на экзаменах бывает иногда, что об ином все думают, что он знает предмет; а когда вызовут – ни слова, – и получает нуль. Смотри, как бы и тебе не пострадать того же, когда позовут на экзамен туда, откуда нет возврата. Здесь еще дело поправимо, а там уж нельзя будет его поправить.

5) Грозит ли беда отвержения? – Да. Ибо вот сатана отвержен же. И тебе не на чем основать привилегию неотвержения, когда обременен грехами. Как же быть? Надо исправиться, и вспомнить о помиловании с безотступством, как вдовица к судии.

6) По грехам, ты – головня обгорелая, труп раздувшийся, погнивший и преисполненный смрада, тьма тьмущая, в коей и зги не видно.

7) Господь на кресте. Стань пред Ним мысленно, – и подумай, каким взором сретил бы тебя Господь со креста? Побудь подолее в этом положении и совесть твоя внятно скажет тебе о сем.

8) О древнем Израиле сказано: *Уты, утолсли, расшири, и забы Бога.* То же идет и к чадам нового Израиля, когда они, удовольствовавшись тем, что имеют, предаются беспечности и нерадению об угоддении Богу. Сыты и почивают.

9) На чем опираешься надеждою, то и бог для тебя. Если на имении, то имение тебе – бог; если на власти, власть твой бог; если на другом чем, – то другое есть тебе бог. Когда истинный Бог восхощет обратить кого к Себе, то прежде разрушает ложных богов, чтоб, испытав их ненадежность, ты скорее и искреннее обратился к Нему.

10) В житейском быту бывает так, что иного слугу, провинившегося и прогнанного, опять хозяева принимают, когда сознается в вине и пообещает быть исправным. Принимают, если и во второй раз провинится, склоняясь на его умоления и обещания. Принимают и в третий, и в четвертый раз..., и столько, насколько достанет терпения и снисхождения. Но если слуга все попадается в тех же неисправностях, они наконец говорят ему: «Ступай и вперед уж не приходи», – и затем, сколько бы он ни умолял их, не слушают его, говоря: «Уж мы изверглись в тебе». – Не возможно ли тому же случиться и с грешником, который многократно возвращался на те же грехи, и все еще не перестает возвращаться? – Пусть подумает об этом виновный в таких падениях.

11) Бывает, что иному поручают управление имением. А он верхогляд; все планы строит, делает и переделывает, не соображаясь с нуждами и потребностями хозяйства, а по своим фантазиям, хлопочет много, а толку нет, и имение скоро расстраивается. То же случается и в нравственном порядке, когда кто страдает парением ума: и не худ он, и делает дела, а толку нет: все не к цели, а так с плеча, на ветер.

12) Куда пробрался не имевший-то одеяния брачна?! Уж и за стол сел. А конец каков?! *Связавши ему руци, и нозе, верзите во тму кромешнюю* (Мф. 22, 13). О сем почаще надо подумывать тем, кои мнятся быти что.

13) Иное изделие ходит по рукам, и все хвалят. Но знаток дела только взглянет, как видит фальшив. по ошибке ли допущена она, или по неумению, или намеренно. То же бывает и в нравственном отношении: иные дела сходят за очень добрые и похвальные, иные лица слывут за святых. Но знаток сразу и дело разберет, и лицо распознает с нескольких слов.

14) *Помяни, откуду ниспал еси,* – слышится в совести того, кто взялся за дело спасения, как должно, – и преуспел в ней несколько; но потом рассеялся и возвратился на прежние дела или еще худшие. – Как это горько?!

15) Когда возвратившийся на путь покаяния начнет трудиться над собою; тогда видя, как все у него будто из рук валится по причине крайнего расстройства сил и упорства дурных привычек невольно взывает: *Имиже веси судьбами, спаси мя Господи.*

16) Что есть дух под властью души и тела, – и что есть душа и тело под властью духа? Об этом пусть всяк рассудит по себе. Восход из области плотской к духу представляются Пелагия, св. Мария Египетская, св. Таисия, св. Моисей Мурин, св. Давид и под.

17) Дело крайней важности творится в мире, человечестве и каждом человеке под действием воплощенного домостроительства в Господе Иисусе Христе. В движение событий в сем направлении введены и мы всеправящей Десницею Божией. Потому нельзя шутить не только жизнью вообще, но и всяким делом, помня, куда оно должно быть направляемо. И времени ни одной минуты не должны тратить попусту. В растении, например, и в теле животном ни один момент не проходит так, чтоб там не совершилось и вообще, и в частности в каждой частичке, что требуется для жизни. Но там творится это бессознательно и непроизвольно; а разумная тварь должна то же самое делать в нравственно-религиозном порядке самодеятельно, сознательно и самоначинательно.

18) Человек деловой душевно, – ученый, практикующий по какой-либо части, художник, – все божеское приносит в жертву делам своим, всегда отодвигая его на задний план, именно, молитву, богомысле, дела благочестия; и упование своим опирается он на свои дела и силы.

19) Грешащему, – поелику всякий грех уже осужден есть, – следовало бы так себя чувствовать, как чувствует осужденный, о котором смертный приговор уже произнесен, – и остается только несколько минут до исполнения его. Вот-вот отворится дверь, и войдут исполнители казни.

20) Действу благодати Св. Духа предшествует прощение грехов с очищением сердца от страстей, прощению и очищению предшествует возненавидение всего греховного, а сему возненавидет чувство осужденности и отвержения Божия. Это последнее приходит, когда пробудится совесть под действием страха Божия и начнет перебирать все срамоты и неправости жизни. Главное пробуждение страха Божия и совести. Это стихии нашего духа. Оживают они действием благодати предваряющей.

21) Патриарх Иаков за Лию работал семь лет и за Рахиль семь лет. Лия образ деятельной жизни (деяния), а Рахиль – созерцательной (разума). То и другое, выходит, достается трудом, т.е. и деяние, и разум.

22) Человек, которому оказывают невнимание и холодность, негодует и раздражается. Что же Бог, везде сый?! А мы ведь не можем похвалиться всегдашим к Нему вниманием и теплым сердечным отношением.

23) Кто на месте, у того установившаяся жизнь течет спокойно. Но случись потерять ему свое место, – и пошла во всем неурядица. Есть свое место и в духовной жизни. Кто держится на нем, у того все спокойно внутри; а кто сдвигается с него, у того тотчас начинается внутри неурядица, страшнейшая и пагубнейшая всякой внешней неурядицы.

24) Кто держит себя как должно, тот трудится, себя не жалея, себе внимает и возгревает в сердце религиозные чувства. Как только начнет он оттягивать от трудов по богоугождению, тотчас за сим следует блуждание мыслей и охлаждение сердца. Если не остановится, то быстро ниспадет в нерадение и беспечность, нечувствие и рассеянность. Это паралич душевный, или погружение души в смерть.

25) Бывают и внутренние наказания от Бога. Это отъятие духовных чувств. Случается так, когда сердце вкусит что-либо страстное, имевши возможность избегать сего. Тогда оно становится неспособным к приятию духовных чувств, – и будет таким, пока не испарится всякий след страстного приражения.

26) Есть помысл – миродержатель. Забыв себя, душа начинает все в мире передвигать и перестраивать по-своему, – и вещи, и лица, и события. Враг посаждает ее на кресло и строит из нее обезьяну мироправительства. Бывает ли что смешнее этого уродства?!

27) Во время молитвы враг обычнее всего приводит на ум какие-либо дела, будто крайне нужные, а потом и от этих дел отводит и заводит не знать куда. Надобно поселить в сердце убеждение и решение, – Бога предпочитать всему, по крайней мере, во время молитвы. Ему и все время должно принадлежать. Но будем Ему нераздельно посвящать хоть это недолгое время молитвы. Этого однако ж мало. Надо добиться того, чтоб непрестанно ходить пред Богом со страхом и благоговеинством. Ибо Он везде есть и во всем Своем величии.

28) Помазание дверей кровью пасхального агнца было символом для нас. Что же оно означает? Означает таинственное помазание душ наших кровью Господа Спасителя во св. крещении. Надо молиться, чтобы кровь сия проникла всюду в нас и все собою запечатлела, – и в духе, и в душе, и в теле. И будет она безмолвною ходатаицей за нас на Суде, имеющем решить на жизнь или смерть вечные.

29) Молитва бывает умовая или мысленная, и бывает молитва сердечная, молитва чувства. Первая одна никогда не бывает чистою и невозмутимою. Только чувство может сообщить молитве сии качества, когда сердце исполнено бывает каким-либо религиозным чувством. Это Бог дает, но и самим надо стараться вводить сердце в такие чувства, особенно пред молитвою. Молитва подогреет сие чувство, и сама может пройти исправно.

30) В производстве покаяния скорбное жаление, что грехами оскорбляем Бога, дает более прочное решение не грешить, нежели как сожаление, что грехами себя губим, хоть и это уместно при раскаянии и обращении.

31) Кто не испытывает действий благодати Св. Духа в сердце, того спасение под сомнением. Ибо такое состояние может зависеть и от того, что совсем ничего нет в душе. Но обычно Дух Святый не скоро показывает въявь действия Своей благодати, – из опасения, как бы человек сам с глаз не съел это добро.

32) Разрешений от грехов два – таинственное и бытовое (как бы физическое). В первом разрешается совесть, – и человек радостно чувствует себя разрешенным от всякого осуждения за грехи; во втором разрешается естество от всех вяжущих его страстей. К сему последнему ведут подвиги самоумерщвления и труды доброделания и молитв. И это епитимия, – Божия (физическая), хотя бы священник и не налагал церковной; но если наложит ее, то с нею скорее кончается и Божия епитимия. К этому же разрешению способствуют дойти усопшим молитвы о них Церкви и благотворения за них.

33) *Упразднитеся и разумеете, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Упраздниться значит изгнать из души все такое, что могло бы заслонить собою лицо Бога, зрячего умом с соответственными тому чувствами, – что отклоняет внимание и чувство от Бога. Но как упраздниться сим образом при делах? Расположись исполнять их как поручения Божии, а не как свои начинания или что-либо совне навязываемое.

34) Враг непрестанно около нас хлопочет. Первое его дело – занять чем-либо второстепенным, хоть не худым, и отвлечь от главного – единого на потребу. Когда успеет в этом, тогда начинает подбрасывать и дурное, и мало-помалу доводит до мыслей и чувств дурных...

35) Вообрази царя в его приемной. Нашло много лиц разного рода с целью просить кто о чем. Но вместо того, чтоб обратиться к царю с прощениями, иные из них в окно смотрят, другие сор собирают, те любуются на украшения залы, эти ссорятся. Шум. На царя никто почти и не смотрит. Таковы бывают и наши церковные собрания и домашние молитвы. А все жалуемся, что не услышаны молитвы?!

36) Бог строит Свой град духовный на небе. Материалы заготовляются здесь, на земле, в Церкви Божией, из душ человеческих. Годность их оказывается по смерти. Угодные помещаются в здание в соответственном месте; негожие бросаемы бывают в свое место.

37) Как Бога представлять? На небе, в себе, или еще как? – Никак. Приобрести навык стоять в убеждении, что Бог везде есть и, следовательно, в тебе, и видит все твои сокровенности, и в сем убеждении держи себя благоговейно пред невидимым Богом без всяких Его воображений. Но молись, чтоб Бог Сам научил тебя сему.

38) Внутреннего человека Бог созидает. Но Бог начинает действовать внутри, когда человек сознает себя совершенно ничем по всем частям и предаст себя всецело в руки Божии, вседетельству Божию.

39) Все в Господе Спасителе. Он умилостивляет Отца и Духа Святого посыает. Совершив домостроительство спасения, Он стал Владыкою нашим, и мы Его рабы, купленные кровию Его. Чувствуешь ли ты это?

40) Когда слышишь, что про иного говорят: «Сыт, развалился и дрыхнет», – не забудь подумать, что это образ твоей беспечности от самодовольства.

41) Молитва бывает то так, как говорят: «Привязался, за уши не оттянешь». А то так: «За повод тяни, не притянешь».

42) Слышишь, что об ином говорят: «Зазнался». Смотри, не сказали б так ангелы Божии о тебе, судя по тому, как ты себя держишь в отношении к Богу в молитв. Не стал ли ты иметь Его за панибрата? Царь земный, как ни будь милостив и снисходителен, не может сносить панибратства, и зазнающимся пресекает доступ к себе. А Царь Небесный, думаешь, будет поблажничать?

43) Покой плоти губит все доброе, трудом добытое. Это похоже на то, как если б хозяин сам своими руками обламывал прекрасное дерево, возращенное с большим старанием.

44) Сердце – яма змий. Змеи – страсти. Их бездна: плотоугодие – есть, пить, спать вдоволь, ничегонеделание, леность; любоимание, любовещие, скопость, корыстность, опора на имении; самость, гордость, тщеславие, человекоугодие, зазнавательность; гнев, ненависть, зависть, злорадство; многозаботливость, рассеяние и проч. и проч... Как быть? Какая высунется, бей по голове. Молот – безжалостность к себе.

45) Некто из старцев написал: «Я похож на коня, который пасется без хозяина; кто ни вздумает, садится и ездит; лишь только слезет один, наездившись, как садится другой и тоже делает, – и т.д.» Это говорил он о блуждании туда и сюда помыслами. Посредством их враг ездит на нас. Надо прибавить, что то же делает он и посредством многоделия и многозаботливости в парительной зазнавательности.

46) Покаявшийся сначала грехи только свои видит; но когда внутреннее нестроение несколько уляжется, начинает видеть под грехами страсти, облежащие душу. Прежде вопиял: «Боже, милостив буди мне грешному»; а тут, кроме того, прибавляет: «Боже очисти мя грешного», – или: «Исцели душу мою».

47) Благовещению и воплощению соответствует в нас начало взыскания спасения и приятие благодати, полагающей семя новой жизни; а рождеству соответствует образование внутреннего нового человека.

48) Воистину сидим во тьме; и это не тогда только, когда нерадиво живем, но и когда начинаем радеть о спасении. Заметить это и почувствовать дает жизнь; а додуматься до сего нельзя.

49) Слышишь, как про иного говорят: «Куда затесался?» Это очень прилично повторять себе, когда набредут помыслы высокоумия.

50) Сначала покаянные чувства бывают более из самосохранения, что погиб; потом они переходят в скорбь по причине оскорблении Бога. Это, надо полагать, пойдет уже на всю жизнь.

51) Дела – долг неотложный. Их не следует унижать: они денны. Но основывать на них спасение нельзя. Это не их дело, а дело благодати Божией, и как спасающей милости, и как силы во спасение.

52) Что дом нежилой? Пусто, затхло, бесприютно. Такова душа не кающаяся, и страха Божия не имеющая.

53) Бог, создавши мир, благоустрояет его и ведет к последней цели. Всякая тварь – орудие. Но не свободные твари суть покорные орудия; а свободные упорничают. Они и замедляют приведение мира к цели. Так как без их исправности цель сия достигнута быть не может; то теперь все благопечение Божие обращено на то, чтобы поставлять и держать

на должном пути разумные твари. В основе сего попечения лежит воплощенное домостроительство. – И сие есть, что сказал Господь: *Отец Мой доселе делал, и Аз делаю.*

54) Душу некающуюся враг делает помойною ямою, в которую он бросает всякую дрянь.

55) Видал, как иногда окружит человека стая псов? Бедный только повертывается, отбиваясь чем попало. Но подбежит к нему кто посильней, – и стая разбегается. То же случается с покаявшимся и идущим путем самоисправления. Враг иногда возбуждает в нем стаю страстей, которые, как с цепи сорвавшиеся псы, то та, то другая, начинают рвать его. И только помочь свыше рассеивает сию стаю.

56) Если замечаешь следы страшных движений, дел же по ним не имеешь; то не мечтай много о себе. Нет дел, может быть, потому только, что слушаев к ним нет. Явись слушаи, и ты окажешься чувственнее турка, злее башибузука, корыстнее жида.

57) Сначала труды покаяния, как ни будь сильны, кажутся ничем; но потом, когда совесть насытится, они могут показаться за ничто. Не надо допускать до этого.

58) Отпущение грехов таинственное бывает тотчас по исповеди, в момент разрешения священнического; а отпущение следов их из естества совершается по трудах покаяния. Умершие, не достигшие сего в жизни, доходят до сего там – молитвами св. Церкви.

59) Снизу к сердцу подходящий и покушающийся все его захватить дух туги и томления – не доброго есть свойства. Отревать его надо. Эта туга неопределенна; доброе же скорбение всегда имеет определенно предметом грехи свои и свое недостоинство.

60) Бывает, что внешне служба идет исправно, а по внутреннему она очень неисправна. Бывает и служащий, который внешне состоит в порядке, а внутренне есть как расстроенный.

61) Духовную жизнь, кажется, лучше бы называть внутреннею. Это и понятнее, и обоятнее, и точнее.

62) Не грех только плотской, но всякое угодие плоти в пище, питии, сне, покое, положении или пресекает духовные движения, или умаляет силу их напряжения.

63) С заботою не преходи к молитве; иначе молитвование твое не будет молитва. Умение отрезывать заботу вымоли всякий сам себе. Ею враг бросает туда и сюда души, как пшеницу в решете.

64) Без заботы душа – как на молитву, так к Господу. А с нею – и молитва ею полна, и по молитве все она.

65) Чуждо присвоение духовное (себе приписывание успехов) является в разных видах и бывает причиною научительного отступления благодати. Отсюда окаменение, забвение, омрачение, потеря энергии. Средство против него – все как от руки Божией принимать с благодарностью, как дар, и жить всегда в предании себя Богу, всего чая свыше.

66) Добрые мысли, внезапно посещающие и проходящие душу, бывают от Господа или от Ангела-хранителя. Он упорядочивает все внутри, освещают как внутреннее, так и внешнее и поставляют в обрадованное состояние. Вражьи же помыслы и не худые производят смятение и омрачение, сопровождаясь самодовольством, а худые приносят с собою всегда бурю страшных движений, более или менее сильных и разрушительных.

67) Во внутренней жизни – свои уставы и законы, свои исправности и неисправности, свои награды и наказания, кои не соображаются со внешними, а идут своим чередом. Вне одно положение, а внутри другое.

68) По покаянии и трудах очищения совесть по временам перебирает все нагрешенное в жизни и судит. Се суд прежде оного. Это очень смирительно. – К этому и враг иногда подделывается; только он приводит на память одни дела, по человеческому суду недобрые, дела неразумия и оплошности, тех же, коими оскорблен Бог, он не касается. Суд совестный, – можно сказать, благодатный, оживляет раскаяние и сокрушение уповательное, отрадою помилования растворяемое; а этот вражий наводит безотрадную и тяжелую тугу.

69) Отчего душа бывает пуста? Оттого, что вышел Посетитель душ по какой-либо ее вине и для какого-либо научения. Может быть, бывает и естественная пауза – отдых всех

сил, которые, как тварные, не могут держать себя в постоянном напряжении без истощения и отдыха.

70) Стадии уклонения от единого на потребу, или ниспадения из духа: а) увлечение каким-либо делом, изучением чего-либо, рукодельем или художеством каким, каким-либо предприятием; б) вследствие того – льгота в трудах по делу спасения, в молитвах, в бдении, посте, уединении и проч.; в) от этого внимание к себе слабеет, и внутренний строй разоряется, что дает врагу доступ сиять недобрые мысли и возбуждать страшные движения; г) от этого недалеко склонение на страсть и грех.

71) Надо совмещать в себе чувство погибающего и спасаемого. Тут только истина.

72) Два способа очищения сердца – деяние и созерцание. Они начинаются вместе в истинно существующем и идут рука об руку; но в начале деяние идет впереди, а потом опережает его созерцание, под конец же и совсем поглощает его.

73) В период очищения, напраслины и беды Бог не только попускает, но и наводит, как действенные средства очищения. Последние особенно плодотворны, потому что вслед за ними посыпается в душу и особая сила к перенесению их. Искушаемый может однако же погрешить и в этом, как и в первом случай. – Зри.

74) Что неправо в нас есть и бывает, это указывают сначала заповеди и требования совести, потом мирное устроение сердца, а наконец око Божие в сердце.

75) В созидании спасения фундамент побольше углуби. Фундамент сей есть такое чувство неотходное: слеп, наг, прокажен, расслаблен.

76) Встречи с людьми устраивает Бог для того, чтобы мы передавали друг другу сущее в нас от Бога добро, и взаимно друг друга богатили. Враг же подстрекает и всячески хлопочет, как бы эти встречи сделать не бесполезными только, но и вредными. – Внемли!

77) Враг, искушая, применяется к характерам людей: с умовыми поступает так, с деловыми иначе, с сердечными еще иначе. И не всегда зло внушает; но довольствуется, если успеет занять внимание пустяками. Ему лишь бы отвлечь от главного, единого на потребу, и время сгубить. Все – его выгода.

78) Внутри строй помышлений о главном разнится по временам; но существо дела должно оставаться неизменным, именно: «Грешен я и достоин осуждения и казни; но не отчаиваюсь в спасении ради крестной смерти Господа Спасителя».

79) Взявшись за труды покаянные и не видя успеха, не робей. Все ищи и ищи, опираясь надеждою на обетования Божии. Ты только чего отстал от одного берега, другой же совсем еще не виден. Работай сильнее веслами (средствами покаянными, подвижническими), – и берег покажется. Тогда уже веселей тебе будет работать. Стоит тебе только сподобиться хоть единой очевидной помоши, – и это будет узрением другого берега. Тогда уже беспокойству за успех дела места не будет, разве только разленишься. Но в этом кто кроме тебя виноват будет?

80) Устрой у входа сердца шлагбаум и приставь к нему строгую стражу. Всякого подходящего, – помысл, чувства, желание, – спрашивай, свой или чужой. Чужих гони без жалости; и будь неумолим.

81) Душевный человек делает, ибо приятно, полезно, необходимо; а духовный, потому что долг, добродетель, Богу угодно. И в духовной жизни есть приятное, полезное и необходимое душевного ранга; но они здесь подчинены законам духа жизни о Христе Иисусе.

82) Внешняя исправность без внутреннего самоисправления есть то же, что раны залечены, а худосочие, от коего раны, оставлено, или что дом гнилой, заштукатуренный и раскрашенный.

83) Бог Отец по благоволению Своему призывает нас грешных к Сыну Своему единородному благодатью Духа Святаго. Внявшего призванию Сын Божий омыает кровию Свою, а Дух Святый – перерождает, облекая во Христа. Тогда Отец принимает его в действенное и живое благоволение Свое, в объятия Свои.

84) Святая Церковь на земле то же, что кирпичный завод. Храм Богу, окончательный, строится на небе, а кирпичи и прочее готовится на земле, в святой Церкви. Глину минут, бывают, жгут, — молчит и делается кирпичом, пригодным для здания. Уподобляйся и ты сему в духовной жизни твоей, и явишься пригодным для храма Божия небесного.

85) Когда сжать мех, наполненный водою, вода начнет бить из него фонтаном вверх, лишь найдет или прорвет отверстие. Стесняй и ты себя во время молитвы страхом Суда, и вопль из сердца, как фонтан, устремится горе, взывая о помиловании.

86) В мире Бог строит Свое дело. И все силы небесные внимают. Внимай и ты. Все — средства. Цель единому Богу ведома. Все преходяще, — Един Бог есть сый существенно. Пребывай с Ним. Он везде есть существом Своим, а не ведением только. Зри, чтоб не быть осуждену, подобно кривляющимся и бесчинствующим пред лицом царя.

87) Как за младенцев крещаемых обязуются восприемники, заменяя младенцев в том, чего исполнить не могут они сами собою; так относительно отшедших, кои перешли в другую жизнь с действенным началом истинной жизни, не доведенной до конца — это, чего они сами не могут исполнить для сего, исполняет для них общество верующих, пока очищатся и дозреют. После того они воздают верующим своей о них молитвою. Се круговоротение жизненных сил о Христе Иисусе, Господе нашем.

88) Во внутренняя за завесу никто делом не входит; только Господь Спаситель вошел так. Все же христиане входят, которые входят, мысленно, — или чувством, или созерцанием. Это есть состояние, а не движение. Оно плод всего строя. Завеса эта есть то, что Господь невидим: положи тьму за кров свой.

89) Некто сказал: «Думается, что в большие праздники: Светлое Христово Воскресение, Рождество Христово, Сочество Святаго Духа, и другие, равно как в дни воскресные и дни поминовений, — отшедшим до времени очищения,дается свобода бывать, где жили прежде, особенно у тех, кои молятся о них, и во сне являть им свое состояние в усугубление молитв или утешение.

90) Бога зреть в сердце не умаляя Его величия, — как? Держа мысль, что Он есть сокровеннейший, и не облекая Его присутствия ни в какую форму.

91) Милосердый Бог хочет, чтоб твари Его разумные жили в радости: одни, наслаждаясь присущим благобытием, другие, у которых благобытие расстроилось, утешаясь уверенностью, что сие есть в отношении к ним незаменимое средство к установлению их благобытия, — и здесь, но паче там. Не покоряясь благодушно тому, что присудил Бог, можно отнять спасительное действие у сложившихся обстоятельств, невознаградимо повредить себе.

92) Предшественники искушения или возбуждения страсти суть частые о том помыслы и давание себе льгот и утешений плоти. Надо отрезвляться.

93) Иное дело рассуждать о предметах веры, а иное веровать. В последнем знательно ничего не прибавляется, но бывает строй сердца другой и другой вкус в знаемом.

94) Бывает и так, что хоть дел худых нет, но состояние сердца худо. Бог отвергает такого, хотя на вид он и не худ. Присмотрись, не к этому ли роду людей принадлежишь ты.

95) Бог устрояет спасение каждого так: кто гож, того Он влечет к Сыну; Сын грядущего приемлет; принятого преобразует благодать Св. Духа. Это первый период, приготовительный. Он длится с призыва до того момента, когда изречется в сердце: «Бог есть действуя вся во всех», и рождается полное предание себя вседействию Божию. Отсюда начинается божеское в человеке действование через человеческие однако же силы, или богочеловечное. Се второй период. Третий период — покой в Боге, которому настояще место там, но начало ему полагается здесь. Большая часть людей в первом периоде, часть некая — во втором; третьего здесь достигают редкие, а там все, своим однако же чином. Это и есть блаженство вечное.

96) Никто не знает Бога Отца, токмо Бог Сын и Бог Дух Святый; и Сына никто не знает, токмо Отец и Дух Святый; и Духа Святаго никто не знает, токмо Отец и Сын. От сего

взаимоведения, – и взаимноволение, и взаимнодействование, кои, сходясь во едином, дают единоведение, единоволие и единодействие. Как все лица едино суть, то все суть во всем. Ни одно лицо ни в чем не бывает едино, исключая рождения и исхождения. Но и в отношении к сим последним подобает говорить: «Отец, раждая Сына, ни в чем не обособляет Его от Себя и Духа; и Духа Святого изводит, ни в чем не обособляя Его ни от Себя, ни от Сына. Сын рождаясь, не обособляется от Отца и Духа; и Дух исходя не обособляется ни от Отца, ни от Сына. Отец рождает Сына, и Духа Святого изводит без воспервенствования и возбльшенствования над Ними. Равно Сын рождается от Отца, и Дух Святый исходит от Отца, не делаясь чрез то послесущими, а пребывая сосущими Ему, и не становясь меньшими Его, но пребывая равными Ему во всем.

97) Лица Пресвятой Троицы, зная себя взаимно и единясь в сем знании, знают, что каждое из них имеет то же, а не таковое же существо, которое имеют и другие. Отец, рождая Сына и изводя Духа, знает, что существо и у Них то же, что у Него, непереходно. Сын рождаемый знает, что существо Его то же, что у Отца и Духа. Дух исходящий знает, что существо Его то же, что у Отца и Сына. Таким образом у них пребывает единосознание единства существа, или сознание, что при троичности лиц они суть един Бог.

98) Искушения необходимы по настоящему нашему положению. Находимся в плену. Как вырвавшийся из крепости вражеской много еще должен потерпеть, пока доберется до границы своего отечества, так и здесь.

99) Знания предметов веры бывают трех родов: рассудочное или научное, – опытное, образующееся под трудами по очищению сердца, и живое, даемое непосредственно вступившим в область света. Это последнее есть настоящее созерцание, которого начатки проявляются и на второй степени.

100) Постижение или узревание духовных вещей бывает в молитве. Но читательная молитва не дает сего; дает своя, или краткословная, с богомыслием соединяемая.

101) Как орган заведут, и он играет уже заведенную песню сам, так враг заведет мечтание в душе и отходит, наблюдая. Мечтание уж само тянется и тянется. Когда кончится мечтание, враг подбегает и ухитряется завести другое мечтание, – и опять отбегает и смотрит. Когда кончится это мечтание, подбегает и заводит третье, и т.д. Если отбьют его, решительно отсекая всякое мечтание; он не совсем отстраняется немного и все смотрит, как бы опять с другой какой стороны завесть свое мечтание. И не отходит, пока не успеет в сем. В этом все его занятие. Когда в мечтании появится движение страсти, он подбегает и действует, чтобы увлечь и выманить сочувствие или даже согласие, – полное или неполное. Если успеет в этом, учит далее, как привести задуманное в дело. – И момента нет, чтоб он спустил с глаз душу и пресек свои против нее злоумышления.

102) Берущие крепость сперва обстреливают ее, потом делают приступ. То же и в духовной брани. Враг сначала стрелы помыслов пускает; потом, когда видит, что они слабо уже отражаются, – слюбились, – делает сильный натиск чрез возбуждение страсти. Если в первом периоде душа держала себя, как должно, то и во втором устоит мужественно.

103) Враг увлекает сластью греха. И Господь, отвлекая от греха, дает кающемуся и искренно обращающемуся на добрый путь ощутить сладость жизни в мире с Ним и совестью. Сладость сия чище, светлее и миротворнее сласти греха, всегда мутной и тревожной. Почему испытавший сладость Господнюю имеет в сем сильное орудие противостоять влечению сласти греха вражьей.

104) Когда заметишь порыв сделать что поскорей-поскорее; знай, что это от врага на вред или посмение тебе, как бы светлым то ни казалось.

105) Дух Христов – полное самоотвержение и готовность жертвовать собою во славу Божию и благо близких. Он отражается во всем естестве человека. Бесы, как учат его, так и бежат – дальше и дальше.

106) Враг непрестанно покушается осквернять сердце своими нечистотами и успевает набросать в него вороха помыслов, и нередко чувств греховных. Это бывает со спящим человеком, когда внимания не бывает. Проснувшись и заметив это, надо тотчас все

очистить, чтоб и следа того не оставалось. Чем? Именем Господа Иисуса, ему же лопата в руце Его. Рукоять к сей лопате – сокрушенное раскаяние и решимость вперед не просыпать вражьих козней невниманием. Рука, коею берется сия лопата – вера с упнованием, что Господь не оставит. Двигатель труда – ревность, Его поддержка и основание – саможаление. Сходи, вооружившись всем сим, в сердце и чисть там все, и не бросай работы, пока не останется ни одной соринки вражией.

107) Враг соблазняет только до сосложения, а там оставляет человека, и он доводит то до конца уже сам, так что дело делается им одним, – и он является кругом виноватый; враг же в стороне. Дивно сие!

108) Когда враг видит, что кто-либо положил отказаться от рабства ему и вступить на путь добра, то прямо не поперечит сему, а спешит разбить твердость решения сторонним путем, именно: внушает такому человеку сделать какое-либо дело из обычных его занятий, представив его неотложно нужным и заняв им все внимание. Когда внимание увлечется в дело и все его производство, тогда он успевает забрасывать мысли в поблажку тому, чем держим был человек в его рабстве. И бывает, что не успеет он кончить дело, как доброе намерение его расшатывается, – и опять пошло все по старому.

109) Всякий человек обыкновенно действует сам собою, задумывает, обдумывает, и приводит в исполнение с помощью Божией. Но по временам всякий же бывает орудием действия вышних сил, от коих чрез него требуемое благо переходит или передается в окружающих его. Свидетельствуется и сопровождается сие состоянием воодушевления на говорение или на делание чего, – когда говорит и действует человек не в силу соображений личных, а по неудержимому чувству и влечению. Внушаемое при сем сам он может и не удержать в себе. В таком случае он бывает одним лишь проводником, как желоб – проводником воды. Но может и усвоить то. В таком случае совершается им двоякое благо.

110) И в вере, и в жизни надо установить единичное убеждение: в вере, – что Бог сходил на землю и устроил нам спасение; в жизни, – что ты куплен, почему должен работать без устали, в надежде внизи в покой, и здесь еще, а не только там. Корень жизни – ревность по Богу, в преданности Его покрову, руководству и вседействию.

111) Всякий человек двойствен – и добр, и недобр. У иного доброе преобладает, а у иного – недоброе. Но и у первого не молчит недоброе, а при всяком начинании добром, предлагает себя вниманию или прямо, или косвенно; и у второго не молчит доброе, а всегда напоминает о себе, при всяком недобром начинании. Думается иногда, что недоброе в нас есть некое лицо злое, привившееся к естеству нашему, добруму по творению, зорко за всем в нас смотрящее и непрестанно подстрекающее с своими предложениями.

112) Бодрость – непрестанное напряжение энергии внутренней, держащее душу и тело в струнку, подсекается позывом покоя или почития на чем-либо тварном, с услаждением им и удовлетворенностью, помимо Бога и божеского. Предметов на это – бездна, – все, что есть, кроме Бога и божеских вещей. Внимание пусть узревает это и отбывает.

113) На молитве в самом начале недоброе наше всегда предлагает какое-либо дело, будто нужное, чтоб озаботить им. Если не остережется начинающий молиться, то уходит помыслом в предложенное дело, а о Боге и молитве забывает; кивает поклоны, как кукла. Чтоб избежать этого, надобно пред молитвою твердым помыслом все отбросить и приступить к молитве голою душою, чтоб она, совершая молитву, одну ее и имела в заботе.

114) Без дел и занятий нам быть нельзя. Бог дал нам деятельные силы, которые и требуют упражнения. У всякого потому есть свои дела и занятия. Они требуют внимания; но с другой стороны нравственное преспяление, важнейшее всего другого, – требует, чтоб внимание всегда было в Боге. Как согласить то и другое? Надо все дела и занятия делать как дела Божии, Богом на нас наложенные и посвящать их Богу. Тогда делая их, не будем упускать из внимания Бога, ибо при сем неизбежна забота, как бы все делаемое сделать благоугодно Богу.

115) Чтоб дела и занятия не поглощали всего внимания, надобно делать их без увлечения, не пристраясь к ним. Навык на это надо приобрести, – постоянно напрягаясь и располагая себя, делать дела свои, не потому, что к тому или другому душа лежит, а по сознанию долга. Определение же должного и побуждение к нему, надо взять из области божеской. Тогда занятие делами будет и усердно, и отрешенно отрешенностью не в пустоту, а прямо к Богу. Тогда и приступая к молитв, ничего не будет стоить выбросить их из внимания. Да они и сами собою будут выпадать из него, как только руки от них приняты. Все же сие от навыка быть неотходно в присутствии Божиим и с благоговейным чувством.

116) Премудрый сказал: *Начало премудрости страх Божий*. И некто из старцев говоривал: «Приобрести благоговейный к Богу помысл, и тогда все будет у тебя в порядке, и внутри и вне». Шаловливые школьники обыкновенно поднимают шум и гам, пока не придет учитель; но как только показался он, – они все по местам, и тихо. То же бывает внутри от благоговейного помысла.

117) Благоговейный помысл Бог дает и прививает, но не даром, а ищущему и трудящемуся над этим. Лучший способ искания есть преутруждение себя в молитве и в церкви, и дома. Труди себя в сем без саможаления, а с желанием озлоблять себя за бывающие самоугодия. Ум же всегда держи в памяти Божией, или всегда ходи в присутствии Божиим. – Но все такие труды – подготовка. Настоящий помысл благоговейный благодать Божия прививает, или освобождает из уз. Ибо он естествен духу, но связан пришлю поврежденностью.

118) Когда ревность в силе, враг спокойно сидит в своей засаде в телесном органе страсти, подстерегает, выжидая удобного времени для нападения. Как только внутри допустится некая льготность и желание послабления, он тотчас вылезет и начинает или подбрасывать помысл, или возбуждать движение телесное. Если это не будет с неприязнью отброшено, а напротив, отзовется неким сочувствием, то вслед за сим он усиливает свои нападения, спеша разжечь страсть и вызвать сосложение, которое есть преддверие дела, если не будет изглаждено. Как важно потому поражать врага во главу, – т.е. в первую его застрельческую мысль или движение! – Чтоб не испугать, враг иногда после однократного или двукратного вызова сочувствия отступает, чтоб породить беспечность в боримом и внезапно опять поразить его с сильнейшим натиском. Держащему себя в бодрости и напряженной готовности противостоять нападениям это не страшно.

119) Кончив молитву, не думай, что и вольно, но всегда будь, как будто стоишь на литургии, – да будет всегда бодр ум, и целомудр помысл.

120) Господа Спасителя не разделяй в мысли на Бога и человека, но нераздельно созерцай Его, яко Бога воплощенна, покланяйся Ему яко Богу и уповай на Него.

121) Почитие на чем-либо, кроме Бога, чувство права на льготы, покой плоти, распущение членов – суть опасные помыслы и действия, худоба которых, однако ж, редко сознается.

122) Надо веровать, что Господь в нас есть, ибо в крещении облекаемся в Него, в причащении приемлем Его. При недостатке такой веры, молись: «Господи, приложи мне веру», – и приложит. И о всех пунктах нашего исповедания, относительно коих сознаешь слабость веры, также молись: «Приложи мне, Господи, веру». И не переставай, пока не приложит.

123) Созерцание Бога сокровеннейшим, как именует Его св. Ефрем Сирин, в той мысли, что Он сокровен есть для всех тварей, – для ангелов и святых, – есть высшее созерцание Бога и чистейшее. Оно есть прямое руководство к тому, чтобы при помышлении о Боге не иметь воображений Его, а веровать лишь, что Он внутрь есть, как и везде.

124) В движении к Богу шествие начинается мысленным деланием; из него, при настоящем действовании, рождаются чувства духовные; из них переходят к духовному созерцанию. Все сие идет не по системе какой. Бог ведет предавшего себя Ему, как Ему то угодно. Ты только делай свое: делай дела долга – по семейству, гражданству, по церкви,

дела благотворения, подвижничества и молитвований, все как от Бога и для Бога. И Бог, везде сый и вся исполняй, проведет тебя к Себе означенным путем.

125) Христиане приносят Богу жертву божественную, по божескому учреждению. Никто и недомыслился бы до такой жертвы, – и если б домыслился каким-либо чудом, не дерзнул бы приступить к совершению ее. Но Господь сам и учредил ее, – и заповедь дал: *cive творите*, – действует в жертвоприношении Он же сам, чрез посвященные лица. Наше же что? Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смилено, с твердою решимостью не оскорблять великого Благодетеля и все творить прочее во славу Его.

126) Как достигнуть состояния неотходно стоять перед Богом? – Начинай хождением пред Ним с соответственными чувствами. Отсюда придет страх Божий, который и доведет тебя до искомой цели. Это настоящий способ, – духовный к духовному состоянию. А механический, что у Григория Синаита, есть только подспорье и один не ведет к цели. Но с мысленными приемами необходимо соединять и деятельные: совесть блести чистою, плоть утончать, в молитвах пребывать, – все в духе сокрушения и смирения с благоговеинством.

127) Блюди. Враг всячески покушается не допустить дойти до сего блага, – все хлопоты его на это направлены. Первый его прием есть – подсовывать какие-либо дела и привязать к деланию их. Пусть они нехуды; но худо то, что заняв мысль и чувство, отклоняют от главного, заставляя или отодвигать его на второй план, или совсем позабывать его на время. То и другое крайне опасно, особенно последнее. Второй прием его есть – навести на то, чтобы дать покой плоти, допустить льготу в пище, сне, отдыхе, разрешить себе вольводвижения и свободу во впечатлениях на чувства. Все это будто мелочь, но крайне разорительно. Смотри в оба.

128) Со всяким напряжением потрудись дойти до того, чтобы дело содеяния твоего спасения сознательно относимо было к Богу, в Троице покланяемому нераздельно, в едином акте сочетавая благоволение Бога Отца, окропление кровию Бога Сына и освящение от Бога Духа Святаго. По благоволению Отца благодать Духа с Господом единит воедино дух, душу и тело. – И се спасение!

129) Человечество сочетано с триипостасным Богом единым через второе лицо Пресвятые Троицы. Ибо Сын Божий, воплотившись, не стал вне триипостасного единства, а пребыл в нем. Он воплотился, как поет св. Церковь, *не оставил недра Отча*. Поелику Он в Свое лице восприял человечество; то вместе с сим оно сочеталось и с триипостасным единством, в коем Он пребывает выну. Затем и всякий верующий, делаясь, по таинствам христианским, едино с Господом, также сочетавается и с триипостасным единством.

130) Милостивый Господь да даст нам дойти до узрения глубины оснований к страданиям Господа Спасителя. От века предопределено сие. Следовательно, входило в план мироздания и миранаправления к последней его цели. Непостижимо, как сие есть; но несомненно, так есть.

131) Страдания Господа представляют лестницу, по коей Он сходил все ниже и ниже, не только до крайнего уничижения и истощения, но даже до возвзвания к Богу Отцу: *Всюю Мя еси оставил?* Так глубоко падение наше! – О, когда бы дал нам Господь постигнуть и ощутить весь ужас греха! Какая потребовалась жертва?! – И милосердый Бог Триипостасный не отступил пред нею. О бездна человеколюбия!

132) Молиться надлежит, чтобы Бог даровал нам созерцать Спасителя, яко Сына Божия воплощенного, и в сем вочеловечении пребывающего Богом, созерцая в то же время Его нераздельна суща и в Троице единосущной.

133) Таинство Тела и Крови есть вечеря любви для верных; но прежде оно есть жертва. Во всем свете люди приносят Богу жертвы. Истинная жертва есть одна наша бесценная, – Тело и Кровь Христа Господа. Она непрерывно стоит в Церкви, соединяя небо и землю. О сем помнить подобает христианам. Ибо все, повсюду верующие – одна Церковь. Почему деемое в одной частной Церкви не чуждо есть и всех частных Церквей, следовательно, и всех христиан.

134) Жертва бескровная Господом Иисусом Христом приносится, яко главою Церкви, со всеми христианами, и живыми, и умершимся. Всякая Литургия такого есть смысла, где бы она ни была совершаема Жертва бескровная силу имеет потому, что совершившем ее Господом объединяется с Его крестною кровною жертвою. Таким образом, все частные жертвы, сочетаваясь с единою жертвою крестною, делают, что она чрез них ходатайственно восходит от всех и ходатайством своим покрывает их.

135) Господь Иисус Христос, яко глава Церкви, собирает молитвы всех, и имеет их в Своем леце ходатайственно представленными Богу триипостасному, Коим и решается, чему быть, и решенное действуется единым триипостасным действием.

136) С утра, как проснешься, приведи на мысль, что опять вступаешь в хор творений Божиих, Бога славящих и воле Его покорных, в природе и на небе в чинах ангелов и святых; и позаботься не отставать от них ни в славословии, ни в покорности воле Божией. – Держи сие в сознании.

137) Все небесное в привеликом свете. Триипостасное, трисиянное Божество сокровенно по неприступности божественного света, который только умно созерцается. Но Бог – Слово воплощенное, хотя сияет светом такого сильного напряжения, до которого только может простираться тварный свет, однако ж таким, который приступен и созданным очам, и восприемляется или вмещается по мере совершенства взирающей на Него твари. Окрест Его небесные бесплотные Силы. Владычица Богородица ближе. Далее апостолы и пророки, богопросвещенные еще на земле. За ними второстепенные прииматели божественного откровения воли Божией. Потом все святые в разных степенях, святители, мученики, преподобные, праведные всех родов жизни, – все залиты светом исходящим от лица Господа Спасителя, – выше всякого описания. – Ниже их – покаявшиеся, но не успевшие очиститься и идущие к очищению действием в покаянии принятой благодати и молитв Церкви земной и небесной, святых совершенных, прославленных на небе. Тут свет, по мере очищения, начиная с чуть брежжется до сопредельностей с полным светом святых.

138) Молись так: «Господи, Боже Отче Вседержителю, отеческим Твоим благоутробием обыми и меня. Господи, Боже Сыне Искупителю, божественною Твою кровию окропи и меня. Господи, Боже Душе Святый Оживотворителю, божественною Твою благодатью оживотвори и мою, умерщвленную грехами, душу. Троице святая, единосущная и нераздельная, Боже единый, вездесущий, все содержащий и все видящий, милостивым оком призри на меня многогрешного и имиже веси судьбами устрой мне спасение, Имени ради Твоего».

139) Когда сердце ощутит обятия Божии, тогда сладость отсюда исходящая дает человеку забыть все сущее. Если сумеет он сохранить сие, то отселе жизнь его начнет тещи так, что быть умом в сердце пред Богом будет у него единым на потребу, все же прочее – побочным.

140) Верующий, ревнующий содевать свое спасение, вступил на верный путь ко спасению, но он еще не в доме спасенных. Надо ему тещи, трудиться, бороться, со страхом и опасением, аще достигнет.

141) Молитва Богом заповедана, чтоб благость Его имела перед лицем правды Его основание к помилованию. Ибо не праведно оставлять без внимания молитву уповающих.

142) Без дела не должно быть ни минуты. Но есть дела, телом видимо совершаемые, и есть дела мысленные, невидимые. И такие суть настоящие дела. Первое из них есть память Божия неотходная с умносердечной молитвой. Этого никто не видит; однако ж лица, так настроенные, находятся в непрестанном напряженном делании. Это же есть и единое на потребу. Коль скоро оно есть, не заботься о других делах.

143) Бог на блаженство создал твари и утешается ими. – Как же скорби? Скорби, страдания, беды – путь к блаженству. Утешается Господь и скорбящими, потому что они идут прямо к блаженству. Блаженство – чрез скорби и страдания, – таков закон. Бог и благоволит, да страждем. И помогает страждущим не избавиться, а претерпеть. Избавление от страданий есть исключение из общего закона.

144) Благодари Бога первее за то, что, беспредельно велик сый, тебе ничтожнейшему позволяет отверзать уста свои и беседовать к Нему в молитве. Ибо сие молитвенное к Богу обращение и взвывание есть условие получения милостей Божиих, хотя Бог и без того знает, что кому нужно. Моление есть отверстие уст к принятию благ от Господа, но блага, какие даровать тебе Он благоволит, а не какие ты пожелаешь. Оттого не все просимое получается. И не проси так: «Подай неотложно». Но говори: «Буди воля Твоя. Поможешь – слава Тебе; и не поможешь – слава Тебе. Даруй только терпение». Моление твое да будет простертием рук к принятию дара, какой и когда благоугодно будет Господу подать тебе.

145) Не выпускай из мысли, что вот-вот конец, – и Суд. Каждую минуту жди, что крикнут: «Такой-то выходи», – как на экзаменах. И с этим припомнай, как явишься и что принесешь в оправдание? Как нечего, то и взвивай: «Господи помилуй! Боже милостив буди мне грешному! Сына Твоего ради, за нас распеньшегося, прости все и покрой все грехи мои».

146) Ходи в присутствии Божием, но без умаления чувства величия Божия. Беспредельно великого зри умом Бога, зрящего внутрь сердца твоего и все там видящего.

147) Церковь – живое тело, живо сочетанное с Главою своей – Господом Спасителем. Всякому верующему надлежит восходить к чувству живого союза со всеми верующими и с Главою (у истинных христиан естественно сие бывает), – и в сем чувств возноситься в молитве к Господу, а чрез Него и к Пресвятой Троице. Пояснение сему найдешь в каждом члене тела нашего. Если б дать ему сознание, он тотчас сознал бы, что и со всеми прочими членами, начиная с ближайших, соединен, и с головою, – а чрез них и со всем сущим.

148) Возупавшему на Господа надо чувствовать себя так, как чувствует себя находящийся в неприступной крепости, – безопасным от всех врагов, – или так, как чувствует себя принятый под покров могущественным царем и им защищаемый.

149) Не выпускай из мысли надежд и обетований христианских, – и определенных для этой жизни, и отложенных на будущую. Это вседействено будет оживлять и поддерживать энергию нравственных сил твоих. Трудись положенным образом, трудись неутомимо в молитвах, пощениях, благотворениях, сколько сил есть. Если будешь так действовать, скоро придет покой совести; затем начнется умиротворение сердца в знамение того, что страсти стали замирать, ибо от них все тревоги сердца. Когда сердце совсем умиротворится, это будет значить, что страсти замерли. Тогда жди посещения Божия: благодать воссияет, – и ты осознательно ощутишь присутствие в себе триипостасного Бога, по обетованию Господа Спасителя. Это преддверие рая. – Таковы обетования для сей жизни. И они точно исполняются во всех безжалостных к себе ревнителях о спасении. Что же на том свете будет, того и вообразить мы не в состоянии. – Так вот: как только придет позыв польготничать и полениться, скорее воспоминай сии обетования, и победишь разлечение. Ибо при этом должен будешь подумать и о том, что чем неопустительнее и неотложнее будешь делать все, тем скорее получишь искомое. А если будешь прилениваться, то может случиться, что и совсем ничего не получишь. Ибо даемая тебе льгота после трудов вменится в награду за них, – и дать тебе что-либо не за что.

150) От принятия тайнств всегда получается благодать, – и бывает в нас; но не всегда тотчас и внедряется. Кто как следует подготовился, у того внедряется, а кто не подготовился, у того не внедряется, хотя бывает внутрь. Тут то же бывает, что в печи, когда разжигают огонь. Дрова положены, вложена и поджожка. Но пока огонь не займется в дровах, дотоле они и поджожки друг подле друга; а когда займутся, тогда огонь поджожки переходит в дрова и продолжает занимать их полено за поленом, пока не займет всех. Мы – сырье дрова. Как поджожка не зажжет сырых дров, пока не обсушит место огню; так благодать, принятая нами, – сырьми от грехов и страстей, – сначала обсушает некую часть нас (если этого прежде не сделано), чтобы внедриться, и когда обсушит, внедряется. Внедрившись же, продолжает иссушать часть за частью нашего естества от сырости страстей, – и внедряться в них, пока всего не обымет и не исполнит собою. Первое внедрение благодати свидетельствуется неким огнем в сердце. Это и есть начало

благодатного очищения и переделания всего внутреннего. Оно привлекает наибольшие труды и среди них совершают свое дело. Конец сего – проявление благодатных даров; но и это не конец востечения по степеням совершенства. И апостол Павел говорил: *Горю.* Иные это первое действие благодати (огонек в сердце) почтят конечным, – и руки опускают. От сего действие то увядает и угасает, а они остаются живущими лишь памятью о нем, – мнящими однако ж, что оно в них в настоящем виде.

151) Бог хочет, чтобы мы докучали Ему в молитвах не ради Его: Он все знает, а ради нас самих, чтобы мы всегда были готовы принять милость от Него, когда ни благоугодно будет Ему даровать нам ее. Молитва есть простертые руки к Богу, для принятия Его милости. Кто всегда молится, у того всегда руки простертые; и когда ни возблаговолит Господь даровать ему милость, он всегда готов принять ее. Представь себе благодетельного человека, который не в определенный час раздает сам милостыню, имея обычай влагать ее в руки, когда они простертые, и миновать того, кто, засмотревшись по сторонам, не простирает рук. Таким образом из пришедших имеющие простертые руки всегда получают, а неимеющие – не получают. После хоть не проси. Так и Бог, когда раздавать будет Свои милости, не сказывает, а говорит только: «Имейте всегда простертыми ко Мне руки в молитве, чтобы, когда ни рассужу давать милости, вы были готовы принять». Таким образом кто всегда молится, тот никогда не пропустит милости; а кто не всегда, того, не дивно, что и минует милость.

152) Осязательное показание падения нашего есть тяжелость души на подъем горе, – к Богу и небесному. Сколько требуется для этого внимания и напряжения сил?! И все же душа парит долу, как туман стелющийся по земле, и несвободно горе взлетает.

153) Веря в силу Пречистых Таин, что се есть воистину Тело и Кровь Господа, нельзя не веровать, что тут предстоят и ангелы, всякий раз, как совершается таинство сие.

154) Как в притче квас, вложенный в муку, непрерывно действует, производя вскисание ее, пока не доведет всей массы ее до полного вскиснутия, так восстановительные силы, положенные через воплощенное домостроительство не в человечество только, но и во всю тварь действуют и производят свое дело. Как и что делается в общей области бытия, для нас незримо; но что делается в Церкви и особенно в каждом верующем, сие видимо. Господь Спаситель, благодать Св. Духа, Ангелы Хранители, святые Божии, и все устроение св. Церкви воссозидают и благоустроят души и через сие полнят Царствие Божие. И будет так идти, пока исполнится все предопределенное. – Слава беспредельному человеколюбию, и нас введшему в сие течение спасительного возустройства всяческих с обетованием ввести и в совершенное Его Царство, если явим себя того достойными.

155) Когда глубоко бывает возмущена душа движениями какой-либо страсти, тогда она теряет надолго мирное устроение, делается неустойчивою, шаткою и к молитве негожей. Оставляет ее Господь, – и она вляется. Покаяние и напряжение к собранности подготовляют, а св. причащение совершенно восстановляют должный строй души.

156) Бог, создав мир, дал всему течение, сообразное с целью мира, Ему единому ведомой. Силы мировые по положенным в них законам непрерывно действуют сами, поддерживаляемые вседержительной десницею Божией, только в бытии своем. Но Бог, вседесущий и все содержащий, нередко входит в течение вещей, сим образом идущее, особенным воздействием, там или здесь, не по ошибочности направления действующих физических сил, но по особым Своим планам, выполнение которых не могло быть вверено физическим силам ни по частям, ни в их совокупном действовании. Это особенно видится необходимым по причине свободы разумных тварей, по коей они могут уклоняться от направления, волею Божией им определенного в общем плане бытия. Так как такое уклонение расстраивает общее течение к цели по плану мироздания, то необходимо возвращать их кциальному направлению, чтобы общая цель была достигнута. Это и совершается особенными непосредственными воздействиями Божиими, помимо естественных сил. Центральное воздействие сего рода есть воплощенное домостроительство, около которого врачаются и все другие.

157) Есть умовая жизнь, – и вера умовая, по умовым основаниям, и молитва умовая, в умственных представлениях движущаяся, – и деятельность умовая по определениям ума. – И это жизнь, но не настоящая. Сердца тут нет, и ему оставляется возможность настраиваться своим образом независимо от умствований. Шевелится и оно под впечатлениями от умовых представлений, но поверхностно, подобно тому, как поверхность вод шерховатится от легкого дыхания ветра. Как такого рода действие не проходит вглубь сердца, то его образование и строй идут своим чередом, – может быть, совсем не отвечающим умовым построениям.

158) Благодатные дары Божии разны, – и разные дары бывают разных степеней. Так и в естественном порядке: кто к живописи, кто к музыке, кто к ваянию, кто к другому чему является наиболее способным; и в каждом роде способности сии в разных обнаруживаются степенях. Сколько, например, видим способных к живописи; но иной посредствен, другой очень хорош, третий превосходен. И все они, не исключая и последних, бывают еще только подражателями. Выше их – оригиналы. Так и в духовной жизни. Молитва, например, есть дар; но молитвенники являются стоящими на разных степенях молитвы. Так бывает и в деле веры, и в трудах благотворительности, и в подвигах самоотвержения, и во всем. Надо полагать, что это зависит от самого человека. Бог же щедр и готов ущедрять всех без различия, сколько кто вмещает, или сколько кто велику успевает образовать в себе вместимость. – Тут однако ж тайны Божия промышления о всех и о каждом. Ибо все от Бога и природное, а не одно благодатное.

159) *Отец мой доселе делает и Аз делаю*, сказал Господь, – конечно, и Дух Святый делает нераздельно с Ними. – Что делают? Ведут мир к последнему его назначению, единому триипостасному Богу ведомому. Как? Посредством дел, назначенных каждой твари. Твари вызываются к бытию, чтоб каждая в своем месте и в свое время сделала свое определенное дело. Деланием каждою тварью своего дела мир движется к своему назначению. Подобие сему оркестр духовной музыки. Разумным тварям надлежит сие сознать, – и всеусердно делать, что кому подобает в своем ему кругу.

160) Последним концом движения мира можно признать одухотворение его в разумных тварях нравственным порядком, а в прочих – иным неким. Повод так думать подает св. Павел, говоря, что тело наше в будущем веке будет не только нетленно, но некако душевно и даже духовно. Как оно и тогда не будет обособлено от всего концерта бытия, но будет состоять в существенной со всем связь; то надобно заключить, что все будет соображено с ним, то есть не онетленено только, но и одухотворено. – Сие одухотворение мы видим содевающимся в разумных тварях в силу воплощенного домостроительства. Но надо полагать, что оно, в силу того же домостроительства, содевается также и в мире вещественном, – только невидимо; полагать надо так, по беспредельной великолести воплощенного домостроительства. Но в конце мира сие невидимое явится видимо, – и все будет одухотворено. Не это ли значит: *будет небо ново и земля нова*. Этот их вид, что теперь, и состарится и исчезнет.

161) Поелику первое Божие о человеке определение есть, чтоб он был в живом союзе с Богом, а союз сей выражается, когда кто умом и сердцем живет в Боге, то коль скоро кто стремится к такой жизни и тем паче делается причастным ее в какой-либо мере, о том надо говорить, что он исполняет задачу жизни, для которой введен в течение бытия. – Да сознает сие трудящийся в сем роде жизни и да не смущается, что не делает явно каких-либо дел, особенно важных. Это одно совмещает все дела.

162) Триипостасный Бог ведет мир к последнему назначению. Как неотложное условие законченности миробытия есть спасение людей; то все попечение Божие на это теперь и устремлено. Только и заботы у Него, чтоб грешных обращать, и обращенных очищать и одухотворять. Для сего все воплощенное домостроительство, для сего ангелы и святые, все силы направлены на это, и все непрерывно действуют в сем роде по Божию мановению. А все – не все спасаются. – Оттого, что Бог никого не неволит. Болящих же какой процент бывает, всякий может судить по процентам, в каких являются совершенные во всех родах.

